
3 1761 07037893 0

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/istoricheskaiapo00drah

07383 64

* * *

is is an authorized facsimile of the original book, and
s produced in 1971 by microfilm-xerography by University
crofilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

* * *

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ

М. Драгоманова.

ЖЕНЕВА
ТИПОГРАФІЯ «РАБОТНИКА» И «ГРОМАДЫ»
1881

(Отпечатки изъ „Вольнаго Слова“
пересмотрѣнные и дополненные)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША
и
ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

Наступила чорна хмара, настала
шче ј синъа:
Була Польшча, була Польшча,
та стала ј Россія...
Изъ украинск. народн. пѣсни.

I.

Настоящее революціонное и вообще оппозиціонное движеніе въ Россіи напоминаетъ то, котораго мы были свидѣтелями въ 1860—1863 гг., хотя, конечно, представляетъ и крупныя различія. Какъ тогда, такъ и теперь, главнѣйшіе вопросы, которые занимаютъ мыслящихъ людей въ странѣ, — это вопросы соціально-экономическіе. Но такъ какъ опытъ доказываетъ и теперь, какъ доказывалъ это въ шестидесятые годы, когда главнымъ вопросомъ было дѣло осво-

божденія крестьянъ, что самодержавный царь съ своими еще болѣе самодержавными чиновниками не можетъ рѣшить хоть сколько нибудь удовлетворительно насущныхъ вопросовъ страны, то сама собою передъ мыслящими людьми ставится задача—перемѣны политическаго устройства государства такимъ образомъ, чтобъ страна сама могла управляться съ своими дѣлами. Кромѣ того подобной перемѣны требуютъ самыя элементарныя потребности личности: личной неприкосновенности, свободы совѣсти, національности и т. п. интересы, ежедневно нарушаемые властями, стоящими внѣ контроля населенія.

Но кто помнитъ 60-е годы, тотъ, конечно, не забылъ, какое живое участіе принималъ въ тогдашнемъ оппозиціонномъ движеніи элементъ польскій въ Россіи и заграницей. Поляки тогда готовились къ своей революціи,—а потому всячески торопили революціонную вспышку и въ остальной Россіи. Теперь не то: Варшава почти спокойна. Если и въ ней происходятъ аресты соціалистовъ, то происходятъ какъ то въ тихомолку. Широкая публика даже не знаетъ, за что тамъ арестовываютъ людей, тѣмъ

болѣе, что догадливое правительство избѣгаетъ дѣлать судебные процессы польскимъ соціалистамъ, а расправляется съ ними административнымъ порядкомъ. Польская заграничная печать или молчитъ объ этихъ арестахъ, или сообщаетъ о нихъ краткія свѣдѣнія, по которымъ нельзя составить себѣ яснаго понятія объ оттѣнкахъ политическихъ мнѣній тѣхъ поляковъ, которые навлекли на себя административныя преслѣдованія царскаго правительства. Эмиграціонный соціалистическій органъ польскій, который было началъ выходить нѣсколько времени тому назадъ въ Швейцаріи, выражалъ, конечно, нѣсколько разъ сочувствіе „русскимъ революціонерамъ", но не высказался ясно относительно послѣдняго, явно политическаго, направленія принятаго наиболѣе дѣятельными изъ „русскихъ революціонеровъ". Еще болѣе темнымъ остается отношеніе польскихъ соціалистическихъ круговъ, даже такихъ, которые имѣютъ случай высказываться печатно, къ политическому, и неизбѣжно и національному, вопросу въ Польшѣ. Нѣсколько голосовъ, какіе можно видѣть въ брошюрахъ г. Болеслава Лимановскаго („Sozyalizm jako koneczny ob-

jaw dziejowego roswoju" и „Patriotyzm i Socialyzm"), а также въ газетѣ „Równość", довольно абстрактны и несовсѣмъ ясны, а часто и противорѣчивы даже на страницахъ одного и того же изданія.

Можно сказать, что поляки,—какъ поляки, —не только не принимаютъ активнаго участія въ теперешнемъ политическомъ движеніи въ Россіи, но и не составили себѣ опредѣленнаго мнѣнія о томъ, какъ отнестись къ этому движенію.

Съ другой стороны, читая заявленія представителей этого движенія (газеты: „Земля и Воля", „Народная Воля", прокламаціи „исполнительнаго комитета"), мы понимаемъ, что полякамъ трудновато иначе и относиться къ нему, какъ сдержанно, — не зависимо даже отъ той или другой частной формы, которую оно принимаетъ по временамъ. Полякамъ трудно выбрать себѣ мѣсто въ этомъ движеніи, — которое носитъ на себѣ слишкомъ исключительный, „русскій", харектеръ. Само собою разумѣется, что время отъ времени русскіе революціонеры произносятъ въ своихъ заявленіяхъ слова сочувствія „несчастной Польшѣ" или „своимъ польскимъ братьямъ", — но слова эти сдѣлались общимъ

мѣстомъ всякой революціонной группы въ Европѣ, — и „русскими“ революціонерами послѣдняго времени произносятся столь абстрактнымъ образомъ, что, собственно говоря, теряютъ всякое реальное значеніе. Правда также, что послѣднія печатныя программы „русскихъ“ революціонеровъ обѣщаютъ самоуправленіе каждой мѣстности, хотя на счетъ національныхъ правъ говорятъ все таки темно. Но вообще эти программы говорятъ исключительно отъ имени „русскаго“ народа, объ „русскомъ“ народѣ, — и изъ немногихъ частныхъ объясненій, которыя проскальзываютъ въ этихъ программахъ и заявленіяхъ органовъ „русскихъ революціонеровъ“, напр. изъ ссылокъ на исторію, народный бытъ и его учрежденія и преданія, — оказывается, что подъ словомъ „русскій“ народъ они разумѣютъ, какъ это обыкновенно и бываетъ въ разговорномъ языкѣ, — народъ великорусскій, хотя страннымъ образомъ, они тутъ же насчитываютъ то 70, то 80, то 90 мильоновъ этого „русскаго“ народа, вмѣсто 40, каковые находятся въ дѣйствительности. Можно предположить, что „русскіе“ революціонеры разумѣютъ въ послѣднемъ случаѣ всѣхъ гражданъ (поддан-

ныхъ) Россіи, называемой иначе „русскимъ“ государствомъ, хотя въ этомъ случаѣ уже не можетъ быть мѣста ссылкамъ на народныя преданія, бытъ, учрежденія и исторію, — вещи, которыя у разныхъ народовъ Россіи разныя. Но дѣло въ томъ, что есть народы, которыхъ самая принадлежность къ Россіи, — а тѣмъ болѣе выражаемая словомъ „русское“, великорусское, государство,—сопровождается нарушеніемъ ихъ интересовъ, столь вопіющимъ, что одно уже напоминаніе объ этой принадлежности вызываетъ у нихъ болѣзненное чувство. Народы эти могли бы отказаться отъ желанія вырваться изъ стѣнъ этого государства только тогда, если бы имъ предложена была возможность такого преобразованія этого государства, при которомъ всѣ существенные интересы ихъ нравственной и матеріальной жизни были бы вполнѣ обезпечены. Само собою, что въ такомъ случаѣ они бы принесли съ своей стороны и всѣ возможныя пожертвованія, чтобъ и отъ себя помочь достиженію такого преобразованія „русскаго“ государства.

По видимому теперешніе „русскіе“ революціонеры и предполагаютъ подобное преобразованіе, когда обращаются къ восьми-

десятимильонному русскому народу. И если бы исходъ дѣла зависѣлъ отъ доброй воли обращающихся лицъ, — людей, сколько извѣстно, чуждыхъ всякаго честолюбія и національныхъ предразсудковъ,— то отъ торжества ихъ надъ „русскимъ" же правительствомъ эти восемьдесятъ мильоновъ „русскихъ" могли бы ожидать всякаго счастія, въ томъ числѣ и областной, и національной независимости. Но бѣда въ томъ, что ходъ исторіи мало зависитъ отъ добрыхъ чувствъ отдѣльныхъ личностей и что даже исходъ революцій мало зависитъ отъ чувствъ и расчетовъ ихъ инициаторовъ, — и даже болѣе: по большей части завтрашнее поведеніе самыхъ политическихъ дѣятелей не зависитъ отъ ихъ сегодняшнихъ обѣщаній, такъ какъ, даже при полной ихъ личной честности, они могутъ быть увлечены совсѣмъ на неожиданный путь обстоятельствами, желаніемъ овладѣть ими, наконецъ интересами и привычками тѣхъ сферъ, изъ которыхъ вышли эти дѣятели и на которыя они должны по необходимости опираться и т. д.

„Исполнительный комитетъ", который побѣдилъ до сихъ поръ личность императо-

ра Александра II, хотя еще не побѣдилъ самодержавія въ русскомъ государствѣ, ставитъ ближайшею цѣлью переворота въ Россіи созывъ „учредительнаго собранія", избраннаго поголовною подачею голосовъ. Но мы уже знаемъ изъ исторіи Франціи, что центральныя представительныя собранія не ведутъ за собою непремѣнно даже личной политической свободы, не говоря уже о неприкосновенности негосударственныхъ національностей или объ областномъ самоуправленіи. Примѣръ Германіи показываетъ намъ прогрессистовъ и республиканцевъ 1848 г. отвергающихъ „отдѣльное положеніе" польской Познани и вотирующихъ включеніе ея въ нѣмецкую имперію и слѣдовательно предоставленіе ея политикѣ германизаціи. *)

*) Даже соціалисты нѣмецкіе партіи Либкнахта,— которые примирились съ мыслью, что поляки могутъ имѣть равныя права съ нѣмцами, не поднялись еще до признанія подобныхъ правъ и за другими славянами и въ послѣднюю войну кричали о необходимисти „поставить (въ Австріи) нѣмецкую плотину для остановки славянской волны". (См. Либкнехта — Zur orientalischen Frage, oder soll Europa kosakisch werden и пр.). О томъ, какъ Лассаль говоритъ противъ національныхъ правъ малыхъ націй и противъ федерализма, см. Brierfe von Lassale an C. Rodbertus-Jagetzow, 56—57.

Въ Австріи мы видимъ, какъ цѣлые народы отказываются посылать депутатовъ въ центральный парламентъ, пока не будетъ обезпечена неприкосновенность ихъ національности и мѣстное самоуправленіе, которыя могутъ быть затерты извѣстнымъ составомъ центральнаго парламента. Повсюду мы видимъ примѣры политиковъ, которые начинали свою карьеру радикальнымъ направленіемъ и даже баррикадами и которые становились деспотами, спасая „единство государства", необходимое, какъ имъ казалось, для огражденія „свободы и прогресса" отъ поползновеній „сепаратизма", по ихъ мнѣнію, символа „реакціи". Мы не видимъ причины, почему бы не повториться всему этому и въ Россіи, если только отмѣна царскаго самодержавія не будетъ сопровождаться широкой мѣстной свободой и серьозными гарантіями для неприкосновенности національностей, — что невозможно, если самая борьба противъ теперешняго политическаго строя не будетъ устроена на федеративномъ началѣ, т. е. на отрицаніи „единства Россіи" или „единства русскаго народа".

Но объ этомъ послѣднемъ „русскіе революціонеры", кажется, мало думали,—а цент-

ралистическая терминологія ихъ прокламацій („русскій народъ“ вмѣсто „народы Россіи“) заставляетъ думать, что не совсѣмъ неправы были иностранныя газеты, (въ томъ числѣ благопріятная русской революціи газета г. Рошфора) которыя говорили, что „исполнительный комитетъ“ старается о сохраненіи за собою „русскаго“ національнаго характера. А между тѣмъ именно эта великорусская исключительность „исполнительнаго комитета“, намѣренная, или нѣтъ, — но вдвойнѣ странная, при преобладаніи среди членовъ его украинцевъ и евреевъ по происхожденію, и есть одна изъ причинъ поверхностности его вліянія на массы населеній Россіи: массы великорусскія, по развитому въ нихъ 500 лѣтнею исторіею поклоненію царю, не сочувствуютъ борьбѣ русскихъ революціонеровъ именно съ царемъ;—не великорусскіе же народы революціонеры не сумѣли заинтересовать въ этой борьбѣ. Понятно, почему поляки, которые до сихъ поръ желали не преобразованія Россіи въ интересахъ ихъ народности, а полнаго отдѣленія отъ Россіи,—съ сохраненіемъ Романова польскимъ королемъ, или же безъ онаго, — теперь не могутъ принимать близко къ серд-

цу движеніе, которое не идетъ открыто противъ единства Россіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ поляки не выступаютъ и съ прежней своей программой отдѣленія отъ Россіи. Такимъ образомъ можно сказать, что „русскіе“ революціонеры не имѣютъ ясной программы касательно нерусскихъ областей, въ томъ числѣ и Польши,—а поляки не имѣютъ ясной программы касательно теперешняго кризиса въ Россіи,—а это обстоятельство, отнимая возможность дружнаго дѣйствія всѣхъ элементовъ противныхъ русскому самодержавію, — не можетъ не быть благопріятно для продленія дней этого послѣдняго.

Впрочемъ эта безпрограмность или неимѣніе программы, отвѣчающей реальному положенію вещей, составляетъ давнюю особенность польско-великорусскихъ отношеній. Эти обстоятельства въ значительной степени способствовали самому развитію централизаціи и деспотизма въ области великорусской и превращенію ея въ центръ деспотической Россійской имперіи,—а за тѣмъ способствовали развитію и сохраненію царской диктатуры и чиновническаго деспотизма въ этой имперіи. Эти же обстоятельства

спасли деспотизмъ и централизацію и въ шестидесятые годы, — обусловивъ собою крупныя ошибки польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ 1860—1863 гг.

Мы постараемся доказать это краткимъ обзоромъ польско-московскихъ отношеній въ старыя времена и болѣе подробнымъ обзоромъ отношеній польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ эпоху къ намъ ближайшую, — чтобъ подъ конецъ вывести заключеніе, логически вытекающее изъ уроковъ исторіи и могущее, по нашему мнѣнію, служить практическимъ наставленіемъ для дѣятельности въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ.

II.

Исторія каждаго народа обусловливается географіей страны, какую онъ занимаетъ, или иначе почвою, на какой онъ живетъ. Счастливы тѣ народы, которымъ довелось занять земли удобныя и, такъ сказать, удобопонятныя, т. е. такія, свойства и отношенія которыхъ легко понимаемы даже и тогда, когда народъ еще находится на невысокой степени развитія. Но бѣда тому

народу, которому доведется жить въ странѣ, географическія свойства которой увлекаютъ его въ отношенія сложныя, справиться съ которыми можно только при высокомъ уровнѣ нравственномъ: при тонкости пониманія, настойчивости и послѣдовательности. Такія весьма „трудныя“ страны достались почти всѣмъ славянамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ, которые занимаютъ великую Восточную равнину Европы съ ея продолженіемъ на Западѣ до нижней Эльбы: т. е. полякамъ, бѣлоруссамъ, украинцамъ и великоруссамъ. Равнинный характеръ страны манитъ ея жителей къ распространенію въ ширь. Нитями собирательными служатъ только рѣки, но такъ какъ онѣ переплетены въ своихъ притокахъ, то бассейны ихъ легко переходятъ одинъ въ другой, — и рубежи народовъ, ихъ населяющихъ, перепутываются между собою.

Взглянувъ на карту рѣкъ, горъ и болотъ вышеупомянутой страны, не трудно замѣтить, что она распадается на естественныя области именно по рѣчнымъ бассейнамъ: Одера и Вислы, Нѣмана, З. Двины, Днѣпра съ Днѣстромъ, Ладожскаго озера и Волги. Десять-одинадцать вѣковъ тому назадъ мы

видимъ здѣсь соотвѣтственное распредѣленіе племенъ: поляки на Одерѣ и въ значительной части на Вислѣ, литовцы на Нѣманѣ, кривичи (бѣлоруссы) на верхнемъ Днѣпрѣ съ верхней же Двиною, поляне (украинцы) съ родичами своими на среднемъ Днѣпрѣ съ сосѣдними областями; въ ладожскомъ бассейнѣ, а также на верхней Окѣ сѣли славянскіе колонисты, которые, подвигаясь на югъ и на востокъ и смѣшиваясь съ разными финноалтайскими и туранскими племенами, образовали многочисленное племя великруссовъ. Линіи рѣкъ опредѣлили здѣсь и дороги международныхъ отношеній и ближайшіе племенные союзы: таковы: a) линія Невско-Волжская,—Новгородско-Болгарская,—теперь Петербуржско-Астраханская, b и c) Двинско и Нѣманско-Днѣпровская, — теперь Рижско и Кенигсберско-Кіевская, — d и e) Висло и Одеро-Днѣпровско-Днѣстровская, — теперь Данцигъ - Штетинъ - Варшава, Краковъ, Львовъ, Одесса, съ вѣтвію черезъ Брестъ, Пинскъ къ Кіеву и продолженіемъ на Галацъ. Уже находки новоперсидскихъ, арабскихъ, греческихъ, франкскихъ и англосаксонскихъ монетъ въ разныхъ этихъ областяхъ опредѣляютъ раздѣленія и связи

этихъ бассейновъ между собою, — бассейновъ: великорусско-азіатскаго, литовско-бѣлорусско-украинскаго и польско-украинскаго съ присоединеніемъ теперь румынской области Прута.

Но почти въ каждомъ изъ этихъ рѣчныхъ бассейновъ и по каждой изъ этихъ междурѣчныхъ линій, природа помѣстила — по одному по два условія пертурбаціи отношеній. Такъ, начиная отъ колѣна Нѣмана, примѣрно отъ Гродна, по линіи на Торунь по Вислѣ и далѣе по теченію Нетцы она помѣстила рядъ нѣкогда почти непроходимыхъ болотъ и мелкихъ озеръ, которыя отдѣляли поляковъ собственной польской равнины отъ ихъ Поморскихъ братьевъ на столько, что политическій союзъ ихъ между собою почти никогда не существовалъ сколько нибудь прочно. Поморяне находились въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ по морю и по сушѣ съ западомъ, чѣмъ съ единоплеменнымъ имъ югомъ, — и за тѣмъ были подчинены съ этого запада нѣмецкому вторженію, которое превратило ихъ въ „Померанцевъ" и лишило польское племя Балтійскаго моря между Одеромъ и Вислой. На востокъ отъ устья Вислы такія же, если не худшія, болота

совсѣмъ не пускали польской колонизаціи къ морю, а предоставили заболотную страну колонизаціи по-нѣманскихъ (по-руськихъ. Нѣманъ=Русь) литовцевъ, пруссовъ, которыхъ тщетно силились одолѣть первые польскіе короли и князья верхне и средневислянскаго округа. Желаніе сломить здѣсь литовцевъ, усиленное католическою политикою, заставило этихъ польскихъ князей пригласить сюда нѣмцевъ же, — которые положили на литовской землѣ зерно государства, со временемъ сломавшаго саму Польшу. Распространяясь дальше по поморью, нѣмцы захватили и Ригу, на устьѣ рѣки, которая течетъ долго въ бѣлорусской области, но потомъ, перешедши тоже линію болотъ и мелкихъ озеръ, втекаетъ въ область литовскую же (латышей). Соперничество полоцкихъ бѣлоруссовъ съ латышами и латышей съ эстами, какъ и соперничество поляковъ и литовцевъ, — помогаетъ утвержденію пришлыхъ нѣмцевъ ъна всем южномъ берегу балтійскаго моря, во всѣхъ пунктахъ, которые составляютъ исходныя точки великихъ между—бассейныхъ коммуникаціонныхъ линій: въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Ригѣ. Международныя отношенія на балтійскомъ побережьѣ такимъ образомъ

слишкомъ усложнились, къ явной невыгодѣ поляковъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ,—требуя отъ нихъ, для своего улаживанья, слишкомъ большихъ нравственныхъ рессурсовъ.

Нелегкія условія оказались и на южныхъ концахъ вышеупомянутыхъ линій, по берегу Чернаго моря. Тутъ полоса степей, все распространяющаяся по направленію къ востоку, привлекаетъ съ востока кочевниковъ, которые нѣсколько разъ отрѣзываютъ украинскую колонизацію отъ Чернаго моря и по временамъ почти уничтожаютъ великое международноезначеніе Днѣпра, едва сохраняя транзитную линію отъ Данцига на Варшаву, Галичъ (или Львовъ), Галацъ, которую и стремятся поляки отобрать у украинцевъ, ослабленныхъ натискомъ кочевниковъ.

Такимъ образомъ географическо-историческія условія странъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями вели къ тому, что народы тамошніе, будучи отталкиваемы отъ морскихъ береговъ, должны были наталкиваться одинъ на другой къ явной своей невыгодѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что оттираемые съ запада нѣмцами поляки еще въ X—XI в. напираютъ на украинскую Галицію, а оттираемые отъ черноморскихъ степей

волыпцы въ XII—XIII ст. ведутъ истребительную войну съ нѣманскими ятвягами и литовцами, на которыхъ въ свою очередь напираютъ и поляки. Но окончательно бѣдственнымъ для всѣхъ оказывается этотъ взаимный напоръ народовъ въ Днѣпровско-Нѣманско-Вислянской области послѣ того, какъ поляки окончательно теряютъ передъ нѣмцами Поморье и область Одера и начинаютъ рѣшительно искать себѣ вознагражденія на Востокѣ, т. е. съ половины XIV в.

А между тѣмъ временно на восточной европейской равнинѣ были установлены отношенія между племенами, довольно выгодныя для нихъ самихъ и для цивилизаціи вообще. Съ XIII в. установились тѣсныя федеративныя связи между нѣманскими литовцами и двинско-днѣпровскими бѣлоруссами; въ XIV в. въ этотъ союзъ входятъ и припетско-днѣпровскіе и деснянскіе украинцы, — и союзное государство Гедиминовичей успѣваетъ отбить отъ татаръ бугско днѣпровскую Подолію и довести славянскую колонизацію до самаго Чернаго моря, — до земли старыхъ тиверцевъ и улучей, гдѣ въ началѣ XV в. является гавань Ходжибей, (нынѣшняя Одесса), которая уже тогда

посылаетъ хлѣбъ въ Византію. Тѣмъ часомъ оживляются итальянскія колоніи на Черномъ морѣ, въ то время какъ на Балтійскомъ находится въ полномъ цвѣту союзъ городовъ ганзейскихъ, который черезъ Ригу входитъ въ тѣсную связь съ городами бѣлорусскими.

Обширная, съ значительнымъ развитіемъ довольно свободной городской жизни, держава Гедиминовичей даетъ собою образецъ культурнаго бѣлорусско украинскаго государства съ довольно естественными границами (бассейны Нѣмана, Двины и Днѣпра) и представляетъ опору для болѣе свободныхъ или болѣе культурныхъ элементовъ и великороссійской области (Рязани, Твери, Новгорода), угрожаемыхъ Москвою, которую московскій ученый (проф. Буслаевъ) назвалъ полудикимъ, полутатарскимъ военнымъ лагеремъ. Просуществуй подобныя отношенія два-три столѣтія и вся судьба Востока Европы была бы совсѣмъ иная, конечно, болѣе счастливая, чѣмъ теперь. Но равновѣсіе было нарушено движеніемъ на Востокъ Польши, а также захватомъ береговъ Чернаго моря турками. Послѣднее имѣло значительное вліяніе на окончательное утвержденіе такъ называемой уніи Литвы съ

Польшей въ 1569 г. Эту унію и до сихъ почти всѣ польскіе историки и политики зовутъ братскимъ союзомъ трехъ народовъ (Польши, Литвы и Руси). Между тѣмъ собственно въ одной тогдашней Литвѣ было три народа (литовцы, бѣлоруссы, неправильно называемые Литвой, и украинцы, или „Русь"). Но что еще важнѣе, — унія 1569 г. была собственно раздѣломъ федераціи, основанной Гедиминовичами, и подчиненіемъ южной, украинской, части ея Польшѣ, — такъ какъ за Литвою,—которой сохранены были нѣкоторыя, второстепенныя автономныя права, оставлены были только собственно — литовскія и бѣлорусскія области, — а Украйна-Русь (Волынь, Кіевъ и Черниговъ) были прямо присоединены къ числу мало-польскихъ воеводствъ безъ всякой цѣльной областной, или національной автономіи и цѣльнаго представительства. За злополучною уніею политическою 1569 г. послѣдовала не менѣе злополучная унія церковная 1596 г.

Совокупность этихъ уній показала, что тогдашніе польскіе политики взяли на себя, —сознательно, или нѣтъ,—задачу, которая была совсѣмъ не по силамъ Польшѣ. Во первыхъ, поставивъ столь обширный край

въ зависимость отъ польской короны, а южныя области даже въ прямое ей подчиненіе, они брались удовлетворить всѣмъ политическимъ нуждамъ края, начиная отъ внѣшней его защиты, — главнымъ образомъ отъ Турціи. Во вторыхъ Польша взялась распространить на край, котораго соціальный строй былъ совсѣмъ не похожъ на польскій, — свои соціальные порядки, признававшіе, внѣ городовъ, только два класса населенія: шляхту и подчиненное ей посполвство. На первыхъ порахъ литовская, особенно украинская, мелкая шляхта была довольна полученіемъ правъ польской шляхты, уравнивавшихъ ее юридически съ магнатами. Но на Украинѣ сложился новый классъ вооруженныхъ людей, казаки, которые пожелали и себѣ уравняться въ правахъ съ шляхтой. А за казаками и крестьянство, еще далеко не подчиненное панамъ, какъ въ Польшѣ, особенно въ близкихъ къ степямъ мѣстахъ, считало себя достойнымъ той же вольности. Польскому правительству пришлось или признать шляхетскія права за всѣмъ населеніемъ Украины, или же попробовать сразу подчинить громадную массу народа ничтожному меньшинству. Стефанъ Баторій по-

пробовалъ выдѣлить изъ массы казаковъ 6000 семействъ, дать имъ шляхетскія права, —а остальныхъ повернуть въ посполъство, —которое должно было подчиниться шляхтѣ. Но изъ этаго проэкта, который долго выставлялся и польскими, и русскими писателями, какъ благодѣтельное дарованіе правъ казакамъ, вышла только путаница: шляхта не признавала правъ новыхъ своихъ товарищей,— непопавшіе въ реестры казаки не хотѣли обращаться въ посполъство, а посполъство все хотѣло быть казаками, т. е. вольными и самоуправляющимися людьми. Отсюда рядъ казацко-польскихъ войнъ съ конца XVI до $^1/_2$ XVII ст.

Въ довершеніе всего, религіозная унія была явнымъ приступомъ не только къ окатоличенію, но и къ ополяченію мильоновъ бѣлоруссовъ и украинцевъ и какъ разъ въ то время, когда начатая въ городахъ (Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Острогѣ, Кіевѣ, и др.) правильная школьная наука, не чуждая и вліяній европейскаго вѣка возрожденія и реформаціи, пробудила въ мѣстномъ обществѣ,—особенно въ мѣщанскомъ,—сознаніе національное и традиціи національной независимости,—и когда значительная часть

населенія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи отпала прямо въ протестантство. Очевидно, что унія Бѣлоруссіи и Украины съ Польшей,—и то исключительно политическая, — могла бы удержаться только тогда, когда бы эта унія была дѣйствительно федеральною,—на сколько возможна была федерація уже шляхетской Польши съ еще разношерстно-феодальными Литвою и Бѣлоруссіей и довольно демократичной Украиною. Но польскіе политики хотѣли не федераціи, а ассимиляціи,—а потому приготовили распаденіе уніи, которое должно было увлечь къ гибели и самую Польшу, уже слишкомъ притянутую къ восточнымъ областямъ и оттянутую отъ болѣе естественныхъ ей союзовъ съ Силезіей, съ Чехіей и Венгріей,—гдѣ тѣмъ часомъ успѣлъ пустить корни нѣмецкій элементъ, который долженъ былъ возобновить наступленіе и на новую Польшу.

Какъ неизбѣжная реакція противъ непрактичной централистической программы Польши относительно Литвы, Бѣлоруссіи и Украины явилось центробѣжное стремленіе, — при чемъ династическія и церковныя традиціи, а также потребность въ союзникѣ, заставили центробѣжные элементы обратить

взоры на Москву. Уже при первомъ натискѣ Польши на Литву, Сѣверщина поколебалась и потянулась къ Москвѣ. Затѣмъ католическая политика Ягеллоновъ, хотя въ началѣ и слабая,—послужила для Ивана III, московскаго, предлогомъ придать характеръ крестоваго похода своей войнѣ съ Новгородомъ, когда этотъ послѣдній призвалъ себѣ князя изъ Литвы, между тѣмъ какъ въ XIV в. это дѣлали не разъ и Псковъ, и Новгородъ, не возбуждая ни въ комъ опасенія за неприкосновенность православія. Послѣ брестской уніи Москва явилась естественнымъ прибѣжищемъ надеждъ православной интеллигенціи, а дальше и казаковъ, и поспольства украинскаго и мѣщанъ бѣлорусскихъ. Переговоры съ Москвой о поступленіи всего „русскаго" народа подъ высокую царскую руку изъ подъ „польской неволи" начались за долго до Богдана Хмельницкаго и переяславской уніи 1654 г. Практически дѣло началось съ того, что на востокъ отъ границъ новой Польши, на порожнихъ и номинально принадлежащихъ Москвѣ земляхъ,—образовалась новая, Слободская Украйна, которая собственно привела въ непосредственное сосѣдство старую Украйну съ Московіей,—а

дальше и вся старая Украина рѣшила въ Переяславлѣ приступить „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“. Польша сама своею неумѣлостію подарила обширную провинцію своему будущему могущественному сопернику.

Но теперь наступила очередь неумѣлости за Москвою,—которая тоже не была въ состояніи иначе отнестись къ новымъ провинціямъ, какъ по своему шаблону. Польскіе политики прикладывали къ Бѣлоруссіи и Украйнѣ мѣрку шляхетской республики и католической административной нетерпимости; московскіе стали примѣнять къ нимъ аршинъ боярской монархіи и нетерпимости православно-обрядовой.

Людямъ, которые приходятъ въ восторгъ отъ „русскаго единства“, установленнаго московско-петербургскимъ царствомъ на развалинахъ Польши въ 1773—1795 гг. (хотя и съ потерею Галиціи), слѣдовало бы почаще думать, отчего это единство не установилось въ 1654—1657 гг., когда вся Украйна была въ возстаніи противъ Польши за Москву и когда бѣлорусскіе города до самой Вильны отворяли свои ворота московскому царю?—Не почему другому, какъ потому,

что Москва—была Москва и не могла себѣ представить иной жизни, кромѣ своей, московской. Начать съ того, что Москва, какъ теперь Россія, была всегда болѣе разбухшею, чѣмъ дѣйствительно-великою, внутренне-сильною державою. Къ ней всегда были примѣнимы слова представителей ея южныхъ провинцій, сказанныя на земскомъ соборѣ 1642 г.: „а разорены мы пуще (нежели отъ) турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ", — а потому она неспособна была къ большому финансовому напряженію, необходимому для того, чтобъ сразу покончить съ поднятымъ вопросомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ московскіе люди не въ состояніи были сойтись съ людьми, которымъ они должны были помогать освободиться отъ чужой державы, напр. нѣкогда Польши, потомъ Турціи. Какъ тупоголовы были московскіе политики въ моментъ, когда Украйна обращалась къ ихъ „союзу и протекціи", видно изъ того манифеста, съ которымъ обратился Алексѣй Михайловичъ къ православнымъ жителямъ Польши и Литвы, вступая въ ихъ предѣлы въ 1654 г.: „и вы бы, православные христіане, освобо-

дились отъ злыхъ (отъ зла, „нечестія“ церковнаго), въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то доброе дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раздѣленіе съ Поляками сотворите, какъ вѣрою, такъ и чиномъ (наружностью), *хохлы, которые у васъ на головахъ постригите„.* *) При такой обрядовой тупости, которую повторяютъ и на нашихъ глазахъ московскіе лже-славянофилы, гдѣ же было москвичамъ, не говоримъ уже понять мѣстные политическіе и культурные интересы присоединявшихся къ нимъ народовъ, но попросту ужиться съ ними въ ежедневной жизни. И дѣйствительно, едва сошлось московское войско съ украинскими казаками, какъ мы встрѣчаемъ жалобы послѣднихъ на то, что москвичи имъ рѣжутъ „хохлы“ и всячески издѣваются надъ ними. Прибавьте къ этому холопско-монархическія понятія, по которымъ московскій посолъ

---

*) Соловьевъ. Ист. Россіи, X, 318. О возможности привлечь на свою сторону и протестантовъ въ Москвѣ и недумали, а между тѣмъ литовскіе и бѣлорусскіе протестанты еще въ XVI в. заключили союзы съ православными противъ католической политики.

Кунаковъ огорчился, и въ чужѣ, какъ это смѣлъ Богданъ Хмельницкій отвѣтить королю по просту *„гаразд, кролю, мовиш“*,— и при этомъ „вѣжества и учтивости никакія велловесне и ни въ чомъ не учинилъ,“—*) холопско монархическія привычки, которыя тѣмъ паче должны были возмущаться, когда уже поддавшіеся „православному царю“ украинцы смѣли называть себя „вольными“, а не „вѣчными“ подданными царя.**) Прибавьте къ такимъ холопскимъ понятіямъ естественное ихъ дополненіе—нахальство ближайшаго къ царю холопа, которое заставило воеводу Хитрова говорить казакамъ объ ихъ выборномъ человѣкѣ: „онъ, вашъ полковникъ (непечатныя слова). Я су тутъ отъ государя посланъ болей всѣхъ, а вы (непечатное слово) всѣ подчерти!“ ***) Вспомните также неизбѣжное въ деспотіяхъ отношеніе чиновника къ странѣ, которой ему поручено управлять, отношеніе, по которому воевода кн. Борятинскій говорилъ: „ѣхать де мнѣ вскорѣ къ Москвѣ; послѣ де мене въ Кіевѣ, хотя и

*) Акты отн. къ ист. Зап. и Южн. Россіи, III, стр. 397.

**) Тамже, IV, стр 96.

***) Акты Зап и Южн. Росс. VI, № 47.

трава не рости“. *) — Сообразите все это, и вы поймете, почему не могло состояться во времена Богдана Хмельницкаго „единство русское“,—и почему уже черезъ четыре-пять лѣтъ послѣ приступа Украйны „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“ сербъ Крижаничъ засталъ у украинцевъ сильную „политичную ересь, что жить подъ преславнымъ царствомъ московскимъ горше турецкой муки и египетской работы“, **) —и почему, не успѣлъ еще окончиться споръ между Москвою и Польшею за обладанье Поднѣпровьемъ, какъ среди самаго поднѣпровскаго населенія явились партіи, которыя предпочитали православной Москвѣ даже уже испытанную Польшу, или мусульманскую Турцію.

Украинскіе историки не щадятъ своихъ предковъ, выставляя аристократическія идеи у казацкихъ либераловъ и федералистовъ отъ Виговскаго до Мазепы,— но не уравновѣшивая (благодаря цензурѣ) эти недостатки антимосковскихъ партій яркимъ изображеніемъ прелестей московской политики и

*) Акты Зап. и Южн. Росс., VI, № 111.
**) Солов., XI, 70—71.

ея предательства относительно Запорожья и черни, поддержавшихъ Москву изъ ненависти къ панству, хотя бы и либеральному. Московскіе же историки съ удовольствіемъ подхватываютъ обличенія демократовъ противъ „измѣнниковъ“ Москвѣ, но не считаютъ нужнымъ примѣнять и къ послѣдней какого бы то ни было логическаго критеріума: у нихъ все дурно, что идетъ противъ царя и централизаціи, и все хорошо, что изъ нея исходитъ,—а потому во всей крови, пролитой отъ смерти Богдана Хмельницкаго до паденія Мазепы, у нихъ выходятъ виноваты только украинцы, особенно привыкшіе къ „шатости“ и буйству казаки. Но въ тогдашней драмѣ участвовалъ еще одинъ элементъ, котораго почему то не принимаютъ во вниманіе, хотя факты о немъ можно найти и у адвоката Москвы, С. М. Соловьева. Элементъ этотъ—бѣлорусскіе мѣщане, —не военные люди, не бунтари по промыслу, — а люди труда, а если хотите, то и капитала, люди и не безъ школьной науки. Бѣлорусскіе города сначала охотно переходили на сторону Москвы, при чемъ порознь заключали съ нею договоры, подобные тѣмъ, какіе заключали украинскіе ка-

заки разомъ за всю Украйну. Такъ напр. жители города Могилева въ 1654 г. выговорили себѣ: волю по прежнему управляться по магдебургскому праву, носить одежду по прежнему, не ходить на войну, не быть выселяемымъ въ другіе города, освобожденіе отъ военныхъ постоевъ, выборъ своихъ шаферовъ для завѣдыванія приходами и расходами въ городѣ, держаніе школъ по образцу кіевскому и т. п. (Соловьевъ, Ист. Россіи, X, 321). Подобныя условія были заключены и другими бѣлорусскими городами. И что же? — прошелъ всего годъ, — и бѣлоруссы говорили, что они „вмѣсто лучшаго въ пущую неволю попали“: города стали „измѣнять“ одинъ за другимъ, — а могилевцы устроили настоящую Сицилійскую Вечерню, перебивъ въ 1661 г. семитысячный московскій гарнизонъ (за что въ 1708 г. Петръ Великій, — который было сначала самъ сказалъ могилевскому войту, что „тогда Москва дурна была“, — отмстилъ городу, приказавъ своимъ солдатамъ, татарамъ и калмыкамъ зажечь его съ четырехъ концовъ). *)

*) Безкорниловичъ. Истор. свѣд. о примѣч. мѣст. въ Бѣлоруссіи, 160, 166—170.

Крестьяне бѣлорусскіе въ свою очередь сначала охотно возставали противъ Польши, такъ что поляки-современники жаловались, что „мужики очень имъ враждебны; вездѣ на царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; надобно опасаться чего нибудь въ родѣ казацкой войны“. И дѣйствительно скоро цѣлые уѣзды въ Могилевскомъ воеводствѣ „покозачѣли“. Но московское правительство, въ расчетѣ на то, что оно завладѣетъ краемъ, предпочитало имѣть дѣло съ неорганизованными и безправными хлопами, чѣмъ съ казаками, и потому само остановило развитіе казачества въ Бѣлоруссіи, ссылаясь на то, что по старымъ польскимъ правамъ и договорамъ здѣсь не положено было быть казакамъ.

И такъ значитъ, не одни буйные и своевольные украинскіе казаки не могли ужиться съ московскимъ „порядкомъ“ — и вовсе не одна „шатость“ украинскихъ людей, а и деспотизмъ и безъдейность Москвы были причиною, почему она не могла совершить въ XVII в. „раздѣла Польши“, который, будучи собственно только ампутаціей отъ Польши не польскихъ земель, которыми она оказалась не въ состояніи управлять, быть мо-

жетъ, спасъ бы самостоятельное существованіе остальныхъ, чисто-польскихъ земель. Разъ оказавшись не въ состояніи удержать за собою симпатіи населеній Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны, московскіе политики должны были вступить въ переговоры съ польскими о томъ, какъ бы хоть подѣлиться ими, да при этомъ съобща укротить не поддающійся безусловно ни Польшѣ, ни Москвѣ казацкій элементъ.

Оба государства заключили наконецъ въ 1667 г. договоръ, по которому Москва отказалась отъ Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, чтобъ вѣрнѣе управиться съ Украйной Лѣвобочной. Этотъ договоръ, котораго первымъ послѣдствіемъ было обращеніе Правобочной Украйны подъ покровительство Турціи, вскорѣ былъ дополненъ геніально-нелѣпыми договорами съ Турціей и Польшей, по которымъ половина Правобочной Украйны (почти вся теперешняя Кіевская губернія и часть Подольской) была осуждена оставаться пустынею между тремя державами, чтобъ каждая изъ нихъ могла управляться съ остальными своими владѣніями, не будучи безпокоима непокорными казаками. Этотъ „раздѣлъ" Украйны былъ смертнымъ уда-

ромъ ея самостоятельному развитію, на которое налегли Польша, Москва и Турція, каждая по своему. Украинскіе подданные каждой державы рвались отъ нихъ и поневолѣ обращали взоры къ сосѣднему государству, — какъ напр. правобочный герой Палій, который тянулъ къ Москвѣ, въ то время, когда лѣвобочный гетманъ Мазепа тянулъ къ Польшѣ. Украинская интеллигенцѣя, сокращавшаяся подъ ударами невѣжествi, на которое была осуждена страна, лишаемая школъ опустошеніемъ и политическою централизаціею,*) а также подъ вліяніемъ денаціонализаціи высшихъ классовъ, все болѣе теряла цѣлостность національно-политическаго идеала, — въ то время, какъ массы народа подпадали господству крѣпостнаго права польскаго, а потомъ и московскаго. Національность украинская замерла до самаго XIX в., когда она была открыта горстью поэтовъ и ученыхъ, да и они получили себѣ точку опоры только послѣ освобожденія крестьянъ въ Галиціи и Буковинѣ въ 1848 г., а въ остальной, большей части

*) Школы не переставали заботить козаковъ украинскихъ, какъ видно и изъ договоровъ гетмановъ Виговскаго (1658), Дорошенка (1679), Орлика (1710).

Украйны, только въ 1861 г. Что касается до Бѣлоруссіи, то здѣсь московско-польско-шведскія войны совершенно опустошили города и между прочимъ истребили наиболѣе культурный, протестантскій элементъ, —который преслѣдовала московская оккупація при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ и при Иванѣ IV, — такъ что правительству польскому, которое получило обратно этотъ край, легко было заселить города его евреями, а протестантскія (городскія) школы и учрежденія замѣнить іезуитскими (панским) и такимъ образомъ обратить бѣлорусскую націю исключительно въ жителей разбросанныхъ среди лѣсовъ деревень.

Польское государство, хоть и лишалось Лѣвобережной Украйны и Кіева, — но могло торжествовать, что отдѣлалось дешево отъ кризиса, поднятаго казацкими войнами: оно получило назадъ большую часть спорныхъ земель, да еще очищенную отъ оппозиціонныхъ элементовъ, при помощи самаго его соперника. Еще столѣтіе владѣла Польша Бѣлоруссіей и Правобочной Украйной, довольно безпрепятственно, если не считать крестьянско-гайдамацкихъ волненій на юго-восточномъ концѣ послѣдней. Между тѣмъ такое полученіе обратно нѣкогда волновав-

шихся странъ было гибельно для самой Польши. Казацкія возстанія заставляли многихъ поляковъ относиться критически къ политикѣ своего правительства, и быть можетъ, указали бы большинству польскаго общества на необходимость серьозныхъ реформъ въ странѣ. Теперь же ничто не напоминало объ ихъ необходимости, и польское общество уснуло, предоставивъ своей олигархіи, іезуитамъ и евреямъ обрабатывать Украйну, Бѣлоруссію съ Жмудью и, конечно, и самую Польшу. А между тѣмъ окончательно обработать не только Украйну, но даже совсѣмъ разбитую Бѣлоруссію польская политика все таки была не въ силахъ. Еще менѣе она была въ силахъ удержать эти провинціи отъ захвата Москвы, которая во всякое время могла воспользоваться тлѣвшею въ нихъ ненавистью къ польскому государству.

Это отсутствіе цѣльной національно-политической программы въ Украйнѣ и Бѣлоруссіи и слѣдованіе ошибочной программѣ со стороны Польши очень было на руку Москвѣ, какъ государству, которое все болѣе и болѣе дѣлалось завоевательнымъ. А такимъ оно должно было стать послѣ того, какъ присоединеніе Украйны

и голоса кіевскихъ ученыхъ показали ему перспективу возможности овладѣть всѣмъ прежнимъ достояніемъ дома св. Владиміра, и съ тѣхъ поръ, какъ, по присоединеніи Украйны же, стали чаще доноситься къ нему и черезъ украинцевъ, и прямо, голоса запрутскихъ и задунайскихъ христіанъ, приглашавшіе Москву взять на себя роль разрушителя и Турціи. Москва по прежнему не имѣла широкой политико-соціальной программы, способной привлечь и сразу упрочить за нею присоединеніе столь обширныхъ и разнообразныхъ странъ, недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей. Но за чѣмъ же присоединять сразу, когда можно присоединять по немножку, и за чѣмъ ломать голову надъ политико-соціальными программами, когда одна ненависть могущихъ быть присоединенными земель противъ правящихъ ими системъ, можетъ облегчить присоединеніе?! Вмѣсто политики дѣйствительно политической и соціальной Москва развиваетъ у себя политику военно-дипломатическую. Кой какъ поправивши послѣдствіе ослабленія русскаго элемента на берегахъ Балтійскаго моря черезъ разрушеніе Новгорода „мудрою“ политикою двухъ грозныхъ цент-

рализаторовъ, Ивановъ III и IV, и утвердившись вновь на берегахъ Невы, Москва принимается за Турцію и Польшу. При этомъ, правда, въ войнахъ съ первою Москва подвигается медленно, потому что долго не можетъ опираться на украинскую колонизацію, опустошенную „мудрыми“ договорами конца XVII в. и первымъ разореніемъ Сѣчи въ 1709 г.,—но все таки подвигается,—къ удовольствію и самой Украйны, которая получаетъ таки чрезъ 300 лѣтъ берега Чернаго моря. Что до Польши, то это кусокъ вѣрный, — надо только постараться какъ можно больше удержать изъ него для себя, при дѣлежѣ съ западными соперниками. Но на то и существуетъ дипломатія.

Какъ и слѣдовало ожидать, всего куска получить Москвѣ не удалось; — дѣлежъ состоялся, и при томъ такъ, что бывшій вассалъ славянской Польши получилъ добрые куски славянскихъ земель, — а одно изъ достояній св. Владиміра получила королева Венгріи, внукъ которой сталъ императоромъ Австрійскимъ. Но не мало „губерній возвратилось“ отъ Польши и къ Москвѣ, — хотя, — (новое торжество логики!) — въ этихъ губерніяхъ пришлось удовольствовать поль-

скихъ пановъ утвержденіемъ и развитіемъ крѣпостнаго права надъ „возсоединеннымъ православнымъ населеніемъ!“ Какъ бы тамъ ни было, — а послѣ этихъ присоединеній на Востокѣ Европы образовалась имперія, „превосходящая по величинѣ Римскую въ самыя ея цвѣтущія эпохи.“ И эта имперія образовалась на развалинахъ соединенныхъ Литвы и Польши и единственно благодаря неудачному ихъ соединенію!

Само собою разумѣется, что столь обширная и такимъ способомъ образовавшаяся имперія не могла быть ни свободною, ни благоустроенною. Когда въ XVI в. московскіе князья всѣми правдами и неправдами соединили подъ своимъ скипетромъ все великорусское населеніе, они почувствовали необходимость, для какого нибудь благоустроенія своихъ старыхъ и новыхъ вотчинъ, созывать земскіе соборы. Земскіе же совѣты и соборы спасли національную независимость Великороссіи и въ эпоху самозванцевъ. Конечно, и цари московскіе со временемъ должны были, подобно другимъ государямъ Европы, постараться обходиться безъ созванія этихъ, всегда неудобныхъ для претендующей на самодержавіе власти, совѣтниковъ, которые

естественно стремятся перейти въ контролеровъ. И дѣйствительно, къ концу XVII в. земскіе соборы въ Москвѣ все становятся рѣже и рѣже, — подобно тому, какъ въ это время ослабляется значеніе такихъ же собраній и въ другихъ большихъ государствахъ Европы, кромѣ Англіи, въ которой парламентъ укрѣпляетъ свою силу двумя революціями. Но совершенно уничтожить всякій слѣдъ представительныхъ учрежденій государи не успѣли нигдѣ въ западной Европѣ и, конечно, не успѣлибы уничтожить его и въ Московскомъ государствѣ, если бъ оно сохранило болѣе цѣльный національный составъ и не стало столь завоевательнымъ,— тѣмъ болѣе, что кромѣ боярскаго либерализма, проявившагося при случаѣ попыткою ограничить власть Анны Ивановны, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка и въ купеческой и раскольнической средѣ ходили идеи о необходимости „народосовѣтія“. Но съ постепенно возрастающимъ количествомъ не-великорусскихъ провинцій, которыя въ добавокъ еще стояли выше по культурѣ, чѣмъ провинціи „коренныя“, — съ украинцами и бѣлоруссами на епископскихъ каѳедрахъ, которыя должны были обезоружи-

вать національно-старовѣрческую оппозицію, —съ возрастаніемъ разнонаціональнаго элемента въ шляхетской бюрократіи, — земскіе соборы и вообще совѣщающееся съ населеніемъ управленіе стало затруднительнымъ. По мѣрѣ расширенія Московскаго царства, ставшаго Петербургскою, Россійскою имперіей, государственная машина должна была все больше и больше принимать видъ организма съ гипертрофіей вѣдомствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, всегда и вездѣ наиболѣе уклоняющихся отъ общественнаго контроля, особенно контроля предварительнаго. Бюрократія въ администраціи, и диктатура въ политикѣ стали неизбѣжными формами въ государственной жизни обширной имперіи. Сначала администрація имѣла до извѣстной степени децентрализованный характеръ, приноравливаясь къ разнообразнымъ условіямъ новоприсоединенныхъ странъ, — болѣе впрочемъ къ ихъ болѣзненнымъ условіямъ, которыя можно было эксплуатировать въ интересахъ политической централизаціи. Такъ напр. петровская администрація покровительствовала аристократическому нѣмецкому элементу въ Остзейскомъ краѣ передъ народнымъ, эсто-латышскимъ, который было

начало поднимать шведское правительство,— а въ то же время въ Малороссіи старалось эксплуатировать въ свою пользу нерасположеніе черни противъ казацкой старшины, но при этомъ вовсе не поднимая правъ черни, а насаживая надъ нею чиновниковъ великорусскихъ. Такъ администація Екатерины II считала нужнымъ въ новоприсоединенной Бѣлоруссіи покровительствовать польской аристократіи, чтобъ парализовать вліяніе на нее демократическаго патріотизма Костюшки и въ тоже время не давать соблазна сосѣднимъ великорусскимъ крестьянамъ относителной вольностью бѣлорусскихъ крестьянъ. При нѣкоторомъ либеральномъ вѣяніи, идя далѣе въ томъ же направленіи, можно было дать парламентское правленіе Финляндіи и Конгрессовой Польшѣ, чтобъ сначала отдѣлить ихъ отъ Швеціи и польскихъ земель подъ Пруссіей и Австріей, а потомъ уже стѣснить дальнѣйшее развитіе автономныхъ учрежденій Финляндіи и совсѣмъ ихъ отмѣнить въ царствѣ Польскомъ. Мало по малу,— когда политическая централизація брала верхъ, когда автономныя партіи теряли свою центробѣжную силу,— бюрократія должна была принять направленіе рѣшительно цент-

ралистическое, нивелирующее, обруситель-ное. Направленіе это намѣчено вполнѣ сознательно уже нѣмкою Екатериной II, — которая писала въ инструкціи генералъ-прокурору, кн. Вяземскому: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма не пристойно бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу."*) Мы были свидѣтелями, какъ эти слова стали лозунгомъ Катковыхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ,—и основой цѣлаго ряда государственныхъ мѣропріятій централистическаго и обрусительнаго характера.

Между этими мѣропріятіями было нѣсколько такихъ, которыя имѣли демократическій оттѣнокъ. Весьма многіе склонны думать, будто бюрократически-централизаціонная дикта-

*) Соловьевъ, XXVI. 39.

тура способна болѣе ужиться съ демократическими интересами, нежели автономный либерализмъ, который будтобы благопріятствуетъ интересамъ аристократіи. Но даже оставляя въ сторонѣ примѣры въ прежней Россіи, въ которой диктатура помогала именно развитію аристократіи,— (въ Остзейскомъ краѣ, въ западныхъ провинціяхъ, въ Украйнѣ, Крыму, на Кавказѣ, у юговосточныхъ инородцевъ,) можно доказать примѣромъ древнихъ государствъ, Франціи, и самой недавней Россіи, что играющій въ демократію цезаризмъ только до тѣхъ поръ боролся съ аристократіей, пока она не отрекалась отъ политической независимости, и не обращалась въ его слугъ; — въ послѣднемъ случаѣ онъ сейчасъ же продавалъ ей демосъ, если не заводилъ себѣ новую аристократію. И въ недавнее время въ Россіи мы видимъ, какъ недолговѣчно было въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ теченіе императорской демократіи, — Милютина съ Черкаскимъ, Муравьева и Безака; да и то еще вопросъ, было ли бы и оно возможно безъ того либерально-демократическаго движенія, какое проявлялось и въ русскомъ, и въ польскомъ обществѣ передъ 1863 г.?

Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что только свобода и самоуправленіе могутъ быть прочной гарантіей послѣдовательнаго развитія демократической политики. Девятнадцатое столѣтіе показало не мало людей и среди поляковъ, и среди великоруссовъ, которые желали приложить къ политикѣ своихъ странъ начала свободы и демократіи. Бѣда была только въ томъ, что имъ не удалось найти для той и другой такую формулу, которая бы вполнѣ подходила къ реальнымъ условіямъ странъ, составляющихъ бывшую Польшу и нынѣшнюю Россію. Для того, чтобъ найти эту формулу, надо совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ традиціонныхъ политическихъ идей и привычекъ мысли, какъ польскихъ, такъ и великорусскихъ, — да и вообще вмѣсто инстинктовъ, традицій и привычекъ поставить въ основу политики *изученіе*, въ данномъ случаѣ прежде всего изученіе особенностей тѣхъ странъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Никогда въ XIX ст. не было такъ возможно установленіе здравой политики въ Россіи съ польскими ея областями, какъ въ 1860—1863 гг., — но никогда такъ же ярко и не обнаружилось и въ польскомъ, и въ великорусскомъ обществѣ отсутствіе не-

обходимаго отрѣшенія отъ традиціонныхъ взглядовъ и отсутствіе изученія тѣхъ странъ, которыя составляютъ предметъ спора между такъ называемой Польшей и такъ называемой Россіей. Мы это постараемся показать въ слѣдующихъ главахъ.

III.

Физическое и моральное опустошеніе и угнетеніе, которымъ подвергли Польша и Россія Бѣлоруссію и Правобочную Украйну въ XVII—XVIII в., были таковы, что, когда въ концѣ XVIII в. эти области присоединяли отъ Польши къ Россіи, то въ нихъ почти не было замѣтно признаковъ народной жизни, и за аристократіей,—конечно, польской,—никто въ нихъ не видѣлъ массъ народа и ихъ націй, которыя успѣли было обратить на себя вниманіе даже иностранныхъ писателей во время казацкихъ войнъ. (Beauplan, Description d'Ukranie, 1660. Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, 1663 и др.) Теперь это были „польскія провинціи“,—и если Екатерина II называла ихъ,—„отъ Польши возвращенными“,— то въ томъ же смыслѣ, въ какомъ

Марія Терезія, какъ королева Венгріи, назвала еще раньше ея (въ 1770 г.) „возвращенными землями“ Спижскій округъ съ Величкой и Бохніей и на томъ же основаніи, на какомъ эта венгерская королева заняла въ 1772—1773 г. „Малую или Красную Русь или Галицію и Ладимирію“, по родству старыхъ венгерскихъ королей съ галицкими князьями дома св. Владиміра, — наслѣдницей котораго считала себя и ангальтцербстская принцесса на петербургскомъ тронѣ. Въ глубинѣ духа и Екатерина, какъ и Марія Терезія, считала „возвращенныя провинціи“ польскими и если усматривала въ нихъ что либо не польское, то развѣ „православіе“, да и то больше всего, благодаря агитаціи православныхъ духовныхъ изъ украинцевъ, въ родѣ извѣстнаго бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго. Бѣлорусскій же католицизмъ и протестантизмъ считались такъ мало „русскими“ съ оффиціальной великорусской точки зрѣнія, что они и ополячились окончательно именно послѣ перехода края подъ владычество Россіи. Даже уніаты стали полячиться подъ этимъ владычествомъ еще болѣе, чѣмъ подъ польскимъ. Не только заурядные люди въ

Россіи считали „губерніи, отъ Польши возвращенныя“, польскими, хотя, пожалуй, и подлежащими „обрусенію“, но самъ императорскій исторіографъ Карамзинъ въ своей „Исторіи государства Россійскаго“ проглядѣлъ существованіе подъ не-русскою династіей Гедиминовичей своего рода русскихъ, хотя и не великорусскихъ, національныхъ элементовъ. Даже возставая противъ плана Александра I возстановить подъ своимъ скипетромъ Польшу въ границахъ 1772 г., черезъ присоединеніе къ новообразованному королевству (царству) Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, Карамзинъ признаетъ этотъ планъ великодушнымъ, но только невыгоднымъ для Россіи, — причемъ упоминаетъ о правѣ меча, о старой династической принадлежности этихъ краевъ Россіи, но ни словомъ не упоминаетъ о непольскихъ національностяхъ этихъ краевъ. *) Въ существѣ своемъ понятія Карамзина остались и до сихъ поръ понятіями средняго великорусскаго человѣка, для ко-

*) Карамзинъ писалъ: „*Литва, Волынь* хотятъ возстановленія королевства польскаго, — а мы желаемъ единства государства россійскаго“.

тораго и до сихъ поръ за Смоленскомъ начинается „Польша“.

А между тѣмъ уже и въ первой четверти XIX в. успѣли прорѣзаться всходы непольскаго сознанія въ „губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ“. Прежде всего это сознаніе, конечно, должно было исходить изъ Лѣвобочной Украйны, въ которой преданія XVII вѣка не могли затереться окончательно и въ которой съ конца XVIII в. началось литературное изученіе еще свѣжей казацкой старины, а за тѣмъ и этнографіи, которое не могло, конечно, остановиться на днѣпровской границѣ. За тѣмъ, подъ вліяніемъ школьной науки, — хотя бы и польской (въ Виленскомъ университетѣ и Кременецкомъ лицеѣ) и въ мѣстныхъ польскихъ кругахъ стали образовываться зародыши литво-бѣлоруссо — и украйнофильства. — При этомъ въ столь явно оригинальной Литвѣ возобновились и попытки писать по литовски, — а въ переполненной казацкими преданіями Украйнѣ появилась не только украинская школа поэтовъ на польскомъ языкѣ (Мальчевскій, Б. Залѣскій, Гощинскій и др., которые соотвѣтствуютъ автору „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“ и „Тараса Бульбы“ въ русской

литературѣ) но и попытка писать на языкѣ украинскомъ (подобно лѣвобережнымъ Котляревскому, Гулаку, Квиткѣ и др.) и даже агитировать пѣснями на этомъ языкѣ народъ въ пользу Польши (Тымко Падура).

Но всѣ эти зачатки будущихъ національныхъ возрожденій, зачатки тѣхъ движеній, которыя должны стать центробѣжными и отъ Москвы, и отъ Польши, были еще на столько слабы, что ихъ почти не замѣчали образованные круги господствовавшихъ національностей,—которые не могли себѣ представить націй внѣ государствъ и аристократій. А между тѣмъ время ставило передъ этими кругами вопросы политическіе и соціальные, которые въ столь деспотическомъ государствѣ, какъ Россія, не могли быть подняты иначе, какъ путемъ революціоннымъ. Революціонныя общества образовались и среди поляковъ, и среди русскихъ,—при чемъ сразу же намѣтилась и разница между тѣми и другими, разница, которая объясняется, главнымъ образомъ, различіемъ положенія націи побѣжденной и господствующей: въ то время, какъ польскіе революціонеры на первый планъ ставили вопросы національно-политическіе,—у русскихъ пре-

обладали вопросы политико-соціальные. Пункты соприкосновенія впрочемъ были, — и попытка соглашенія должна была быть сдѣлана уже ради удобства одновременной борьбы „съ общимъ врагомъ“, — т. е. съ царскимъ самодержаніемъ. При первой же попыткѣ этого соглашенія долженъ былъ быть поднятъ и вопросъ о будущихъ политическихъ отношеніяхъ „Польши“ и „Россіи“. Но при этомъ оказалось, что обѣ стороны способны были обсуждать этотъ вопросъ только на основаніи господствующихъ, чисто-государственныхъ, т. е. узко-польскихъ и узко-великорусскихъ понятій, — такъ какъ между тогдашними поляками, даже украинцами, какъ С. Гощинскій, демократическія и центробѣжныя идеи еще не созрѣли до полнаго разрыва съ традиціонными польскими стремленіями, — а среди русскихъ было совсѣмъ мало даже такихъ, которые бы, подобно Рылѣеву, совмѣщали въ себѣ слабыя украинскія воспоминанія съ западнымъ либерализмомъ („Исповѣдь Наливайка“, „Войнаровскій“).

Когда въ 1824 и 1825 встрѣтились члены русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ въ Кіевѣ (Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ,

потомъ Пестель съ одной стороны и Кжыжановскій и Яблоновскій съ другой) то собственно обѣ стороны оказались стоящими не только на старыхъ государственныхъ точкахъ зрѣнія, но даже весьма упорными государственными унитаристами. Когда между Муравьевымъ и Кжыжановскимъ поднятъ былъ вопросъ о будущемъ Польши, то первый высказалъ, что среди русскихъ многіе стоятъ за цѣлость имперіи, хотя предлагаютъ федеративное устройство, въ родѣ С. Американскаго; – въ другой разъ Муравьевъ и Бестужевъ предложили мысль о поголовной подачѣ голосовъ по вопросу о границахъ между Россіей и Польшей,—противъ чего Яблонскій выставилъ рѣшительное требованіе признанія нераздѣльности границъ „исторической Польши", т. е. границъ если не 1772, то 1793г.*) Ни съ одной стороны не было заявлено и сомнѣнія относительно того, что спорныя области собственно ни Россія, ни Польша! Это обстоятельство мало предвѣщало успѣха обѣимъ сторонамъ, — а разногласія ихъ въ вопросѣ о границѣ между ихъ Россіей и Польшей и темнота понятій насчетъ спор-

*) Lisicki. M. Wielopolski et son temps. I, 51—54.

ныхъ провинцій (Николай Тургеневъ напр. считалъ Кіевъ Россіей, а Подолію — Польшей), — не обѣщали возможности солидарнаго дѣйствія противъ „общаго врага". И дѣйствительно солидарности между польскими политиками и русскими „декабристами" оказалось на дѣлѣ очень мало, — при чемъ даже повидимому и принципіальныя разногласія ихъ могутъ быть сведены къ разногласіямъ по вопросу о границахъ Польши и Россіи: такъ нѣкоторые русскіе требовали отъ поляковъ, чтобъ они свергли и даже убили Константина Павловича въ то время, когда въ Петербургѣ будетъ тоже сдѣлано съ Александромъ I. На это поляки отвѣчали, что цареубійство не въ правахъ Польши, — и что въ ей бы лучше оставаться конституціонной монархіей, чѣмъ республикою. Но русскіе подозрѣвали, что поляки хотятъ, въ случаѣ революціи въ Петербургѣ, получить свое отъ остающагося во власти Романова, — который дѣйствительно могъ бы охотно взяться возстановить историческія границы Польши на Востокѣ, лишь бы сохранить за собою хоть какой нибудь тронъ.*)

---

*) О переговорахъ декабристовъ съ поляками см.

Какъ извѣстно, оба русскіе „пронунсіаміенто“ 1825 г.,—петербургское и бѣлоцерковское обошлись безъ всякой поддержки поляковъ,—а за тѣмъ во время польскаго повстанья 1830—31 гг., не произошло никакого русскаго движенія. Возстаніе 1830—31 гг. имѣло между прочими своими послѣдствіями закрытіе университетовъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и лицея въ Кременцѣ,—слабо вознагражденное открытіемъ „для поляковъ“ университета въ Кіевѣ, въ которомъ долго преподаваніе имѣло вполнѣ казенный характеръ. Это осужденіе обширныхъ странъ на невѣжество оказалось выгоднымъ прежде всего,—вовсе даже не русскому правительству (въ полицейскомъ смыслѣ),—а польской централистической исключительности. Централизмъ и исключительность всегда идутъ объ руку съ невѣжествомъ. Изученіе прош-

---

Mochnacki. Powstanie narodu polskiego w roku 1830—1831, т. I, изд. 1863, 243—250. Тутъ видно, какое смутное понятіе имѣли декабристы о народахъ Польши, Литвы, Бѣлой Руси и Украйны и какъ и тѣ изъ нихъ, которые желали сохраненія единства Россіи, и тѣ, которые готовы были различными способами подѣлить ее съ поляками (Пестель), —одинаково отправлялись не отъ „народныхъ“, а отъ „историческихъ“ правъ.

лаго и настоящаго непольскихъ областей старой Польши сильно упало въ польскомъ обществѣ послѣ 1831 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ критическое отношеніе такихъ ученыхъ и демократовъ, какъ Лелевель, къ старому польскому государству смѣнилось крайней его идеализаціей. Въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, что козацко-украинскія возстанія не были дѣломъ естественной реакціи противъ магнатско-іезуитской политики, какъ признавали серьезные историки школы Лелевеля,—или же соціальной реакціей, осложненной реакціей національною, какъ учатъ продолжатели Лелевеля, историки украинскіе,—но дѣломъ разбойниковъ (козаковъ), подвинутыхъ московскою интригой, какъ не стыдится проповѣдывать напр. популярный у поляковъ историкъ, пр. Шуйскій. Украинская школа въ польской литературы съ 30-хъ годовъ замерла; постепенно стало замирать у поляковъ съ 1840 г. и этнографическое изученіе Украйны, начатое Ходаковскимъ, Залѣскимъ, Паули и др. Совсѣмъ забыть о существованіи оригинальныхъ чертъ исторіи и быта украинскаго не могли и поляки, тѣмъ болѣе, что объ этомъ напоминало все болѣе увеличи-

вающееся національное самосознаніе лѣвобережной Украйны, перенесенное Максимовичемъ, Метлинскимъ и Костомаровымъ въ кіевскій университетъ. Но признаніе украинскихъ особенностей приняло у поляковъ странную форму извѣстнаго ученія г. Духинскаго, которое, усиливая различія украинцевъ отъ великоруссовъ до отнятія у послѣднихъ права на имя славянъ, въ тоже время стушевывало различіе украинцевъ отъ поляковъ. Наконецъ, въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, которое видитъ въ политической границѣ Польши и Россіи 1772 г. границу и этнографическую, —мнѣніе, по которому Лѣвобережная Украйна, уже не принадлежавшая Польшѣ въ 1772 г., совсѣмъ будто бы отличается по національности отъ Украйны Правобережной, народъ которой польскіе этнографы записываютъ въ провинціальную разновидность націи польской на ряду съ мазурами, малополянами и т. д. Туда же записывалась и національность бѣлорусская, этнографическое изученіе которой все таки подвигалось у поляковъ, почти не встрѣчая себѣ соперничества съ „русской“ стороны.

На русской сторонѣ послѣ революціи

1830—1831 гг. стали образовываться о спорныхъ съ Польшею провинціяхъ своего рода ученія, похожія на сейчасъ упомянутыя польскія мнѣнія. Въ оффиціально-ученыхъ кругахъ Россіи поняли недостаточность карамзинской точки зрѣнія на эти провинціи, какъ на провинціи, принадлежащія Россіи только по праву меча, или династическаго наслѣдства, но, конечно, круги эти не были въ состояніи уразумѣть и мысли о самостоятельныхъ отличіяхъ и правахъ этихъ провинцій и передъ Великороссіею, какъ и передъ Польшею. Императоръ Николай надумался (не знаемъ, самъ ли, или подъ чьимъ либо вліяніемъ), что самое лучшее —стирать съ западныхъ и южныхъ провинцій всякія мѣстныя отличія, начиная съ именъ ихъ, которыя употреблялись со времени раздѣленія ихъ на губерніи при Екатеринѣ II. Въ 1840 г., когда ему поднесли для подписанія бумаги, въ которыхъ встрѣчались обычныя названія „Литовскія губерніи“ (Виленская, — отъ которой въ 1842 г. отдѣлена была Ковенская, — Гродненская) и „Бѣлорусскія губерніи“ (Витебская и Могилевская), **Николай I зачеркнулъ слова: „Литовскія и Бѣлорусскія“ и приказалъ переписать бума-**

ги, надписавъ на нихъ резолюцію: „правила сего держаться и впредь, никогда иначе не прописывая, какъ поименно губерніи“. А еще раньше того Николай приказалъ называть Слободско-Украинскую губернію Харьковскою (1835) и уничтожилъ названіе „Малороссійскаго генералъ-губернаторства, обнимавшаго двѣ Лѣвобочныя губерніи (Черниговскую и Полтавскую) съ Слободско-Украинскою. Въ то же время историкъ Устряловъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи упущенія Карамзина, настаивая на „русскомъ“ характерѣ населенія Литовскаго княжества въ XIV—XV вв., конечно „русскомъ“ въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Для этого ученія Устрялову было достаточно усвоить противу польскія идеи православно-украинскихъ писателей старой школы (Конисскаго, Бантыша-Каменскаго) съ исключеніемъ всякихъ автономныхъ идей, которыя все таки пробивались у нихъ сквозь православную кору и проскакивали въ печать не смотря на всѣ цензурныя предосторожности. Любопытныя подробности на счетъ того, какъ хлопоталъ Устряловъ о томъ, чтобъ выставить на видъ въ оффиціальныхъ сферахъ эту новую для великорусской пуб-

лики антипольскую обработку исторіи Литовскаго княжества, находимъ въ запискахъ Устрялова, напечатанныхъ въ 1880 г. въ „Древней и Новой Россіи". Но новыя идеи туго усваивала даже оффиціальная публика.*) Что же до публики частной, то большинство ея слушало совершенно индифферентно обо всѣхъ этихъ Ягеллахъ и Свидригайлахъ,

*) Устряловъ говоритъ, что «Карамзинъ имѣлъ смутное понятіе о Литовскомъ княжествѣ», а «у насъ его привыкли считать коренною Польшею". Въ 1835 г. оберъ прокуроръ Синода Протасовъ и и мин. нар просв. Уваровъ пришли «въ восторгъ», узнавъ отъ Устрялова, что Литовское княжество, которое «важно было для Протасова по политическимъ соображеніямъ», было тоже Русь,—и Уваровъ сказалъ Протасову (по французски), что объ этомъ надо доложить государю. Но въ 1840г., въ указѣ о замѣнѣ въ западныхъ губерніяхъ Литовскаго Статута Сводомъ Законовъ, -- была напечатана глупость,— а именно будто Литовскій Статутъ ввели въ княжествѣ поляки, тогда какъ онъ былъ редижированъ до люблинской уніи и на бѣлорусскомъ языкѣ! Дѣло въ томъ, что сама теорія Устрялова, по которой порча юго-западной Руси началась сейчасъ, какъ она отпалъ отъ Владиміровичей до Гедиминовичей, и по которой уже бракъ Ягелла и Ядвиги (1386), а не Люблинскій сеймъ (1569) установилъ «унію Литвы и Польши», служила поддержкою теорій о силѣ польскаго вліянія на Литовское княжество и о польскомъ его характерѣ.

еще болѣе обезцвѣченныхъ оффиціальнымъ историкомъ, чѣмъ даже московскіе Иваны.— а болѣе независимое меньшинство считало антипольскую, — и вмѣстѣ съ тѣмъ и антилитовскую, — обработку исторіи „Югозападной Руси“, лишенную всякихъ указаній на жизненныя особенности ея націй, новою выдумкою академическаго лакейства. Въ полякахъ же, которые тоже были обязаны выучивать въ школахъ эту обработку, она производила только отвращеніе. Сынъ Устрялова расказываетъ анекдотъ, какъ самъ историкъ нашелъ совершенно естественнымъ, что одинъ студентъ-полякъ не захотѣлъ отвѣчать на экзаменѣ попавшійся ему вопросъ изъ исторіи „возвращенія“ къ Россіи ея старыхъ провинцій. А мы помнимъ случай, когда на студентской сходкѣ въ Кіевѣ въ 1860 г. одинъ украинецъ сказалъ: „исторія показываетъ, что здѣшній край не Польша“, — на что студентъ-полякъ воскликнулъ: „не исторія, а Устряловъ“. Восклицаніе было покрыто аплодисментами поляковъ, которые заглушили замѣчаніе другого украинца: „не одна исторія, а и статистика!“

Представить живо и въ тоже время правдиво исторію Понѣманья и Поднѣпровья

и ихъ этнографическую статистику могъ только нѣкто третій, а не сторонники оффиціальныхъ идей, польскихъ и русскихъ. Судя по тому, что показываетъ намъ исторія національныхъ возрожденій у западныхъ славянъ, у которыхъ національныя партіи образовались даже около нѣмецкихъ университетовъ, —мы имѣемъ основаніе думать, что, если бы продолжалъ существовать даже польскій виленскій университетъ, то около него бы образовались вполнѣ автономныя партіи литовская и бѣлорусская. Вотъ почему русское правительство поступаетъ по своему вполнѣ умно, не заводя университетовъ ни въ Вильнѣ, ни въ Тифлисѣ. Но послѣ 1831 г. на всей славянской, но не великорусской, полосѣ Россіи университетъ существовалъ только въ Харьковѣ, а потомъ и въ Кіевѣ. А потому изъ всѣхъ западно-россійскихъ негосударственныхъ племенъ національное возрожденіе организовалось только у однихъ украинцевъ.

Начало оно организоваться сейчасъ послѣ открытія университета въ Харьковѣ въ началѣ XIXст. Мы уже сказали, что въ первое двадцатипятилѣтіе XIX ст., сдѣланы были попытки поэзіи и беллетристики на чисто народномъ

украинскомъ языкѣ (писаніе на языкѣ мѣстномъ, украинско-церковномъ, не прекращалось и въ XVIII в., и замерло только послѣ введенія въ кіевскую академію „россійскаго краснорѣчія“ въ 1784 году и изгнанія изъ украинскихъ училищъ книгъ мѣстнаго изданія указомъ 1785 года). Затѣмъ появился на языкѣ, близкомъ къ великорусскому, первый памятникъ ново-украинской политической мысли: „Исторія Русовъ или Малой Россіи“, долгое время приписываемая Георгію Конисскому. Это исполненное ошибокъ въ историческомъ отношеніи произведеніе, представляетъ чрезвычайно замѣчательное соединеніе старой антиуніатской оппозиціи, но безъ вѣроисповѣдной православной исключительности, и козацкаго республиканства съ новымъ либерализмомъ и демократизмомъ, — украинскаго автономизма съ всероссійскимъ федерализмомъ. „Исторія Русовъ“ имѣла большое вліяніе на лѣвобережныхъ украинцевъ и даже, какъ признавался намъ одинъ старый польскій писатель, не осталась безъ вліянія и на правобережныхъ поляковъ, пробуждая хоть у нѣкоторыхъ изъ нихъ украинскія традиціи. Около 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія слободско-укра-

нскій, харьковскій, университетъ положилъ въ мѣстномъ обществѣ начало систематическаго изученія мѣстной народности въ связи съ изученіемъ всей славянщины. Къ слобожанамъ (Срезневскій, издатель Запорожской Старины, потомъ Костомаровъ) пристали полтавцы, перенесенные судьбою въ Москву (Максимовичъ, потомъ профессоръ въ Кіевѣ,—Бодянскій) *). Эти первые ученые украйнофилы вмѣстѣ съ подоляниномъ Григоровичемъ и съ венгерскимъ украинцемъ Венелинымъ,—подобно Бодянскому, Максимовичу и Срезневскому, писавшимъ объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ,—были основателями въ Россіи науки о славянствѣ, которая должна совершенно видоизмѣнить постановку въ Россіи польскаго вопроса. Подъ перомъ Костомарова уже въ 40-е годы украйнофильство явно сложилось въ ученіе о федерально-демократическомъ панславизмѣ.

Въ такомъ видѣ перешло лѣвобережное

*) Здѣсь нельзя не упомянуть и харьковца кн. Цертелева, издавшаго еще въ 1819 г. «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсень», въ которомъ впервые были напечатаны украинскія политическія пѣсни и «думы».

украйнофильство въ Кіевъ, гдѣ Костомаровъ и Шевченко начали организовывать Кирилло-Меѳодіевское братство, которое должно было приступить къ практическому осуществленію идей украинскихъ федералистовъ посредствомъ народнаго образованія и освобожденія крестьянъ. Само собою, братство было захвачено полиціей Николая I и размѣщено по мѣстамъ столь и не столь отдаленнымъ. Но созданное первыми украйнофилами литературное движеніе не исчезло, по крайней мѣрѣ для науки объ исторіи и этнографіи Украйны. Казацкія лѣтописи и документы, напечатанные въ Москвѣ Бодянскимъ, изданія Кіевской археографической коммиссіи, основанной по мысли Максимовича, — пѣсни, собранныя Максимовичемъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, — показали по крайней мѣрѣ ученому міру цѣльную украинскую національность отъ верхней Тиссы въ Венгріи до Кубани въ Россіи, существовавшую, не взирая на границы Россіи и Польши въ 1772 г., и существующую, не взирая на послѣдующія границы Австріи и Россіи съ ихъ административными подраздѣленіями. Національность эта оказалась слишкомъ велика, чтобъ образованіе ея отличій отъ великорус-

ской можно было по старому объяснять польскимъ вліяніемъ,испортившимъ будто бы прежде „чистую русскую народность, которая сохранилась подъ господствомъ московскихъ князей“, ибо украинскія отличія существуютъ въ такомъ же самомъ видѣ, какъ напр. въ Галиціи или на Волыни, и въ такихъ странахъ, гдѣ никогда не было польской власти, какъ напр. въ Венгріи, или въ Буковинѣ. Въ то же время явно враждебное польскому государству настроеніе, которое бьетъ изъ каждой страницы украинскихъ народныхъ пѣсенъ, старыхъ и новыхъ, очевидно, не могло быть объяснено „московской интригой“. Признаніе органичности украинскихъ отличій обязывало ученыхъ передѣлать всѣ офиціальныя польскія и московскія построенія исторіи Восточной Европы—и, логически, должно было обязывать сообразоваться съ нимъ и практическихъ дѣятелей политики.

Само собою разумѣется, что для пріобрѣтенія практическаго значенія новыя украинскія идеи, особенно федерально-демократическаго оттѣнка, нуждались въ пропагандѣ,—а она то, какъ показала судьба Костомарова и Шевченка, и не была возможна

при николаевскихъ порядкахъ, которыя задерживали по нѣсколько лѣтъ въ цензурѣ даже сырой матеріалъ: пѣсни, собранныя Метлинскимъ и Максимовичемъ. Вотъ почему идеи эти мало распространились даже въ мѣстномъ обществѣ,—а въ Великороссіи кіевское братство осталось не понятымъ, но не смотря на то обруганнымъ и западникомъ Бѣлинскимъ, и восточникомъ Хомяковымъ, какъ это мы показали въ нашемъ предисловіи къ „Письму Бѣлинскаго къ Гоголю". Поляки узнали о Шевченкѣ и Костомаровѣ только уже съ конца 50-хъ годовъ и тоже почти безъ исключенія встрѣтили ихъ идеи враждебно *) Такимъ образомъ къ концу царствованія Николая I въ

*) Шевченко и до сихъ поръ имѣетъ въ польской публикѣ репутацію врага поляковъ, — и еще недавно Сырокомля не рѣшился перевести его Гайдамаковъ. Даже въ настоящее время г. Спасовичъ увидѣлъ въ этой поэмѣ «выдаваніе звѣрства и безчеловѣчности за геройство». А между тѣмъ достаточно хладнокровно прочесть поэму Шевченка, чтобъ замѣтить въ ней плачъ надъ тѣмъ, что онъ описываетъ, и такія напр. слова:

Болить серце, јак згадајеш:
Старих славјан діти
Впились кровју, — а хто винен?!
Ксьондзи, језујіти!

массѣ, какъ русскаго, такъ и польскаго общества оставались почти нетронутыми старыя церковно-государственныя идеи объ отношеніяхъ „Россіи“ и Польши. Когда въ началѣ царствованія Александра II наступила въ Россіи либеральная оттепель, великорусскіе круги, — дающіе и до сихъ поръ черезъ столицы сигналы общественному мнѣнію,—настроились благопріятно къ польскимъ стремленіямъ,—и не зная основательно границъ дѣйствительной Польши, готовы были признать Польшею все, что было не великорусское, исключая, конечно, тѣхъ краевъ, къ обладанію которыми слишкомъ уже привыкло россійское государство,—а именно Лѣвобережной Украйны, которую одну привыкли въ Россіи звать Малороссіей, и Новороссіи, о которой никто уже и не зналъ, что она была населена и до Екатерины II и называлась „Вольностями Войска (или Товариства) Запорожскаго“. Только Кіевъ,—этотъ всероссійскій Римъ,—возбуждалъ нѣкоторыя сомнѣнія въ русскомъ литературномъ обществѣ, но край западнѣе отъ Кіева оно вполнѣ было готово признать Польшею. По крайней мѣрѣ самъ И. С. Аксаковъ помѣстилъ въ своемъ либеральномъ „Парусѣ“ (1859 г.) довольно

тенденціозное *„Письмо изъ Польши“* (какъ говорили тогда, принадлежащее перу извѣстнаго польскаго беллетриста) съ помѣткою: *Житомиръ!* Даже въ послѣдствіи грозный бичъ „польской интриги“ М. Н. Катковъ, велъ по польски переписку съ г. Киркоромъ, издававшимъ въ Вильнѣ журналъ съ обычными польскими „историческими“ тенденціями, — и только полемика, поднятая въ виленскихъ польскихъ изданіяхъ противъ появившагося въ 1857 — 59 гг. „Богдана Хмельницкаго“ Костомарова, на которую украинскій историкъ отвѣчалъ въ „Современникѣ“, предвѣщала тѣ бури, которыя не замедлили разразиться около польскаго вопроса нѣсколько времени спустя.

При такихъ условіяхъ пришлось высказаться объ этомъ вопросѣ „Колоколу“, тогдашнему органу всероссійскаго либерализма и великорусской демократіи.

IV.

По всему видно, что Герценъ не имѣлъ спеціальныхъ свѣдѣній объ исторіи и этнографіи „западныхъ провинцій“ Россіи и даже врядъ ли читалъ труды напр. Костомаро

ва. Запасъ фактическихъ свѣдѣній его по этому предмету не превосходилъ того, какой имѣлъ среднiй столичный русскiй литераторъ того времени, т. е. былъ очень не великъ. Но за то Герценъ имѣлъ превосходное общее политическое образованiе и, кромѣ того, громадный и въ высшей степени чуткiй къ реальнымъ чертамъ политическихъ явленiй умъ,—и большой запасъ наблюденiй надъ политическою жизнiю разныхъ народовъ современной ему эпохи. Это же все, вмѣстѣ взятое, давало ему возможность въ спокойное время вѣрно угадывать основныя черты польскаго вопроса въ Россiи,—правду и фальшь стремленiй польскихъ „историческихъ" патрiотовъ всѣхъ оттѣнковъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Теперь въ особенности, послѣ изданiя его „Посмертныхъ статей", видно, что идейная солидарность Герцена съ польскими патрiотами была въ сущности очень не велика. Кромѣ сильныхъ теоретическихъ разногласiй и критическаго отношенiя Герцена къ основамъ польскихъ „историческихъ" стремленiй, основамъ, которыя польскiе патрiоты принимали, какъ догматъ вѣры, солидарности этой мѣшала сильная примѣсь

спеціально великорусскаго національнаго элемента къ идеямъ этого по видимому крайняго западника. При всемъ своемъ западничествѣ и полуиностранномъ происхожденіи, Герценъ живо чувствовалъ свою кровную связь съ великорусскимъ племенемъ, къ которому (а вовсе не къ одному только правительству) накопилось слишкомъ много антипатій у средняго польскаго дѣятеля *). Кромѣ того Герценъ имѣлъ и общеисторическую философскую доктрину, которая мало гармонировала съ стремленіями польскихъ патріотовъ, потому что и подъ нею была подложена специфическая великорусская основа. При всемъ своемъ вольтеріанствѣ и сенсимонизмѣ, Герценъ былъ собственно московскій славянофилъ, или лучше великоруссофилъ,—который стремился и вольтеріанству, и соціализму придать великороссійскія основы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецъ Гакстгаузенъ открылъ великороссійскую общину. По своей историко-философской подготовкѣ Герценъ,—какъ и Константинъ Аксаковъ, и ихъ другіе московскіе товарищи, былъ гегеліанецъ. По

*) См. Сборникъ Посмертныхъ статей, 210—211.

ученію же Гегеля все развитіе человѣчества идетъ ступенями, но при томъ такъ, что каждая ступень воплощается въ одну извѣстную націю. По Гегелю, послѣдняя ступень развитія представляется германцами, — (преимущественно пруссаками),—при чемъ дальнѣйшей смѣны господствующей націи не предпологалось,—такъ что самъ Герценъ смѣялся, что, по гегеліанцамъ, богъ живетъ теперь въ Берлинѣ. Но московскіе гегеліанцы только перенесли этого бога отъ германцевъ къ славянамъ, а между ними, конечно, къ великоруссамъ,—при чемъ соціалисты, какъ Герценъ, соединили ученіе о грядущей смѣнѣ германскаго періода исторіи славянскимъ съ ученіемъ о предстоящей замѣнѣ господства буржуазіи торжествомъ рабочихъ классовъ. Такое ученіе, подпираемое еще и до сихъ поръ не перестающею пугать Европу фразой Наполеона I: dans 50 ans l'Europe sera républicaine ou cosaque", Герценъ развилъ въ нѣсколькихъ брошюрахъ на разныхъ языкахъ (Старый міръ и Россія, Соціализмъ и Россія и пр.) и постоянно возвращался къ нему въ „Колоколѣ". У самаго Герцена это ученіе умѣрялось широкимъ образованіемъ и

терпимостью огромнаго ума,—но у многихъ москвичей, даже эмигрантовъ, какъ напр. Мартьянова, оно доходило до отрицанія правъ невеликорусскихъ народовъ на отдѣльное существованіе. Во всякомъ случаѣ ученіе это дѣлало и изъ Герцена теоретическаго противника полнаго отдѣленія Польши, —такъ какъ, по этому ученію, Польша, хоть и славянская страна, но утратившая, подъ вліяніемъ Запада, сельскую общину, сохранившуюся въ Великороссіи, нуждалась въ союзѣ съ послѣдней въ критическій моментъ всемірно-историческаго перелома.

Но не раздѣляя такимъ образомъ, по разнымъ соображеніямъ, идей польскихъ патріотовъ, касательно необходимости отдѣленія Польши отъ Россіи, Герценъ, конечно, глубоко уважалъ въ полякахъ страданіе, любовь къ независимости и свободѣ и энергію въ борьбѣ за нее и признавалъ право на рѣшительное слово въ вопросѣ о судьбѣ Польши только за поляками: „Если Польша захочетъ другого рѣшенія, говорилъ онъ,— да будетъ ея воля!“ Вся бѣда была въ томъ, что Герценъ довольно смутно представлялъ, что собственно такое Польша,— и, при всемъ уваженіи къ народамъ передъ

государствомъ, все таки способенъ былъ забыть, что слова „Польша“ и „Россія“,— а теперь особенно послѣдняя, представляютъ собою собственно государства, а не народы, и что, для уразумѣнія интересовъ этихъ послѣднихъ,—какъ напр. въ данномъ случаѣ интересовъ литовцевъ, бѣлоруссовъ, и украинцевъ,—нужно прежде всего отрѣшиться отъ привычки поляковъ и великоруссовъ ставить вопросъ только между „Россіей“ и „Польшей“.

Съ самаго начала своей публицистической дѣятельности Герценъ не пропускалъ случая высказываться о польскомъ вопросѣ, —но до 1859 г. его слова не выходили за предѣлы общихъ выраженій сочувствія къ Польшѣ, какъ къ странѣ страждущей подъ чужимъ игомъ. Систематически и съ подробностями высказался Герценъ о польскомъ вопросѣ въ первый разъ въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Россія и Польша“, напечатанныхъ въ „Колоколѣ“ 1859 г., въ №№ 33, 34 и 37 и въ 1860 г., №№ 66 и 67. Первыя двѣ статьи напечатаны по поводу брошюры „Aleksander Herzen i Wolna Rossyjska Drukarnia w Londynie“, которой, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не

видѣли. Всю первую статью московскій эмигрантъ посвятилъ защитѣ своего народа и даже государства отъ отрицательныхъ взглядовъ, распространенныхъ въ западноевропейскихъ обществахъ и въ польскомъ, налегая въ особенности на важность для Россіи соціально-экономическаго вопроса крестьянскаго, которымъ въ данный моментъ, по его мнѣнію, дѣятельно занялось и правительство Собственно только во второй статьѣ Герценъ разбираетъ вопросъ объ отношеніи Польши къ Россіи, т. е. къ россійскому государству. Онъ говоритъ: „Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣютъ неотъемлемое, полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобъ свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, *мы этого не желаемъ* и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды, составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацію, я убѣжденъ, что соплеменныя федераціи даютъ среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ

раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сдѣлали ея руками, и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ нею, но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ. Мнѣ кажется, что это ясно.

„Но если ясно, что мы признаемъ это право, то можетъ быть надо пояснить, почему мы не желаемъ полнаго расторженія двухъ народовъ. Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука объ руку идти одной дорогой къ новой свободной соціальной жизни. Мы думаемъ, что Польша и Россія совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія... Австрія не народъ; Австрія полицейская мѣра, сводная администрація; она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себѣ... Совсѣмъ напротивъ Россія—такая же живая личность, какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ „вѣтхія деньми" съ своимъ богатствомъ и съ сво-

ими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ изстрѣленными, въ послѣдніе три вѣка, знаменами, покрытыя славой идутъ на отдыхъ(!!), а Россія только что вступаетъ на плацъ, на парадное мѣсто въ исторіи. Самое имя Россіи — начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.

„Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью всей державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ народонаселеніемъ, воспитаннымъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того то гдѣ бы русскій ни жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ Океаномъ, онъ прислушивается, когда враги переходятъ русскую границу, и готовъ идти на помощь къ Москвѣ, такъ какъ шолъ въ 1612 и въ 1812 годахъ.

„Но что онъ считаетъ своей границей?... Что касается до главнаго вопроса, до самобытности Польши, онъ рѣшенъ самимъ языкомъ; ни одинъ русскій крестьянинъ не считаетъ Польшу Россіей. Вся Русь говоритъ: „Въ Польшу, изъ Польши". Но

гдѣ же черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша? Это опредѣлить труднѣе, но не изъ патріотизма, а изъ того, что у насъ не достаетъ самаго главнаго элемента для рѣшенія вопроса.

„Что мы возьмемъ за его основаніе: Присоединеніе Червоной Руси къ Польшѣ, или присоединеніе Украйны къ Россіи въ половинѣ XVII столѣтія; между ними цѣлый вѣкъ борьбы рѣчи Посполитой съ козаками *). Въ продолженіи ея два противоположныхъ потока обозначаются въ южной Россіи: шляхетство, паны—тянутъ къ аристократической республикѣ; нижній слой, народъ, козаки напротивъ въ постоянной враждѣ съ Польшей. Хмельницкій не изъ любви къ Москвѣ, а изъ нелюбви къ Польшѣ отдался царю. Москва, или лучше Петербургъ, обманули Украйну и заставили ее ненавидѣть москалей. Какъ

*) Червоная Русь (Галиція) была завоевана поляками окончательно въ 1387 г. Украйна присоединилась къ московскому государству, которое Герценъ зоветъ преждевременно Россіей,—въ 1654 г., слѣдовательно между этими событіями прошло гораздо болѣе вѣка и притомъ для большой части Украйны два періода исторіи: литовскій (2½ вѣка) и польскій (вѣкъ).

М. Др.

же рѣшить вопросъ о ней? Давность владѣнія ничего не доказываетъ. Утраченное владѣніе еще меньше. Право завоеванія? Послѣдній захватившій будетъ владѣть, пока другая сила его сгонитъ. Завоеваніе фактъ, а не право. Естественныхъ границъ нѣтъ; ни цѣпи горъ, ни большихъ рѣкъ; остается искать новыхъ основаній въ самой жизни народа, въ его бытѣ... Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, говоритъ языкомъ болѣе близкимъ къ русскому, чѣмъ къ *польскому*, тамъ, гдѣ онъ сохранилъ русскій крестьянскій бытъ, міръ, сходку, общинное владѣніе землей,—тамъ онъ, вѣроятно, захочетъ быть русскимъ. Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ католицизмъ или унію, тамъ, гдѣ онъ утратилъ общину и общинное владѣніе землей, тамъ, вѣроятно, сочувствіе съ Польшей сильнѣе и онъ пойдетъ съ ней.

„Но, скажите, что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать, какая полоса земли, куда принадлежитъ, не спросясь людей на ней живущихъ... Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украйна, помнящая всѣ притѣсненія москалей, и крѣпостное состояніе, и наборы, и

безправіе, и грабежъ, и кнутъ съ одной стороны, и не забывая съ другой, каково ей было и за Рѣчью-Посполитой съ жолнерами, панами и коронными чиновниками, не захочетъ быть ни польской, ни русской? По моему вопросъ рѣшается очень просто. Украйну слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признать свободной и независимой страной. У насъ... не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна *принадлежать* та, или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не на столько сломанные правительствомъ и помѣщиками, чтобъ потеряли всякое чувство народности; совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны *принадлежать* Польшѣ?

„Развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ те имъ языкъ; пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнутъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ папежъ къ вамъ, или, если они умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обоихъ. Вотъ потому то я такъ высоко цѣню

федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ и никто никому не *принадлежитъ*, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ"...

Къ выписаннымъ словамъ (изъ 34 № Колокола) слѣдовало бы прибавить нѣсколько выдержокъ изъ послѣдующихъ статей Герцена (Колоколъ, №№ 66 и 67), въ которыхъ онъ подробнѣе развиваетъ мысль о необходимости для Польши держаться Россіи, ради крестьянско-общиннаго элемента послѣдней. Но глава наша выходитъ и такъ уже слишкомъ длинною,—а потому мы отсылаемъ болѣе любопытныхъ читателей прямо къ „Колоколу", или къ сборнику „За пять лѣтъ",—а здѣсь ограничимся только двумя, по нашему мнѣнію, главнѣйшими выдержками изъ статьи 66 и 67 №№ „Колокола",

„Я только для *нерусскаго* славянскаго міра,—говорилъ Герценъ,—отъ всей души желалъ братскій союзъ съ Россіей, для того, чтобы, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, онъ не былъ бы взятъ въ расплохъ",—и далѣе старается пояснить свою мысль обзоромъ исторіи Россіи, какъ „мужицкаго" царства

и современнаго настроенія ся, въ эпоху приступа къ освобожденію крестьянъ. Думая, подобно многимъ русскимъ, будто только въ одной Россіи освобождаютъ крестьянъ съ землей (и, забывая примѣры Пруссіи, Галиціи, Скандинавскихъ державъ и даже Финляндіи, гдѣ аграрный вопросъ поставленъ едва ли не радикальнѣе, чѣмъ гдѣ либо) и заявивъ, будто въ Россіи даже правительство и помѣщики признаютъ право крестьянъ на землю (мы теперь знаемъ, точно ли всѣ крестьяне получили въ Россіи землю, по скольку и на какихъ условіяхъ,—и точно ли эмансипаторы 60-хъ годовъ предохранили Россію отъ пролетаріата, даже сельскаго),—Герценъ переходитъ къ пророчеству о предстоящей Европѣ соціальной катастрофѣ, — въ которой Россія, по его вѣрованію, должна принять участіе, кажется, не переставая еще сама быть военною державою: „Подумайте, говоритъ онъ, когда эта шестая доля земнаго шара, со всѣми Туранскими и Чудскими примѣсями, съ соціальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ

и съ пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно.

„Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что они будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Передъ борьбой намъ хотѣлось бы, чтобъ славяне подали другъ другу руку на братскій союзъ,—не для помощи Россіи,— ужъ она то fara da se, — не для составленія съ ней чудовищной имперіи, — мы ничего не знаемъ нелѣпѣе этихъ китообразныхъ государствъ, которымъ тяжело двигаться отъ роста,—а для того чтобъ они не остались по ту сторону, по сторону прошедшаго, или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы“.

Читая вышеупомянутыя статьи Герцена видишь, какъ близко онъ къ истинному пониманію вопроса, но въ то же время, — особенно послѣ всего случившагося съ 1860 г., видишь, какъ примѣсь къ его здравымъ мыслямъ идей великорусскаго мессіанизма а также незнаніе деталей исторіи и положенія невеликорусскихъ народовъ и остатки привычки распоряжаться за другихъ ихъ судьбою,—составили около вполнѣ вѣрныхъ и спасительныхъ зеренъ политическихъ идей

Герцена о польскомъ вопросѣ такую оболочку, которая должна была стать источникомъ послѣдующихъ бѣдствій и ошибокъ. Начнемъ съ великороссійскаго мессіанизма, потому что хотя онъ только косвенно входитъ въ главный кругъ предметовъ, которымъ посвящены настоящія статьи, но все таки не можетъ быть оставленъ безъ обсужденія,—такъ какъ онъ, во первыхъ, составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ великорусскаго общества, въ томъ числѣ и его демократіи,—а, во вторыхъ, онъ имѣлъ и свое практическое значеніе въ польскомъ вопросѣ до и послѣ революціи 1863 г. На поляковъ онъ долженъ былъ производить отталкивающее впечатлѣніе, — не только на патріотовъ болѣе „бѣлыхъ“ оттѣнковъ,—у которыхъ была своя національно-мессіанистическая религія, если и не такъ демократическая, то выражаемая еще съ большимъ мистицизмомъ, — но даже и на тѣхъ изъ „красныхъ“, которые способны бы были усвоить и федеральную, и соціалистическую сущность ученія Герцена, но только не въ той, по истинѣ, странной и претензіозной оболочкѣ, въ какой ее излагалъ московскій демократъ. Вотъ почему усвоено

было ученіе Герцена только великоруссами —и у послѣднихъ получило и практическое примѣненіе, которымъ врядъ ли доволенъ былъ самъ Герценъ.

Кто слѣдилъ за петербургскою и московскою печатью 1864—1868 гг., тотъ не могъ незамѣтить, какъ въ тогдашнихъ органахъ императорскаго демократизма, постепенно перешедшихъ въ органы всеобрусительнаго бюрократизма („День“ „Москва“ и „Москвичъ“ И. Аксакова, „Голосъ“, — который сначала, въ 1863 г., представлялъ было собою въ польскомъ вопросѣ идеи петербургскихъ западниковъ и либераловъ) почти дословно излагались мысли Герцена „о старомъ мірѣ и Россіи“, о спасеніи потерявшей славянской обликъ Польши чистославянскими началами, сохранившимися въ Великороссіи и т. п. Теперь подобнаго рода мысли рѣже высказываются въ великороссійской печати, но они далеко не изчезли въ великорусскомъ обществѣ, а исповѣдываются многими учеными, членами славянскихъ комитетовъ, а также людьми и теперь довольно вліятельными, и которые со временемъ могутъ получить еще болѣе вліятельныя положенія, какъ напр. кн. Ал. Василь-

чиковъ. Подобныя идеи вдохновляли дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ Ю. Самарина, Черкасскаго, Н. Милютина, — и, конечно, въ ихъ рукахъ послужили опорой для проведенія нѣсколькихъ полезныхъ для польскаго крестьянства аграрныхъ реформъ и сельскихъ учрежденій, — но также, особенно въ рукахъ менѣе образованныхъ людей, служили источникомъ и оправданіемъ всякаго рода централизаторскихъ и православно обрусительныхъ безобразій надъ Польшею и поляками. (Впослѣдствіи въ болгарскій походъ у самаго Черкасскаго идеи великорусскаго мессіанизма, провозглашаемые въ то время г. Ив. Аксаковымъ въ московскомъ славянскомъ комитетѣ и кн. Ал. Васильчиковымъ въ петербургскомъ, — послужили оправданіемъ системы чистаго кнутобойства надъ „братушками“, уже не сопровождаемаго никакими аграрными реформами).

У Герцена мы встрѣчаемъ сильные противовѣсы великороссійскому мессіанизму, и потому лично онъ, конечно, трижды чистъ отъ всѣхъ его безобразій, но не совсѣмъ не виновна въ нихъ самая его доктрина. Право, не только соціализмъ, но даже императорскій демократизмъ и аграрныя реформы

въ Царствѣ Польскомъ могли бы быть весьма удобно проводимы безъ всякой примѣси племеннаго мессіанизма; вѣдь обходится же напр. безъ него практическій Гладстонъ въ своей аграрной политикѣ въ Ирландіи. Но великорусскіе демократы не обошлись безъ него въ 1860 годы; не совсѣмъ они обходятся безъ него и теперь, какъ это видно на писаніяхъ многихъ русскихъ „народниковъ", цензурныхъ и безцензурныхъ. А между тѣмъ, прослѣдивши генеалогію всѣхъ этихъ претензій на сохраненіе въ Великороссіи основъ наиболѣе удобныхъ для торжества демократіи, антикапитализма, соціализма, правдоискательства и т. п., — вы найдете въ корнѣ родословнаго древа ничто иное, какъ старомосковскій китаизмъ и ученіе о томъ, что „Москва — третій Римъ, а четвертаго не будетъ". *)

---

*) Напомнимъ еще слова Герцена, написанныя во время польскаго возстанія въ отвѣтъ московскимъ славянофиламъ (Концы и начала. Колоколъ, стр. 1566): „Для васъ русскій народъ преимущественно народъ православный, т. е. наиболѣе христіанскій, приближающійся къ веси небесной. Для насъ русскій народъ преимущественно соціальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной веси, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія".

Если такимъ образомъ однимъ своимъ бокомъ ученія Герцена, — такъ какъ они были имъ изложены въ 1859—1860 гг., представляли опору для такой политики, которая потомъ повела за собою, съ русской стороны, мѣры противъ національной индивидуальности Польши,—то другимъ своимъ бокомъ они открывали наклонную плоскость, по которой и самъ Герценъ, и его политическіе друзья, покатились еще раньше въ сторону польскихъ „историческихъ“ стремленій, по сущности своей завоевательныхъ, а не освободительныхъ, и противъ которыхъ самъ Герценъ выставилъ столько вѣскихъ соображеній и въ тѣхъ же вышеупомянутыхъ статьяхъ.

Изъ выписанныхъ выше словъ Герцена въ 34 № „Колокола“ видно прежде всего, что онъ разумѣетъ подъ словомъ Россія — собственно только Великоруссію, ибо только къ ней „присоединилась Украйна въ XVII ст.“, — и только она „сохраняетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу“ (конечно, за исключеніемъ такъ называемыхъ инородцевъ). А между тѣмъ рядомъ Герценъ употребляетъ это слово и въ государственномъ смыслѣ и въ тоже

время неясно представляетъ себѣ численное отношеніе невеликорусскихъ элементовъ населенія русскаго государства къ элементу великороссійскому, — когда говоритъ, что „Россія, кромѣ закраинъ своихъ представляетъ сплошное единство.“ На дѣлѣ эти „закраины“ занимаютъ почти половину Европейской Россіи — отъ Финляндіи черезъ Петербургъ, Смоленскъ, почти подъ Воронежъ къ Н. Черкаску и Ставрополю, — и представляетъ почти половину населенія страны. При этомъ важное практическое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что почти всѣ невеликорусскія племена западной половины Европейской Россіи выходятъ своими частями за границы русскаго государства (литовцы, которыхъ болѣе сознательная часть и печать находятся въ Пруссіи, — поляки, украинцы, румыны), а потому не могутъ быть подведены этимъ государствомъ подъ одну струну. (Тоже слѣдуетъ сказать о грузинахъ и армянахъ за Кавказомъ). А изъ племенъ нерусскихъ, но помѣщающихся въ Россіи, — малыя племена латышей и эстовъ, которыхъ великорусскіе государственные демократы желаютъ эмансипировать и въ тоже время русить, превосходятъ своимъ образованіемъ

и организаціей русскихъ.*) Такимъ образомъ „закраины“ Россіи имѣютъ очень много шансовъ на измѣненіе всѣхъ разсчетовъ, которые могутъ быть сдѣланы великоруссами касательно судебъ всей Россіи. Противъ этого, конечно, люди въ родѣ Герцена (если бъ только ихъ было побольше!) ничего не станутъ и возражать. Но прежде всего имъ слѣдуетъ имѣть вполнѣ отчотливое понятіе о томъ, что такое „единство Россіи“ и что такое ея „закраины“.

У Герцена оказалось гораздо менѣе такихъ отчотливыхъ понятій, чѣмъ добрыхъ намѣреній, въ томъ случаѣ, когда онъ приступилъ къ вопросу о границахъ его „сплошной Россіи“ съ Польшею. Прежде всего онъ впалъ въ ошибку уже тѣмъ, что началъ,— по примѣру польскихъ „историческихъ“ патріотовъ опредѣлять границу своей Россіи, т. е. Великоруссіи отъ Польши, тогда какъ, по духу его идей, онъ долженъ бы

*) Въ началѣ 1881 г. эсты имѣли 6 періодическихъ изданій (въ теченіи года прибавилось еще 2) на 900,000 населенія, а латыши протестанты 10 на 1,100,000; русскихъ же было всѣхъ изданій, съ оффиціальными, только 376 на 40,000,000 великоруссовъ, не считая обрусѣлыхъ чиновниковъ.

былъ опредѣлять границу ея отъ Латышін, Бѣлоруссін и Украйны, — такъ какъ вѣдь великорусская нація нигдѣ съ польской не соприкасается. Между тѣмъ Герценъ, предполагая возможность, что напр. „Украйна не захочетъ быть ни польской, ни русской“, —предполагаетъ и возможность, что западныя области захотятъ быть то русскими, то польскими, при чемъ опираетъ это предположеніе на разныя „бытовыя основанія“, которыя, за неимѣніемъ ни горъ, ни большихъ рѣкъ, могутъ, по его мнѣнію, опредѣлить границу,— границу все таки между Россіей и Польшей! Приглядѣвшись ближе къ этимъ „бытовымъ основаніямъ“, увидимъ, что ни одно изъ нихъ не опредѣляетъ никакой границы, а одно за другимъ даютъ линіи до смѣшного перепутывающіяся.

Возьмемъ языкъ. Литовскій языкъ напр. уже потому, что онъ совсѣмъ и не славянскій, не можетъ быть „ближе“ ни къ русскому, ни къ польскому; область его, значитъ, окажется ни Россіей, ни Польшой. За тѣмъ славянскіе языки: бѣлорусскій и украинскій въ основѣ своей вездѣ,—къ западу, какъ и къ востоку, — находятся въ одинаковомъ отношеніи какъ къ польскому, такъ

и къ русскому языку,—и если напр. дальше къ западу вы встрѣтите въ языкѣ больше культурныхъ словъ польскихъ (между которыми добрая половина слова нѣмецкія, зашедшія и къ полякамъ, и къ их восточнымъ сосѣдямъ) а на востокѣ найдете слова русскія, то эти слова такъ же мало измѣняютъ массовой украинскій или бѣлорусскій характеръ какой нибудь Гродненской или Черниговской губерній, какъ и украинскія слова въ языкѣ орловской, или новгородской губерніи не измѣняютъ сути великорусскаго характера послѣднихъ. Рядомъ съ десятками — сотнями польскихъ и полонизированныхъ словъ встрѣтимъ въ языкѣ какой нибудь сѣдлецкой губерніи такія оригинальныя особенности основныхъ чертъ языка,—фонетики и грамматики, которыя заставятъ всякаго,—знакомаго съ дѣломъ,—только улыбнуться надъ тѣмъ, кто вздумаетъ зачислять эти земли въ Польшу, на основаніи будто бы большей близости языка къ польскому, чѣмъ къ великорусскому. Ссылаемся на всѣхъ ученыхъ писавшихъ объ этомъ предметѣ. По языку во всей спорной области получишь границы: Польши, Литвы, Латышіи, Бѣлоруссіи, Ук-

райны, Великороссіи, — а вовсе не Польши и Россіи.

Не больше помогаетъ великорусскому демократу съ его польскими корреспондентами и религія: православіе, унія и даже католицизмъ. Во первыхъ, унія сохранялась въ 1860 г. только въ Царствѣ Польскомъ (около 500,000) да въ Галиціи (б. 3,000,000), — значитъ громаднѣйшая часть земли отъ З. Буга и австрійской границы за Днѣпръ, т. е. всѣ „губерніи отъ Польши возвращенныя", какъ говорятъ въ Россіи, и весь „забраный край", какъ говорятъ въ Польшѣ, окажутся Россіей, конечно, къ великому неудовольствію польскихъ историческихъ патріотовъ. А кромѣ того населеніе уніатской Галиціи по всѣмъ прочимъ „бытовымъ основаніямъ" совсѣмъ подобно православному населенію кіевской губерніи, которое по религіозно - бытовому основанію Герцена оказывается „русскимъ", — и населенію Полтавской губерніи, которое „историческіе" польскіе патріоты не требуютъ въ Польшу на томъ основаніи, что оно уступлено Польшей трактатомъ 1667 г., а не 1773 г. Уніатское населеніе Галиціи и передъ 1860 г. десятки разъ доказало, между прочимъ уста-

ми крестьянскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ 1848 г.,—что оно также не хочетъ „принадлежать" Польшѣ, какъ и кіевское или полтавское, — о чемъ и Герценъ могъ бы знать, если бы между Галиціей и имъ не стояли увѣренія польскихъ патріотовъ и нѣмецкихъ либераловъ, будто „русиновъ выдумалъ въ 1848 г. намѣстникъ Галиціи гр. Стадіонъ". Наконецъ въ Правобочной Украйнѣ есть села бѣдной шляхты и вообще чиншевиковъ, по религіи католиковъ, но по языку украинцевъ и которые ни въ 1831 г., ни въ 1863 г. не обнаружили никакой охоты возставать за Польшу. Община,—какъ мірская сходка, существуетъ во всей данной полосѣ — а общиннаго землевладѣнія не существуетъ и въ Черниговской, и Полтавской губерніи (кромѣ казенныхъ крестьянъ). Оно существуетъ въ Слободской Украйнѣ и Новороссіи, какъ въ земляхъ новѣйшаго заселенія, но въ этихъ земляхъ, по всѣмъ другимъ „бытовымъ основаніямъ", населеніе ничѣмъ не отличается отъ населенія напр. полтавской, кіевской и подольской губерніи, — а въ Новороссіи, при общинномъ землевладѣніи, подобномъ великороссійскому, сохранились наиболѣе жи-

выя воспоминанія о томъ, какъ „Москва Січь руjновала“ и какъ „суча дочка, московська царицьа своjім генералам запорожські степи подаровала“ и т. к. Словомъ: 1) или не зачѣмъ вовсе поднимать вопр.са о „бытовыхъ основаніяхъ“ для политическихъ границъ, а надо признать границы, „историческія“, т. е. проведенныя мечомъ и перомъ дипломатовъ, — и тогда, право, трудно понять, чѣмъ это границы, установленныя для Россійской имперіи вѣнскимъ конгрессомъ 1815 г. хуже, чѣмъ границы между Московіей и Польшей, опредѣленныя въ 1667 г. и существовавшія до 1772 г.? По здравому разуму, теперешнія „историческія“ границы Россіи, какъ Россійской имперіи, уже потому лучше „историческихъ“ границъ Польши 1667--1772 гг., что они существуютъ; или же 2) если уже начать передѣлывать границы Россійской имперіи, по совокупности бытовыхъ основъ, то опять таки получимъ не Россію и Польшу, — а Польшу, Украйну, Бѣлоруссію, Литву и т. п.

Но въ концѣ концовъ великорусскій демократъ высказываетъ мысль, что не нужно предрѣшать вопроса о границахъ, — а слѣдуетъ предоставить рѣшить его населе-

ніямъ спорныхъ провинцій, — причемъ, говоря пока объ одномъ изъ нихъ, украинскомъ, говоритъ: „развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово" и т. д. На первый взглядъ нѣтъ ничего резоннѣе, благонамѣреннѣе и даже самоотверженнѣе такихъ рѣчей, — и если бы политическіе дѣятели, не говоримъ уже правители, но даже революціонеры, — всѣ были Герцены, то не оставалось бы ничего желать, какъ только того, чтобъ они поставлены были въ возможность „развязать руки и языкъ" населеніямъ Европы, „сдѣлать ихъ рѣчь *совершенно* свободною", чтобъ избавить эти населенія по крайней мѣрѣ отъ національныхъ споровъ. О такомъ непредрѣшеніи вопроса о „забранныхъ краяхъ" и объ освобожденіи прежде всего языка и рукъ ихъ населеній, для того, чтобъ они могли совершенно свободно подать свой голосъ по вопросу о принадлежности къ Польшѣ, или о союзѣ съ нею, — говорили и во времена Герцена нѣкоторые польскіе политики, — говорятъ и теперь иногда польскіе публицисты. Мы увидимъ далѣе примѣры этихъ рѣчей.

Увы! не сомнѣваясь въ самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ говорящихъ такія рѣчи, мы не можемъ не признать ихъ ничѣмъ инымъ, какъ только компромиссомъ между мнѣніями, съ которыми трудно бороться на открытомъ полѣ аргументаціи, мнѣніями отрицающими всякія „историческія“ права Польши и всякія издѣлія старой дипломатіи, Люблинскія, какъ и Вѣнскія,—и собственными привычками говорящихъ къ мысли объ этихъ „историческихъ“ правахъ. Это очень гуманно спрашивать населенія о политическихъ границахъ. Еще гуманнѣе поднять оружіе для того, чтобъ „развязать имъ языкъ“. Но на бѣду въ иныхъ вопросахъ отвѣты зависятъ отъ того, кто, какъ и при какихъ условіяхъ предложитъ вопросъ, —а теперешнія массы народа во внѣшне-государственныхъ вопросахъ, —сущность которыхъ не сразу видна имъ въ повседневной жизни, —почти всегда высказываются за status quo,—т. е. на дѣлѣ за того, у кого въ рукахъ власть, войско. Тотъ же, у кого въ рукахъ власть, не расположенъ ставить вопросы иначе, какъ въ такой формѣ, чтобъ получить на нихъ какъ разъ такіе отвѣты, какіе ему нужны. Напомнимъ напр. suffrage universel, произве-

денный Наполеономъ III въ Ниццѣ, или хоть послѣднюю перепись, произведенную въ Галиціи польскими чиновниками, между которыми находится много принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи 60-хъ годовъ. За тѣмъ, есть положенія, когда приставать къ человѣку съ извѣстными вопросами, прося у него самыхъ свободныхъ отвѣтовъ, есть просто невѣжливость: въ числѣ такихъ невѣжливыхъ вопросовъ можно поставить вопросы: Лейпцигу: нѣмецкій ли онъ городъ, или чешскій?—Варшавѣ,—не русская ли она? и обитателямъ кіевскаго уѣзда,— не поляки ли они? А поднимать въ Лейпцигѣ возстаніе для того, чтобъ развязать ему языкъ по вопросу: хочетъ ли онъ быть нѣмецкимъ, или чешскимъ городомъ?—было бы болѣе, чѣмъ невѣжливо. Но пусть предлагаютъ разные софистическіе и даже невѣжливые вопросы люди, власть имѣющіе. Прежде всего, они почти ничѣмъ не рискуютъ, имѣя въ рукахъ готовую власть. Революціонеры же, даже тѣ, которые хотятъ захватить власть, а не только тѣ, которые хотятъ „совершенной свободы", — должны задавать вопросы самимъ себѣ прежде, — чѣмъ должепствующимъ быть освобожден-

ными населеніямъ, — и добиваться на нихъ отвѣтовъ положительно-научнымъ способомъ, на основаніи совокупности данныхъ, представляемыхъ исторіей и настоящимъ положеніемъ этихъ населеній. Такъ медикъ долженъ прежде всего дѣлать самъ діагнозъ болѣзни субъекта, котораго онъ думаетъ лечить, — имѣя при этомъ въ виду, что иногда этотъ субъектъ можетъ и не понимать его вопросовъ. Для революціи прежде всего нужна сила, — т. е. помощь самого населенія извѣстныхъ странъ, а потому революціонеръ, особенно если онъ не разсчитываетъ на постороннюю государственную помощь, — (въ какомъ случаѣ онъ собственно и не революціонеръ, а завоеватель) долженъ прежде всего сообразить, чѣмъ онъ можетъ поднять населеніе, и чѣмъ можетъ оттолкнуть его отъ себя? Революціонеръ же, который дѣйствительно чуждъ личнаго и даже національнаго эгоизма, — долженъ при этомъ сообразить, что такое дѣйствительно можетъ служить къ удовлетворенію нуждъ даннаго населенія? и долженъ затѣмъ направить въ эту сторону всю свою энергію. Всѣ эти требованія мы вправѣ предъявлять къ дѣятелямъ настоящаго, „положительнаго“ времени.

Приложимъ эти соображенія къ двумъ крайнимъ и непохожимъ между собою провинціямъ изъ числа „забранныхъ“ нынѣшнею Россіею отъ старой Польши, — къ Украйнѣ и Литвѣ. Въ первой мы увидимъ такое недвусмысленное и столько разъ съ XVI в. заявленное отвращеніе отъ всякой принадлежности къ польскому государству, что слѣдуетъ по истинѣ удивляться, какъ можно было людямъ, что нибудь знающимъ объ этой землѣ, допускать на одну секунду мысль, что населеніе ея можетъ, да еще при полной свѣжести памяти о крѣпостномъ правѣ у польскихъ пановъ,—пойти за польскимъ знаменемъ, даже если бы изъ подъ него обѣщались рѣки сытовыя и берега кисѣльныя. Во второй мы видимъ населеніе еще съ XV ст. затертое національно-политически и придавленное соціально, — такъ что ему теперь совершенно странно ставить вопросъ о томъ, хочетъ ли оно принадлежать къ тому, или другому государству, или даже къ тому, или другому политическому союзу. Какъ населеніе религіозное, и при томъ католическое, литовцы, конечно, не довольны принадлежностью къ еретичной Россіи, и ихъ, конечно, можно

убѣдить, что съ единовѣрной Польшей имъ было бы лучше, хотя сомнительно, чтобъ ихъ можно было довести до поголовнаго возстанія за отпаденіе отъ Россіи къ Польшѣ: по крайней мѣрѣ такого возстанія не было ни въ 1831 г., когда жмудины даже пробовали рѣзать польскихъ пановъ, какъ дѣлали это потомъ, въ 1846 г., польскіе крестьяне въ западной Галиціи *), ни въ 1863 г., когда возстаніе въ Жмуди, не смотря на усилія ксендзовъ, вовсе не было очень энергично, а тамъ, гдѣ ксендзъ былъ не изъ шляхты, а изъ крестьянъ, то, говорятъ, его и совсѣмъ не было.

Но допустимъ, что старое польское государство возстановлено, — и среди 30 мильоновъ населенія его (10—11 мильоновъ поляковъ) оказывается и 2½ мильона литовцевъ, — почти исключительно крестьянъ. Лучше ли бы съ ними обращался сеймъ Польши, чѣмъ парламентъ Германіи обращается съ познанскими поляками, или галиційскій съ русинами? Сомнительно. А если такъ, то стоитъ ли мѣнять господина?!...

*) О жмудской жаккеріи можно прочесть у Шмидта (Geschichte der Polnischen Revolution 1830—31), котораго мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою.

Но, говорятъ, такого не было бы, если бъ Польша была возстановлена революціоннымъ путемъ, да еще при дѣятельномъ участіи не-польскихъ населеній, въ томъ числѣ и литовскаго,—которыя въ такомъ случаѣ имѣли бы достаточно силы, чтобъ и не позволить поставить себя въ подчиненное положеніе, даже, если бы поляки и возымѣли неблагородное желаніе господствовать надъ ними. Литвины напр. имѣли бы областное самоуправленіе, свой языкъ въ школахъ, а если бы захотѣли, то и свой университетъ. Если же такъ, то, спрашивается, почему подобный союзъ назывался бы Польшею? а слѣдовательно непонятно, за чѣмъ это нужно приступать къ агитаціи среди литовскаго населенія во имя возстановленія Польши и Люблинской уніи, отъ которой собственно литовскому населенію было по меньшей мѣрѣ ни тепло, ни холодно,—а не прямо во имя интересовъ самаго литовскаго населенія?

Уже и опытъ 1830—31 гг., когда Царство Польское имѣло свою армію,—показалъ, что безъ поголовнаго возстанія не только поляковъ, но и всѣхъ націй „забранныхъ краевъ“ невозможно освободить

отъ когтей Россійской имперіи даже Конгрессовую Польшу,—а, слѣдовательно, сторонники даже одного этого освобожденія, должны были въ 60-е годы употребить всевозможныя усилія, чтобы привлечь къ новому возстанію эти населенія. А для этого надо было, чтобъ сторонники эти, а также друзья ихъ въ польскихъ губерніяхъ, употребили больше усилій, чтобъ изучить потребности и характеръ этихъ населеній, войти въ ихъ интересы, слиться съ ними языкомъ и трудомъ,—безъ чего невозможно пріобрѣсти ихъ довѣрія,—а потомъ и подпимать эти населенія за ихъ, а не за польскіе интересы. Если же такъ, то опять спрашивается: почему такое возстаніе было бы польскимъ возстаніемъ,—а не польскимъ, литовскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ возстаніемъ,—если говорить пока только о вопросѣ національной и областной автономіи и оставить вопросы чисто соціальные, о которыхъ будетъ рѣчь дальше. Необходимо принять во вниманіе, что украинцамъ нѣтъ интереса дѣлиться пополамъ, такъ чтобъ западная ихъ половина вошла бы въ союзъ,—положимъ, не похожій на все прежнее и на положеніе дѣлъ въ Галиціи,—

съ Польшею,—а восточная оставалась за Россіей, и что, если украинцамъ лить кровь за автономію, то за автономію всего своего племени. Значитъ предполагаемому возстанію населеній западной Россіи еще болѣе нѣтъ резона производиться подъ знаменемъ Польши. Наконецъ еще въ 1831 г. нашлись среди поляковъ люди, которые увидѣли необходимость поддержки и въ Великороссіи, почему и написали на своихъ знаменахъ: „за нашу и вашу вольность". И въ самомъ дѣлѣ,—не только трудно себѣ представить полное торжество возстанія въ западной половинѣ Россіи безъ поддержки свободнаго движенія въ Великороссіи, но разъ допустивши, что цѣлью вышеупомянутаго возстанія должно быть не возстановленіе старой Польши въ одной изъ ея историческихъ границъ, а установленіе великой федераціи поляковъ, литовцевъ, латышей, бѣлоруссовъ и украинцевъ, — совсѣмъ непонятно исключеніе изъ нея и великоруссовъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости выработать широкую федеральную програму, независимую ни отъ какихъ „историческихъ" преданій и государственныхъ претензій, програму вполнѣ достойную

освободительныхъ идей новѣйшаго времени и могущую дѣйствительно удовлетворить интересы всѣхъ племенъ Восточной Европы.

Читатель можетъ замѣтить, что мы выходимъ за предѣлы предмета, о которомъ начали рѣчь и говоримъ о настоящемъ и будущемъ, вмѣсто обсужденія прошедшаго, къ которому было бы слишкомъ строго прилагать мѣрку, годную развѣ для настоящаго или даже для будущаго. Это замѣчаніе будетъ вѣрно только отчасти. Во первыхъ для дѣятеля все таки недавняго и при томъ для человѣка такого ума и образованія, какими обладалъ Герценъ, никакая теперешняя мѣрка не можетъ быть строгою,—и если бы Герценъ явился и теперь среди насъ такимъ, каковъ онъ былъ, то врядъ ли бы онъ оказался позади многихъ изъ теперешнихъ дѣятелей, а не гораздо болѣе современнымъ, чѣмъ они. А во вторыхъ въ своихъ статьяхъ „Польша и Россія“ 1859—1860 г. Герценъ самъ очень ясно намѣтилъ основы той широкой федеральной программы, о которой мы сей часъ сказали. Онъ только не развилъ ее въ деталяхъ,—и не обнаружилъ должной

настойчивости передъ претензіями „историческаго“ польскаго патріотизма, а потомъ въ горячую минуту сдѣлалъ ему еще болѣе уступокъ. Причиною тому было главнымъ образомъ отсутствіе детальныхъ знаній относительно западныхъ провинцій Россіи и отсутствіе непосредственныхъ впечатлѣній отъ ихъ жизни,—хотя нельзя сказать, чтобъ знаменитый великорусскій демократъ былъ совсѣмъ лишенъ предостереженій съ мѣста, по крайней мѣрѣ, изъ одной изъ западныхъ провинцій.

Самое выдающееся изъ этихъ предостереженій было письмо, помѣщенное въ 61 листѣ „Колокола“ (1860 г., 15 Января) какъ передовая статья подъ заглавіемъ „Украйна“, и вызванное прямо статьею Герцена въ 34 №, изъ которой мы привели выше выдержки. Письмо это, очевидно, принадлежитъ перу одного изъ главныхъ членовъ кіевскаго братства 1847 г. и замѣчательно во многихъ отношеніяхъ,—такъ что мы рѣшились перепечатать его особо отдѣльной брошюрой. Здѣсь мы приведемъ изъ него нѣсколько выдержекъ, которыя наиболѣе прямо идутъ къ занимающему насъ вопросу.

Начавъ съ благодарности издателю „Ко-

локола“ за слова его объ Украйнѣ, сказанныя въ 34 №, какъ „за одну изъ многихъ истинъ, которыя онъ первый высказалъ печатно на русскомъ языкѣ“, авторъ письма приступаетъ къ изложенію своихъ „задушевныхъ убѣжденій“.

„Большинство великорусской и польской публики, говоритъ онъ, привыкло не считать насъ (украинцевъ) отдѣльнымъ народомъ. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что *дворянъ*-малороссіянъ нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаніемъ о несостоятельности дворянской институціи, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде у насъ не было дворянъ: они были чужіе, хотя и происходили отъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь—великороссіянами. Народность ***малороссійская***, какъ привыкли ее называть съ легкой руки дьяковъ Алексѣя Михайловича, всегда оставалась достояніемъ угнетеннаго сословія, потомъ и кровію утучнявшаго и Вишневецкихъ и Разумовскихъ. Можно ли признать народомъ *мужичье?* Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?

„Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случалось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоли Польшѣ не можетъ быть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ—поляки и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ; что же касается до сплошной массы чорнаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великоруссы, или наслышавшись польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ полякамъ эти края,—или же, подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непререкаемою собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ составляетъ спорный пунктъ между свободолюбящими (людьми) обоихъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ, — они принадлежатъ тому народу, который издревле

ихъ населялъ, населяетъ и обрабататывастъ".

Сдѣлавъ за тѣмъ обзоръ исторіи Украйны и указавъ, какъ на главную причину ея упадка, на раздѣлъ ея въ концѣ XVII в. между Москвою, Польшею и Турціей, авторъ переходитъ къ украинскому возрожденію въ XIX столѣт. и къ появленію на Украйнѣ идей панславизма. „Идея панславизма, говоритъ онъ, принялась на Украйнѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси, подъ которыя боязливо подкладывалась всероссійскому престолу надежда простереть когда нибудь царственную десницу на славянскіе народы и уготовать имъ вожделѣнную судьбу Украйны и Польши. Въ Украйнѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ путемъ Украйна можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой столь несправедливо и безжалостно попранный об-

разъ". Расказавъ далѣе судьбу кіевскаго братства 1847 г. и его членовъ въ ссылкѣ и вліяніе на Украйну оттепели, наступившей въ началѣ царствованія Александра II,--„весны, хотя непостоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ",—авторъ предлагаетъ нѣсколько украинскихъ требованій отъ русскаго правительства: дополненіе задуманнаго освобожденія крестьянъ полнымъ уравненіемъ правъ крестьянъ съ дворянствомъ, а также допущеніе украинскаго языка въ школы,— и за тѣмъ оканчиваетъ свою статью такъ: „Болѣе мы не станемъ требовать и желать собственно для себя, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи Южной Руси отъ связи съ остальной Россіей. Напротивъ, мы бы желали, чтобъ всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипетромъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-нѣмецкой московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, ***въ него же вѣруемъ и его же чаемъ,*** **наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ**

пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южнорусскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ. Чтобъ наши потомки увидѣли то, что едва ли какому нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть, — надобно, чтобы славяне очищались отъ своихъ старыхъ предразсудковъ.

„Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ *своими* земли, заселенныя нашимъ народомъ“.

Въ 1863 г., въ самый разгаръ польскаго повстанья, послѣ того уже, какъ Герценъ принялъ программу делегатовъ варшавскаго революціоннаго правительства, онъ вспомнилъ эту статью, называя ее превосходною и говоря, что съ нимъ „согласны и сами украинцы“,—т. е. иначе, что онъ самъ согласенъ съ федералистомъ авторомъ статьи „Украйна“. („Колоколъ“, № 167). На сколько это заявленіе Герцена было вѣрно,—увидимъ далѣе.

V.

Представленное выше критическое отношеніе Герцена къ польскому историческому патріотизму и его соціально-демократическое федеральное всеславянство не встрѣчали себѣ ни малѣйшаго отзыва въ польскомъ обществѣ, ни даже,—какъ мы помнимъ по собственнымъ наблюденіямъ изъ временъ нашего студенчества (въ Кіевѣ, 1859—1863) среди молодежи. Въ польскомъ обществѣ и печати царствовало безъ соперника убѣжденіе, что „Литва и Русь" интегральныя части Польши,—а среди польскихъ демократовъ господствовало убѣжденіе, что соціальный переворотъ и даже какія нибудь уступки крестьянамъ необходимо дѣлать, соображаясь съ ходомъ вопроса о возстановленіи Польши;—а такъ какъ это возстановленіе требовало дѣятельнаго участія помѣщиковъ и даже заграничной дипломатіи,—то, понятно, что даже крайніе демократы и соціалисты не могли дать вполнѣ свободнаго хода своимъ соціально-экономическимъ идеямъ, какъ и своимъ свободнымъ мнѣніямъ о религіи *). Казалось бы, что

*) См. у Герцена объ отношеніяхъ Ворцеля къ

при такомъ коренномъ различіи въ идеяхъ, союзъ между „Колоколомъ" и польскими революціонерами былъ не возможенъ. И однако жъ онъ состоялся.

Герценъ расказалъ въ своихъ замѣткахъ, какъ это случилось. (Сборникъ посмертныхъ статей, 211—216).—„Если въ Россіи, говорилъ Герценъ делегатамъ варшавскаго революціоннаго комитета, —на вашемъ знамени не увидятъ *надѣлъ земли (крестьянамъ) и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ*".—Вы будете нами довольны,—отвѣчали делегаты.—Такой разговоръ происходилъ уже послѣ редакціи прокламаціи, которая должна была появиться въ „Колоколѣ", какъ отвѣтъ на письмо польскаго революціоннаго комитета. Въ отвѣтѣ этомъ Герценъ написалъ слѣдующія рѣшительныя слова не только отъ себя, но и отъ всей своей группы: „тотъ русскій, который и на этомъ основаніи не подастъ руки полякамъ, тотъ не любитъ свободы". Между тѣмъ, взглянувъ холод-

---

окружавшимъ его „революціоннымъ недорослямъ", (Сборн. Посмертн. Статей. 123 —125).

нымъ окомъ на „основанія“, начертанныя польскими делегатами,—нельзя не увидѣть, что между Герценомъ и этими послѣдними произошло крупное недоразумѣніе, граничившее чуть не съ мистификаціей.

Авторы представленной Герцену декларацін „отъ центральнаго народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ“, („Колоколъ“, 1 октября 1862) заявили, что признаютъ „право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими и полную самоправность всякаго народа располагать судьбою своею“. Но дальше, при развитіи этого положенія, оказалось, что надѣлъ крестьянскій, размѣръ котораго не былъ опредѣленъ,—обѣщался „на основаніи выкупа“. Но на этомъ основаніи еще раньше назначенъ былъ крестьянамъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ надѣлъ „отъ царя“, по Положенію 19 Февраля 1861. Новаго польскіе революціонеры обѣщали крестьянамъ—развѣ т. наз. „прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и обязательный выкупъ“, — и 2) выкупъ за надѣлы, принятый прямо на государственный бюджетъ (какъ въ Австріи), а не на взносы однихъ крестьянъ. Но къ первому склонялось само правительство, въ

виду рѣшительнаго нежеланія крестьянъ, особенно на Украйнѣ, продолжать какія бы то ни было обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, и требованій „царскаго выкупа“, подъ которымъ крестьяне разумѣли совсѣмъ даровое для нихъ полученіе надѣловъ, а администрація разумѣла обязательный выкупъ (Основа, 1862, Сентябрь. Послѣ поѣздки на Волынь. 45) Второе напр. въ Австріи было въ сущности совсѣмъ видимымъ облегченіемъ крестьянъ,—такъ какъ общее повышеніе податей для покрытія выкупнаго долга наложило на нихъ такую же плату, какую крестьяне платили въ Россіи въ видѣ своихъ прямыхъ выкупныхъ взносовъ. Декретъ польскаго революціоннаго правительства, изданный въ духѣ декларацій, помѣщенной въ „Колоколѣ“, если и могъ быть гдѣ нибудь полезенъ сравнительно съ status quo, такъ это въ Царствѣ Польскомъ, — такъ какъ тамъ совсѣмъ еще не было придумано ни патріотами—помѣщиками, ни правительствомъ общей мѣры о переходѣ надѣловъ въ крестьянскую собственность даже посредствомъ выкупа. Но тутъ этотъ декретъ имѣлъ другую слабую сторону. Онъ давалъ надѣлы, конечно, съ воз-

награжденіемъ помѣщикамъ, только крестьянамъ, признаннымъ сидящими на землѣ;— что же касается до безземельныхъ крестьянъ и батраковъ,—то изъ нихъ должны были получить надѣлы только тѣ, которые поступятъ въ ряды повстанцевъ!! (Текстъ декрета см. Giller, Historja powstania narodu polskiego w 1861—1864 r. I, 312—312; переводы: въ Affaires de Pologne. Exposé de la situation suivi des documents et de pièces justificatives. 1862. Изданіе кн. Чарторыйскаго съ видомъ оффиціальнаго. 41—42. Em. Knorr. Die polnischen Aufstaende seit 1830. Berlin. 1880. 312—313) *) Но по счету 1859 г. изъ 3.639.000 сельскаго населенія въ Царствѣ было поземельныхъ собственниковъ 6% (218.528, изъ которыхъ крестьянъ 21.944); сидящихъ на землѣ за панщину и чиншъ—55%, и безземельныхъ 37%. (Załęski. Stat. porown. Kr. Polskiego. I, 84).

---

*) Въ „Золотой Грамотѣ", изданной послѣ къ „сельскому люду Подоліи, Волыни и Украйны" (кіевск. губ.) уже нѣтъ этого условія, но вопросъ о надѣлахъ безземельныхъ крестьянъ (которыхъ тутъ было гораздо меньше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ) предоставленъ на рѣшеніе будущаго „найвысшаго сейма государственнаго". (Giller, I 315).

Эти 37⁰/₀, т. е. 1.339.403 человѣка, оставались собственно внѣ благодѣяній декрета польскаго революціоннаго правительства. Русское правительство нашло потомъ для части ихъ земли, только конфисковавъ монастырскія имѣнія,—на что революціонное правительство не рѣшалось, по той простой причинѣ, что тогда бы оно лишилось поддержки духовенства, на которое всегда расчитывали самые красные и самые вольнодумные польскіе революціонеры. Такимъ образомъ вопросъ о надѣлахъ крестьянамъ у польскихъ революціонеровъ 1862—1863 гг. оказывался сильно подчиненнымъ политическимъ соображеніямъ, въ совершенную противность всему тому, что по этому вопросу учили Герценъ и его друзья,—которые не замедлили бы назвать варшавскій декретъ 22 Января 1863 г. совершенно недостаточнымъ, если бы онъ вышелъ напр. отъ русскаго правительства.

Но если декларація польскихъ революціонеровъ по первому пункту требованій великорусскихъ демократовъ, по аграрному вопросу, были недостаточны,—то уступки ихъ по второму пункту,—по вопросу о „волѣ (западныхъ) провинцій“,—были совсѣмъ призрачны. Уже въ самомъ заявленіи

„центральнаго комитета", напечатанномъ въ „Колоколѣ" вопросъ о „полной самоправности всякаго народа располагать судьбою своею" оказывался предрѣшеннымъ въ пользу союза литовцевъ, латышей (витебской и курляндской губ.), бѣлоруссовъ и правобочныхъ украинцевъ съ Польшей, по крайней мѣрѣ на время войны ея съ „Москвою". Казалось бы „полная самоправность всякаго народа располагать своею судьбою" должна бы обнимать собою не только свободу жить, съ сохраненіемъ автономіи, въ извѣстномъ союзѣ, но и свободу не приставать къ нему,—свободу не принимать вовсе участія въ кровопролитіи, поднятомъ по соображеніямъ одного изъ своихъ сосѣдей, который добивается съ ними союза,—а если уже возставать противъ существующей политической комбинаціи, то прежде всего для себя, по своимъ соображеніямъ. Но не такъ понимали эту самоправность польскіе революціонеры: у нихъ восточные сосѣди поляковъ должны были возставать противъ „Москвы"—потому что это нужно для *Польши*, потому что *поляки*—не могутъ отъ нихъ отказаться,—а потомъ уже, возстановивъ Польшу,—и непремѣнно Поль-

шу 1772 г.,—сосѣди эти должны были получить свободу распоряжаться собою. Чтеніе самихъ декларацій 1862—1863 г.,—не говоря уже о положеніи дѣлъ въ Галиціи, позволяетъ намъ прибавить къ словамъ „распорядиться собою"... „если только имъ это позволятъ поляки" *).

---

*) Въ виду того, что нѣкоторые польскіе патріоты иногда указываютъ на нѣкоторыя права украинской національности въ Галиціи, тогда какъ русское правительство запрещаетъ печатаніе даже самыхъ невинныхъ украинскихъ книгъ, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ права, какими пользуются украинцы въ Галиціи, существуютъ не благодаря польскимъ политикамъ, а на зло имъ, признаны не польскими законами и учрежденіями, а австрійскими, и постоянно нарушаются и атакуются всею мѣстною польскою печатью, въ которой дѣйствуетъ много демократовъ—революціонеровъ 1863 г. Галицкая полиція (польская),—въ числѣ агентовъ которой есть тоже не мало участниковъ революціи 1863 г., позволяетъ себѣ арестовывать у крестьянъ и сельскихъ учителей самыя невинныя книжки украинскія, какъ это дѣлаетъ и русская полиція,—а свободная польская печать не только не порицаетъ этого, какъ это все таки, хоть изрѣдка, дѣлаетъ подцензурная русская печать, а вполнѣ поддерживаетъ совершенно противозаконныя дѣйствія польской полиціи противъ русиновъ-украинцевъ.

Вотъ въ самомъ, дѣлѣ какимъ языкомъ говоритъ декларація „центральнаго комитета“ о непольскихъ народахъ Польши даже въ „Колоколѣ“: „*Мы* (т. е. поляки) были лишены политическаго существованія насильственно. *Мы* этого насилія никогда не признавали и не можемъ признать. Поэтому *мы* не признаемъ ни новыхъ границъ, ни правительствъ, основанныхъ на развалинахъ *нашей* свободы. Для *насъ* нѣтъ *Польши* раздѣленной, для *насъ Польша* единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ (каково уравненіе: $x = x + y + z$, если только y и z не равны нулю!) безъ всякой гегемоніи котораго нибудь изъ трехъ народовъ. (Почему же тогда это будетъ Польша, — и почему тутъ говорится о трехъ народахъ, когда въ одной Литвѣ 1569—1772 г., было ихъ три: литовцы, латыши и бѣлоруссы?) Выходя изъ этой точки зрѣнія, *мы* стремимся къ возстановленію *Польши* въ прежнихъ границахъ, оставляя народамъ въ нихъ обитающимъ, т. е. литвинамъ и русинамъ (только?) полную свободу оставаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ волѣ“. По

истинѣ нельзя не удивляться наивности субъективизма и противорѣчіямъ, заключающимся въ этой тирадѣ,—но дальше изчезаетъ даже противорѣчивое признаніе самостоятельности „Литвы и Руси“,—и документъ просто заявляетъ, что „союзъ членовъ“ искомой Польши „существуетъ и въ настоящее время“ и что „требовать отъ *насъ*, поляковъ, чтобы *мы* не стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ(?) границахъ, значитъ, требовать отъ *насъ* признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу *нашей* свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ народовъ“. Такимъ образомъ даже въ декларацін, представленной такимъ людямъ, какъ Герценъ, вопросъ о непольскихъ народахъ старой Польши былъ поставленъ и даже собственно уже разрѣшенъ съ совершенно субъективной, исключительно польской точки зрѣнія. Но не смотря на это, даже среди демократической партіи оказались люди, которые находили, что польскіе делегаты въ Лондонѣ уступили слишкомъ много. Такъ генералъ Мѣрославскій, — лицо, какъ извѣстно, вліятельное, кандидатъ демократической партіи въ диктаторы Польши,—на-

зывалъ делегатовъ, которые совѣщались съ редакціей „Колокола“,—„радикальными чиновниками Бакунина, панславистами, которые согласились на новый раздѣлъ Польши“. (См. Мѣрославскаго: „Lettre du général Mierosławski au major Brażewicz“, и Бакунина: Un dernier mot sur M. L. Mierosławski. Genève. 1868).

Конечно, въ виду совершенно централистическаго характера понятій польскаго общества о народахъ старой Польши, — въ прокламаціи 22 Января 1863, изданной варшавскимъ центральнымъ комитетомъ“, который выступалъ теперь, какъ „народное правительство“, — изчезли совсѣмъ даже тѣ „три народа“, которые показывались въ лондонской декларацiи,—а признавался только одинъ „*народъ* Польши, Литвы и Руси“ около „народа московскаго“. (Do broni więc Narodzie Polski, Litwy!... A teraz odzywamy się do ciebie Narodzie Moskiewski!). И такой рѣшительный унитаризмъ находился въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ тѣмъ, что говорилось и писалось въ польскомъ обществѣ всѣхъ партій въ теченіи всего времени, предшествовавшаго возстанію, особен-

но послѣ 1848 г. (со времени „изобрѣтенія Русиновъ“ въ Галиціи), когда польскіе ораторы и писатели развивали на всякіе лады тему: «nie ma Rusi, a jest tylko Polska i Moskwa». Только уже послѣ, когда замѣчено было противорѣчіе манифеста 22 Января 1863 г., который говорилъ только о „равенствѣ и вольности всѣхъ сыновъ Польши безъ различія вѣры и племени (rodu), происхожденія и сослов'я“ въ одномъ „народѣ Польши, Литвы и Руси“,—съ идеей о самостоятельности непольскихъ народовъ, которыхъ тоже требовалось привлечь къ возстанію, —варшавское „народное правительство“ издало 5 Февраля особую прокламацію къ „братьямъ русинамъ“, (сочинена г. Гиллеромъ), но и въ ней не рѣшился не только признать русиновъ вполнѣ самостоятельнымъ народомъ, — но даже обращался къ нимъ съ напоминаніемъ о томъ, будто „земля ихъ дѣлила съ (польскою) республикою общее счастье и несчастіе“ (не во время ли Хмельницкаго, Палія или гайдамаковъ?!) и приглашалъ ихъ не становиться виновными въ задержкѣ „возрожденія общей родины“ (Giller, I, 155). Когда въ концѣ

апрѣля 1863 г. поляки приступили къ возстанію и подъ Кіевомъ и когда вопросъ объ отношеніяхъ дѣйствительной Польши къ „Руси" получилъ особенную важность, то даже и тогда въ изданной „народнымъ правительствомъ" на украинскомъ языкѣ „во имя отца и сына и святаго духа" „Золотой грамотѣ" вопросъ о самостоятельности „Руси" постарались поставить какъ можно менѣе ясно. Грамота озаглавлена только: „къ люду сельскому", — въ концѣ говорится: „къ сельскому люду Подоліи, Волыни и Украйны",—и только этому сельскому люду обѣщано между прочимъ „употребленіе его языка въ школахъ, судахъ и земскихъ учрежденіяхъ", (Giller, I, 312 —316)*) Подобнымъ же образомъ относились

*) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что вставка словъ о „свободномъ развитіи народностей какъ польской, *такъ и украинской*" въ адресѣ, который подали подольскіе дворяне въ 1862 г. 1 октября въ текстѣ его, напечатанномъ у г. Гиллера, (II, 398) есть просто фальсификатъ (чей??). Въ оффиціальномъ изданіи Les affaires de Pologne этихъ словъ нѣтъ.

Приводимыхъ у г. Гиллера словъ уже потому не могли сказать подольскіе дворяне, что у поляковъ слово Украйна—употребляется только для означенія кіевской губ. (см. сейчасъ въ выдержкѣ

польскіе революціонеры и къ бѣлоруссамъ. Такъ Константинъ Калиновскій, искреннѣйшій демократъ, печаталъ въ Бѣлостокѣ въ тайной типографіи по бѣлорусски листки: Pismo ad Jaśka haspadara z pad Wilni", — но озаглавилъ ихъ: „da mużików ziemli polskoj". Въ пѣсни, для бѣлоруссовъ назначенной, писалось: „bywaj zdarowy, mużicki narodzie",—въ другой взывалось „hu-ha wierniem Polszcze!" и т. д. (Giller, I, 326, 334, 194) *) Только 10

изъ „Золотой Грамоты") а для означенія „украинской" народности у нихъ употребляется слово ruski (отлично отъ rossyjski, moskiewski, великорусскій),—а также потому, что нѣкоторые изъ подписавшихъ адресъ предводителей, во время суда надъ ними въ сенатѣ, объявили, что въ присоединеніи къ Царству Польскому видятъ единственную гарантію отъ происковъ партіи „хлопомановъ", какъ тогда поляки называли сознательныхъ „украинцевъ".

*) Кстати замѣтимъ, что пѣсни и прокламаціи, писанныя поляками въ 1863—63 гг. для бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ показываетъ совершенное отсутствіе реальнаго изученія жизни и поэзіи этихъ крестьянъ и отличаются, кромѣ плохого, часто помосковленнаго языка, еще фальшивымъ тономъ: то притори-сантиментальнымъ и салонно-клерикальнымъ, то ухорски-ка-

мая, когда уже опредѣлился (сразу) неуспѣхъ возстанія подъ Кіевомъ,—варшавскій комитетъ редижировалъ новую прокламацію, въ которой, все таки, конечно, не отступая отъ польскаго унитаризма, заговорилъ яснѣе объ „обезпеченіи братскимъ *народамъ* Литвы и Руси, соединеннымъ съ Польшею, самое широкое развитіе ихъ народности и языка“ (Giller, 322—323). Но это заявленіе было столь же запоздалымъ, какъ запоздалымъ было (1849 г.), послѣ всѣхъ проявленій мадьярскаго централизма и исключительности, провозглашеніе равноправности народовъ Венгріи пра-тельствомъ Кошута уже тогда, когда Паскевичъ вступилъ въ Венгрію. Мадьярамъ надо было сдѣлать подобное заявленіе по крайней мѣрѣ еще въ 1840 г., а полякамъ по крайней мѣрѣ въ 1848 г., да и согласить съ нимъ всѣ предреволюціонныя дѣйствія съ того самаго времени. Тогда бы конечно, не погибло почти напрасно столько благородной крови,—но тогда бы и воз-

---

бацкимъ. Тонъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ характеру тогдашней пейзанско-хлопской литетатуры польской, которой не доставало вовсе здороваго народничества украинской и великорусской литературы.

званіе 22 Января не было пропитано такимъ польско-централистическимъ духомъ и въ декларацін, напечатанной въ „Колоколѣ“, не было бы столько софистики, которая тѣмъ печальнѣе, чѣмъ болѣе она была искренна.

Но Герценъ по видимому не замѣчалъ ни этой софистики, ни уклоненій варшавскаго „народнаго правительства“ даже отъ тѣхъ уступокъ, какія сдѣлали делегаты послѣдняго въ декларацін, напечатанной въ „Колоколѣ“. Въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ вслѣдъ за этою декларацією („Центральному польскому комитету въ Варшавѣ“,—„Къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ“ и пр.) Герценъ вполнѣ становится на польскую субъективную точку зрѣнія: „Что *Польша желаетъ* остаться въ федеральномъ (?) союзѣ со всѣми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой,—говоритъ онъ,—это совершенно естественно, какъ и то, что *она* не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекаясь отъ самостоятельности своей, тоже ясно. Если бы было иначе,—то Варшава, какъ и Петербургъ, признала бы Галицію—Австріей, Познань—Пруссіей“. Въ словахъ этихъ, кромѣ общаго исхода съ

точки зрѣнія только Польши да Варшавы,— видно еще и незнаніе того, что напр. Галиція прежде всего совсѣмъ не Польша,— какъ напр. Познань. Галиція—прежде всего „Галицкая Русь“ и даже во время существованія польскаго государства называлась воеводствомъ „руськимъ“. Какъ „Червоная или Малая Русь“ она была присоединена къ наслѣдственнымъ владѣніямъ венгерско-австрійской короны, и только послѣ того соединена была административно съ чисто польскими землями воеводства краковскаго, —отъ котораго впрочемъ нѣкоторое время была и вновь отдѣлена. И если теперь обыкновенно всѣ земли, доставшіяся Австріи отъ польскаго государства называютъ Галиціей (оффиціальный ихъ титулъ: Королевство Галицкое и Владимірское съ Великимъ княжествомъ Краковскимъ), то все таки восточная ихъ часть, Галиція собственно, такая же Польша, какъ и Кіевская губернія.

Эту же Кіевскую губернію Герценъ все же не былъ расположенъ такъ легко уступать Польшѣ, какъ легко думали забирать ее польскіе делегаты. Вообще Герценъ, даже и принявши въ общей основѣ программу варшавскихъ делегатовъ,—все же не могъ

совершенно отказаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, но черезъ это только запутывался въ непримиримыя противорѣчія. Онъ напр. возвращается къ прежнимъ своимъ федеральнымъ идеямъ. „Съ своей стороны, пишетъ онъ, — поляки должны понять, что сохранить тотъ же федеративный союзъ (съ „западными губерніями“) будетъ стремленіемъ не только правительства русскаго, но и всего русскаго народа. Какой же русскій не считаетъ,—и при томъ совершенно справедливо,—*Кіевъ* такимъ же русскимъ городомъ, какъ и *Москву*“. Выходило бы такимъ образомъ, что Кіевъ, — федеративную связь съ которымъ желаютъ сохранить и поляки, и русскіе, долженъ бы соединить между собою федеративною связью и Варшаву съ Москвою. Но „варшавское правительство“ и думать не хотѣло о такой связи, а просто хотѣло отдѣлить отъ Москвы и Варшаву, и Кіевъ, который, по господствовавшимъ тогда (да и теперь) понятіямъ въ польской литературѣ, только случайно отпалъ отъ Польши, благодаря трудному положенію послѣдней при королѣ Янѣ III (L. Chodzko. La Pologne historique, etc. ст. 9. Полякъ-профессоръ даже вовсе ничего не

говоритъ европейской публикѣ о Б. Хмельницкомъ). Самъ же Герценъ разсказываетъ, что польскіе дѣятели 1861—64 гг. страхъ боялись всякихъ уступокъ со стороны русскаго правительства, которыя могли бы остановить возстаніе и, какъ думалось, отдѣленіе отъ Москвы всей Польши 1772 г. (Сборн. Посм. сочиненій, 211—212). Какимъ образомъ „русскій, подавшій руку полякамъ“ на поддержку ихъ возстанія, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе Кіева къ Варшавѣ могъ въ тоже время защищать федеральную связь Кіева съ Москвою, — совершенно непостижимо.

Но Герценъ простираетъ свои колебанія далѣе: написавши свое присоединеніе къ декларации варшавскихъ делегатовъ, онъ считаетъ однакожъ нужнымъ напомнить имъ о томъ, о чемъ новая польская литература избѣгала говорить,—о старой войнѣ Украйны съ польскимъ государствомъ, о Б. Хмельницкомъ, и предостерегаетъ поляковъ, чтобъ Хмельничина послужила имъ урокомъ. Оказывается, что для Герцена „союзъ Украйны съ Польшею“ является все таки не такимъ рѣшеннымъ дѣломъ, какъ для варшавцевъ. Издатель Колокола говоритъ: „При теперешнемъ положеніи дѣлъ, узнать, чего же-

даетъ Литва, Бѣлоруссія, Малороссія, очень трудно. Гнетъ русскаго правительства не даетъ имъ возможности высказаться..... Изъ этого ясно видно, что самый вопросъ надобно оставить, не предрѣшая его безъ тѣхъ, кто единственно имѣетъ право его рѣшить. Скажемъ вмѣстѣ съ поляками (?!) — *быть Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украйнѣ, съ кѣмъ они захотятъ, или ни съ кѣмъ, лишь бы волю ихъ узнать не поддѣльную, а дѣйствительную*". Впрочемъ тутъ же Герценъ гадалъ, — что „народъ, села, массы, если не противъ Польши, то, вѣроятно и не за нее", — и сейчасъ же допускалъ: „тутъ мѣсто самому широкому, законному вліянію польской цивилизаціи", — и выражалъ вѣру въ польскую „пропаганду искупленія и отреченія отъ старыхъ злоупотребленій, отъ своихъ правъ на поземельную собственность" и т. п.

Но дѣло въ томъ, что по крайней мѣрѣ относительно Украйны трудно было сомнѣваться въ томъ, что она не хочетъ присоединяться къ Польшѣ. Герценъ, видимо, не зналъ, что въ Галиціи, — т. е. внѣ „гнета русскаго правительства" украинская журналистика и старой партіи („Слово"), и молодой („Вечерныци") уже въ 1862 г. вы-

сказалась противъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г. И въ самой Россіи, не смотря на цензуру, польская сторона успѣла довольно вразумительно поставить вопросъ о принадлежности западныхъ губерній Польшѣ (въ „Słowo“ г. Огрызко, „Kurier Wileński“ г. Киркора, Biblioteka Warszawska и даже въ Аксаковскомъ „Днѣ“, въ статьѣ М. Грабовскаго),—на что украинская сторона отвѣчала въ „Основѣ“ статьями гг. Костомарова, Кулиша и молодыхъ „хлопомановъ“ Антоновича и Рыльскаго, которые сами вышли изъ рядовъ польской демократіи, но разошлись съ нею именно передъ началомъ повстанскаго движенія за возстановленіе исторической Польши. Всѣ украинскія статьи на разные лады развивали казацкую тему: „мајете собі своју Польщу, а нам наша Украјіна останетьсьа“. Что же касается до самыхъ „хлоповъ“ украинскихъ, о которыхъ Герценъ предполагалъ, что они „не противъ Польши“, то они напр. въ своихъ пѣсняхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ высказались именно „противъ Польши“.*) Въ 1862-63 гг., „хлопы“,

*) Отсылаемъ читателя къ оканчиваемой теперь

будучи возбуждены вопросомъ эмансипаціи и способомъ, какъ исполняли даже Положеніе 19 февраля 1861 г. помѣщики,—единственные представители Польши, которыхъ знали крестьяне,—явно готовились воспользоваться польскимъ (въ Украйнѣ неизбѣжно панскимъ) возстаніемъ, чтобъ начать жаккерію, — о чемъ кричала польская печать въ Россіи и за границей, въ своей полемикѣ съ украинскими „хлопоманами" на всѣхъ языкахъ отъ польскаго, до русскаго и французскаго *).

И при такихъ условіяхъ Герценъ совѣтовалъ „не предрѣшать вопроса" даже объ Украйнѣ, совѣтовалъ прежде всего „узнать ея неподдѣльную волю" и даже возлагалъ надежду на „пропаганду искупленія и отреченія (польскихъ пановъ) отъ старыхъ злоупотребленій и своихъ правъ на поземельную собственность". Но „не предрѣшать вопроса" значило бы въ данномъ случаѣ—„не поднимать возстанія", по крайней

печатаніемъ книгѣ нашей: «Нові українські пісні про громадські справи. 1764—1880».

*) Выдержки см. въ нашихъ статьяхъ въ «Вѣстникѣ Европы»; «Восточная политика Германіи и обрусеніе» 1872 г., II—V и «Евреи и поляки въ Югозападномъ краѣ» 1875. VIII.

мѣрѣ на Украйнѣ,—а между тѣмъ польскіе революціонеры, даже тѣ, кто искренно желалъ только узнать „неподдѣльную волю“ непольскихъ народовъ бывшей Польши по политическому вопросу, — хотѣли прежде всего возстанія этихъ народовъ противъ Россіи подъ знаменемъ, которое во всякомъ случаѣ было непопулярно по крайней мѣрѣ на Украйнѣ. Что же касается до „законнаго вліянія польской цивилизаціи, пропаганды искупленія и отреченія и пр.“, — то допустивъ даже, что ею въ состояніи были проникнуться польскіе помѣщики, которые на дѣлѣ отнимали у крестьянъ даже ту землю, какая была за ними записана по инвентарнымъ правиламъ 1847 г.,—на все это нужно было время, — а варшавскій комитетъ уже объявилъ прямую войну русскому правительству *).

*) Напр. въ Кіевской губ. по инвентарямъ 1847 г. крестьянамъ должно было отойти 1.231,472 десятины, а по уставнымъ грамотамъ, составленнымъ польскими помѣщиками и посредниками до 1863 г. отходило только 1.061.969 д. Тоже было и въ другихъ зап. губерніяхъ (Чубинскаго. Труды экспедиціи, VII, 515). Къ сожалѣнію мы не имѣемъ мѣста, чтобъ остановиться на аграрной политикѣ польскихъ помѣщиковъ передъ возстаніемъ 1863 г.,

Фразу Герцена о настроеніи массъ народа въ западныхъ губерніяхъ относительно Польши скорѣе можно было, перевернувши, приложить къ отношеніямъ ихъ къ Россіи: „не

а она то и имѣла рѣшающее вліяніе на поведеніе крестьянъ во время возстанія. Кромѣ того, объ этой политикѣ слѣдовало бы сказать въ виду того, что польскіе писатели, даже демократы, какъ г. Гиллеръ (членъ варшавскаго центральнаго комитета) наклонны представлять польскихъ помѣщиковъ слишкомъ большими друзьями крестьянъ, опираясь на то, что первый рескриптъ о приступѣ къ эмансипаціи крестьянъ данъ былъ вслѣдствіе переговоровъ виленскаго генералъ-губернатора съ мѣстными панами въ 1857 г. Между тѣмъ уже изъ изданныхъ въ 1860 г. «Матеріаловъ для ист. упраздненія крѣпостн. сост. и пр.», можно видѣть, что виленскіе помѣщики вовсе и не просили царя объ эмансипаціи крестьянъ, а только согласились заняться вопросомъ крестьянскимъ и послать для изученія его экспедицію въ Германію, (op. cit. 137—138). По тѣмъ же матерьяламъ, а также по тому, что напечатано въ трудѣ г. Скребицкаго, въ Зап. сенатора Соловьева и др., видно, что и послѣ стремленія почти всѣхъ помѣщиковъ западныхъ губерній не шли дальше «остзейскаго» освобожденія, т. е. безъ земли и съ сохраненіемъ вотчинной полиціи. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ 1862—63 гг. помѣщиками о присоединеніи западныхъ губерній къ Ц. Польскому высказывались жалобы на небезопасное настроеніе крестьянъ. И отъ такихъ людей ждали «отреченія отъ правъ собственности!»

за Россію, но и не противъ нее". Придавленный крѣпостнымъ правомъ народъ даже на Украйнѣ сталъ представлять себѣ темно чисто политическіе вопросы. Сейчасъ послѣ присоединенія къ Россіи народъ не взлюбилъ ее главнымъ образомъ черезъ подушное и рекрутчину,—но Польшу ненавидѣть все таки не пересталъ, такъ какъ она ему представлялась въ образѣ ежедневно допекающей панщины. Народная пѣсня того времени, — не забытая и до сихъ поръ, — сравнивала оба государства съ мрачными тучами: „Наступила чорна хмара, настала шче ј синьа: Була Польшча, була Польшча, та ј стала Россіја!"...

Съ теченіемъ времени память о меньшихъ государственныхъ тяготахъ до присоединенія къ Россіи слабѣла, а панщина между тѣмъ усиливалась,—такъ что народъ на правомъ берегу Днѣпра несомнѣнно былъ гораздо болѣе враждебенъ противъ Польши передъ 1863 г., чѣмъ былъ онъ передъ 1830—31 г., — и потому въ виду польскаго возстанія долженъ былъ стать de facto за Россію. Единственное возстаніе, въ которомъ народъ могъ бы принять участіе, это было бы прямое возстаніе

противъ пановъ. Но на такое возстаніе не рѣшались самые красные изъ польскихъ демократовъ, которые все таки звали крестьянъ прежде всего бить „москалей“ *). Что касается до болѣе образованныхъ украинцевъ, то ихъ настроеніе,—довольно ясно высказанное и въ печати 1861—1863 гг., не смотря на цензуру, было довольно близко къ настроенію ихъ крестьянства. Будучи явно „противъ Польши“, они тоже не были „за Россію“—но не были и противъ нея,— — особенно не были еще готовы дѣйствовать противъ нее. Начать съ того, что сознательныхъ украинцевъ было еще очень мало, и они были очень слабы,—такъ какъ

*) И въ самомъ Царствѣ Польскомъ происходили въ 1861—63 г. волненія крестьянъ противъ помѣщиковъ и тамъ постоянно высказывался (даже въ кругахъ революціонеровъ) страхъ «жаккеріи». И тамъ крестьяне могли бы быть подняты только прежде всего противъ помѣщиковъ. Между тѣмъ революціонеры,—даже и не такіе бѣлые, какъ Лангевичъ, — взяли на себя роль совершенно невыполнимую для революціонеровъ,—а именно, кромѣ роли войска противъ «москалей», еще и роль посредниковъ между панами и крестьянами! Послѣднюю роль можетъ исполнить только установленное, сильное войскомъ и администраціей, правительство.

имъ нужно было (да нужно и теперь) нарождаться посредствомъ труднаго нравственнаго процесса изъ польскаго и русскаго привиллегированнаго общества на правомъ и лѣвомъ берегу Днѣпра и за тѣмъ искать себѣ опоры въ массахъ народа. Для послѣдняго нужно было много предварительной работы. Въ политическомъ отношеніи не только слабость украинской партіи, но и самыя историческія условія украинскаго племени вообще производили то, что украинскіе автономисты склонялись не столько къ сепаратистическому идеалу по отношенію къ Россіи, сколько къ федеральному. Не отдѣленіе отъ Россіи,—а тѣмъ болѣе къ Польшѣ,—а преобразованіе ея, возможное только при дружномъ участіи всѣхъ ея народовъ, начиная отъ великоруссовъ, занимали въ 60-ые годы украинскихъ автономистовъ, какъ можно видѣть и на цитированной въ предыдущей главѣ статьѣ въ „Колоколѣ". *)

---

*) Интересно, что легкая струйка сочувствія польскому возстанію на Украйнѣ проявилась въ кружкахъ украйнофиловъ на лѣвомъ берегу Днѣпра (См. біографію полтавскаго поэта В. С. Кулика въ „Правдѣ" (львовской) 1874. № 12), гдѣ нѣтъ поляковъ, — тогда какъ на правомъ берегу все, что сознавало

Подобные украинскимъ, хотя еще болѣе ихъ слабые кружки, стали образовываться, и среди литвиновъ и даже бѣлоруссовъ. Развитіе всѣхъ этихъ кружковъ, сближеніе ихъ съ массами народа и соединеніе ихъ для совмѣстнаго дѣйствія съ великорусскими съ цѣлью федеральнаго преобразованія Россіи требовало времени. Сепаратистическое же движеніе поляковъ даже и въ одномъ Царствѣ Польскомъ могло задержать развитіе либеральнаго и федеральнаго движенія въ Россіи, возбудивъ монархическій и централистическій духъ въ великороссійскомъ населеніи. Перенесенное же на Литву, Бѣлоруссію и на Украйну,—да еще въ моментъ, когда крестьяне только что получили какую ни на есть свободу отъ русскаго царя, это польское движеніе должно было парализировать всякое оппозиціонное движеніе на Западѣ, какъ и на Востокѣ Россіи, — что и случилось въ дѣйствительности и что не такъ то уже трудно было предвидѣть и въ 1862—1863 г.

Послѣ напечатанія „Посмертныхъ сочи-

украинскимъ, было противно этому возстанію. Это была въ маломъ видѣ исторія Мазепы и Палія.

ненiй“ Герцена оказалось, что и онъ, и друзья его очень близки были къ этому предвидѣнiю. Тамъ между прочимъ напечатаны письма Огарева и Бакунина къ тѣмъ русскимъ ихъ единомышленникамъ, которые готовились принять активное участiе въ польскомъ возстанiи. Огаревъ прямо писалъ: „При теперешнемъ преждевременномъ возстанiи, Польша, очевидно погибнетъ, а русское дѣло на долго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти, идущей въ связи съ преданностью царю, и воскреснетъ только послѣ, долго послѣ, когда вашъ подвигъ перейдетъ въ такое же преданье, какъ 14 Декабря и взволнуетъ умы поколѣнiя, теперь еще не зачатаго. Выводъ ясенъ: отклоните возстанiе до лучшаго времени *соединенiя* силъ“..... Бакунинъ писалъ: „Нельзя не сознаться, что общему мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательнаго движенiя преждевременное и частное возстанiе Польши грозитъ перерывомъ“. (См. соч. 219—221). И Огаревъ, и Бакунинъ, очевидно, думали главнымъ образомъ о Великороссiи, когда писали эти строки,—а потому несомнѣнно, что если бы они ясно представляли себѣ полную безна-

дежность польскаго возстанія и въ „западныхъ губерніяхъ“ и болѣе критически отнеслись къ самой программѣ польскихъ политиковъ относительно этихъ земель, — то ихъ совѣты русскимъ друзьямъ были бы болѣе настойчивы въ отрицательномъ отношеніи *).

Оказывается, что болѣе наблюдательный и скептическій Герценъ вовсе не такъ былъ увлеченъ деклараціями варшавскихъ делегатовъ, какъ можно было думать, судя по тогдашнимъ статьямъ „Колокола“. Въ статьѣ „М. Б. (Михаилъ Бакунинъ) и польское дѣло“ Герценъ расказываетъ о своихъ разговорахъ съ Бакунинымъ и съ польскими делегатами

*) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что поляки поспѣшили съ возстаніемъ въ надеждѣ на помощь иностранныхъ правительствъ, особенно Наполеона III. Также несомнѣнно, что поднятіе возстанія въ Кіевской, Могилевской и даже Курляндской губерніяхъ имѣло значеніе прежде всего демонстраціи старыхъ границъ Польши, а также стратегической диверсіи, въ результатѣ которыхъ должно быть по крайней мѣрѣ отдѣленіе,—при помощи западной дипломатіи,—Царства Польскаго, — т. е. возстановленіе «Польши, если не какъ великой, то хоть какъ малой державы», какъ выразился намъ одинъ молодой польскій революціонеръ въ Кіевѣ въ первый день польскаго возстанія.

въ 1862 г. по вопросу объ участіи русскихъ въ тогдашней польской революціи. Прочитавъ привезенную изъ Варшавы декларацію, Герценъ предложилъ „посильнѣе оттѣнить и яснѣе высказать мысль о самостоятельности провинцій"; настаивалъ онъ и на необходимости больше оттѣнить мысль: „нѣтъ освобожденія безъ земли". Поляки уступали, но не безъ споровъ. „Этотъ споръ изъ за словъ, говоритъ Герценъ, показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было *одинаково*... Б. былъ не доволенъ мною, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

—Чего ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ, какъ катехизисъ; не льзя же имъ, поднявши національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство". (Чье? — Польши!!!)

—„Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій много".

—Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ; чего же тебѣ еще?

—„Есть таки кое что!...“

—„Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература“.

—„Съ моей стороны, замѣтилъ Г. (одинъ изъ делегатовъ) я изъ за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы смыслъ остался тотъ же“.

—„Браво, Г., радостно воскликнулъ Б. „*Ну, этотъ,* — подумалъ я, — *пріѣхалъ подкованный и по лѣтнему, и на шипы*; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ!“— (Посм. Соч., 213—215).

—„Смертельно жаль Потебню и его товарищей (русскихъ офицеровъ въ Ц. Польскомъ, приставшихъ къ революціи),—говорилъ Герценъ Бакунину,—и тѣмъ больше, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками“.

О Потебнѣ мы скажемъ далѣе,—а тутъ замѣтимъ, что ожиданіе Герцена сбылось: помощи польскому возстанію онъ не принесъ,—а свое дѣло погубилъ. Расказывая о томъ, какъ это случилось, какъ онъ, спо-

ря съ Бакунинымъ, все же „не хотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ", Герценъ говоритъ: „Здѣсь я остановлюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежемъ и протестомъ? Съ одной стороны достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой готовность поступить иначе. Эта шаткость, эта поспѣшность, dieses Zœgernde, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à contre cœur; вся отрицательная сторона дѣла была у меня передъ глазами... Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, если бъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самаго себя..."

Изъ расказа Герцена скорѣе всего можно вывести заключеніе, что, присоединившись къ польскому движенію 1862—1863 гг., онъ поддался вліянію настойчивости и возбужденности Бакунина. Вліяніе это, несомнѣнно, было,—но оно одно не объясняетъ всего дѣла.

VI.

Бакунинъ несомнѣнно имѣлъ значительную долю вліянія на уступчивость Герцена польскимъ патріотамъ въ 1862—1863 г., хотя и у самаго Бакунина были прежде съ ними разногласія въ такомъ же родѣ, какъ и разногласія Герцена. (См. первую статью Бакунина, напечатанную тотчасъ послѣ его побѣга изъ Сибири: „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ". Приложеніе къ „Колоколу", 15 февр. 1862 г. Выраженныя тутъ идеи о польскомъ вопросѣ такъ похожи на разобранныя нами статьи Герцена въ 1859—60 гг., въ ихъ сильныхъ и слабыхъ сторонахъ, что намъ бы пришлось повторять сказанное, если бъ мы вздумали говорить о нихъ.) Но приближеніе взрыва въ Польшѣ увлекло подвижную натуру Бакунина. Это увлеченіе прекрасно нарисовано Герценымъ въ статьѣ „М. Б. и польское дѣло".

Когда Герценъ замѣтилъ, что врядъ ли Потебнѣ и русскому обществу „Земля и Воля" „по дорогѣ съ поляками",— Бакунинъ воскликнулъ: *„По дорогѣ, по дорогѣ!* Не сидѣть же намъ вѣчно, сложа руки и ре-

флектируя. Исторію надо принимать, какъ она представляется, не то всякій разъ будешь за урядъ то на задн, то впереди..... Чего жъ ты больше хочешь? *Полянки никогда не дѣлали* (и) *такихъ уступокъ*".... (Посм. соч. 187, 193).

„Бакунинъ вѣрилъ въ возможность военно крестьянскаго возстанія въ Россіи, — говоритъ Герценъ, вѣрили отчасти и мы; да вѣрило и само правительство.... Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ *хотѣлъ* вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украйна возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что староверъ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобъ узаконить расколъ". (Посм. соч. 197). „За возстаніемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою славную славянскую федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ уже видѣлъ красное знамя „Земля и Воля" развѣвающимся на Уралѣ и на Волгѣ, на Украйнѣ и Кавказѣ, пожалуй, на Зимнемъ Дворцѣ и Петропав-

ловской крѣпости и торопился *какъ нибудь* сгладить затрудненія, затушевать противурѣчія (между собою и польскими революціонерами), не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ". (Тамъ же 199, 200).

Впрочемъ одного личнаго вліянія, даже столь сильнаго и столь близкаго человѣка, не было бы достаточно для того, чтобъ заставить Герцена уклониться такъ явно отъ того, что онъ еще такъ недавно высказывалъ съ такою силою. Не менѣе Бакунина повліяли на Герцена голоса людей, жившихъ въ Россіи и принадлежавшихъ къ начавшимъ тогда образовываться тамъ кружкамъ практическихъ революціонеровъ. Между этими кружками выдавалось наиболѣе общество „Земля и Воля". Стремленія этого общества были болѣе соціальныя (надѣлъ крестьянамъ земли), нежели политическія (установленіе въ Россіи конституціоннаго, если не республиканскаго правленія) и оно, уже по этому одному, должно было принципіально сильно расходиться съ тогдашнимъ польскимъ движеніемъ. Принципіальное различіе между великорусскими и польскими революціонерами было тѣмъ болѣе сильно, что въ рядахъ польской революціи стояла не

только демократическая партія, но и аристократическая (и обѣ съ клерикалами), изъ которыхъ, конечно, каждая разсчитывала овладѣть движеніемъ исключительно, но которыя все таки пока ладили между собою, —какъ мы видѣли, въ ущербъ даже далеко не крайнимъ демократическимъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе оба революціонные лагеря, польскій и великорусскій, попробовали сблизиться между собою для борьбы „единовременной" и „противъ общаго врага".

Такія сближенія мы видимъ сплошь и рядомъ въ исторіи. Многимъ они кажутся вполнѣ естественными, особенно для людей „активнаго темперамента" и для людей „практическихъ". Мы бы далеко зашли, если бы стали разбирать общій вопросъ о достаточности для политической дѣятельности, въ томъ числѣ и для революціонной, одного такъ называемаго „активнаго темперамента" и о практичности, особенно для революціонеровъ-новаторовъ, союзовъ, заключаемыхъ единственно или главнымъ образомъ на основаніи единовременности борьбы съ „общимъ врагомъ". Замѣтимъ только, что союзъ великорусскихъ демократовъ-революціонеровъ съ польскою революціею 1863 г. въ ея цѣ-

ломъ, въ томъ числѣ и съ тѣми людьми, которые сами питали отвращеніе отъ ихъ „нигилистическаго“ образа мыслей и соціалистическихъ стремленій, и которые иначе не могли смотрѣть на нихъ, какъ на средство для отвлеченія силъ врага,—и въ своей интимной перепискѣ, ставшей потомъ гласною, называли ихъ „панурговымъ стадомъ“,—не принесъ практическихъ выгодъ дѣлу великорусскихъ революціонеровъ. Но главное дѣло въ томъ, что во всякомъ политическомъ движеніи есть и теоретическая сторона, которая, при внимательномъ анализѣ, оказывается едва ли не главною, такъ какъ она собственно опредѣляетъ цѣль движенія, вдохновляетъ и даже порождаетъ практиковъ. Эта сторона движенія представляется писателями, которые имѣютъ свою общественную службу и тѣмъ лучше ее исполняютъ, чѣмъ меньше отклоняются отъ своей роли —именно теоретиковъ: неуступчивыхъ, несговорчивыхъ, непрактичныхъ людей,—des vrais intransigeants, если говорить моднымъ французскимъ словомъ.

Герценъ, и по личной своей природѣ, и по всему своему прошлому, былъ именно писатель, теоретикъ,—котораго служба со-

стояла въ томъ, чтобъ наблюдать факты общественной жизни и говорить о нихъ мысли, вполнѣ независимо отъ всякихъ частныхъ, переходящихъ практическихъ комбинацій, кружковъ, партій и т. п. — и какъ таковой онъ именно и пріобрѣлъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе въ Россіи. Россія же болѣе, чѣмъ какая другая страна, нуждается въ такихъ чистыхъ, несговорчивыхъ теоретикахъ, какъ потому что теоретическое политическое образованіе въ ней скудно и до сихъ поръ, такъ и потому что, въ Россіи, — благодаря отсутствію политической свободы, — не существуетъ возможности для такихъ дѣйствительно практическихъ сдѣлокъ (компромиссовъ), какія заключаются напр. въ Англіи, гдѣ каждая партія, имѣвшая тысячи случаевъ выяснить свои теоретическія основы и цѣли,—входитъ, по требованію обстоятельствъ, съ полнымъ сохраненіемъ этихъ основъ и цѣлей, въ союзъ съ другими партіями на данную минуту, для достиженія рѣзко опредѣленной частной цѣли, — для поверженія ли общаго противника или соперника, или же для проведенія опредѣленной мѣры, до которой только и успѣло дорости въ данную минуту

среднее общественное мнѣніе. Въ Россіи и до сихъ поръ, а въ 60-ые годы тѣмъ болѣе, едва ли не самые практически полезные люди —были бы именно „непрактическіе теоретики“. Такимъ рожденнымъ теоретикомъ былъ Герценъ. И вдругъ ему, передъ началомъ польскаго возстанія, въ которомъ перепуталось столько практическихъ комбинацій, запутавшихъ своими дѣлами круги отъ „нигилистовъ“ въ Россіи до папы Пія IX и Наполеона III, одни предлагаютъ связать свою судьбу союзомъ съ тайнымъ правительствомъ чужой націи, которое, по ходу дѣлъ своей націи, ставитъ во главѣ своей то чуть не соціалистовъ, то Мѣрославскаго, то Лангевича, то назначаетъ своимъ представителемъ Чарторыйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ Герцену, предлагаютъ „сдѣлаться *агентомъ* общества „Земли и Воли“, въ которомъ только и было практически-сильного, что самое имя, взятое изъ статьи Огарева въ „Колоколѣ“ же! Изъ „Посмертныхъ Сочиненій“ видно, какъ колебался Герценъ, какъ онъ чувствовалъ несообразность предлагаемыхъ ему ролей съ его природою и положеніемъ, завоеваннымъ его прежнею чисто-писательскою дѣятельностью.

Агентуру „Земли и Воли“ онъ просто называлъ „глупою“ (Сб. Посм. Соч., 217), — и прямо отказался отъ нея, — но договоръ съ варшавскими делегатами онъ все таки подписалъ, — а это на дѣлѣ свело его на роль „агента“ и варшавскаго тайнаго правительства, и „Земли и Воли“, которая связала свою судьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ, на нѣкоторое время, судьбу всего революціоннаго движенія въ Россіи, съ польскою революціею, такъ мало съ нимъ гармонировавшею и по принципамъ, и по своевременности.

Объ этомъ русскомъ революціонномъ движеніи очень трудно говорить сколько нибудь обстоятельно, такъ какъ оно покамѣсть не оставило по себѣ никакихъ печатныхъ памятниковъ, кромѣ прокламацій, появлявлявшихся въ то время (1861—1863 гг.) въ Петербургѣ. А потому то, что мы скажемъ сейчасъ объ этомъ движеніи, мы будемъ говорить съ большимъ опасеніемъ ошибиться и будемъ крайне благодарны, если кто поправитъ наши, очень и очень возможныя, ошибки.

Если судить о русскомъ революціонномъ движеніи 1861—1863 гг. по печатнымъ прокламаціямъ, то можно сказать, что въ нача-

лѣ оно имѣло болѣе народную, менѣе государственную идейную подкладку, чѣмъ въ послѣдствіи. По крайней мѣрѣ въ прокламаціи „Великоруссъ“ явно видно отрицаніе единообразія Россіи и нежеланіе говорить за всю Россію, не только за польскія земли ея, —полную самостоятельность которыхъ „Великоруссъ“ признаетъ, но и за украинскія. Вотъ что читаемъ мы во 2 № „Великорусса“.

„Таже самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ хочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этаго, мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшитъ это, при настоящей своей безгласности. Но судя по живому чувству страданія отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти

отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ себѣ всѣ элементы національнаго могущества.... Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою". (Перепечатано въ „Колоколѣ", 15 окт., 1861 г.)

Прошло не много времени,—и общество „Земля и Воля",—хотя и болѣе радикальное, чѣмъ „Великоруссъ", по вопросу соціальному, стало однакожъ на болѣе государственную точку зрѣнія, подѣливъ имперію Романовыхъ на Россію и Польшу, и предоставивъ въ пользу послѣдней всѣ народы, населяющіе принадлежавшія польскому государству до 1772 г. провинціи. Такое быстрое оставленіе народной точки зрѣнія на части Россійской имперіи для точки зрѣнія государственной имѣетъ себѣ объясненіе въ общемъ характерѣ политическаго образованія русскаго общества на основѣ московско-петербургской цивилизаціи. Ни школа, ни литература великорусская,—обѣ подначальныя государству, не благопріятствуютъ народной точкѣ зрѣнія, которая бы должна была привести образованныя общества страны къ ученію о федератив-

номъ ея устройствѣ,—а благопріятствуютъ точкѣ зрѣнія поверхностно государственной, которая приводитъ къ ученіямъ: централистическимъ и сепаратистическимъ, — представляющимъ собственно родныхъ братьевъ. Изъ всѣхъ политическихъ ученій народно-федеративное имѣетъ наименѣе представителей въ литературѣ великорусской и наиболѣе туго усвояется русской публикой. Одно время,—тотчасъ по смерти Николая I,—реакція его централизаціи проявилась было довольно сильно ученіями, въ родѣ тѣхъ, какія высказывали Герценъ и Бакунинъ, „Великоруссъ" и др.,—но эта реакція въ обществѣ была неглубока и непродолжительна. Подъ общими фразами анти-централистическаго свойства детали мыслей остались въ обществѣ все таки централистическими.

Интересно, что наиболѣе горячими представителями децентрализаціоннаго направленія въ русской литературѣ явились въ первые годы правленія Александра II вовсе не публицисты и политики, а историки, этнографы, археологи. Децентрализаціонное ученіе проповѣдывалось не такъ въ журналахъ и политическихъ трактатахъ, какъ съ университетскихъ каѳедръ. Представителями

его были въ Кіевѣ профессоръ русской исторіи Пл. В. Павловъ (котораго печатныя статьи „О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI—XVII ст.“ и „Тысячилѣтіе Россіи“ не даютъ полнаго понятія о его лекціяхъ) въ Петербургѣ Н. И. Костомаровъ, — объ идеяхъ котораго публика имѣетъ наиболѣе ясное представленіе, благодаря его рѣдкому литературному таланту, — и въ Казани А. Н. Щаповъ;—замѣчательно всѣ три—помятые императорской полиціей, что рѣдко случается съ русскими учеными: Костомаровъ былъ въ ссылкѣ съ 1847 по 1857 г., Павловъ съ 1861 по 1866 г., Щаповъ и умеръ въ ссылкѣ. Предполагая мнѣнія Костомарова болѣе или менѣе извѣстными читателямъ и считая этого писателя все таки постороннимъ въ великорусской литературѣ, въ которую онъ вошелъ съ своими украинскими чувствами и ученіями, мы остановимся на Щаповѣ, какъ на великоруссѣ, хотя (что тоже не лишено своего значенія) сынѣ далекой окраины, тоже по своему казацкой, — сибирякѣ, воспитавшемся тоже не въ россійскихъ центрахъ, а въ Казани.

Политическія ученія Щапова характеризуются всего лучше его вступительной лек-

цiей, отрывки изъ которой напечатаны въ мало распространенномъ изданiи, казанскомъ сборникѣ „Первый шагъ“ (1876). Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за слишкомъ длинныя выписки:

„Скажу напередъ, — говорилъ казанскiй профессоръ: —не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизацiи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую каѳедру русской исторiи.

„Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденiе, что главный фактъ въ исторiи есть самъ народъ, духъ народный, творящiй исторiю, что сущность и содержанiе исторiи есть жизнь народная. Это убѣжденiе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторiи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: *начало областности* — позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ досел̂ѣ господствовала въ изложенiи русской исторiи идея централизацiи; развилось даже какое то чрезмѣрное стремленiе къ обобщенiю, къ систематизацiи разнообразной областной исторiи; всѣ разнообразныя особенности, на-

правленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія...

„..Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ не несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ *смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся въ земскихъ соборахъ въ XVII в., сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіи всего XVIII и въ началѣ XIX-го столѣтія,—во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проэкты относительно конституціоннаго устройства

областей и т. д.—и мы, изучая русскую областную исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ *областной элементъ*, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, *зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи*...

„Какъ нѣтъ въ Европѣ самаго малаго (вѣрно, опечататка,—вм. большаго), которое бы едва могло равняться съ одною изъ областей Россіи, такъ нѣтъ въ Европѣ народа, который бы отличался такимъ провинціальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ разныхъ русскихъ областяхъ. Много ли общаго между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніями? Много ли общаго между Польшею и Камчаткою, или между Кавказомъ, Архангельской областью и Казанскимъ краемъ и т. д.? А разныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составился особый, цѣлый словарь? А эти характеристическія присловья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другихъ? А существованіе у насъ территоріальныхъ округовъ, совершенно независимо отъ округовъ

когда излагалъ идеи своей „областности“ *). И подобныя слова сходили еще, — и то не всегда, — на каѳедрахъ, — но не въ печати, особенно непрофессорамъ. Уже это одно обстоятельство препятствовало распространенію въ публикѣ идей децентрализаціи въ формѣ федеративной. Проповѣданіе ихъ только съ каѳедръ историческихъ, главнымъ образомъ по отношенію къ старинѣ, да еще развѣ по поводу языка и литературы, — тоже преимущественно древней, давало и децентрализаціоннымъ идеямъ археологическій характеръ. Значеніе децентрализаціи для современности, между прочимъ для экономической жизни, оставалось совершенно безъ разъясненія. Это преподаваніе идей политической децентрализаціи только на фактахъ прошедшаго давало имъ характеръ, мало соотвѣтствующій интересамъ современности. Въ прошломъ децентрализація являлась съ крайнимъ проявленіемъ центробѣжныхъ, именно сепаратистическихъ силъ, такъ какъ, что ни говори напр. авторъ „Мыслей

*) Костомаровъ, потертый ссылкой уже раньше, не разъ оговаривался, что онъ говоритъ „о федеральныхъ началахъ“ только примѣнительно къ „древней Руси“.

мо уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало по малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. *Областные сборники могутъ служить* не только руководствомъ нашего областного самосознанія, но и *органомъ возбужденія въ провинціальныхъ массахъ—идей самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государственнаго союза*". (Первый шагъ, 407—412). *)

Изъ подчеркнутыхъ нами словъ видно ясно, что Щаповъ думалъ не объ одной только старинѣ, но и о современности,

*) Къ стати, неужели нельзя напечатать полнаго текста этой лекціи Щапова, которую слышавшіе ее и читавшіе ее въ рукописи, признаютъ лучшимъ его произведеніемъ?! Да и вообще стыдно, что до сихъ поръ нѣтъ полнаго изданія сочиненій этаго замѣчательнаго дѣятеля.

когда излагалъ идеи своей „областности“ *). И подобныя слова сходили еще, — и то не всегда, — на каѳедрахъ, — но не въ печати, особенно непрофессорамъ. Уже это одно обстоятельство препятствовало распространенію въ публикѣ идей децентрализаціи въ формѣ федеративной. Проповѣданіе ихъ только съ каѳедръ историческихъ, главнымъ образомъ по отношенію къ старинѣ, да еще развѣ по поводу языка и литературы, — тоже преимущественно древней, давало и децентрализаціоннымъ идеямъ археологическій характеръ. Значеніе децентрализаціи для современности, между прочимъ для экономической жизни, оставалось совершенно безъ разъясненія. Это преподаваніе идей политической децентрализаціи только на фактахъ прошедшаго давало имъ характеръ, мало соотвѣтствующій интересамъ современности. Въ прошломъ децентрализація являлась съ крайнимъ проявленіемъ центробѣжныхъ, именно сепаратистическихъ силъ, такъ какъ, что ни говори напр. авторъ „Мыслей

*) **Костомаровъ, потертый ссылкой уже раньше, не разъ оговаривался, что онъ говоритъ „о федеральныхъ началахъ“ только примѣнительно къ „древней Руси“.**

о федеративномъ началѣ въ древней Руси", а въ его „удѣльно вѣчевомъ укладѣ", собственно союзныхъ началъ было очень мало и они не были представлены никакою организаціей, даже такою, какую мы напр. видимъ въ средневѣковой Германіи. „Земскій миръ",—въ которомъ такъ заинтересованы массы населенія, отъ этого былъ крайне мало обезпеченъ во время господства на Востокѣ Европы будто бы федеративныхъ отношеній (мы не хотимъ этимъ сказать, что интересы населенія были лучше обезпечены и московской централизаціей: „московская волокита" стоила удѣльныхъ дракъ). Федералистамъ, которые проповѣдывали свои идеи только въ оболочкѣ фактовъ средняго вѣка, противники всегда могли указать на непригодность для новаго времени архаическихъ отношеній,—что столько разъ и было говорено напр. противъ Костомарова, котораго господствующія въ русской внутренней политикѣ великорусскія партіи записали въ сепаратисты-романтики, какимъ онъ въ дѣйствительности никогда не былъ. Всѣ отреченія Костомарова и другихъ украинскихъ автономистовъ отъ сепаратизма принимались

только за лицемѣріе и за боязнь открыто заявить свои затаенныя мысли.

Замѣчательно, что почти такъ же относились къ автономнымъ движеніямъ и тѣ изъ великоруссовъ, которые имъ сочувствовали, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Герцена, Бакунина, „Великорусса". Всѣ они говорятъ о неизбѣжности или возможности „отдѣленія"—Польши, Украйны, Бѣлоруссіи и т. д. и спѣшатъ успокоить великорусскую публику, что, и за отдѣленіемъ этихъ областей, Великороссія все таки останется великою и сильною страною съ 40 милліоннымъ населеніемъ. (См. особенно названную выше статью Бакунина при „Колоколѣ" 15 Февр. 1861). Но отдѣленіе провинцій и распаденіе державъ въ наши времена дѣло нелегкое. Мы это видѣли на примѣрѣ процесса отдѣленія Ломбардо-Венеціи отъ Австріи, для котораго нужно было не только почти поголовное возстаніе жителей провинцій, но и благопріятное вмѣшательство сосѣднихъ державъ, въ томъ числѣ и не итальянскихъ; мы это видимъ на процессѣ распаденія даже „больной" Турціи. Массы населенія, даже если въ нихъ крѣпко національно-политическое соз-

наніе своей особенности, сорокъ разъ подумаютъ, прежде чѣмъ возстанутъ изъ за идеи политическаго сепаратизма. Мы видимъ, что напр. въ Польшѣ массы не возстали ни въ 1831, ни въ 1863 гг. Тѣмъ болѣе не могли онѣ возставать въ Украйнѣ, ни въ Литвѣ, ни въ Бѣлоруссіи и т. п. странахъ, въ которыхъ отъ массъ народа отдѣлились въ особыя національности классы образованные, естественные теперь выразители всякихъ сознательныхъ политическихъ стремленій. А между тѣмъ напрасно бы мы стали думать, что въ массахъ этихъ странъ нѣтъ вовсе чувства и даже сознанія своей національной индивидуальности, — и еще болѣе, что для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей этимъ странамъ не нужно самоуправленія. Только въ такихъ странахъ автономная идея можетъ имѣть практическое значеніе скорѣе въ видѣ идеи федеративной, чѣмъ сепаратистической.

Но именно федеративная идея и не была разъяснена публикѣ въ Россіи, а потому публика эта даже и въ 60-ые годы понимала собственно только двѣ политическія формы: централизацію и сепаратизмъ, — изъ коихъ послѣдній самъ можетъ имѣть свои центра-

лизаціонныя стремленія. Въ примѣненіи къ западнымъ полосамъ имперіи, русская публика, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ сторону народно-федеральную, стала на томъ, что онѣ должны быть или раздѣлены между Польшей и Россіей (т. е. въ данномъ случаѣ Великороссіей) или же должны оставаться въ полномъ централистическомъ единеніи, конечно, съ преобладаніемъ великороссійскаго элемента, какъ „государственнаго“. Даже люди великорусской политическо-соціальной оппозиціи стали на такой мысли: въ Польшѣ есть движеніе къ отдѣленію отъ Россіи, — слѣдовательно пусть поляки и отдѣлятся даже со всѣмъ тѣмъ, что они считаютъ за Польшу и что мы не привыкли считать за Россію; — въ другихъ земляхъ, — въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Украйнѣ и пр. никто не заявляетъ желанія образовывать отдѣльныя государства, — слѣдовательно нечего и говорить объ ихъ индивидуальностяхъ и автономіи. Мы помнимъ, какое неудовольствіе произвело въ 1863 г., въ великороссійскихъ оппозиціонныхъ кругахъ провозглашеніе Костомаровымъ (правда, въ нѣсколько странной формѣ, соотвѣтственной библейскимъ вкусамъ старыхъ ук-

райнофиловъ) „анаѳемы тому, кто задумаетъ отдѣленіе Украйны отъ Россіи“. Великороссійская оппозиція, которая тогда безразлично сочувствовала польскому возстанію, видя въ немъ прежде всего врага своему надоѣвшему противнику,—правительству,—словно, обманулась въ ожиданіяхъ отъ украинскаго движенія,—и съ тѣхъ поръ къ числу противниковъ его изъ катковскаго лагеря прибавились противники изъ лагеря радикальнаго, въ которомъ польскій сепаратизмъ, со всѣми его аристократическими примѣсями, сталъ пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ украинскій федерализмъ, при всемъ его демократизмѣ, сознательномъ и инстинктивномъ. И до сихъ поръ можно встрѣтить въ великорусскихъ радикальныхъ, даже соціалистическихъ, сферахъ такое отношеніе къ негосударственнымъ народамъ, поставленнымъ между Польшей и Великороссіей: „а! вы не хотите или не можете составить особыхъ государствъ, — такъ становитесь или поляками, или русскими (великоруссами) или мы сами подѣлимся вами пополамъ съ поляками“!

VII.

Въ основѣ такого отрицательнаго отношенія къ автономнымъ стремленіямъ „негосударственныхъ“ народовъ лежитъ, во первыхъ, якобинскій централизмъ, черезъ который неизбѣжно должны были пройти русскіе оппозиціонные круги, которые все таки выросли подъ впечатлѣніемъ исторіи, начавшейся съ московскихъ Ивановъ и продолжавшейся петербургскими Петрами, Екатеринами и Николаями*), — а во вторыхъ, и главнымъ образомъ, незнаніе истиннаго положенія въ областяхъ невеликорусскихъ, въ томъ числѣ и въ Польшѣ. Какъ характерный примѣръ

*) Мы предполагаемъ извѣстнымъ нашимъ читателямъ обстоятельство, разъясненное многими писателями французскими послѣ Токвиля (L'ancien régime et la révolution), что, въ политико-административномъ отношеніи, якобинцы явились только завершителями дѣла Ришлье и Людовика XIV и въ свою очередь отцами Наполеоновщины. Считаемъ небезполезнымъ напомнить тутъ прекрасныя слова Герцена: „Централизація, жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фрунту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между Николаемъ и Бонапартомъ“. (Колоколъ, 15 Янв. 1859. 275).

такого незнанія мы должны указать на статью Н. Г. Чернышевскаго въ „Современникѣ“, 1861 г., Іюль, — „Національная безтактность“. Статья эта, написанная, какъ рецензія на 1—2 №№ газеты „Слово“, которая съ возстановленіемъ въ Австріи конституціоннаго правленія, стала выходить въ Львовѣ, посвящена была спеціально вопросу объ отношеніяхъ между польскими и русинскими политиками въ одной только, и при томъ австрійской, части исторической Польши,—въ Галиціи. Но она была понята въ болѣе широкомъ смыслѣ, да, очевидно, въ значительной степени и писана была съ тѣмъ, чтобъ быть понятой въ такомъ смыслѣ: „Современникъ“ былъ обозрѣніе практическое и не печаталъ статей „о сухихъ туманахъ“, съ которыми тогда сравнивали въ Россіи всѣ вопросы, не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ текущимъ внутреннимъ вопросамъ.

Рѣчь о статьѣ Чернышевскаго мы начнемъ съ выписки нѣсколькихъ строкъ изъ начала ея, которыя намъ пригодятся далѣе, когда мы будемъ говорить о мнѣніяхъ людей, признающихъ себя учениками его. „Галицкіе малороссы, говоритъ Чернышев-

скій,—или, какъ они себя называютъ, русины, отличаются всѣми свойствами, общими цѣлому малорусскому племени. А если есть племена, могущія къ себѣ привлекать симпатію больше, чѣмъ другія племена, то именно малороссы,—одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи, — все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, такъ что иноплеменникъ становится малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько нибудь поживетъ въ Малороссіи. (Самъ Чернышевскій жилъ, если не въ Малороссіи, то подлѣ малорусскихъ колоній надъ Волгой. Напротивъ Саратова, родины Чернышевскаго и еще двухъ извѣстныхъ писателей-славистовъ,—расположена огромная слобода Покровская, сплошь населенная украинцами,— „черкасами"). Нельзя не сочувствовать имъ". Само собою разумѣется, Чернышевскій признаетъ полную самостоятельность украинскаго языка, желаетъ полнаго его развитія и даже политическаго

объединенія „русиновъ“ Австріи съ „малороссами“ Россіи. (См. кромѣ разобранной статьи еще и другую „Народная безтолковость“, въ „Современникѣ“ 1861 г., Октябрь, посвященную разбору великорусско-централистическихъ стремленій московскихъ лжеславянофиловъ „Дня“).

Послѣ такого, весьма рѣдкаго даже и въ тѣ времена русской реакціи противъ николаевской оффиціальной народности,—предисловія, публицистъ „Современника“ переходитъ къ своей спеціальной задачѣ: къ разбору поведенія галицко-русскихъ политиковъ. Онъ не видитъ въ немъ ничего, кромѣ „національной безтактности“, — главнымъ образомъ потому, что они составляютъ оппозицію польскимъ политикамъ, между тѣмъ, какъ эти послѣдніе, по мнѣнію автора, естественные союзники и даже надежные покровители „галицкихъ малороссовъ“.

„Львовское «Слово», говоритъ великорусскій демократъ, совершенно ошибается, воображая въ полякахъ вражду противъ русинской національности... Странные люди! (русинскіе политики), восклицаетъ онъ...... Изъ за воспоминаній о старинѣ (только!) проникаются они преданностью къ нынѣш-

ному общему непріятелю („австрійскимъ нѣмцамъ“, какъ говоритъ авторъ выше) ихъ и старинныхъ ихъ непріятелей, не могущихъ быть вредными для нихъ теперь, ищущихъ союза съ ними для общей пользы“,—и дальше приравниваетъ оппозицію галичанъ полякамъ (т. е. собственно польскимъ помѣщикамъ и чиновникамъ) къ совершенно глупой враждѣ, которую бы кто либо вздумалъ проповѣдывать во Франціи къ англичанамъ изъ за того только, что англичане опустошали Францію во времена „разныхъ Эдуардовъ“. „Мы боимся, говоритъ Чернышевскій, что львовское „Слово“ по стариннымъ воспоминаніямъ, смотритъ слишкомъ враждебно на другія силы, которыя теперь искренне готовы содѣйствовать развитію просвѣщенія между русинами. Мы боимся, не отдается ли львовское „Слово“ врагамъ русинскаго племени и не отталкиваетъ ли отъ себя его нынѣшнихъ союзниковъ“. Высказавъ совершенно справедливое предположеніе, что надежды „Слова“ на русинское духовенство до добра не доведутъ, — Чернышевскій объясняетъ связь свѣтскихъ русиновъ съ своими клерикалами,—предположеніемъ о политической

слабости русиновъ. „Мы не желали бы предполагать такое состояніе у галицкихъ русиновъ. Если львовское „Слово" хочетъ вручить ходатайство по мірскимъ дѣламъ русинскаго племени православному духовенству за недостаткомъ другихъ защитниковъ русиновъ изъ русиновъ же, то значитъ сами русины еще не въ состояніи понимать своихъ интересовъ, т. е. еще неспособны къ политической борьбѣ. А начинать борьбу, къ которой неспособенъ, значитъ, поступать во вредъ себѣ. Когда отдѣльный человѣкъ неспособенъ понимать и защищать свои интересы, онъ можетъ ожидать пользы для себя только отъ человѣческой справедливости ближнихъ къ нему людей, а не отъ борьбы съ ними, потому что онъ неспособенъ вести ее; онъ долженъ пріобрѣтать ихъ дружбу готовностью помогать имъ. Точно таковъ же путь, предписываемый здравымъ смысломъ цѣлому племени, находящемуся въ подобномъ положеніи". Русины такимъ образомъ, по совѣту Чернышевскаго, должны начать съ того, чтобы помогать полякамъ,—тѣмъ болѣе, что и поляки, какъ увѣренъ онъ, готовы помогать русинамъ. Хватаясь за замѣчаніе

„Слова“, что среди русиновъ по происхожденію есть много ренегатовъ, — перешедшихъ къ полякамъ, Чернышевскій говоритъ: „Вотъ спросили бы вѣрные своей народности русины поляковъ, уважаютъ ли сами поляки отступниковъ отъ русинской національности и одобряютъ ли ихъ? — Вѣроятно, поляки смотрятъ на этихъ русиновъ-отступниковъ точно также, какъ французы смотрѣли на русскихъ, презиравшихъ русскую національность: называютъ ихъ попугаями“.

Чернышевскій подошелъ было очень близко къ сущности дѣла, усмотрѣвъ въ политической борьбѣ, которая происходила въ Галиціи, — соціальную подкладку, — но совершенное незнаніе подробностей дѣла продиктовало совершенно неожиданныя и вполнѣ несоотвѣтствовавшія дѣйствительному положенію дѣлъ заключенія. „Слѣдовало бы „Слову“ повнимательнѣе подумать также, надобно ли считать за споръ между національностями тотъ споръ, въ который оно бросается съ такою готовностью и который оно понимаетъ, какъ споръ національностей? Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отноше-

ній, львовское „Слово“ увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, совершенно чуждый племенному вопросу,—вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той, и на другой сторонѣ и русиновъ, и поляковъ,—людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русинскихъ крестьянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго спора находится въ сословныхъ, а не племенныхъ отношеніяхъ. И если мы не ошибаемся, то сословная партія, которая представляется львовскому „Слову“ враждебной къ русинской національности, не имѣетъ къ этой національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу расположена теперь эта партія къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польскаго, точно также и русинскаго племени. Вотъ объ этомъ бы не мѣшало подумать львовскому „Слову“. Быть можетъ эти уступки, на

которыя искренно готовы люди, кажущіеся ему врагами,—быть можетъ эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили бы русинскихъ поселянъ; а во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что уступки эти гораздо больше и гораздо вѣрнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцовъ".

Приступая къ критикѣ изложенныхъ мыслей Чернышевскаго, мы должны огововориться, что мы вовсе не думаемъ защищать политику галицкой партіи, которую въ то время звали „святоюрскою" (отъ митрополитанскаго собора св. Юрія въ Львовѣ) и изъ которой потомъ вышла партія такъ называемыхъ „москвофиловъ". Мы сами имѣли случай высказаться весьма отрицательно относительно ихъ дѣятельности, поставляя ей въ укоръ: перевѣсъ эмпирическаго политиканства надъ заботами о проведеніи въ общество реальнаго политическаго образованія, невнимательность къ реальнымъ нуждамъ народа, безусловную покорность австрійскому правительству, къ которой присоединились потомъ неосновательныя надежды на русское правительство, клерикальную и національную узость, ко-

торая помѣшала имъ привлечь на свою сторону сочувствіе и польскихъ крестьянъ въ странѣ (См. „Русскіе въ Галиціи", Вѣстн. Европы, 1873, №№ 1—2). Но мы должны сказать, что въ статьѣ Чернышевскаго по крайней мѣрѣ не соблюдена мѣра въ накладываніи красокъ: на сторону политиковъ русинскихъ положены все темныя краски, тогда какъ для ихъ польскихъ противниковъ сохранены исключительно свѣтлыя краски и при томъ совершенно произвольныя.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Чернышевскій писалъ свою статью по справкамъ, какія онъ получилъ отъ своихъ польскихъ друзей въ Петербургѣ. Между этими друзьями былъ и Сиг. Сѣраковскій, несомнѣнный демократъ, пріятель и Шевченко и, слѣдовательно, человѣкъ лично чуждый стремленій католическихъ и аристократическихъ и даже централистическихъ. Но только врядъ ли онъ достаточно критически относился къ своимъ болѣе его отсталымъ соотечественникамъ даже аристократической партіи, съ которыми такъ или иначе приходилось дѣйствовать вмѣстѣ даже демократамъ польскимъ, — „противъ общаго врага".

Совершенно понятно, что польскіе дѣятели разныхъ оттѣнковъ мысли должны были постараться привлечь на свою сторону публициста столь талантливаго и вліятельнаго, какъ Чернышевскій, и побудить его подать свой голосъ объ украино польскихъ отношеніяхъ. Этотъ голосъ могъ бы быть крайне полезенъ для дѣла, особенно въ то время, такъ какъ Чернышевскій превосходилъ своимъ политическимъ образованіемъ тогдашнихъ украинскихъ дѣятелей не только въ Галиціи, гдѣ они отличались крайнимъ клерикализмомъ, но и въ Россіи, гдѣ даже лучшіе и заслуженные украинскіе писатели „Основы" (1861—1862) принадлежали, по своему воспитанію, гораздо болѣе къ національно-романтической, нежели къ интернаціонально-положительной школѣ. Самъ Чернышевскій въ разбираемой статьѣ сдѣлалъ одно чрезвычайно вѣрное замѣчаніе, а именно о „наивности заблужденія, что одного патріотическаго чувства, безъ ***политическаго образованія*** и такта достаточно для того, чтобы стать полезными для народа предводителями". — **„Нѣтъ, этого мало, говоритъ публицистъ „Современника", — какъ мало любви къ человѣку, чтобы ле-**

чить его. И любишь, да погубишь его своимъ лекарствомъ, если не знаешь медицины".

Слова эти слѣдовало бы на стѣнкѣ зарубить едва ли не всѣмъ политико-соціальнымъ партіямъ польскимъ, русскимъ и украинскимъ, не только прежнимъ, но и нынѣшнимъ. Но мы должны обратиться къ разбору рецептовъ великорусскаго доктора, прописанныхъ имъ, въ лицѣ Галиціи, для всей огромной полосы Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны.

Увы! оказывается, что эти рецепты были прописаны, можетъ быть, и съ знаніемъ общей медицины, но безъ собственнаго діагноза состоянія того индивидуума, которому они прописывались. Здѣсь мы наталкиваемся на одну, по нашему мнѣнію, характерную особенность великорусскаго общества, — о которой мы предпочитаемъ сказать съ полною откровенностью, хотя бы и подъ опасеніемъ ошибиться, нежели умолчать о ней или сказать недостаточно ясно.

У великорусскихъ публицистовъ вообще замѣтна какая то неохота, чуть не неспособность, къ всестороннему анализу положенія западно-славянскихъ земель. Неохота

эта замѣтна одинаково, какъ у такъ называемыхъ московскихъ славянофиловъ,— которые до того субъективно, исключительно съ своей, старо-московской, православно-великорусской точки зрѣнія смотрятъ на славянство, что собственно не должны бы быть и называемы иначе, какъ москвофилами, а вовсе не славянофилами,— такъ и у такъ называемыхъ западниковъ, которые то относятся къ западному славянству совсѣмъ отрицательно, то повторяютъ о немъ взгляды, встрѣченные въ первой западноевропейской, или же, въ горячія минуты, — въ москвофильской же книжкѣ. (Какъ это ни странно!) Черта эта, по нашему мнѣнію, объясняется вполнѣ исторіею образованія великороссійскаго общества.

Извѣстно, какъ изображаютъ всѣ иностранные путешественники XVI—XVII ст., не только западноевропейцы, но и сиріецъ Павелъ Алеппскій, узкую субъективность отношеній московскихъ людей къ иностранцамъ. Этотъ субъективизмъ и національно-религіозная исключительность вполнѣ объясняются той изолированностію отъ образованнаго міра, въ какой столь долго жила Русь Московская и какой не знала, до при-

соединенія къ ней, Русь западная и южная. Со временъ Петра Великаго извѣстная часть великорусскаго общества вышла изъ этой изолированности. Но старая московская исключительность и субъективность продолжаетъ жить въ цѣлыхъ направленіяхъ этаго общества *). Тѣ же, которые отошли отъ узкаго національнаго субъективизма, по большей части тоже не доходятъ до вполнѣ объективнаго космополитизма, т. е. до самостоятельно-критическаго отношенія къ интересамъ всѣхъ народовъ и до способности войти въ положеніе самаго мелкаго народа (каковою способностію въ высшей степени отличаются люди изъ англійскаго общества), а почти всегда усваиваютъ какое нибудь изъ воззрѣній, господствующихъ среди однаго изъ западноевропейскихъ національныхъ об-

*) Прекрасную критику этой исключительности въ отношеніяхъ московскихъ лжеславянофиловъ къ западнымъ славянамъ см. въ статьяхъ Чернышевскаго «Народная бестолковость» (Современникъ, 1861 г. октябрь) и «Самозванные старѣйшины», (тамъ же, 1862 г. мартъ). Въ послѣдней онъ разбираетъ коллективное посланіе москвичей къ сербамъ, въ которомъ всѣ неправославные народы (въ томъ числѣ и хорваты) названы «врагами человѣчества».

ществъ, чаще всего, конечно, общества одной изъ большихъ, *государственныхъ* національностей. Невеликорусскіе же славяне, исключая поляковъ, давно уже поставлены въ положеніе народовъ негосударственныхъ. Вотъ въ ихъ то кожу никакъ не можетъ поставить себя огромное большинство великорусскаго общества, поставить такъ, какъ напр. иной англичанинъ умѣетъ войти въ положеніе даже какихъ нибудь зулусовъ, (истребляемыхъ его же соотечественниками). Вотъ почему русскимъ и приходится почерпать свои свѣдѣнія даже о черногорцахъ и болгарахъ, о которыхъ по видимому такъ хлопочетъ русское правительство и извѣстная часть общества, изъ литературы англичанъ, правительство которыхъ столь долго являлось политическимъ врагомъ этихъ народовъ. И вотъ почему русскіе, когда говорятъ о западныхъ славянахъ, то, если не говорятъ о нихъ съ московской точки зрѣнія, такъ разсуждаютъ о чехахъ, какъ нѣмцы, о хорватахъ, какъ венгры, о болгарахъ, какъ греки и даже какъ турки, объ украинцахъ, какъ поляки и т. д. Если бы мы не боялись удлинить статью, мы бы могли привести въ подтвержденіе десятки

примѣровъ изъ великорусской литературы, начиная отъ Бѣлинскаго и оканчивая публицистикою временъ послѣдней войны *). Едва ли не единственное исключеніе, по своей тонкой внимательности къ положенію каждаго славянскаго племени, представляетъ въ великорусской литературѣ „Исторія слав. литературъ“ г. Пыпина, но за то же ее такъ и не любятъ московскіе лжеславянофилы и потому же она, не смотря на то, что уже вышла вторымъ изданіемъ, въ сущности оказала столь малое вліяніе на общественное мнѣніе и даже на братію, пишущую политическія статьи о славянахъ.

Этотъ субъективизмъ,—домашній, или заимствованный,—въ отношеніяхъ представителей самаго многочисленнаго изъ славянскихъ племенъ къ его сосѣдямъ и единоплеменникамъ изъ негосударственныхъ племенъ всего лучше говоритъ въ пользу необходимости образованія въ каждомъ изъ послѣднихъ партій моральной и политической автономіи. Только такія партіи, при

*) Отношенія Бѣлинскаго къ украинцамъ, сербамъ и болгарамъ мы разобрали въ предисловіи къ изданному нами «Письму В. Гр. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю», Женева, 1880.

всей своей слабости и неизбѣжной, въ началѣ, политической и культурной отсталости сравнительно съ великоруссами,—которыхъ энергія не раздвaивается борьбою за національность и независимость,—въ состояніи хоть со временемъ представить вѣрно интересы негосударственныхъ племенъ, и оказать свое вліяніе и на представителей племенъ государственныхъ. Только изъ совокупности усилій этихъ партій и взаимнаго вліянія націй государственныхъ и негосударственныхъ и можетъ выйти здоровая солидаризація дѣйствій всѣхъ племенъ восточной Европы, такъ необходимая для великихъ и малыхъ племенъ. До сихъ же поръ, видя отношеніе къ положенію негосударственныхъ племенъ даже такихъ людей, какъ Бѣлинскій и Чернышевскій, приходится по меньшей мѣрѣ сказать, — что если сытый голоднаго не понимаетъ, — то ему лучше бы всего и не говорить вовсе о дѣлахъ голоднаго человѣка.

Обсуждая украинско-польскія отношенія, Чернышевскій не только не понялъ голоднаго, — или по крайней мѣрѣ болѣе голоднаго, но даже изложилъ его положеніе, главнымъ образомъ на основаніи показаній

того, кто у него отнимаетъ хлѣбъ. Чернышевскій не далъ себѣ труда не только изучить положеніе дѣлъ въ Галиціи, но и изложилъ его или совершенно произвольно, или съ голоса польскихъ историческихъ патріотовъ. Такъ напримѣръ совершенно фантастичнымъ является у него предположеніе, что въ Галиціи русины-землевладѣльцы (помѣщики) одинаково относятся къ русинамъ-крестьянамъ, какъ и землевладѣльцы-поляки. Никакихъ русиновъ-помѣщиковъ не существуетъ въ Галиціи, какъ и по всей Украйнѣ на правомъ берегу Днѣпра,—и слѣдовательно всѣ выводы, какіе строитъ дальше великорусскій демократъ на своемъ предположеніи, не имѣютъ ровно никакого значенія. Положеніе же, что будто „сословная партія польская въ Галиціи не имѣетъ къ русинской національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу эта партія теперь (1861) расположена къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польскаго, такъ и русинскаго племени",—взято на вѣру у польскихъ оптимистовъ и тоже совершенно противно тому, что было и есть въ дѣйствительности. Предположеніе же, что будто какіе нибудь землевладѣльцы

in corpore могутъ быть расположены къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, даже и a priori должно бы было показаться невѣрнымъ такому хорошему экономисту, какъ Чернышевскій. Онъ первый бы передалъ въ редакцію „Свистка“ подобное положеніе, если бы оно доставлено было ему напр. изъ Владимірской губерніи, —а польскимъ оптимистамъ онъ повѣрилъ!

Казалось бы, и въ 1861 г. было бы излишнимъ говорить великоруссамъ, что въ *Галиціи (Восточной), какъ и во всей Украйнѣ до Днѣпра,—никакого польскаго народа нѣтъ, а есть только помѣщики, —и что на оборотъ эти помѣщики тамъ почти всѣ поляки.* А между тѣмъ ежедневный опытъ показываетъ, что это нужно повторять и до сихъ поръ. А такъ какъ поляки въ этомъ краѣ и теперь составляютъ сословіе, по теперешнему ходу вещей господствующее, то, конечно, борьба съ ними представителей націи мужицкой является вовсе не борьбою изъ за воспоминаній о старинѣ. Антагонизмъ русиновъ и поляковъ въ Украйнѣ это не то, что антагонизмъ французовъ и англичанъ, русскихъ и татаръ,— а подобенъ борьбѣ сербовъ и турокъ напр.

въ Босніи, съ тою только разницею, что польская аристократія,—а въ Галиціи и польская бюрократія, — уже въ силу своей цивилизаціи, высшей, чѣмъ турецкая, присоединяетъ къ своекорыстію сословному еще и стремленія къ денаціонализированію подчиненнаго ему мужицкаго племени. Отрицать борьбу польскаго аристократо-бюрократическаго элемента противъ украинской національности въ Галиціи такъ же странно, какъ отрицать стремленія Пруссіи германизировать поляковъ въ Познани: манія оффиціальныхъ народностей проявляла себя довольно сильно по всей Европѣ и въ 1861 г., какъ и теперь. И эта манія должна была явиться тѣмъ сильнѣе напр. въ Галиціи, гдѣ навязываемая народность имѣетъ себѣ поддержку въ экономическихъ привилегіяхъ. Помѣщикъ и представитель оффиціальнаго полонизма въ Галиціи слились до того, — что одинъ не только нераздѣленъ отъ другаго, но стремленіе послѣдняго усиливаетъ эгоизмъ перваго,—такъ какъ очевидно, что если русинскіе крестьяне получатъ экономическое обезпеченіе, то у нихъ усилится и сознаніе своей національной самостоятельности, —и на оборотъ если среди нихъ разовьется

образованіе и сознаніе своей національности, то они тѣмъ болѣе захотятъ свергнуть съ себя и экономическое иго польскихъ помѣщиковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ неизбѣженъ *раздѣлъ* этого послѣдняго куска исторической Польши въ видѣ австрійской провинціи! Вотъ почему польскія партіи восточной Галиціи, не исключая и демократовъ являются такими ожесточенными противниками и соціально-экономическихъ, и національныхъ (политическихъ и культурныхъ) стремленій русиновъ.

Все сказанное подтверждается цѣлою исторіей аграрно-національныхъ отношеній Галиціи съ самаго 1831 г.,—если уже не заходить дальше. Въ 1848 г. польскіе помѣщики и даже выборные отъ городовъ, вмѣсто уступокъ поселянамъ, требовали въ вѣнскомъ парламентѣ выкупа барщины; — въ пятидесятые и шестидесятые годы, — какъ разъ тогда, когда писалъ свою статью Чернышевскій,—они настаивали и настояли на крайне невыгодномъ для крестьянъ рѣшеніи вопроса о сервитутахъ (пользованіи лѣсами и выпасами), на сохраненіи за помѣщиками, противной даже буржуазной экономіи, привиллегіи содержанія шинковъ

(пропинація) и т. д. Что до національнаго вопроса,—то въ 1848 г. польскія партіи самымъ ожесточеннымъ образомъ сопротивлялись признанію русиновъ самостоятельною націею и передъ австрійскимъ правительствомъ, и передъ славянскимъ съѣздомъ въ Прагѣ, и передъ имперскимъ парламентомъ въ Вѣнѣ. Въ 60-ые годы, почти въ одно время съ статьею Чернышевскаго, появились даже въ польскихъ изданіяхъ въ Россіи статьи, также отрицающія самое существованіе украинской народности съ польской точки зрѣнія, какъ стали потомъ отрицать ее Катковы и Аксаковы съ московской точки (См. напр. статью Жоховскаго въ „Biblioteka Warszawska, 1861, № 12, корреспонденціи изъ Львова въ Gazeta Warszawska, 1861, № 304 — 310; въ Галиціи около этого времени вышла брошюра извѣстнаго польскаго историка, Генр. Шмидта: Kilka słów o kwestyi rusińskiej, — статьи въ „Rada Familijna“, статьи въ Czas и, во Франціи, въ «Revue Contemporaine», на которыя отвѣчалъ Костомаровъ въ Основѣ 1861 и т. д.).

Всю эту литературу польскаго сочиненія, радикально отрицающую самое существованіе русиновъ, какъ отдѣльнаго

отъ поляковъ народа, очень не трудно было знать и петербургскимъ политикамъ, равно какъ и характеръ аграрной политики тогдашнихъ польскихъ партій въ Австрія. Не трудно было провѣрить и то, на сколько было правды въ увѣреніяхъ, которыя по временамъ исходили изъ этихъ партій, что крестьяне и русины въ Галиціи, если имѣютъ на кого жаловаться, то вовсе не на польскихъ политиковъ, у которыхъ будто бы руки связаны, а на Вѣну, — увѣренія, какія проникли и въ статью Чернышевскаго. Во первыхъ, вовсе не думая идеализировать вѣнскую королевско-цесарскую бюрократію, мы должны признаться, что, если крестьяне, и въ частности русины, въ Галиціи въ теченіи XIX в. видѣли хоть тѣнь добра съ верху,—то все таки они видѣли ее только отъ австрійской бюрократіи (рядомъ, конечно, съ такими благами, какъ рекрутчина), а не отъ польской аристократіи,—что понятно уже и a priori, такъ какъ вездѣ на свѣтѣ цезаризмъ скорѣе можетъ задумать что либо, хоть небольшое, полезное для массъ, чѣмъ аристократія. А во вторыхъ, польская аристократія всегда имѣла довольно силы, чтобы сдѣлать добро для

крестьянъ и русиновъ, если бы того захотѣла, — всегда имѣла больше доступу и въ Вѣну, нежели мужичье мазурское и русинское *). Со смерти Іосифа II до самаго

*) На сколько въ Россіи и до сихъ поръ плохо освѣдомлены съ настроеніемъ галицко-польскаго общества, можно видѣть напр. по слѣдующему отрывку изъ статьи г. Спасовича «Новѣйшая исторія Австріи»: «Депутаты-поляки изъ Галиціи были озлоблены на гр. Стадіона (быв. намѣстника въ Галиціи) смертельно не за отмѣну барщины (барщина и крѣпостное право были въ принципѣ давно у нихъ вопросами рѣшенными), но за то, что облагодѣтельствовавъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ (!!) отъ имени правительства, Стадіонъ усилилъ абсолютизмъ и лишилъ польское движеніе возможности подарить землю и свободу крестьянамъ и привлечь ихъ такимъ образомъ на сторону польскаго движенія». (Вѣст. Евр. 1873, май 137—138). Но, во первыхъ, самъ же г. Спасовичъ въ началѣ своего труда (Вѣст. Евр. 1866, II, 320—321), разсказывая о вѣнскомъ парламентѣ 1848 г., говоритъ: «польскіе помѣщики, не смотря на связи свои съ лѣвою нѣмецкою стороною и на то, что они старались всячески представить, будто надѣлъ крестьянъ землею совершился по ихъ доброй волѣ, и правительство только присвоило себѣ плоды того, что они сами порѣшили, требовали однако возможно большаго и непомѣрнаго возвышенія оцѣнки крестьянскихъ участковъ». А во вторыхъ, у польскихъ помѣщиковъ всегда было столько земли, что они во всякое время могли подарить ее крестьянамъ. И теперь еще не поздно!

1846 г. никто, какъ польская аристократія правила Галиціей руками намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Вѣны,—и за тѣмъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецкой диктатуры, таже аристократія вмѣстѣ съ буржуазіей постепенно, въ лицѣ гр. Голуховскаго,— забрала въ свои руки бюрократію, а потомъ и сеймъ въ странѣ. При этомъ польскія партіи, укоряя русинскихъ политиковъ за сервилизмъ передъ Вѣной (и укоряя по нашему, совершенно справедливо) сами вовсе не гнушались напускать туже Вѣну на русиновъ, постоянно пугая австрійское правительство русинскимъ сепаратизмомъ, то москвофильскимъ, то украино-казацкофильскимъ, съ прибавкою гайдамачины.

Публицистъ „Современника" совершенно не понялъ двухъ очень характерныхъ черточекъ галицкой жизни, которыя ему попались въ львовскомъ „Словѣ" и совершенно напрасно потратилъ, по поводу ихъ, свою иронію надъ русинскою газетою. Первая изъ этихъ черточекъ: объясненіе „Слова" съ польскими газетами по поводу того, что оно печатается „россійскими" буквами (т. наз. „гражданка" или шрифтъ Петра Великаго), которыя „Слово" старается оправ-

дать тѣмъ, что онѣ сначала употреблялись малороссами, отъ которыхъ заимствовалъ ихъ Петръ Великій. Дѣло въ томъ, что въ крайнемъ желаніи помѣшать развитію русиновъ, польскіе патріоты въ Галиціи настаиваютъ на томъ, что, если уже должно существовать у русиновъ свое письмо, отдѣльное отъ польскаго, — (что уже признано австрійскимъ закономъ) то оно должно оставаться старое, церковное; употребленіе же „граждапки" есть-молъ признакъ сепаратизма къ Россіи! И въ настоящую минуту, когда мы пишемъ эти строки, въ галицкій сеймъ внесенъ запросъ русинскихъ депутатовъ по поводу того, что польскіе чиновники требуютъ отъ русиновъ писанія бумагъ церковными каракулями, вм. болѣе курсивной „гражданки", которую польскіе чиновники признаютъ письмомъ „московскимъ" и слѣдовательно незаконнымъ. Въ то время, когда писалась статья Чернышевскаго, „гражданка" только что начала входить въ употребленіе въ Галиціи, и Вѣна была завалена доносами на эту „граждапку". Мы сами вовсе не любители этой „гражданки" и рады были бы, если бъ и въ самой Москвѣ писали латинскими буквами (толь-

ко, конечно, не польскою ихъ формою, запутанною и нелогичною), но тѣмъ болѣе мы противъ осужденія галичанъ на писаніе церковными каракулями и еще болѣе противъ пропаганды латинскаго шрифта посредствомъ доносовъ австрійскому правительству. А такой смыслъ доносовъ имѣютъ всегда жалобы польскихъ газетъ, что русины пишутъ „московской гражданкой“.

Подобное же значеніе имѣла въ „Словѣ“ и ироническая благодарность полякамъ, которые „готовы сочувствовать развитію русинской литературы“. Чернышевскій понялъ эти слова въ буквальномъ смыслѣ и прочелъ нотацію львовской газетѣ. Между тѣмъ достаточно было знать хоть напр. статьи варшавскихъ и виленскихъ изданій о Шевченкѣ, котораго такъ уважалъ Чернышевскій, чтобъ видѣть, каково было сочувствіе большинства польской печати къ самостоятельной литературѣ у русиновъ. Всякое стремленіе русиновъ создать литературу, которая бы не была только провинціальною разновидностью польской (какъ это было у Падуры и его послѣдователей) встрѣчалось польской печатью столь же враждебно, какъ стали потомъ встрѣчать

его враждебно московскіе централисты. Послѣ 1848 года въ Галиціи русинская литература признана была оффиціально, и послѣ того въ тамошнемъ польскомъ обществѣ постепенно установилось къ ней двойственное отношеніе: рядомъ съ отрицаніемъ—претензія регулировать эту литературу, конечно, если можно, то и съ помощью бюрократіи. Та галицкая русинская литература, какая захвачена была событіями 1848 г., примыкала по языку и духу къ южнорусской полуцерковной литературѣ XVI—XVII в. (XVIII вѣкъ для Галичины, послѣ отдѣленія ея отъ казацкой Украйны, пропалъ еще болѣе даромъ, чѣмъ пропалъ онъ для Поднѣпровья). По ней лишь слегка прошли вліянія великорусской высокопарной литературы до-карамзинскаго періода и отголоски начинавшейся новой украинской литературы, сначала сентиментальной и романтической, но всегда демократической.*) Въ періодъ торжества бюрократіи въ Австріи и особой

*) Подробности въ подтвержденіе того, что мы здѣсь говоримъ, читатель можетъ найти въ вышеупомянутой статьѣ нашей «Русскіе въ Галиціи» и въ ея продолженіи «Литерат. движеніе въ Галиціи». Вѣстн. Евр., 1873, IX, X.

ярости николаевской реакціи въ Россіи въ Галицію проникало изъ Россіи только московское, погодинское вліяніе, и тамъ зародилась школа, которую и представляетъ „Слово“. Впрочемъ школа эта, хоть и ложною дорогою, но все же отчасти шла къ выходу изъ узкихъ рамокъ австро-уніатскаго легитимизма и клерикализма. Не имѣя уже силы подавить совсѣмъ русинское движеніе, польскіе его противники стали стараться, чтобъ оно сохранило по крайней мѣрѣ старое, разъ уже признанное, узкое направленіе — и упрекали новое, во всякомъ случаѣ болѣе свѣтское и болѣе независимое москвофильское направленіе въ политической измѣнѣ Австріи и въ тоже время въ измѣнѣ настоящимъ интересамъ русинской національности, которые теперь, конечно, лицемѣрно, бралась защищать польская печать. По смерти Николая I стало вновь организовываться въ Россіи народно-украинское направленіе. Польская печать въ Россіи встрѣтила его враждебно,— но въ то же время въ галицкой польской печати стали изрѣдка раздаваться голоса, которые, порицая русинскихъ патріотовъ за ихъ церковно-московское направленіе и языкъ, ставили имъ

въ примѣръ украинскихъ писателей, пишущихъ чистымъ народнымъ языкомъ. Но чуть только украинская литература породила и въ Галиціи (1862—1863 г.) замѣтное демократическое движеніе, какъ сейчасъ же польская печать закричала о казакоманіи и новомъ „гайдамацкомъ, но все таки московскомъ панславизмѣ", какъ объ опасности и для польской идеи, и для Австріи *). Когда между 1863 и 1867 г. въ Галичинѣ обнаружился существенный расколъ между клерикально-московскими и народно украйнофильскими группами, и когда русское правительство, вслѣдъ за голосами московскихъ централистовъ, наложило руку на украинскую литературу и школу (въ первый разъ въ 1863 г.), — то польская печать, опять таки лицемѣрно, приняла галицкихъ украйнофиловъ подъ свое покровительство и зная, что они еще слабы на парламентскомъ полѣ, стала противуставлять ихъ ста-

---

*) Какъ характерно это единство пріемовъ польскихъ и московскихъ централистовъ, въ Австріи и Россіи: что для однихъ «московскіе рубли», то для другихъ «польская интрига», въ число «агентовъ» которой произвелъ «честный» г. И. Аксаковъ (Русь, 1 авг. 1881 г.) и пишущаго эти строки!!

рой русинской партіи, какъ „настоящихъ русиновъ“, съ которыми будто бы поляки могутъ договариваться, — не то что съ москвофилами, измѣнниками своему народу и слугами деспотизма, которые хотятъ привести „Москву и схизму въ послѣднее убѣжище Польши“. Но эти фразы не вели за собою никакихъ практическихъ уступокъ и „настоящимъ русинамъ“, — а едва только и эти послѣдніе начали становиться силою, съ которою нужно было считаться, — такъ и на нихъ посыпались тѣ же обвиненія, которыя сыпались прежде на москолефиловъ. А между тѣмъ, если дѣйствительно галицкіе поляки примирились съ признаніемъ русиновъ, какъ отдѣльной культурной и политической націи, то казалось бы, что можетъ быть проще, какъ предоставить самимъ русинамъ разбираться, кто изъ нихъ настоящій, а кто ненастоящій русинъ, и отказаться отъ всякихъ претензій регулировать русинскую литературу, да еще административными мѣрами и политическими доносами?! Вотъ объ этой претензіи на протекторатъ говорило и „Слово“, когда оно иронически отнеслось къ заботамъ польскихъ газетъ о русинской литературѣ, — а публицистъ „Современника“,

по незнанію мѣстныхъ условій, укорилъ русинскую газету въ неблагодарности!

Похожее на то, что происходило въ 1848—1849 и въ 1860—1861 гг. въ Галиціи, настало въ 1860—1863 гг. въ придиѣпровской Украйнѣ, когда здѣсь поднялся крестьянскій вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ столкнулись стремленія польскія и украинскія. Здравый политическій разсчетъ, дѣйствительно, долженъ бы былъ побудить поляковъ относиться благопріятно къ украинскому движенію и въ то же время сдѣлать серьезныя уступки крестьянамъ. Но о первомъ почти никто изъ поляковъ, даже въ чисто польскихъ земляхъ не думалъ, — а о второмъ, хотя и говорили немногочисленные искренніе демократы, — но ихъ совѣты оставались безъ приложенія. Сословные разсчеты и инстинкты національнаго господства превозмогли въ польскихъ панахъ правобочной Украйны, какъ и вездѣ,—соображенія здравомысленнаго патріотизма и либерализма.— А ненависть къ нарождающейся новой нравственной силѣ, представляемой украинскими кружками, за которыми непремѣнно должны были послѣдовать кружки литовскіе и бѣлорусскіе, кружками, которымъ польскіе паны

дали имя „хлопоманіи“(изъ чего послѣ въ Россіи сдѣлали слово „хохломанія“) и страхъ передъ крестьянами, которые раньше или позже должны были провѣдать о стремленіяхъ образованныхъ хлопомановъ, заставили польскихъ пановъ и тутъ, какъ и въ Австріи, попробовать направить противъ своихъ конкурентовъ готовую силу, — правительство!

Положеніе украинскихъ хлопомановъ непосредственно передъ возстаніемъ 1863 г. всего лучше характеризуется статьею г. Вл. Антоновича въ „Основѣ“ 1862 г., № 1 „Моя исповѣдь“, изъ которой мы считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующую выдержку, такъ какъ она, по нашему мнѣнію, сохранила въ значительной степени свою современность и въ настоящую минуту:

„Въ заключеніе вашей статьи, г. Падалица, вамъ угодно было обратиться къ моей личности съ эпитетомъ „перевертень“*). — Я вамъ за это искренно благодаренъ — не по-

*) Статья г. Антоновича есть отвѣтъ на одну изъ статей довольно вліятельнаго въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ писателя, Падалицы, который выступилъ было съ полемикой и противъ Костомарова, по поводу его трудовъ о козачинѣ. Костомаровъ отвѣчалъ ему въ «Современникѣ».

тому, чтобы я полагалъ, что моя личность особенно интересна для васъ или для кого нибудь изъ читающихъ, и не потому, чтобы я самъ слишкомъ о ней заботился, а потому, что разъясненіе сказаннаго вами эпитета хоть сколько нибудь поможетъ цѣлой группѣ людей опредѣлить себѣ свое положеніе въ южно-русскомъ краѣ. Да—г. Падалица, вы правы! Я дѣйствительно „перевертень“, — но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово „отступникъ“ не имѣетъ само по себѣ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому именно присталъ; иначе слово это лишено смысла — это пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украйнѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей, и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался; но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго

судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что Поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности когда-то покинутой ихъ предками и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ... или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того чтобы не прибавлять собою еще одной тунеядной личности, для того чтобы наконецъ избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что впрочемъ все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію на-

рода, въ хату котораго я залѣзъ непрошеный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними растаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, — изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное дружественное слово (хоть я былъ и *паничъ*), не одну трагическую повѣсть о истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному

обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ, того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили, вначалѣ, свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань, и наконецъ ложные доносы и намеки о колiивщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество: —я выбралъ второе, и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что, со временемъ, среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу — раньше или позже станетъ нравственною потребностью не только отдѣльныхъ лицъ—какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности, и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственною совѣстью, дѣлу. И такъ, г. Падалица, вы правы! ***я—перевертень,*** и я горжусь этимъ,

такъ точно, какъ я гордился бы въ Америкѣ, еслибъ сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, еслибъ, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла".

Группа „хлопомановъ" была сначала не совсѣмъ малочисленна среди польской (или говоря тогдашнимъ оффиціальнымъ выраженіемъ—„католической") молодежи въ Кіевѣ, —но когда нѣкоторые изъ нихъ такъ радикально поставили вопросъ, какъ г. Антоновичъ,—(а такъ пришлось поставить его именно въ 1861 г., когда и въ Кіевъ пришелъ сигналъ готовиться къ возстанію за возстановленіе исторической Польши),—группа эта сократилась до нѣсколькихъ человѣкъ, которые примкнули къ группѣ „православныхъ" украинцевъ, состоявшей почти исключительно изъ лѣвобережцевъ. Испугавшись радикальной постановки вопроса національнаго, бывшіе поляки - хлопоманы и тѣ изъ демократовъ, которые сначала сочувствовали имъ, пошли на уступки помѣщичьей партіи и по вопросу соціально-экономическому. Причину этой уступчивости очертилъ довольно вѣрно другой молодой

хлопоманъ, котораго имя гремѣло тогда по польскимъ панскимъ дворамъ и газетамъ, вмѣстѣ съ именемъ г. Антоновича, какъ будущихъ Гонты и Зализняка, — г. Рыльскій, въ надѣлавшей тогда много шуму въ кіевскихъ кружкахъ и въ самомъ дѣлѣ очень любопытной статейкѣ „Дворяне праваго берега Днѣпра“, въ „Основѣ“ 1861, № 12 *).

---

*) Вотъ въ какомъ винегретѣ изображали своей публикѣ кіевскихъ хлопомановъ тогдашнія польскія газеты: «Въ кіевскомъ университетѣ возникла партія русская, такъ называемые хлопоманы, по наущенію извѣстныхъ пособниковъ русской идеи Иванишева, Костомарова, Галагана, Аксакова и т. п. Изъ нѣдръ этой партіи, во имя любви къ народу, братскаго равенства и т. п. хорошихъ вещей произошли миссіи по краю, будто бы для обороны народа отъ кривды, могущей послѣдовать отъ шляхты въ пору рѣшенія крестьянскаго вопроса. Правительство смотрѣло на то сквозь прозрачную завѣсу и терпѣло по краю безумныхъ эмиссаровъ и даже скрытно помогало имъ. Оно имѣло для этой цѣли Антоновичей, Рыльскихъ и т. п. сумасшедшихъ, очарованныхъ московской кликой, которые совсѣмъ отреклись отъ любви къ Польшѣ, чтобъ осуществить составленную ими малорусскую утопію. Всесильная пропаганда по надъ берегомъ Днѣпра въ традиціонной области казачества, похороны Шевченко, устроенная для него могила, путеше-

Очертивъ разные виды дворянъ праваго берега Днѣпра, г. Рыльскій говоритъ о демократической молодежи: „Но отъ всѣхъ этихъ оттѣнковъ рѣзко отдѣляется значительная часть болѣе просвѣщенной здѣшней молодежи. Они въ самомъ дѣлѣ довольно искренно сочувствуютъ положенію народной массы, они готовы на личныя пожертвованія въ пользу своихъ идей, но *у* нихъ есть кой какія преданія, почерпнутыя изъ той среды, изъ которой они вышли, и которыя ихъ заставляютъ нерѣдко противодѣйствовать интересамъ народной массы... Такъ нѣкоторые изъ нихъ защищаютъ слѣдующій силлогизмъ: потребности народа выражаются въ его просвѣщенныхъ представителяхъ; такъ какъ болѣе просвѣщенная часть здѣшняго общества (inteligencja kraju) ополячилась, то, значитъ, здѣшній край польскій. И эти люди считаютъ себя демократами!..."

ствія къ этой Меккѣ малорусскаго народа, введенныя хлопоманами,—все это дѣлаетъ на народъ сильное впечатлѣніе». (Tygodnik Poznański, 1863, № 3). Опять таки, подобные винегреты можно встрѣтить теперь въ доносахъ московскихъ централистовъ на ихъ противниковъ.

Болѣе радикальные изъ этихъ людей были авторами „Золотой Грамоты къ сельскому люду Волыни, Подоли и Украины“ и погибли съ нею въ печальные дни конца Апрѣля и начала Мая 1863 г.,—и что всего ужаснѣе, погибли, не заронивши въ убивавшихъ и арестовывавшихъ ихъ крестьянахъ ни зерна мысли, которая могла бы со временемъ лечь въ основу новой попытки къ борьбѣ за свободу края и благо народа! Крестьяне-украинцы били ихъ, какъ представителей гнета соціальнаго и національнаго, сосредоточеннаго для нихъ въ одномъ словѣ—„Польша“!

Эта неизбѣжная участь была предсказана польскимъ демократамъ на Украйнѣ послѣдовательными „хлопоманами“ еще въ 1861 г. Но едва только молодые хлопоманы заявили своимъ товарищамъ свой отказъ принять участіе въ польскомъ возстаніи, какъ сейчасъ г. Антоновичъ былъ потребованъ къ мѣстному предводителю дворянства, гдѣ нашелъ цѣлый сеймикъ дворянъ, который потребовалъ отъ него отказа отъ хлопоманской декларація, угрожая въ противномъ случаѣ преслѣдованіемъ со стороны русскаго правительства! Отказа, конечно,

не послѣдовало, — и за тѣмъ гг. Антоновичъ и Рыльскій были дѣйствительно привлечены къ слѣдствію со стороны секретной политической коммиссіи при генералъ-губернаторѣ „за коммунистическую пропаганду среди крестьянъ“. Только общее, еще тогда конфузливое, настроеніе правительства и благодушіе тогдашняго кіевскаго ген. губернатора, кн. Васильчикова, сохранили ихъ отъ ссылки въ восточныя губерніи.

О такихъ характерныхъ фактахъ и вообще объ украинской „хлопоманіи“ и отношеніи къ ней польскаго общества и печати совсѣмъ ничего не знали въ великорусскихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ. О дѣлѣ гг. Антоновича и Рыльскаго въ „Колоколѣ“ находимъ только слѣдующую замѣтку: „Правда ли, что братья (?) Рыльскіе, студенты кіевскаго университета, сосланы въ Казань, по доносу князя Васильчикова, за то что они обращаются по братски съ своими крестьянами?“ (Колок., 1 Іюня, 1861) Положимъ, живя въ Лондонѣ, издатели „Колокола“ съ трудомъ могли знать, кто донесъ „на братьевъ Рыльскихъ“, — хотя и тамъ можно было хоть просматривать „Основу“. Но въ Россіи можно было съ большимъ

удобствомъ знать, что дѣлалось въ томъ краѣ, гдѣ тоже должно было, при поддержкѣ и великорусской оппозиціи, совершиться польское возстаніе, — но великорусскіе революціонные кружки въ столицахъ и на Поволжьи, гдѣ готовили крестьянское возстаніе, единовременное съ польскимъ, — не только того не знали, но, сколько мы помнимъ, по бесѣдамъ съ нѣкоторыми изъ пріѣзжавшихъ тогда въ Кіевъ изъ Петербурга членовъ „Земли и Воли" и однимъ членомъ казанскаго кружка, можно сказать, не хотѣли знать. *) Великорусскимъ демократамъ казалось, что „тотъ не любитъ свободы", кто не сочувствуетъ польскимъ стремленіямъ, а тѣмъ болѣе кто считаетъ нужнымъ противу дѣйствовать имъ въ чемъ бы то ни было.

---

*) Очень жаль, что до сихъ поръ такъ мало извѣстно опредѣленнаго о казанскихъ революціонныхъ кружкахъ, а между тѣмъ они, какъ и харьковскій кружокъ, арестованный въ началѣ 1860 г., представляютъ самыя раннія попытки революціоннаго дѣйствія при Александрѣ II, и, по нѣкоторымъ частностямъ, дошедшимъ до насъ, въ нихъ федеративная идея была яснѣе сознаваема, чѣмъ въ петербургскихъ кружкахъ „Земли и Воли". Нѣкоторыя данныя о казанскихъ кружкахъ см. въ „Подпольномъ Словѣ" 1866, № 2.

Отчасти такое отношеніе къ „польскому дѣлу“ далекихъ отъ западнаго края русскихъ объясняется совершенно естественною реакціею противъ крайне безтактной и тупой политики правительства. Реакція эта особенно должна была быть сильною среди тѣхъ изъ образованныхъ русскихъ, которые судьбою были заброшены въ самую коренную Польшу. Здѣсь образовался „комитетъ русскихъ офицеровъ“, который находился въ сношеніяхъ съ кружкомъ „Земли и Воли“ и съ лондонской эмиграціей. Комитетъ этотъ обнародовалъ 5 ноября 1862 г. прокламацію къ „офицерамъ русскихъ войскъ“, въ которой слѣдующимъ образомъ объяснилъ причины своего присоединенія къ польскому возстанію:

„Наше положеніе исключительно. Правительство распоряжается въ польскихъ городахъ такъ, что народъ долженъ потерять всякое терпѣніе и возстать, даже не разсчитывая, — будетъ удача, или нѣтъ. Обстоятельства все ближе и ближе подходятъ къ минутѣ, когда намъ придется быть палачами Польши, или приставать къ возстанію.

„*Мы не хотимъ быть палачами*....

„Центральный Варшавскій комитетъ, сто-

ящій нынѣ въ главѣ польскаго движенія, заявилъ намъ, что его цѣль — надѣленіе всѣхъ (?) польскихъ крестьянъ землею, уравненіе всѣхъ правъ и уничтоженіе сословной розни; независимость Польши отъ петербургскаго и другихъ нѣмецкихъ правительствъ и признаніе за всѣми областями, соединенными (?) съ Польшей воспоминаніями прошедшаго(!), права располагать собою — помимо всѣхъ государственныхъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ соображеній. Только на этихъ основаніяхъ, мы и наши солдаты готовы примкнуть къ польскому возстанію, потому что тѣ же основанія и нашей русской свободы".

Вотъ тутъ то и припоминаешь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ инстинктовъ и о необходимости политическаго образованія и такта для общественной дѣятельности. Одно дѣло—не хотѣть быть чьимъ либо палачемъ, — и совсѣмъ другое дѣло — присоединиться къ программѣ, которая идетъ въ разрѣзъ съ основами собственныхъ политическихъ стремленій и связать свое дѣло съ дѣломъ, которое, при внимательномъ анализѣ, оказалось бы и чужимъ, и безнадежнымъ даже со стороны возможности оставить

по себѣ ясную руководящую идею... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ „комитета русскихъ офицеровъ", Потебня, кажется, наконецъ замѣтилъ свою ошибку, но поздно! Попавши въ лагерь Лангевича, который между прочимъ писалъ въ одной изъ своихъ прокламацій (отъ 9 февраля 1863 г., къ дворянамъ воеводства Сендомірскаго) что онъ не потерпитъ возобновленія рѣзни крестьянами пановъ, какъ въ Галиціи въ 1846 г., — Потебня писалъ своимъ друзьямъ (3 марта): „Пишу къ вамъ изъ лагеря Лангевича. Я рѣшился остаться здѣсь... Надежды сдѣлать что нибудь мало. Попробуемъ"... (Колоколъ, № 162). Черезъ нѣсколько дней Потебня „во время сраженія, не смотря на всѣ убѣжденія, схватилъ косу, — во главѣ колонны пошелъ въ аттаку и погибъ"....)тамже).

VIII.

Перенесеніе польскаго возстанія на берега Днѣпра и присоединеніе къ нему великорусскихъ либераловъ и демократовъ имѣло фатальное послѣдствіе и для „польскаго дѣла" въ частности, и для либе-

рально-демократическаго движенія въ Россіи вообще. До тѣхъ поръ пока польское движеніе разыгрывалось преимущественно въ Польшѣ и отчасти въ Литвѣ, средніе образованные люди въ Россіи были болѣе или менѣе сочувственно настроены въ его пользу, тѣмъ болѣе что вначалѣ можно было предполагать, что правительство принуждено будетъ дать конституцію Царству Польскому, а это, думалось тогда, должно будетъ повести за собою такую же мѣру и въ остальной Россіи. Въ пользу подобной увѣренности говорило созваніе сейма финляндскаго, котораго не созывали съ самаго времени присоединенія княжества къ Россіи. Заявленіе намѣренія польскаго революціоннаго правительства овладѣть и Поднѣпровьемъ дало толчекъ къ повороту общественнаго мнѣнія противъ поляковъ. Крестьянская же реакція противъ возстанія, особенно рѣзко проявившаяся въ Кіевской губерніи,—усилила этотъ поворотъ, которымъ не могли не воспользоваться реакціонеры для отрицанія всѣхъ требованій поляковъ.

Съ тѣхъ поръ установилось въ значительной части русскаго общественнаго мнѣнія убѣжденіе, что полякамъ опасно дѣлать

какія бы то ни было уступки имъ и въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ уступки эти ихъ не удовольствуютъ, а только послужатъ операціоннымъ базисомъ для наступательнаго движенія и на Поднѣпровье. Вообще же не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, покушенія польскихъ революціонеровъ на непольскія земли и отпоръ, оказанный имъ непольскими массами, подкопали довѣріе къ самому принципу, на какомъ только и основывалось общее сочувствіе польскимъ политическимъ стремленіямъ, именно къ убѣжденію, что стремленія эти имѣютъ подъ собою живое національное тѣло. Отношеніе, въ какое поставили себя патріоты польскіе къ русинамъ въ Галиціи, должно было поддержать отрицательный поворотъ во взглядахъ общественнаго мнѣнія и въ Россіи, и отчасти за границей на польскій патріотизмъ.

Во время самаго возстанія нѣкоторые иностранцы, принявшіе въ немъ участіе, могли собственнымъ наблюденіемъ провѣрить, какъ мало дѣйствительно народнаго было въ этомъ дѣлѣ. Такъ Арнезъ писалъ въ письмѣ, читанномъ на собраніи „Союза мира и свободы“ въ 1871 г.: „неуспѣхъ послѣдня-

го возстанія доказалъ ясно, что причина общаго равнодушія, оказаннаго крестьянами, —лежитъ въ забвеніи, въ какомъ держали народъ (образованные люди) и въ отсутствіи гарантій, которыя бы представляло ему будущее въ случаѣ успѣха возстанія. Я самъ слышалъ, какъ крестьяне громко говорили, что „надъ ними смѣются, приглашая ихъ проливать кровь для возстановленія привиллегій пановъ“. Этотъ духъ недовѣрія врожденъ польскому крестьянину, и, можно сказать, онъ его всасываетъ съ молокомъ матери“. (Bulletin officiel du cinquième congrès de Ligue internationale de la Paix et de la Liberté. 1871. 140—141).

Судя по тому, что теперь пишется о Польшѣ въ англійской и французской литературахъ, (особенно въ послѣдней,—см, сочиненія гг. Л. Леже, А. Рамбо, Э. Реклю-А. Леруа-Болье) уже нельзя напередъ и ждать ничего подобнаго тому довѣрію къ словамъ польской эмиграціи, какимъ она пользовалась въ либеральныхъ кружкахъ въ 1831—1863 гг. Совсѣмъ напротивъ, у нѣкоторыхъ авторовъ,—особенно угг. Леже и Леруа-Болье,—реакція старому довѣрію польскимъ эмигрантамъ смѣнилась нѣкото-

рымъ оптимизмомъ по отношенію не только къ Россіи вообще, но и къ русскому правительству въ частности *).

Одновременно съ тѣмъ, какъ падалъ кредитъ польскихъ патріотическихъ стремленій, падала сила и русскаго либеральнаго движенія. Хотя это движеніе не имѣло за собою въ русскомъ обществѣ и такихъ организованныхъ силъ, какія имѣло у себя польское національно-католическое движеніе, но тѣмъ не менѣе передъ 1863 г. напоръ его на правительство былъ довольно чувствителенъ. Самодержавіе стало задыхаться въ образовавшейся около него оппозиціонной атмосферѣ. Самъ царь не только согласился

*) Кто читалъ новыя заграничныя сочиненія о Россіи и Польшѣ, тотъ не могъ не замѣтить въ нихъ вліянія знакомства новыхъ заграничныхъ писателей съ историческими и этнографическими трудами писателей украинскихъ. Это знакомство способствовало, быть можетъ, болѣе всего разложенію прежняго довѣрія къ показаніямъ польскихъ историческихъ патріотовъ. Но это же обстоятельство налагаетъ на украинскихъ писателей обязанность противодѣйствовать и тому оптимизму по отношенію къ оффиціальной Россіи, о которомъ мы говорили выше и который невыгоденъ для истинныхъ интересовъ какъ украинскихъ, такъ и польскихъ, да и вообще всероссійскихъ и даже всеевропейскихъ.

на созывъ финляндскаго сейма и на вставку въ тронную рѣчь фразы о „народахъ, которые показываютъ себя достойными свободы“, но въ отвѣтѣ на адресъ петербургской думы и дворянъ, протестовавшій противъ вмѣшательства иностранной дипломатіи въ польское дѣло, долженъ былъ показать въ перспективѣ возможность „призванія общества къ участію въ государственныхъ дѣлахъ“. Объ этомъ призваніи довольно ясно заговорили адресы тверской и, кажется, костромской. Не говоря о западникахъ и даже славянофилахъ, которые довольно ясно (особенно для нихъ) говорили о земскомъ соборѣ, самъ г. Катковъ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1863, № V) статью „Что намъ дѣлать съ Польшей?“,— въ которой статьѣ предлагалъ потопить польскій сепаратизмъ въ представительствѣ всей Россіи и заботился только о томъ, какъ бы это представительство не получило правъ, большихъ, чѣмъ, права совѣщательнаго собранія ,въ родѣ старыхъ московскихъ земскихъ соборовъ. (Теперь и такія требованія г. Катковъ называетъ крамолой!)

Дискредитированіе передовыхъ круговъ великорусскаго либеральнаго движенія сочув-

ствіемъ къ польскимъ покушеніямъ на всю западную половину Россіи и крестьянская реакція польскому возстанію, неизбѣжно принявшая роялистическую форму, дали возможность абсолютизму перевести духъ и мало по малу заставить позабыть даже собственныя обѣщанія. И что особенно любопытно, — реакція, наставшая послѣ польскаго возстанія, хоть и должна была въ западныхъ губерніяхъ, для самой борьбы съ возстаніемъ, пользоваться демократическими идеями, пущенными въ оборотъ оппозиціей въ время, предшествовавшее возстанію,—но во внутреннихъ губерніяхъ она дала перевѣсъ крѣпостнической партіи даже и въ соціально-экономическихъ вопросахъ, а не въ однихъ только политическихъ.

Послѣ Каракозовщины, — порожденной этой реакціей, — прекратилась императорская демократія и на западѣ отъ Днѣпра, и вся Россія пришла въ то соціальное положеніе, въ какомъ мы ее видимъ теперь. А вмѣстѣ съ тѣмъ и на Польшу распространена была политика рѣшительнаго обрусенія, изобрѣтенная старыми и новыми реакціонерами, ссылавшимися на

примѣръ Франціи въ Эльзасѣ и Пруссіи въ Познани.

Такимъ образомъ возстаніе 1863 г. за „историческую Польшу" не только на смерть подкосило кредитъ польскаго историческаго патріотизма,—что собственно не бѣда,—но задержало на долго исполненіе самыхъ законныхъ требованій польской національности, а также установленіе политической свободы и даже необходимѣйшихъ соціальныхъ реформъ во всей Россіи. Положительные результаты принесло это возстаніе въ томъ краѣ, въ которомъ оно разыгрывалось, только косвенно,—и при томъ не на національно-политическомъ полѣ, на которомъ оно преимущественно стояло, но на соціально-экономическомъ. Возстаніе заставило правительство выступить съ болѣе радикальною аграрною политикой и въ западныхъ губерніяхъ, и въ Царствѣ Польскомъ, чѣмъ та, которой держалось правительство до тѣхъ поръ. А такъ какъ эта политика соотвѣтствовала и соціально-экономическимъ идеямъ извѣстной части польской демократіи еще съ 1831 г.,—то это обстоятельство даетъ крайне трагическій смыслъ поль-

скимъ революціоннымъ движеніямъ послѣ возстанія 1830—31 г.

Старая Польша грѣшила главнымъ образомъ рабствомъ крестьянъ, которое составляло такой контрастъ съ свободою шляхты. Благодаря этому контрасту да антагонизму національностей, Польша эта и подверглась иноземному порабощенію. Въ 1831 г. революціонный сеймъ въ Варшавѣ отвергъ благопріятныя для крестьянъ предложенія Шанѣцкаго и Бѣрнацкаго, — и съ тѣхъ поръ каждое польское возстаніе въ Австріи и Россіи вело за собою шагъ къ исправленію грѣха старой Польши передъ крестьянами, только прежде всего съ пожертвованіемъ головъ самихъ повстанцевъ, прежде всего, конечно, именно демократовъ. Въ 1846 г. польскіе крестьяне въ западной Галиціи перебили повстанцевъ, а за ними и много помѣщиковъ, — и въ тоже время Николай I попробовалъ положить конецъ обезземеливанію крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1848 г. австрійское правительство отвѣтило на польскія патріотическія демонстраціи въ Львовѣ указомъ о прекращеніи панщины. Въ 1863 г. крѣпостникъ Муравьевъ превратился въ эманципатора бѣлорус-

скихъ и литовскихъ крестьянъ, а въ Царство Польское посланъ былъ Н. Милютинъ, котораго высшіе круги въ Петербургѣ считали фурьеристомъ. Большинство польскихъ патріотовъ, даже очень нечуждыхъ демократическимъ идеямъ, и до сихъ поръ считаютъ разбоемъ аграрныя мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ въ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ въ 1863—1864 гг. Но между людьми, погибшими въ то время, были такіе, которые радовались этимъ мѣрамъ, хотя радость ихъ была поистинѣ трагична. Вотъ что писалъ Рафаилъ Краевскій, за нѣсколько дней передъ смертію, объ указахъ въ пользу крестьянъ: „Какъ вижу, дѣла въ краѣ идутъ хорошо. Пусть тамъ краковскія газеты, какъ хотятъ, называютъ крестьянскую реформу, пусть называютъ новыя постановленія соціализмомъ; для меня онѣ представляются особеннымъ явленіемъ конституціонализма, который всегда до сихъ поръ шелъ сверху внизъ, а у насъ начинается снизу. Развѣ славянская община не можетъ быть лучшею завязью будущаго, чѣмъ учрежденія Запада, гдѣ самоуправленіе выростало изъ аристократіи? По крайней мѣрѣ безспорно, что, начинаясь

снизу, прогрессъ идетъ скорѣе, нежели начиная сверху. Наконецъ, такой ходъ—самый успѣшный и единственный для Польши, въ которой сельское населеніе составляетъ такое большинство; при такомъ способѣ идея не задержится въ кастѣ, потому что здѣсь каста повсемѣстна, — это не каста! Пусть тамъ, кто хочетъ, обманываетъ себя, а то, что сдѣлано, есть только началомъ того, что дальше должно сдѣлаться. Толчекъ данъ. А уже эта мильонная масса не задержится въ своемъ ходѣ. Программа Костюшки выполнится. Шляхта не хотѣла во время существованія Рѣчи Посполитой, отказаться отъ своихъ привилегій,—такъ всѣ сдѣлаются шляхтичами, но только не такъ, какъ давняя шляхта". (Rafał Krajewski. Polska w walce, wyd. Ag. Giller. T. II, 137. Мы дѣлаемъ выписку по книгѣ Ostatnie lata dziejów powszechnych od 1846 r." 175). Съ своей стороны Герценъ еще въ 1863 г. подобнымъ же образомъ оцѣнилъ косвенный соціальный результатъ польскаго національно-политическаго движенія. Сначала и онъ взялъ нѣсколько фальшивыхъ нотъ на тему объ „императорской пугачовщинѣ", пробовавшихъ объяснить крестьянскую ре-

акцію польскому возстанію исключительно подуськиваніемъ чиновниковъ *). Герценъ вѣрилъ польскимъ патріотамъ, которые утѣшали себя, будто и Гонту съ Зализнякомъ подняла „гайдамачущая императрица" и будто галиційскую рѣзню 1846 г. устроилъ Метернихъ, и поскользнулся было на эту дорогу и въ маѣ 1863 г. Но уже въ іюлѣ 1863 г. Герценъ написалъ въ „Колоколѣ"

*) На подобной точкѣ зрѣнія построено описаніе крестьянской реакціи въ Бѣлоруссіи и даже на Украйнѣ 1863 г. въ книгахъ г. Гиллера «Historja Powstania Narodu Polskiego w 1861 — 64 г.» Между тѣмъ одинъ старый польскій дѣятель изъ Украйны расказывалъ намъ, что когда около одного села въ кіевской губерніи крестьяне били повстанцевъ, то одинъ русскій офицеръ замѣтилъ крестьянамъ, которые добивали уже поваленныхъ поляковъ: «за чѣмъ вы ихъ бьете?! Они и такъ уже лежатъ!» Тогда одинъ окровавленный полякъ приподнялся и проговорилъ: «оставьте,—пусть бьютъ! Мы виноваты передъ ними! много виноваты!» Кровь бросается въ голову, когда слышишь о такихъ сценахъ,—но онѣ заставляютъ больше вѣрить въ будущее польскихъ образованныхъ классовъ, чѣмъ рутинныя объясненія всякой, въ томъ числѣ и крестьянской, реакціи противъ традиціонныхъ польскихъ движеній австрійскими гульденами и московскими рублями, особенно когда эти объясненія встрѣчаешь въ писаніяхъ демократовъ и даже соціальныхъ демократовъ.

замѣтку: „А дѣло идетъ своимъ чередомъ!“ взявши для нея эпиграфомъ слова, которыми лордъ Эленборо протестовалъ въ палатѣ лордовъ противъ аграрныхъ мѣръ въ литовско-бѣлорусскихъ краяхъ. „Въ томъ то и состоитъ вся непреодалимая сила *дѣла*, писалъ Герценъ, вся нѣкогда умилявшая чувствительныхъ естество-испытателей *упорная экономія* и настойчивость природы. Весь секретъ ея состоитъ въ томъ, что если дѣло хорошо заквашено, — то вертись, какъ хочешь, оно пойдетъ своимъ чередомъ, ему все на пользу, какъ иному обжорливому ребенку: ѣстъ себѣ всякую всячину, животъ болитъ, а самъ ростетъ.

„Много разъ ставили мы вопросъ, — кому служатъ всѣ ужасы, дѣлаемыя въ западныхъ губерніяхъ, кому они идутъ въ прокъ, въ *чью* игру играютъ? И намекали, что *суженого конемъ не объѣдешь*. (Колок. л. 165). На наши слова мало обращали вниманія. Ну, вотъ наконецъ явился лордъ Эленборо, который съ британскою откровенностью, въ полномъ парламентѣ, да еще въ высшемъ, сказалъ, въ *чью*, и назвалъ суженого. — „Россійскій императоръ первый революціоперъ въ Европѣ; онъ становится во главѣ

освобожденныхъ крестьянъ противъ прежнихъ ихъ господъ, противъ землевладѣльцевъ, противъ собственности“.

„Мы воображаемъ, какіе глаза Юноны сдѣлаетъ Александръ Николаевичъ, прочитавши слова л. Эленборо....

„Если бъ Александръ Николаевичъ читалъ „Колоколъ“ какъ прежде, его Эленборо не удивилъ бы.... Тамъ онъ могъ бы прочесть еще два три назидательныя мѣста и между прочимъ узналъ бы нашу философію *дѣла, идущаго своимъ чередомъ*, и зародыша, развивающагося путемъ *безумнымъ*, когда ему нѣтъ разумнаго выхода....

„....Что можетъ быть противуположнѣе усмиренію возстанія, какъ революція? А Эленборо совершенно правъ: муравьевское усмиреніе политически-національнаго возстанія — аграрная коммунистическая (?) революція, пугачевщина, организованная самимъ правительствомъ“. (Колоколъ, 4 авг. 1863).

Такимъ образомъ польское возстаніе закончилось результатомъ гораздо болѣе близкимъ къ ученію, которое высказалъ Герценъ въ 1859—60 гг., — чѣмъ къ идеямъ самихъ польскихъ революціонеровъ: а имен-

но противъ плана отдѣленія Польши, особенно въ границахъ XVIII в., и въ пользу принципа, подчинявшаго политическій вопросъ экономическому. Надо сказать, что послѣдній принципъ былъ и есть особенно крѣпокъ у великорусскаго передоваго общества. Что касается поляковъ, то рѣдко кто изъ нихъ такъ объективно отнесся къ фатальному торжеству этого принципа, какъ Краевскій; огромное большинство протестовало противъ его приложенія и, подобно лорду Эленборо, обвиняло русское правительство въ революціонизмѣ; другіе ограничивались тѣмъ, что оспаривали у этаго правительства честь иниціативы въ дѣлѣ лучшаго устройства крестьянъ. Вопросъ объ иниціативѣ не имѣетъ въ данномъ случаѣ большаго значенія, тѣмъ болѣе, что, кажется, главною причиною, обязавшею и польскихъ политиковъ, и правительство сдѣлать уступки крестьянамъ, были сами крестьяне съ ихъ крайне нетерпѣливымъ настроеніемъ относительно пановъ, которое во время возстанія должно было достигнуть особенно сильной степени. Важенъ самый фактъ — разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ духѣ какъ великорусскихъ демократовъ, такъ и

крайней польской партіи, которая какъ этимъ фактомъ, какъ и самымъ прекращеніемъ возстанія, поставлена была въ необходимость отдѣлиться отъ польскихъ консервативныхъ элементовъ, — по крайней мѣрѣ на извѣстное время.

Въ польской эмиграціи, вслѣдъ за концомъ возстанія, мы видимъ преимущественную жизненность, именно въ демократической партіи и при томъ особенно въ той ея части, которая имѣла наиболѣе соціалистическую окраску. По крайней мѣрѣ ей принадлежитъ наибольшая часть публикацій, возникшихъ въ эмиграціи съ 1864 г. (см. въ вышеупомянутой книгѣ Ostatnie lata dziejów powszechnych, 1881, 297—299).

Еще болѣе отбросили свои союзы съ болѣе консервативными польскими лагерями эмигранты великорусскіе, которые теперь возвратились къ своимъ прежнимъ соціалистическимъ ученіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ своему отрицательному отношенію къ идеѣ возстановленія исторической Польши. Мы познакомились уже съ признаніями на этотъ счетъ Герцена. Но Герценъ послѣ неудачи польскаго возстанія мало уже принималъ участія въ активной политикѣ.

Представителемъ великорусской демократіи сталъ Бакунинъ, который продолжалъ политическія сношенія съ поляками и публично высказывался о Польшѣ и ея дѣлахъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Бакунинъ посвящалъ свою дѣятельность „Союзу Соціальныхъ Революціонеровъ“, въ качествѣ вліятельнаго представителя котораго онъ принималъ участіе и въ „Международномъ Союзѣ Мира и Свободы“, и въ „Международномъ Обществѣ Рабочихъ“. Въ обѣихъ организаціяхъ Бакунинъ представлялъ такъ называемое *ан-архическое* направленіе. Теперь уже нѣсколько забыты формулы этаго направленія, которыя въ свое время надѣлали столько шуму въ соціалистическихъ и даже радикально-политическихъ кругахъ, — а потому было бы полезно напомнить ихъ подросшимъ съ тѣхъ поръ поколѣніямъ. Это было бы тѣмъ болѣе полезнымъ, что противныя соціализму партіи, злоупотребляя обычнымъ, разговорнымъ смысломъ слова „анархія“, въ значеніи „безпорядка“, набрасываютъ эпитетъ анархистовъ на всѣхъ соціалистовъ,—въ томъ числѣ и на тѣхъ, которые, подобно нѣмецкимъ и извѣстной части бельгійскихъ и швейцарскихъ соціа-

листовъ, въ свое время много сломали копій въ борьбѣ противъ ан-архіи бакунинскаго толка, — а съ другой стороны значительная часть тѣхъ людей, которые теперь сами зовутъ себя анархистами (во Франціи и отчасти въ другихъ странахъ) на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ себѣ очень мало дѣйствительно ан-архическаго элемента, въ томъ смыслѣ, какъ его опредѣлилъ Прудонъ и за нимъ Бакунинъ, и принимаютъ въ составъ свой отстатки якобинскихъ партій (бланкистовъ), не нашедшіе себѣ мѣста въ правительственныхъ кругахъ и пристающіе къ дѣйствительнымъ ан-архистамъ единственно потому, что эти представляютъ собою крайній протестующій и, — in spe, — революціонный элементъ, и, приставая, только спутываютъ понятія у самихъ анархистовъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто долго останавливаться на подробномъ изложеніи сущности ан-архическаго направленія, которое въ данномъ случаѣ интересно намъ только по его отношенію къ польско-россійскому вопросу.

Ученіе объ ан-архіи, т. е. безъ-властіи, — какъ противуположность монархическимъ, конституціоннымъ и республикан-

скимъ теоріямъ Франціи 40-хъ и 50-хъ годовъ, всѣмъ болѣе или менѣе централистическимъ, опредѣлено было Прудономъ, какъ ученіе о полной независимости личности и неотчуждаемости ея правъ ни для какой власти, ни даже избирательно-представительной, какъ управленіе каждаго индивидуума только самимъ собою,—почему Прудонъ ставитъ слову ан-архія синонимъ англійское слово self-governement. Въ практическомъ ея примѣненіи теорія ан-архіи приводила къ федерализму, почему и Прудонъ изложилъ наиболѣе полно эту теорію въ книгѣ „Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution“. У самого Прудона, а еще болѣе у Бакунина къ ученію объ ан-архіи примѣшалось довольно гегеліанской метафизики, которая порядкомъ сбивала ихъ послѣдователей. Такъ Бакунинъ рѣзко противуставлялъ свою ан-архію всякой существующей и даже теперь вообразимой формѣ политической, какъ гегеліанскую *антитезу* (противуположеніе) существующему положенію (*теза*), послѣ полнаго разрушенія котораго, — посредствомъ ли воздержанія благомыслящихъ гражданъ отъ теперешней государственной жизни, (пре-

имущественно на Западѣ) или посредствомъ народныхъ бунтовъ (преимущественно въ Россіи) послѣдуетъ *синтеза*, возсозданіе общественныхъ союзовъ *снизу вверхъ*, отъ индивидуума до ассоціаціи, общины, націи, человѣчества. Процессъ „разрушенія" государствъ, не только большихъ, но и малыхъ, какъ швейцарскіе кантоны, Бакунинъ представлялъ себѣ въ нѣсколько фантастическихъ формахъ, какъ какую то катастрофу, забывая, что въ мірѣ не существуетъ процесса разрушенія отдѣльнаго отъ созиданія и на оборотъ. Что касается до Россіи, то остатки гегеліанско-московскаго мессіанизма, о которомъ мы говорили, побуждали Бакунина представлять себѣ русскія племена, особенно великорусское, какимъ то противугосударственнымъ народомъ по преимуществу, какъ „народъ соціалистическій по инстинкту и революціонный по природѣ", способный, при маломъ толчкѣ со стороны образованныхъ революціонеровъ „разрушить" всероссійское государство *). Нѣко-

*) Эту сторону ученій Бакунина и другихъ великорусскихъ революціонеровъ, весьма неблагопріятную реальному направленію усилій соціалистовъ въ Россіи, — и еще долженствующую прине-

торую запутанность въ понятія объ общественной жизни вносило то приложеніе анархической идеи къ соціализму, которое имѣло болѣе политическій, чѣмъ экономическій характеръ и которое настаивало на безусловномъ экономическомъ самодержавіи лицъ и общинъ, — забывая, что въ экономическомъ отношеніи собственно нѣтъ лица самостоятельнаго и что самодержавіе лица и общины неизбѣжно должно подчиняться условіямъ производства вещей, необходимыхъ для человѣческой жизни.

Но за этими и подобными ограниченіями, ученіе объ ан-архіи заключаетъ въ себѣ основу для здоровой федеральной теоріи, которая особенно была полезна для Франціи, гдѣ столь долго приносили свободу лицъ и группъ въ жертву безусловнымъ теоріямъ государства монархическаго, конституціоннаго и республиканскаго, въ жертву единства религіознаго, политическаго, національнаго и наконецъ коммунистическаго. Еще болѣе полезна должна бы быть эта теорія для Россіи, которая, по политической

сти массу разочарованій «русскимъ народникамъ», мы разбирали подробно въ IV т. «Громады», стр. 204—207.

своей исторіи, — таже Франція, только прошедшая еще византійскую и татарскую школу. Къ сожалѣнію, условія политической жизни Россіи сдѣлали то, что люди, которые проповѣдывали анархическо-федеральное ученіе, какъ Бакунинъ, должны были держаться въ эмиграціи и ограничиваться болѣе или менѣе общими положеніями, которыя у иныхъ обратились просто въ фразы, и не оказали на общество такого вліянія, какое несомнѣнно имѣли прудонисты во Франціи. Не смотря на частое повтореніе слова „ан архія“ молодыми рус скими соціалистами въ 70-е годы, когда кружокъ русскій, группировавшійся около Бакунина въ Швейцаріи, издалъ книгу Бакунина „Государственность и анархія“ и книгу „Анархія по Прудону“, — и не смотря на то, что реакціонная печать называетъ всѣхъ русскихъ революціонеровъ „анархистами“, въ сущности анархическо-федеративныя идеи очень мало проникли въ Россію и въ настоящее время почти испарились даже въ кругахъ революціонеровъ, изъ которыхъ „политики“ (террористы) идутъ фатальнымъ образомъ къ якобинскому централизму, а такъ называемые

„чистые соціалисты“ (мы сказали бы „черно-передѣльцы“, если бы въ этомъ словѣ былъ какой нибудь общій смыслъ) къ государственной (и неизбѣжно государственно-національной) соціальдемократіи, на манеръ нѣмецкой, съ которою такъ боролся старикъ-Бакунинъ еще въ вышеупомянутой книгѣ своей (1873). Ан-архическія, т. е. федеральныя идеи и въ политикѣ, и въ соціализмѣ еще ждутъ себѣ приверженцевъ въ Россіи. И когда настанетъ ихъ часъ, тогда имя М. А. Бакунина получитъ новыя права для благодарности, какъ имя одного изъ предшественниковъ партіи, которая не только вообще одна только можетъ быть названа дѣйствительно интер-національною (безъ сокрытія подъ фирмою космополитизма жала германизаціи, мадьяризаціи, полонизаціи, обрусѣнія и т. п., какъ у „государственниковъ“), но и въ частности для Россіи представляетъ единственное условіе сколько нибудь раціональнаго направленія политической и соціальной жизни въ этомъ чудовищно-большомъ государствѣ.

Понятно, какъ должна была разложиться послѣдняя тѣнь апріорно государственнаго ученія о Польшѣ и Россіи подъ вліяніемъ

ан-архической теоріи Бакунина. Этотъ послѣдній воспользовался случаемъ, представившимся на собраніи „Союза Мира и Свободы" въ 1868 г. (въ Бернѣ) чтобъ изложить свои взгляды на польско-россійскій вопросъ, отличные отъ тѣхъ, какіе онъ одобрилъ было въ к. 1862 г., хотя и довольно близкіе къ тѣмъ, какіе онъ высказалъ въ первыхъ своихъ статьяхъ послѣ побѣга изъ Сибири *). Бакунинъ отвѣчалъ на рѣчь поляка, г. Мрочковскаго, объявившаго объ образованіи между поляками „новой партіи", отъ имени которой онъ протягивалъ руку и русскимъ друзьямъ народа. Г. Мрочковскій коснулся и экономическаго вопроса въ Польшѣ, и вопроса о „провинціяхъ". По первому онъ сказалъ: „Освобожденіе крестьянъ было провозглашено революціоннымъ комитетомъ (польскимъ) съ самаго начала возстанія. Правда, эта мѣра не могла вполнѣ удовлетворить справедливыхъ требованій и интересовъ народа; правительство русское завладѣло ею, чтобъ подавить возстаніе и — успѣло въ томъ. Справедливо также, что реакція, дворянство,

*) Вышеупомянутая прокламація «Русскимъ, польскимъ и славянскимъ друзьямъ» и «Романовъ, Пугачевъ или Пестель»?

приняли широкое участіе въ дѣлѣ этого подавленія, но изъ этого не слѣдуетъ, что въ Польшѣ нѣтъ другой политической партіи, кромѣ католической и дворянской, — и я явился передъ вами, граждане, во имя *новой* партіи, отъ соціальной демократіи польской, съ знаменемъ Польши народной, съ знаменемъ соціальной революціи, которая провозглашаетъ, что земля, вся земля, принадлежитъ тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками, а инструменты труда — принадлежатъ ассоціаціямъ рабочихъ". По вопросу объ исторической Польшѣ Мрочковскій сказалъ: „Мы не требуемъ возстановленія стараго государства, ни историческихъ правъ Польши, но мы хотимъ основать наше національное право, безспорное право жить по своему и располагать самими собою, — на справедливости и свободѣ". Впрочемъ, и послѣ этого г. Мрочковскій все таки не отважился взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и сказать просто и ясно, что для „новой партіи" Польша оканчивается тамъ, гдѣ оканчивается польское мужицкое населеніе, — а потому все таки скрылъ остатки старой идеи исторической Польши въ слѣдующихъ фразахъ: „Не задавая себѣ вопроса о томъ, какія бу-

дутъ границы Польши въ будущемъ, Польши народной, и уважая права всякаго населенія (population), принадлежало ли оно, или нѣтъ къ старой польской республикѣ, мы объявляемъ, что будемъ продолжать войну до крайности противъ всѣхъ враговъ нашего отечества"... Войну эту г. Мрочковскій считалъ впрочемъ необходимымъ для поляковъ вести и на не-польскихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ онъ дальше говоритъ, правда, нѣсколько неясно, слѣдующее: „Мы воспользуемся всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобъ поднять наши населенія, подчиненныя иностранцу, и когда мы успѣемъ водрузить наше знамя на какой бы то ни было точкѣ польской земли, мы обратимся съ призывомъ къ окрестнымъ населеніямъ, приглашая ихъ присоединиться къ намъ во имя свободы и справедливости народной. Онѣ будутъ вольны приступить къ намъ, или не приступать; мы будемъ уважать ихъ право, — но, если бы должны были еще много разъ пасть подъ ударами нашихъ враговъ, мы все таки не положимъ оружія, прежде чѣмъ не разрушимъ, или поможемъ разрушить вредное могущество трехъ великихъ державъ, которыя раздѣлили между собою Польшу".

Принимая протянутую г. Мрочковскимъ руку, Бакунинъ однакожъ гораздо яснѣе, вполнѣ ясно, поставилъ вопросъ объ отношеніи Польши къ непольскимъ народамъ, потому что вполнѣ ясно поставилъ вопросъ именно *о границахъ* Польши. Онъ сдѣлалъ это въ блестящей рѣчи, въ которой набросалъ собранію картину политической этнографіи Восточно-Европейской равнины, которой огромную часть занимаетъ Россійская имперія, каковой Бакунинъ, конечно, пожелалъ „полнаго разрушенія, совершеннаго уничтоженія“. „Надо замѣтить, сказалъ онъ, что совершенно невѣрно говорится о русскомъ народѣ, какъ объ единомъ, потому что русскій народъ не составляетъ однородной массы, а состоитъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ, но все же различныхъ племенъ,“ — и затѣмъ остановился на „народѣ великорусскомъ“ и охарактеризировалъ его старую „свободу, — конечно, дикую, но дѣйствительную“ въ домосковскій періодъ и теперешнее убѣжденіе, что *„земля, вся* земля принадлежитъ только одному народу, т. е. всей дѣйствительно трудящейся массѣ, обрабатывающей ее своими руками“. Далѣе Бакунинъ представилъ ростъ московскаго самодержавія и петербург-

ской бюрократіи, подъ вліяніемъ татаръ, Византіи и „бюрократической науки Запада“ XVIII в., а также народную реакцію царско-боярско-бюрократическимъ порядкамъ, конечно, значительно идеализируя эту реакцію.

„Но кромѣ великорусскаго народа, сказалъ далѣе Бакунинъ, есть еще малороссы... Они образуютъ въ имперіи двѣнадцать мильоновъ населенія, а если прибавить къ нимъ галицкихъ русиновъ, то цѣлые 15 мильоновъ однороднаго племени, говорящаго однимъ языкомъ, имѣющаго одинакіе нравы и великія историческія воспоминанія. Послѣ вторженія татаръ народъ этотъ, къ несчастію, былъ поставленъ между московскимъ деспотизмомъ съ одной стороны и жестокимъ притѣсненіемъ іезуитствующей и аристократической польской шляхты съ другой. Возставши противъ этой послѣдней, въ половинѣ XVII в., часть Украйны сдѣлала великую ошибку: она приняла покровительство русскаго царя. Цари обѣщали ей все: сохраненіе ея вольностей и національную автономію... А въ настоящее время это панславистическое національное правительство систематически и жестоко преслѣдуетъ малороссійскій языкъ въ Малороссіи, какъ поль-

кій въ Польшѣ. Пусть это будетъ предостереженіемъ австрійскимъ и турецкимъ славянамъ, которые ищутъ свое спасеніе въ Москвѣ".

„Этотъ народъ (малороссы) вмѣстѣ съ 4 мильон. бѣлоруссовъ, по всей вѣроятности, составитъ отдѣльную, независимую націю мильоновъ въ 20 жителей, которая можетъ, конечно, вступить въ союзъ съ Польшей или Великороссіей, но должна остаться независимой отъ гегемоніи той и другой"... *)

Дальше нѣсколько, говоря прямо о Польшѣ, Бакунинъ повторилъ эту мысль: „Русинское населеніе Бѣлоруссіи, Литвы и Галиціи соединится, съ кѣмъ захочетъ, и никто не можетъ теперь опредѣлить его будущую судьбу. Мнѣ кажется, всего вѣрнѣе и желательнѣе, чтобъ они образовали вначалѣ съ Малороссіей отдѣльную національную федерацію, независимую отъ Великоруссіи и Польши" (Историческое развитіе Интернаціонала, 1863, ч. I, стр. 350, 351, 360).

---

*) Къ стати, — почему это г. И. Аксаковъ считаетъ необходимымъ ставить удивительный знакъ при словахъ „15-мильонный малороссійскій народъ",—когда даже изъ Суворинскаго календаря онъ можетъ узнать, что по счету Риттиха, къ 1870 г. было въ одной Россіи 14½ мильоновъ украинцевъ?

Бакунинъ не ограничился подобными заявленіями такъ сказать съ боку отъ польскихъ революціонныхъ круговъ, — онъ вступилъ самъ въ ихъ среду, старался объ организаціи въ нихъ кружковъ съ его анархическимъ направленіемъ. Еще въ первоначальномъ, организованномъ имъ въ Италіи „Союзѣ Соціальныхъ Революціонеровъ“ были поляки, — а въ устроенномъ уже послѣ выхода Бакунина изъ „Союза Мира и Свободы“ въ 1868 г. „Союзѣ Соціальной Демократіи“ (Alliance de la démocratie socialiste), вступившемъ въ „Международное Общество Рабочихъ“, былъ и представитель Польши. Когда въ 1872 г. составилось въ Цюрихѣ „Towarzystwo socyalistyczne polskie“, то для предположеннаго органа его „Gmina“ Бакунинъ написалъ программу, которую мы имѣемъ въ его рукописи. Въ этой программѣ между прочимъ стоятъ, въ § 5, слѣдующія слова: „Противники всякаго панства, (государства) мы разумѣется отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, гдѣ чернорабочіе люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, гдѣ от-

вергая особый польскій союзъ, они хотятъ быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ".

Къ сожалѣнію, программа Бакунина не появилась въ печати, такъ какъ между нимъ и членами польскаго соціалистическаго Товарищества" оказались разногласія. Другая, находящаяся у насъ рукопись Бакунина, писанная имъ отъ имени его и нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ друзей его, „Братьямъ польскаго общества", проситъ исключить его изъ числа членовъ „Товарищества", говоря: „къ несчастію мы убѣдились, что польское Общество не такъ сильно привязано къ нашей программѣ, принятой ими сначала единодушно". Черезъ нѣсколько времени и самое „Товарищество" рушилось среди скандаловъ, по поводу шпіона Стемпковскаго, успѣвшаго пролѣзть въ его секретари. Оба эти обстоятельства сильно охладили Бакунина ко всѣмъ польскимъ партіямъ и даже дѣламъ*).

*) На стр 136 „Государственности и анархіи" Бакунинъ говоритъ о разныхъ партіяхъ въ польской эмиграціи, отъ аристократической до соціально-демократической, и замѣчаетъ: „Въ сущности однако стояло только проникнуть въ каждую изъ нихъ немного глубже, чтобы убѣдиться, что основа

Но за нимъ остается все таки заслуга постановки федерально-соціалистическаго идеала и въ польской средѣ.

Бакунинъ пробовалъ проводить свои идеи непосредственно и среди украинцевъ, хотя еще съ меньшею удачею. Здѣсь неудача главнымъ образомъ произошла отъ того, что слишкомъ нетерпѣливый агитаторъ поддался искушенію выдавать желаемое за дѣйствительное. Во 2 № „Колокола“ за 1870 г., одномъ изъ немногихъ №№, изданныхъ по смерти Герцена, Бакунинымъ, Огаревымъ и Нечаевымъ, помѣщена была статейка „Мысли по поводу начинающагося движенія въ Малороссіи“ и въ ней напечатанъ „Листъ до Громады“, будто бы ходившій по рукамъ въ Кіевѣ, — съ приглашеніемъ „не давать грошей ни москалю, ни ляху.“ *) Вліянію

у нихъ одна и таже: страстное стремленіе у всѣхъ къ возстановленію польскаго государства въ границахъ 1772 г.»

*) Этотъ „Листокъ“ несомнѣнно сочиненъ въ самой редакціи „Колокола“. Вообще фальсификація документовъ играетъ довольно видную роль среди агитаціонныхъ пріемовъ русскихъ революціонеровъ (подложный манифестъ отъ царя, распространявшійся въ Поволжьи 1863 г., обманы Нечаева, подложный манифестъ въ „чигиринскомъ“ дѣлѣ и

Бакунина слѣдуетъ приписать и программу, изданную не задолго передъ тѣмъ, украинскаго революціоннаго журнала въ Швейцаріи, который впрочемъ дальше программы не пошелъ. Наконецъ Бакунинъ хлопоталъ объ образованіи и всеславянской секціи въ Интернаціоналѣ и написалъ ея программу, которая и напечатана была по французски и по русски. Русскій текстъ этой програмы напечатанъ въ книгѣ „Государственность и анархія" (Приложенія. 22—24).

Сама эта книга, вообще довольно безсвязная, интересна всего болѣе въ тѣхъ своихъ страницахъ, въ которыхъ авторъ говоритъ о положеніи славянскихъ народовъ, которые онъ усиливается притянуть къ соціалистическому движенію, представляемому федеральною партіею Интернаціонала. Въ замѣчаніяхъ автора виденъ не только приверженецъ извѣстной доктрины, но и человѣкъ горячаго чувства и человѣкъ бывалый, самъ видѣвшій положеніе разныхъ славянскихъ народовъ и, что, — какъ мы говорили, —такъ рѣдко у великоруссовъ, пере-

проч.), — что невыгодно отличаетъ русскихъ революціонеровъ отъ другихъ европейскихъ. Любопытно было бы знать причину такого печальнаго явленія.

чувствовавшій его. Вотъ почему онъ предостерегаетъ славянъ не только отъ австрійскаго легитимизма и московскаго панславизма, но и отъ пангерманизма, не только консервативнаго, но и радикальнаго и даже соціаль-демократическаго. Этотъ послѣдній, проводимый и въ Австріи, особенно старѣйшими представителями германской соціально-демократической партіи, въ родѣ Либкнехта, былъ вреденъ между прочимъ и пропагандѣ соціализма среди ненѣмецкихъ народовъ Австріи, отпугивая отъ нея представителей этихъ народовъ и не давая заложиться спеціальнымъ секціямъ для пропаганды соціализма на всѣхъ языкахъ этого разноплеменнаго государства. На Базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала въ 1869 г. представитель вѣнскихъ нѣмецкихъ рабочихъ, Неймайръ сообщилъ, что славянскіе рабочіе не охотно пристаютъ къ соціальному движенію и просилъ Бакунина повліять на нихъ, разъяснивъ имъ, что дѣло идетъ о трудѣ, а не о „нѣмецкомъ дѣлѣ“. Бакунинъ обѣщалъ это сдѣлать, — и его вліянію слѣдуетъ отчасти приписать, какъ то, что основатели австрійской рабочей партіи не послѣдовали внушеніямъ герман-

скихъ централистовъ и, устроившись самостоятельно, издали призывъ на всѣхъ почти языкахъ народовъ Австріи, такъ и то, что у чеховъ, передовые дѣятели которыхъ давно находились въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ, образовалась „чехо-славянская соціалистическая партія“ съ своими органами. Не малое вліяніе имѣлъ Бакунинъ и на зарожденіе сербской соціалистической группы.

Нечего и говорить, какъ организація общественныхъ партій среди народовъ негосударственныхъ и мысль о союзѣ ихъ съ партіями народовъ государственныхъ должна была дѣйствовать разлагающимъ образомъ на централистическія тенденціи, въ родѣ польскихъ и великорусскихъ. Вотъ почему между прочимъ мысль объ организаціи славянской секціи Интернаціонала, пущенная Бакунинымъ, не потеряла своего значенія и до сихъ поръ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что, независимо отъ нѣкоторой поспѣшности, съ которой Бакунинъ старался давать своимъ мыслямъ осуществленіе, хотя бы чисто формальное, и которая повела за собою совсѣмъ странное присоединеніе бакунинской славянской секціи къ Юрской Федераціи, что и пока-

зывало на существованіе этой секціи болѣе въ замыслѣ, въ эмиграціи, нежели на дѣлѣ, на мѣстахъ, — въ мысли объ образованіи славянской секціи Интернаціонала была и теоретическая ошибка. Это была и тогда уже устарѣлая попытка соединенія идей панславизма 40-годовъ съ идеями Интернаціонала. Между тѣмъ, если уже признавать необходимость болѣе тѣсныхъ союзовъ въ широкомъ европейско-американскомъ интернаціональномъ союзѣ,—то во всякомъ случаѣ трудно ограничиться однимъ славянскимъ союзомъ. Конечно, положеніе славянскихъ племенъ, кромѣ близости языка и географическаго сосѣдства, представляютъ нѣкоторыя общія имъ и особенныя отъ положенія большей части западно-европейскихъ народовъ черты: отсутствіе политической свободы и (кромѣ великоруссовъ) національной независимости,—заставляющее ихъ вести, кромѣ соціально-экономической, еще и политическую и національную борьбу. Кромѣ того по своему роду занятій всѣ эти племена болѣе сельскія и земледѣльческія, чѣмъ фабрично-городскія, — а потому и соціальное движеніе у нихъ должно имѣть преимущественно аграрный харак-

теръ. Но тѣми же особенностями отличается положеніе и неславянскихъ племенъ Восточной Европы: литовцевъ, латышей, эстовъ, румыновъ, и племенъ сосѣдняго и уже сближеннаго съ Европейской Россіей въ культурномъ отношеніи Кавказа,—такъ что, вмѣсто спеціально славянской федераціи, слѣдовало бы образовать болѣе широкую восточно-европейскую федерацію. И такая федерація была бы и въ настоящее время крайне полезна, если пока еще не между самыми народами, то хоть между соціалистами племенъ Восточной Европы и Кавказа. Остатки прежнихъ, исключительно славянскихъ, симпатій помѣшали Бакунину ясно формулировать идею о такой федераціи, но онъ былъ весьма близокъ къ ней еще въ статьѣ „Романовъ, Пугачевъ или Пестель?“ а потомъ въ программѣ славянской секціи Интернаціонала и особенно въ книгѣ „Государственность и анархія“ *). И не вина Бакунина, если его послѣдователи изъ славянъ, особенно изъ

*) Еще въ рѣчи въ союзѣ Мира и Свободы Бакунинъ между прочимъ сдѣлалъ чрезвычайно мѣткую характеристику положенія латышей и эстовъ, на которыхъ право пора бы обратить вниманіе хоть бы петербургскимъ соціальнымъ революціонерамъ.

русскихъ, усвоившіе многія изъ его идей болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, напр. идеализацію революціонной подготовленности русскаго народа, противушкольныя выходки, — оставили безъ вниманія самую здоровую часть его идей, — федеративную и въ тѣсномъ, и въ широкомъ смыслѣ этого слова. Теперь, когда весь Востокъ Европы охваченъ двойнымъ броженіемъ, и когда почти въ каждой изъ его естественныхъ областей положены уже,—въ значительной части благодаря толчкамъ, исходившимъ отъ Бакунина, — зачатки соціалистическихъ организацій, наступаетъ время, когда идея о федераціи политико-соціальныхъ дѣятелей Восточной Европы, — конечно, безъ отдѣленія его отъ Запада, — получаетъ болѣе реальное значеніе. И если она въ чемъ либо осуществится, то, конечно, не будетъ забыто, что Бакунинъ былъ одинъ изъ первыхъ ея возвѣстителей.

IX.

То, что случилось съ народно-федеральнымъ направленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ

раціональнымъ отношеніемъ къ Польшѣ въ великорусскомъ политическомъ движеніи 60-хъ годовъ, повторилось и въ соціальномъ движеніи 70-хъ годовъ. И здѣсь народно-федеральное направленіе, такъ ясно и энергически провозглашенное Бакунинымъ, очень скоро потускнѣло и уступило мѣсто государственно-централистическому. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ изслѣдованіи причинъ такой эволюціи, между прочимъ и потому, что нѣкоторыя изъ этихъ причинъ уже указаны, или намѣчены нами выше. Главною причиною и тутъ была фатальная наслѣдственность и оппозиціей тѣхъ привычекъ мысли и дѣйствія, въ которыхъ воспитала общество исторія государства въ періодъ централизаціи. Въ добавокъ же именно послѣ усмиренія польскаго возстанія система централизаціи въ Россіи еще болѣе усилилась и налегла тяжелымъ гнетомъ не только на административную жизнь областей, но и на ихъ жизнь нравственную съ гораздо болѣе рафинированными пріемами, чѣмъ въ прежнее, николаевское время: въ 1863 г. были запрещены украинскія книги педагогическаго содержанія, въ 1864 г. великорусскій языкъ былъ признанъ единымъ

лицъ, провозглашавшихъ эти формулы. Въ довершеніе всего, выборъ этихъ лицъ,—вожаковъ для кружковъ молодежи, — сильно сократился и калибръ ихъ понизился даже сравнительно съ 60-ми годами: лучшіе люди изъ оппозиціи этихъ 60-хъ годовъ, такіе какъ Чернышевскій, или Добролюбовъ, были удалены со сцены. Людей же, которые, какъ Герценъ или Бакунинъ, при активномъ темпераментѣ, соединяли въ себѣ большое и разностороннее образованіе съ большимъ жизненнымъ опытомъ, съ наблюденіемъ Россіи,—и столицъ и провинцій (послѣднее хотя бы, благодаря ссылкѣ), — и Западной Европы, — и въ 60-е годы не появилось. Новымъ вожакамъ оппозиціи въ 70-е годы такимъ образомъ неизбѣжно пришлось, вмѣсто выработки самостоятельной програмы, наиболѣе приложимой для различныхъ народовъ Россіи и въ то же время согласной съ самыми передовыми ученіями, выведенными изъ политическихъ уроковъ Запада,— просто скопировать самыя простыя изъ формъ оппозиціонной жизни этого Запада, которыя наиболѣе намозолили глаза и уши. Такими формами были для политической оппозиціи французское якобинство, а для соціальной

на“*). Вотъ эти то именно поколѣнія и выступили на сцену въ соціалистической оппозиціи 70-хъ гг., — и было бы противуестественно, если бы они не захватили съ собою изъ школы того духа, въ какомъ ихъ воспитывали. Отдѣлаться отъ этаго духа, узнать, что Россія вовсе не единообразна, они могли только посредствомъ собственнаго изученія, часто по источникамъ, — а на это, во первыхъ, нужно было особенное время, а во вторыхъ именно 70-е годы были эпохою, когда въ русской молодежи воцарилось, между прочимъ и при помощи прокламацій Бакунина, нерасположеніе къ научнымъ занятіямъ, понятное, какъ реакція катковско-толстовской „учобѣ“, но тѣмъ не менѣе крайне вредное для всѣхъ жизненныхъ интерессовъ страны и въ томъ числѣ для силы соціальной оппозиціи. Отъ этаго отсутствія научнаго образованія молодежь поддавалась вліянію самыхъ простыхъ формулъ, наиболѣе носившихъ характеръ догматовъ, а также вліянію

*) Интересно, что слова «Богдану Хмельницкому единая, недѣлимая Россія»,— явный переводъ съ якобинскаго «une et indivisible», предложены были извѣстнымъ реакціоннымъ доносчикомъ, тайнымъ совѣтникомъ М. Вл. Юзефовичемъ.

лицъ, провозглашавшихъ эти формулы. Въ довершеніе всего, выборъ этихъ лицъ,—вожаковъ для кружковъ молодежи, — сильно сократился и калибръ ихъ понизился даже сравнительно съ 60-ми годами: лучшіе люди изъ оппозиціи этихъ 60-хъ годовъ, такіе какъ Чернышевскій, или Добролюбовъ, были удалены со сцены. Людей же, которые, какъ Герценъ или Бакунинъ, при активномъ темпераментѣ, соединяли въ себѣ большое и разностороннее образованіе съ большимъ жизненнымъ опытомъ, съ наблюденіемъ Россіи,—и столицъ и провинцій (послѣднее хотя бы, благодаря ссылкѣ), — и Западной Европы, — и въ 60-е годы не появилось. Новымъ вожакамъ оппозиціи въ 70-е годы такимъ образомъ неизбѣжно пришлось, вмѣсто выработки самостоятельной программы, наиболѣе приложимой для различныхъ народовъ Россіи и въ то же время согласной съ самыми передовыми ученіями, выведенными изъ политическихъ уроковъ Запада,— просто скопировать самыя простыя изъ формъ оппозиціонной жизни этого Запада, которыя наиболѣе намозолили глаза и уши. Такими формами были для политической оппозиціи французское якобинство, а для соціальной

— нѣмецкая соціальная демократія, — обѣ централистическія, и обѣ пробуемыя на странахъ въ 10—12.000 квадратныхъ миль, а нѣмецкая соціальная демократія даже въ странѣ съ почти одинаковымъ національнымъ составомъ (38 мильоновъ нѣмцевъ, $2^1/_2$ м. поляковъ, 150.000 литовцевъ, 60.000 чеховъ, и 150.000 лужицкихъ сербовъ).

Изъ всѣхъ западноевропейскихъ соціалистическихъ партій на Россію всего болѣе оказала вліянія партія нѣмецкая, — что объясняется, какъ тѣмъ, что въ послѣдніе годы эта партія обладала такими сильными умами, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, — сочиненія которыхъ стали подкладкою идей русскихъ соціалистовъ, такъ и по ближайшему сосѣдству, особенно для петербуржцевъ, и наконецъ по большому количеству евреевъ, которые приняли столь значительное участіе въ соціалистическомъ движеніи въ Германіи и Россіи и которые, особенно евреи сѣверозападныхъ губерній, составили элементъ, естественно связывающій русскихъ соціалистовъ съ нѣмецкими.

Кромѣ своей болѣе или менѣе централистической государственности, понятной еще въ такой странѣ, какъ Германія, но со-

всѣмъ неприложимой къ Россіи, нѣмецкіе соціалисты имѣютъ, — а особенно имѣли нѣсколько времени тому назадъ — и свои спеціальные взгляды на польскій вопросъ, тоже довольно естественные съ ихъ точки зрѣнія, но тоже совсѣмъ не отвѣчающіе дѣйствительному положенію вещей, которое, казалось бы, должно было быть видно въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи. Эти взгляды нѣмецкіе соціалисты пробовали провести и среди соціалистовъ всей Европы и Америки, соединенныхъ въ Международное Общество Рабочихъ. Какъ извѣстно, нѣмецкій кружокъ Маркса принималъ участіе въ польскомъ движеніи 1863 г., — при чемъ Марксъ хлопоталъ объ образованіи особаго нѣмецкаго легіона при пособіи отъ изгнаннаго брауншвейгскаго герцога *). Затѣмъ самую идею объ образованіи Международнаго Общества Рабочихъ кружокъ Маркса предложилъ на Лондонскомъ митингѣ 28 Сентября 1864 г., который былъ созванъ для заявленія сочувствія тогдашне-

*) См. объ этомъ въ «Историч. Вѣстникѣ», 1881, № 1, 80, извлеченіе изъ записокъ Лапинскаго, начальника морской экспедиціи въ пользу польскаго возстанія, въ которой участвовалъ и Бакунинъ.

му польскому возстанію. Предварительный комитетъ, который долженъ былъ приготовить вопросы для рѣшенія на будущемъ первомъ конгрессѣ Международнаго общества, въ которомъ кружокъ Маркса пользовался такимъ вліяніемъ, поставилъ на очередь въ ряду общихъ соціально-экономическихъ вопросовъ (о капиталѣ и трудѣ, о рабочемъ днѣ, женской работѣ и т. д.) и такой совсѣмъ частный и національно-политическій вопросъ, — какъ о „необходимости уничтожить вліяніе русскаго деспотизма въ Европѣ посредствомъ приложенія права народовъ располагать самими собою и посредствомъ возстановленія Польши на началахъ демократическихъ и соціальныхъ“. По этому вопросу возникло на конгрессѣ Интернаціонала 1866 г., въ Женевѣ,—весьма интересное разногласіе между делегаціями французскою и нѣмецкою. Въ словахъ первой явно видно вліяніе Прудона, который, какъ ан-архистъ, рѣшительно высказался противъ польскаго возстанія 1863 г., въ противность всему тому, что говорилось тогда всѣми представителями французской демократіи. Вотъ какъ передаетъ протоколъ засѣданій женевскаго конгресса Междуна-

роднаго Общества—вышеупомянутое разногласіе делегацій французской и нѣмецкой по польскому вопросу: „Делегація французская высказываетъ мнѣніе, что по этому вопросу не должно быть никакого голосованія и что конгрессъ долженъ ограничиться заявленіемъ о томъ, что онъ противникъ всякаго рода деспотизма во всякой странѣ и что онъ не входитъ въ разборъ столь сложныхъ вопросовъ, какъ національные. Нужно желать и требовать свободы (l'emancipation) въ Россіи, какъ и въ Польшѣ, и отвергнуть старую политику, которая противополагаетъ народы одни другимъ. — Мнѣніе большинства конгресса склонялось явственно къ предложенію французовъ. — Тогда попросилъ слова г. Беккеръ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что конгрессъ не рѣшаетъ ничего по этому вопросу. Русская имперія служитъ постоянною угрозою противъ цивилизованныхъ обществъ Европы; Польша служила бы для нея преградою. Собраніе вотировало уничтоженіе постоянныхъ армій, но ихъ нельзя будетъ уничтожить въ Европѣ, пока Польша не будетъ возстановлена. Онъ прибавляетъ, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, но

который интересуетъ Германію спеціально, такъ что его можно назвать въ извѣстномъ отношеніи нѣмецкимъ вопросомъ. Онъ, Беккеръ, предлагаетъ поэтому, чтобы къ протоколу приложена была декларація въ такомъ смыслѣ, подписанная всѣми членами нѣмецкими и другими, которые раздѣляютъ эти мнѣнія."

Въ такомъ духѣ, узко государственно-національномъ, не разъ высказывались о Польшѣ и Беккеръ, и Марксъ, и Либкнехтъ *). Выше мы напомнили, что недавно Бебель высказался въ такомъ же родѣ о необходимости положенія нѣмецкой преграды славянской волнѣ и въ Австріи. Въ основѣ такихъ заявленій лежитъ ветхозавѣтное чувство самомнѣнія (Uebermuth) и нерасположеніе къ

---

*) Въ 1880 г., г-нъ Беккеръ былъ приглашенъ предсѣдательствовать на митингѣ въ Женевѣ, созванномъ польскимъ кружкомъ, который объявилъ, что отнынѣ должно замѣнить крикъ „да здравствуетъ Польша!" крикомъ: „да здравствуетъ Интернаціоналъ!" Означаетъ ли это, что г. Беккеръ измѣнилъ свои взгляды, мы не знаемъ, — но гг. Марксъ, Энгельсъ и др. 6. члены главнаго совѣта Интернаціонала прислали для митинга письмо, въ которомъ настаиваютъ на сохраненіи стараго крика: „да здравствуетъ Польша!"

славянамъ, которыхъ представительницею и защитницею, въ Германіи считаютъ Россію — чувство, которое проявляется у нѣмцевъ и относительно поляковъ, когда ихъ разсматриваютъ независимо отъ отношеній ихъ къ Россіи*). Но у нѣмецкихъ революціонеровъ, выступившихъ на сцену около 1848 г., изложен-

*) Интересно, какъ говоритъ объ этой ненависти нѣмцевъ къ славянамъ Герценъ: „есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти, которыхъ убѣдить я не берусь; они ненавидятъ, не разсуждая. Возьмите,— чтобъ не говорить о своихъ,—(Герценъ пишетъ къ поляку) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ, и вглядитесь въ ихъ злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому... Если бъ эта ненависть была сопряжена съ какимъ нибудь желаніемъ, чтобъ Россія, Польша были свободны, порвали бы свои цѣпи, я бы понялъ это. Совсѣмъ не то. Такъ какъ средневѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ". (Колоколъ, 16 января 1859 г.) Поучительно также прочесть въ Посм. соч. Герцена, въ статьѣ „Нѣмцы въ эмиграціи", о томъ, какъ у нѣмецкихъ демократовъ и Бакунинъ, и Герценъ,— особенно первый, являлись даже агентами русскаго правительства потому только, что смотрѣли на славянскіе народы по своему, а не по указанію нѣмецкихъ партій.

ное субъективное отношеніе къ Польшѣ и Россіи имѣетъ себѣ значительное оправданіе. Въ 1848 г. германскимъ демократамъ пришлось бороться вооруженно съ прусскимъ войскомъ, — силы котораго возстаніе поляковъ должно было во всякомъ случаѣ раздѣлить, — слѣдовательно демократы нѣмецкіе и поляки являлись во всякомъ случаѣ союзниками въ „борьбѣ съ общимъ врагомъ". Наконецъ, Германія соприкасается только съ дѣйствительно польскими провинціями,—а тѣхъ провинцій исторической Польши, въ которыхъ поляки являются сами угнетателями, въ противность всякому „праву народовъ располагать сами собою",—нѣмецкіе демократы наглядно не видятъ, и при извѣстномъ пренебреженіи къ народамъ негосударственнымъ и, съ государственной точки зрѣнія, „некультурнымъ", очень легко могутъ и не хотѣть видѣть.

Но, повторяемъ, то, что болѣе извинительно въ Германіи, менѣе извинительно въ Россіи,—и однако нѣмецкая постановка польскаго вопроса въ Интернаціоналѣ нашла себѣ сочувствіе и въ извѣстной части великорусскихъ соціаль-демократовъ, которые

начали организоваться въ кружки около 1870 г. подъ вліяніемъ извѣстій о конгрессахъ Интернаціонала.

Впрочемъ и вообще въ самихъ понятіяхъ объ Интернаціоналѣ въ Россіи произошло крупное недоразумѣніе. Слухи объ этой международной организаціи рабочихъ классовъ во имя общихъ имъ интересовъ достигли въ Россію въ ту эпоху, когда, какъ мы говорили, въ ней воспреобладало централистически-обрусительное направленіе,— мы сказали бы противунаціональное, если бы оно не направлялось только противъ національностей негосударственныхъ и въ пользу національности государственной, великорусской. Въ числѣ софизмовъ, какіе пускались въ ходъ обрусителями, былъ и такой, что будто-де всемірная культура выигрываетъ отъ стиранія національностей, хотя господа обрусители почему то не начинали исполненія этого „требованія всемірнаго прогресса“ со стиранія своей національности.

По существу своему, идея космополитизма и человѣчества вовсе не противна идеѣ національности,— а представляетъ только дальнѣйшее ея развитіе: союзъ всего чело-

вѣчества есть только общій союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языкомъ, сходствомъ психическимъ и сосѣдствомъ индивидуумовъ, общинъ и племенъ извѣстныхъ національностей, и тѣмъ болѣе, что расположеніе этихъ національностей во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ. Самое понятіе объ идеалѣ человѣка составляется и *продолжаетъ составляться* у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самаго этого идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человѣка, а напротивъ того, ихъ постояннаго развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національныя антипатіи, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ.

Въ частности всякій практическій „интер-національный союзъ", въ родѣ напр. „Международнаго Союза Рабочихъ", не только не исключаетъ союзовъ національныхъ,

но предполагаетъ ихъ существованіе, какъ союзовъ, изъ которыхъ самъ онъ долженъ состоять. Вотъ почему 6 и 7 §§ Положенія Интернаціонала вмѣняли своимъ членамъ въ обязанность стараться о соединеніи первичныхъ мѣстныхъ союзовъ въ союзы вторичные, „національные“. Только въ редакцію этихъ параграфовъ вкралась неясность, вслѣдствіе смѣшенія, согласно старинной политической терминологіи, терминовъ nation, pays и état,— народъ, страна и государство,—смѣшеніе, которое всего болѣе простительно нѣмцамъ, которыхъ государство, какъ мы сказали, болѣе или менѣе единоплеменно*). Впрочемъ, уже самое допущеніе въ главный совѣтъ Интернаціонала представителя Польши,—которая теперь не составляетъ государства,— показываетъ, что даже учредители Интер-

*) Объ этомъ смѣшеніи и вообще о значеніи національностей и государствъ, какъ *основъ* (операціонныхъ *базисовъ*) для организаціи соціалистическихъ партій мы говорили нарочито въ статьяхъ нашихъ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme internationale“ въ „Revue socialiste“ 1880, и въ листкѣ „Вільна Спілка — La fédération —Вольный союзъ“, 1881, № 1, — „Естественныя области и пропаганда соціализма на плебейскихъ языкахъ Восточной Европы.“

націонала не исключали возможности предварительнаго группированія первичныхъ союзовъ въ союзы вторичные по національности въ болѣе точномъ смыслѣ, выражаемомъ словомъ race, langue, а современемъ среди соціалистовъ западной Европы пошли въ ходъ выраженія въ родѣ: „интернаціоналисты или соціалисты такого то *языка*“ (напр. даже у нѣмцевъ: Der Social-Demokrat, Organ der Socialisten der deutschen Zunge)

Въ Россіи же отъ неточности термина, „нація“, „національный“,—и употребленія его на французско-якобинскій манеръ въ смыслѣ государственномъ, и особенно отъ смѣшенія идеи космополитизма съ идеею обрусенія произошло самое чудовищное недоразумѣніе, которое привело къ тому, что весьма многіе русскіе соціалисты самымъ серьезнымъ образомъ поняли формулу Интернаціонала: „Пролетаріи всѣхъ странъ (націй), соединяйтесь!“—въ такомъ видѣ: „пролетаріи всѣхъ странъ, подчиненныхъ русскому государству, обрусѣвайтесь!“ Конечно, съ такою ясностью эту формулу почти никто изъ русскихъ соціалистовъ не произносилъ, особенно въ печати, и даже почти всѣ они обижались, когда имъ ставили на видъ,

что ихъ система дѣйствія соотвѣтствуетъ именно такой формулѣ, но тѣмъ не менѣе если не въ теоріи, то на практикѣ многіе „рус скіе“ соціалисты въ своей сферѣ были такими же нивелаторами-обрусителями, — какими въ своей сферѣ были гг. Катковы и другіе враги и соціалистовъ, и всякихъ національныхъ автономистовъ.

Мы помнимъ первую нашу встрѣчу съ представителемъ великорусскаго соціалистическаго движенія въ 70-е годы. Это былъ одинъ изъ делегатовъ петербургскаго соціально-революціоннаго кружка, прибывшій въ Кіевъ въ началѣ 1870 г. Между прочимъ онъ принялъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ молодежи, которая, — какъ и петербургскіе „чайковцы“, — имѣла въ виду политико-соціальное самообразованіе и пропаганду, — только, сообразно украинскимъ нравамъ, не носила клички, заимствованной отъ лица, а не отъ принципа. Мы получили приглашеніе принять участіе въ занятіяхъ этого кружка. На первомъ сборѣ заявлено было, кто какой рефератъ возьметъ на себя. Мы замѣтили, что почти всѣ темы для рефератовъ были выбраны изъ сферы т. наз. соціальнаго и женскаго

вопросовъ,—а потому, когда дошла очередь до насъ, то мы предложили съ своей стороны прочесть о соціальныхъ стремленіяхъ и о положеніи женщины въ средѣ украинскаго крестьянства, которое составляетъ украинскую націю. По своему обычаю, мы старались дать слушателямъ, какъ можно больше, фактовъ, съ указаніемъ на источники, такъ чтобы слушатели могли самостоятельно провѣрить насъ, даже если бы и не согласились съ нашими выводами. Во время чтенія нашего реферата петербургскій делегатъ обнаруживалъ явное нетерпѣніе, и когда начались пренія, то замѣтилъ приблизительно слѣдующее:

—Все это, *можетъ быть*, и вѣрно,—но къ дѣлу не идетъ. Мы должны думать о борьбѣ съ общимъ врагомъ, а Вы, говоря намъ объ Украйнѣ, какъ о чемъ то особомъ, вносите раздѣленіе въ наши силы!"

Mutatis mutandis,—это было повтореніе какъ разъ того, что мы слышали отъ нашего почтеннаго начальника, кн. Ал. Пр. Ширинскаго Шихматова,—по поводу нашихъ мнѣній о составленіи книги для чтенія въ народныхъ школахъ кіевскаго округа (Мы до-

казывали невозможность игнорированія мѣстнаго элемента въ такой книгѣ, а потому и невозможность составленія единой и нераздѣльной книги для чтенія для всей Россіи). Между прочимъ князь Ширинскій даже произнесъ слова: „общій врагъ“, только у него этотъ врагъ была — Польша. При видѣ такого совпаденія замѣчаній православнаго обрусителя съ замѣчаніями „нигилиста“, было, конечно, „отчего въ отчаяніе придти“. Но, скрѣпя сердце и со всевозможнымъ почтеніемъ къ столичному делегату, мы отвѣтили въ такомъ родѣ:

— Вы желаете бороться съ извѣстными врагами, желаете проводить извѣстныя мнѣнія, — такъ вотъ я, вполнѣ одобряя Ваши цѣли и раздѣляя Ваши мнѣнія, — указываю Вамъ факты, которые должны освѣтить Вамъ ту почву, на которой Вы хотите дѣйствовать, и указываю Вамъ на тѣ зацѣпки, за которыя Вы можете ухватиться въ Вашей дѣятельности.

— **Все это такъ, но Вы говорите все объ Украйнѣ, и у Васъ Украйна является, какъ что то особенное, а мы должны дѣйствовать за одно въ борьбѣ съ общимъ врагомъ.**

—Я говорилъ объ Украйнѣ, потому что та-
ковъ выбрался сюжетъ, и потому что я,
да и Вы,—думаемъ дѣйствовать именно на
Украйнѣ, но въ такомъ же родѣ можно было
бы повести рѣчь напр. и о Швеціи, или Ита-
ліи, Литвѣ, Арменіи и т. п., если бы кто изъ
насъ вздумалъ заняться именно этими страна-
ми. О томъ же, точно ли Украйна представля-
етъ такія особенности,—отчего?—отъ Ве-
ликороссіи напр., какія я въ ней вижу,—
это вопросъ отдѣльный, котораго я едва
коснулся, и дѣйствительно любопытный; я
готовъ о немъ спорить; теперь я предста-
вилъ Вамъ рядъ фактовъ, указывающихъ
между прочимъ на эти особенности и до-
пускаю возможность, что я многое подоб-
ралъ ошибочно и односторонне, — конечно,
безъ умысла,—а потому очень буду радъ,
если кто либо, Вы напр., дополните или
даже опровергнете мои факты и дадите
новые. Но только такъ и знайте, что если
Вы не опровергнете моего положенія, что
украинская жизнь представляетъ массу
чертъ, отличныхъ отъ чертъ жизни напр.
великорусской, то должны будете признать
необходимость спеціализаціи всякой куль-
турной, политической и соціальной дѣятель-

ности на Украйнѣ. Хотите, — приступимъ къ анализу этихъ украинскихъ особенностей, начиная напр, съ языка.

— Нѣтъ, я этимъ вопросомъ не занимался, — и при этомъ я думаю, что вообще не слѣдуетъ поднимать такихъ вопросовъ, въ виду необходимости единства силъ и проч. и проч.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, въ теченіе которыхъ намъ пришлось и устно, и печатно говорить объ Украйнѣ съ добрыми 200 „русскихъ революціонеровъ, соціалистовъ“ и пр., — извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, ученыхъ и неученыхъ, — но всѣ наши бесѣды были только болѣе или менѣе повтореніемъ вышеизложенной бесѣды. Первый вопросъ, какой мы отъ нихъ слышали, когда мы имъ говорили о разнообразіи того, что они называли русскимъ народомъ, — былъ (да простятъ намъ это уподобленіе) вопросъ щедринскаго градоначальника, увидѣвшаго рѣку тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, ей быть не подобало: „за чѣмъ?“ А когда мы имъ объясняли, — что *за тѣмъ*, чтобъ наилучше бороться съ общимъ врагомъ, наилучше устроить именно общій союзъ, — они намъ отвѣчали по большей части фразами о единствѣ рода че-

ловѣческаго, существующемъ, или будущемъ, съ прибавкою нотацій о необходимости космополитической солидарности, и о вредѣ національной исключительности, нотацій, которыя уже потому излишни, когда рѣчь идетъ объ украинской національности, что эта національность именно тогда, когда была болѣе самостоятельна, вовсе и не думала противуставлять себя „Европѣ" или человѣчеству, и только тогда и отдѣлилась отъ „Запада", когда попала подъ опеку обрусителей. Многіе же отвѣчали намъ просто раздражительными обвиненіями.

Въ послѣдніе годы мы дождались счастія увидѣть противъ себя такого же рода возражателей и съ польской стороны! Всего любопытнѣе, что наши возражатели, которые никакъ не хотятъ признавать негосударственныхъ и плебейскихъ національностей, — ни необходимости нарочито приспособленныхъ къ нимъ политико-соціальныхъ организацій, ни даже устраненія розни между образованными и мужицкими классами, напр. по языку, — самымъ серьезнымъ образомъ воображаютъ именно себя интернаціоналистами, и даже „народниками". *)

*) По части интернаціонализма положеніе дѣлъ

Странные интернаціоналисты эти не хотятъ замѣчать, что вмѣсто человѣчества, да еще соціалистическаго, они подсовываютъ намъ государство, аристократическое, буржуазное и бюрократическое, — и при томъ неизбѣжно національное же, и что ихъ псевдо-космополитическая проповѣдь противъ „національизма“ вовсе не туда направлена, куда бы слѣдовало, т. е. не на тѣхъ, кто давитъ чужія національности, а на тѣхъ, кто отбивается отъ давленія, и что подставка вмѣсто между-народности обезнародниванія поддерживаетъ только монополію привиллегированныхъ, оффиціальныхъ народностей и отнимаетъ у націй, которымъ не посчастливилось сохранить свою государственную не-

дошло до полнаго комизма: напримѣръ, небольшая группа украинскихъ соціалистовъ пишетъ не только по украински, но и по великорусски, и по польски, — тогда какъ еще ни одинъ великорусскій, или польскій соціалистъ не издалъ ни строчки по украински, — и въ то же время изъ среды ихъ раздаются голоса, которые усиливаются представить именно украинскихъ соціалистовъ узкими и нетерпимыми націоналистами даже передъ заграничной публикою. (См. статьи гг. П. Л., Б. Лимановскаго и Аксельрода въ Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik и нашу замѣтку „Der kleinrussische Internationalismus,“ тамъ же).

зависимость, т. е. у націй мужицкихъ, отнимаетъ именно ихъ интеллигенцію, т. е. естественныхъ организаторовъ массъ и для самой соціальной борьбы, — и въ концѣ концовъ обращаетъ такихъ псевдо-космополитовъ изъ противниковъ „общаго врага" въ его союзниковъ, безсознательныхъ, а иногда такъ и сознательныхъ.

Впрочемъ одинъ изъ органовъ „русскихъ революціонеровъ" имѣлъ смѣлость, послѣ общихъ фразъ о томъ, что для него всѣ національности равны,—прямо сознаться въ своей солидарности съ представителями существующаго эксплуататорскаго строя по вопросу о негосударственныхъ національностяхъ. Мы говоримъ о „Набатѣ". *)

*) Мы предвидимъ замѣчаніе, которое мы слышали устно отъ тѣхъ изъ русскихъ соціалистовъ, которые будучи на дѣлѣ обрусителями, въ тоже время не любятъ, когда къ ихъ практикѣ подбираютъ настоящую теорію, замѣчаніе, что «Набатъ» не можетъ считаться представителемъ русскихъ революціонеровъ и соціалистовъ, изъ которыхъ нѣсколько, довольно извѣстныхъ лицъ, даже нарочито отреклись отъ него въ протестѣ, напечатанномъ въ «Общинѣ». Дѣйствительно, собственно набатскій кружокъ, вовсе не пользуется симпатіями среди русскихъ революціонеровъ и соціали-

Въ статьѣ „Революція и принципъ національности" этотъ органъ говоритъ между прочимъ: „Въ каждой странѣ, или лучше въ каж-

стовъ, и съ практической стороны, «Набатъ» не имѣетъ никакого значенія въ «русскомъ революціонномъ движеніи»,—въ противность тому, что объ этомъ говорятъ заграничные корреспонденты и русскіе прокуроры. Но тѣмъ не менѣе «Набатъ» высказывалъ не разъ теоріи, очень распространенныя въ русскихъ революціонныхъ кругахъ, напр. теоріи террористовъ, и до извѣстной степени былъ правъ, когда, хоть въ видѣ агитаціи въ пользу якобинскаго конспираціонизма, все таки проповѣдовалъ необходимость политической революціи въ Россіи въ то время, когда доктринеры, соціаль-демократы и анархисты считали возможнымъ цѣликомъ перенести въ Россію политику разныхъ фракцій Интернаціонала, выросшаго тамъ, гдѣ уже люди добились извѣстной политической свободы. — Надо также прибавить, что статья «Набата», изъ которой мы дѣлаемъ выписку, написана противъ брошюры «Записки южнорусскаго соціалиста», въ которой между прочимъ употреблено довольно неудачное выраженіе о необходимости «національнизированія соціализма», хотя, при доброй волѣ, можно было легко понять, что тутъ дѣло идетъ не объ идеяхъ соціализма, которыя, какъ всякія идеи, всемірны, а о практическомъ примѣненіи ихъ, пріемахъ пропаганды, и ея организаціи, — которые, неизбѣжно, должны быть локализированны, и слѣдовательно и національнизированны. (См. объ этомъ въ IV томѣ, «Громады», «Впередъ и національнизированье соціализма».

домъ *государствѣ*, какъ бы ни былъ разнообразенъ его національный и племенной составъ, всегда есть и всегда долженъ быть классъ людей, у которыхъ національныя, племенныя особенности почти совершенно изгладились и которыхъ въ этомъ смыслѣ можно назвать общерусcами, общефранцузами, общенѣмцами, общеитальянцами, общеамериканцами и т. п. Классъ этотъ слагается во первыхъ изъ такъ называемаго „служилаго сословія“: изъ бюрократіи, закрѣпощенной государствомъ, утратившей, подъ его нивелирующимъ давленіемъ всѣ свои національныя особенности, до мозга костей пропитавшейся его идеалами, его воззрѣніями, его интересами; во вторыхъ — изъ интеллигенціи. Наука, какъ извѣстно, оказываетъ на людей почти столь же нивелирующее вліяніе, какъ и государство на бюрократію.... Помимо государства съ его бюрократическою централизаціею и науки съ ея космополитизиру-

«Мы и «Набатъ»). А самъ «Набатъ» долженъ былъ признаться, что онъ согласенъ на «національзированіе средствъ» соціально-революціонной дѣятельности, — только идея объ этой національзаціи затуманилась у него смѣшеніемъ понятія о націи съ понятіемъ о государствѣ.

ющимъ вліяніемъ, — устраненію національныхъ особенностей, нивелированію людей, подведенію ихъ подъ одинъ *обще-національный*, общечеловѣческій типъ, — въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ экономическій, торгово-промышленный прогрессъ. Фабричное производство, ставя рабочую массу въ совершенно однообразныя, общенаціональныя условія труда, — развивая въ ней одинаковыя привычки, окружая ее одинаковою обстановкою, обобщая ея интересы и потребности, сглаживаетъ не только *національныя*, но даже и чисто *индивидуальныя* различія рабочихъ. Типъ *фабричнаго*, типъ *пролетарія* имѣетъ на столько же обще-національный характеръ, какъ и типъ „интеллигентнаго человѣка".

„Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ главнѣйшіе факторы буржуазнаго прогресса,—государство, наука, торговля, промышленность, — имѣютъ одну и туже *общую тенденцію*: всѣ они въ большей или меньшей степени, стремятся сгладить національныя особенности, когда то такъ рѣзко раздѣлявшія между собою людей; стремятся смѣшать послѣднихъ въ одну общую, однородную и одноформенную массу, подвести

ихъ подъ одинъ общій знаменатель, вылить ихъ въ одинъ общенаціональный, общечеловѣческій типъ. Какъ бы мы ни ненавидѣли буржуазный прогрессъ, но эту тенденцію его мы должны признать — съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и нашихъ интерессовъ—въ высшей степени благотворною. Дѣйствительно, буржуазный прогрессъ, нивелируя людей, уничтожая ихъ племенныя и національныя перегородки, подготовляетъ почву для торжества нашихъ идеаловъ; самъ того не желая, онъ безсознательно пролагаетъ путь къ практическому осуществленію идей *братства и равенства*. (Набатъ, 1878, книга, 75—77).

Весьма похожее на то, что сказано особенно въ началѣ вышеприведенной выписки—и даже терминъ—*обще-національный*, какъ противоположность племенному, народному, — при чемъ терминъ „общенаціональный“ понимается вовсе не въ предѣлахъ дѣйствительной націи (какъ напр. общевеликорусскій сравнительно съ новгородскимъ, московскимъ и т. п.), а въ предѣлахъ государства съ оффиціальною національностью, которая должна покрыть всѣ самыя разнонаціональныя населенія, — мы читали

десятки разъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Интересно, что почти тоже недавно мы прочитали въ статьяхъ противъ украинскаго движенія, написанныхъ г. Л. Алексѣевымъ отъ имени русскихъ „народниковъ изъ Малороссіи", въ „Русскомъ Богатствѣ" 1881 г. Родоначальниками всей этой радикальной катковщины во всей Европѣ были французскіе якобинцы временъ Великой Революціи съ ихъ борьбою противъ всякихъ проявленій провинціальной самостоятельности, отъ политическаго федерализма и до народныхъ языковъ (не только нарѣчій французскаго языка, но и провансальскаго и даже бретонскаго, итальянскаго, нѣмецкаго языковъ), которымъ они противуставляли языкъ французскій, какъ *національный* (о послѣднемъ см. напр. статью «La Convention et les idiomes locaux» въ Mélange de linguistique et d'antropologie par Ab. Hovelacque etc. 1880, 226—238). Вотъ ввиду такихъ совпаденій, слова „Набата" и получаютъ значеніе, надъ которымъ очень серьезно стоитъ подумать тѣмъ, кто не желаетъ Россіи катковщины ни монархической, ни якобинской.

Уже въ самомъ началѣ тирады „Набата"

бросается въ глаза признаніе за нѣчто нормальное государственнаго давленія на національныя различія и доктрины государственной національности, которая почти столько же надѣлала бѣдъ съ к. XVIII ст., какъ надѣлала бѣдъ въ XVI—XVIII в. доктрина государственности. Интересно при этомъ, что перечисляя общенаціональные типы, „Набатъ“ не назвалъ напр. ни обще-австрійцевъ, ни обще-швейцарцевъ. Дѣло въ томъ, что вовсе не всякое государство стираетъ національныя особенности, —а только государства военно-бюрократическія, централизованныя,—исключая Сѣв. Ам. С. Штатовъ, которые имѣютъ дѣло не съ націями, а съ колонистами разныхъ націй, пріѣзжающими въ среду націи англосаксонской. При этомъ вышеупомянутыя государства стираютъ особенности вовсе не всѣхъ, а только покоренныхъ націй и при этомъ покровительствуютъ развитію національности господствующей, на которую и опираются подобныя государства. Во Франціи напр. „общофранцузы“ состоятъ прежде всего изъ французовъ, потомъ изъ офранцуженныхъ провансальцевъ, бретонцевъ, басковъ, фламандцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ,—и ихъ точнѣе всего

слѣдовало бы называть просто французами, какъ всѣхъ обрусѣвшихъ или общеруссовъ— просто великоруссами. Вотъ почему въ такихъ государствахъ, въ которыхъ претендующая на господство національность сравнительно не очень сильна,—и не можетъ образоваться прочный государственно-національный типъ. Такова напр. Австрія, въ которой прежде хотѣли сдѣлать такимъ типомъ нѣмецкій,—и въ которой теперь уже стараются лѣпить, говоря языкомъ „Набата“, — вм. обще-австрійцевъ,—обще-нѣмцевъ, обще-венгровъ, обще-хорватовъ, обще-поляковъ (въ Галиціи). Мы сомнѣваемся, чтобы и эта лѣпка привела къ какому нибудь не только полезному, но даже просто прочному результату,—но во всякомъ случаѣ вотъ уже вамъ „страна, или лучше государство“, въ которомъ „обще-національнаго“ типа нѣтъ, такъ какъ обще-австрійцы есть развѣ между шпіонами, шулерами да кокотками. По другимъ причинамъ, нѣтъ обще-національнаго типа въ Швейцаріи, какъ въ государствѣ, въ которомъ нѣтъ господствующей національности,—а есть граждане четырехъ національностей, во всемъ равноправныхъ, объединенные между собою

сознаніемъ выгоды такого равноправнаго союза. Въ этомъ сознаніи и состоитъ, если уже хотите, обще-швейцарская національность, но такая обще-національность не имѣетъ ничего общаго съ тою, о которой говоритъ „Набатъ". Она подходитъ къ обще-человѣчности, какую совершенно напрасно „Набатъ" ставитъ, какъ синонимъ своей „обще-національности". Такую обще-человѣчность порождаетъ напр. вліяніе науки, которую „Набатъ" тоже совершенно напрасно поставилъ въ одинъ рядъ съ военно-бюрократическимъ государствомъ и съ распространяющею общее малокровіе и худосочіе капиталистическою фабрикою. Наука, —какъ и свобода,—федерируетъ національности и культивируетъ ихъ, сглаживая ихъ слабости и развивая ихъ сильныя стороны,—и возводитъ націи до человѣчества, — а военно-бюрократическое государство, даже въ случаѣ успѣха, только замѣняетъ одни національности другими, часто далеко не лучшими, а въ случаѣ неуспѣха, только рождаетъ ненависти между національностями. Затѣмъ, даже при успѣхѣ вылѣпливанья государственныхъ національностей, черезъ подавленіе національностей негосударствен-

ныхъ, неизбѣжно должно совершаться культивированье у первыхъ преимущественно тѣхъ чертъ, которыя нужны военно-бюрократическому государству, т. е. чертъ съ одной стороны угловатыхъ и хищническихъ, а съ другой приниженныхъ, т. е. во всякомъ случаѣ чертъ служебныхъ, а вовсе не человѣческихъ.

Справедливость сейчасъ сказаннаго доказывается наблюденіемъ надъ населеніемъ тѣхъ именно мѣстностей, гдѣ процессъ вылѣпливанья привиллегированной національности имѣлъ наиболѣе приложенія; — такова напр. Пруссія, — которая сложилась черезъ насильственную германизацію славянъ и литовцевъ: безспорно особенности пруссака отъ другихъ нѣмцевъ самыя несимпатичныя изъ всѣхъ нѣмецкихъ особенностей и противны именно, какъ антитеза общечеловѣческому идеалу. Едва ли также съ точки зрѣнія этого идеала можно отдать предпочтеніе и привѣтствуемому „Набатомъ" типу великорусскаго или овеликорушеннаго (по „Набату" общенаціональнаго) *фабричнаго* передъ типомъ напр. украинскаго поселянина или казака, котораго нѣкоторыя черты такъ симпатично набросалъ напр. Черны-

шевскій въ приведенной выше выдержкѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и объ „общенаціональномъ“ типѣ русскаго солдата, въ которомъ собираются почти всѣ наименѣе симпатичныя черты великорусскаго племени и черезъ армію накладываются на индивидуумы всѣхъ націй, подчиненныхъ великорусскому государству *).

*) Нѣкоторыя данныя относительно того, какъ именно денаціонализація напр. украинскихъ крестьянъ подъ вліяніемъ великорусскихъ фабричныхъ и армейскихъ условій жизни прямо ведетъ къ ихъ деморализаціи во всѣхъ смыслахъ этого слова, читатель найдетъ въ нашей книгѣ «Нові українські пісні про громадські справи»; на представленныхъ тамъ примѣрахъ видно, кромѣ того, что именно высшая культура украинскаго мѣщанина, казака и крестьянина стала съ XVIII в. уступать передъ низшей великорусской культурой единственно вслѣдствіе грубаго давленія государственной власти, а потомъ подъ вліяніемъ созданнаго ею обрусенія образованныхъ классовъ, удалившаго ихъ отъ простонародья. «Космополитизирующее вліяніе науки» тутъ ни при чемъ! — Прибавимъ еще замѣчаніе — впрочемъ, не настаивая на его точности, — что, по нашимъ наблюденіямъ надъ овеликорушенными украинцами, когда національный характеръ разлагается подъ чужимъ несвободнымъ вліяніемъ, то получаемая такимъ образомъ помѣсь усваиваетъ преимущественно дурныя качества чужой національности и теряетъ именно хорошія качества своей.

Что же касается до пользы для человѣчества отъ стиранія не только національностей, но даже индивидуальностей, то мы считаемъ излишнимъ и говорить объ этомъ. Тотъ, кто представляетъ себѣ соціалистическій идеалъ не въ видѣ аракчеевскихъ военныхъ поселеній, а именно въ видѣ братства развитыхъ всецѣло, (или *интегрально* развитыхъ, какъ говорятъ западноевропейскіе соціалисты) индивидуумовъ, тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ восхваленіе „Набатомъ“ вліянія теперешнихъ фабрикъ на стираніе особенностей индивидуальныхъ, — и за тѣмъ, немного только подумавши, долженъ такъ же отнестись и къ вліянію военно-бюрократическихъ государствъ на стираніе національностей, — т. е. собственно національностей негосударственныхъ.

Впрочемъ самъ „Набатъ“ проговаривается такъ, что можно думать, что онъ самъ замѣчаетъ весь софизмъ, заключающійся въ увѣреніи, будто военно-бюрократическое государство имѣетъ космополитизирующее вліяніе и стираетъ *всѣ* національности, а не одни только побѣжденныя. Когда ему приходится говорить о разныхъ національностяхъ въ частности, то онъ забываетъ

заявленіе, что для него нѣтъ „ни эллина, ни іудея“,—а явно склоняется на сторону національностей господствующихъ, при чемъ поляковъ поставляетъ въ рядъ послѣднихъ, даже въ противорѣчіе съ ученіемъ о необходимости образованія напр. „общеруссовъ въ Россіи“. Съ явнымъ умысломъ газета перечисляетъ народы въ такомъ порядкѣ: „якуты, чуваши, малоруссы“ съ одной стороны,—и „великоруссы, поляки, нѣмцы, французы“ съ другой (стр. 68), а перечисляя народы, изъ которыхъ русское государство „должно“ вылѣпливать „общенаціональный“ типъ,—„Набатъ“ называетъ „великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, финновъ, латышей“, но не называетъ поляковъ. Конечно, со стороны московской катковщины такое распредѣленіе и забвеніе нелогично, — но оно будетъ вполнѣ логично, если стать въ одно и тоже самое время на точки зрѣнія катковщины московской и польской, на какихъ очевидно стоитъ органъ „русскихъ революціонеровъ“. Сдѣланная же выше выписка изъ „Набата“ вполнѣ подходитъ къ идеямъ и польской катковщины: поляки имѣютъ остатки своего завоевательно-бюрократическаго государства въ Галиціи,

имѣютъ свою аристократію и буржуазію, даже и въ земляхъ, подчиненныхъ другимъ государствамъ, особенно въ Россіи;— какъ же не признать за ними права вылѣпливать изъ національностей латышской, литовской, бѣлорусской и украинской свой „общенаціональный“ типъ,—своихъ „общеполяковъ“?

Такимъ образомъ, мы съ „Набатомъ“, ѣдучи впередъ по дорогѣ къ общечеловѣческому соціализму, пріѣхали назадъ къ доктринѣ исторической Польши! Само собою разумѣется, что „Набатъ“ вполнѣ сочувственно относится къ польскимъ революціоннымъ стремленіямъ. Но спеціально по вопросу объ исторической Польшѣ онъ не высказался ясно, быть можетъ, потому что и не имѣлъ къ тому случая. Но одинъ разъ онъ высказалъ совсѣмъ не космополитически-соціалистическую нѣжность къ остатку исторической Польши въ Галиціи. Разбирая нашу брошюру „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“, и встрѣтивъ въ ней указаніе на то, какъ польская аристократія и буржуазія съ бюрократіей гнетутъ галицкихъ русиновъ,—„Набатъ“ замѣтилъ: „чрезвычайно странно и прискорбно встрѣчать

какія бы то ни было косвенныя или прямыя отрицанія чему бы то ни было польскому на страницахъ славянскихъ революціонныхъ изданій", — при чемъ изложилъ нашу мысль такъ, какъ будто бы мы говорили, что гнететъ русиновъ въ Галиціи „народъ польскій". (Наб., 1877, № 3—6).

Такимъ образомъ, если только „Набатъ" представляетъ хоть какія нибудь фракціи великорусской демократіи, напр. что нибудь въ родѣ „якобинцевъ или бланкистовъ" („Набатъ" прежде и назывался обыкновенно „якобинскимъ" органомъ), — то отношеніе этихъ фракцій къ полякамъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, можетъ быть только одно изъ двухъ: или онѣ составятъ самую лѣвую сторону всеобрусительной катковщины, —(въ родѣ напр. многихъ демократовъ-германизаторовъ въ Пруссіи и Австріи) или при первомъ случаѣ, (а случай такой долженъ, по нашему мнѣнію, скоро представиться, такъ какъ польскій вопросъ не можетъ не подняться въ теперешнее время въ Россіи) присоединятся къ польскимъ историческимъ патріотамъ, сначала самаго лѣваго направленія, а потомъ, неизбѣжно, и къ коалиціи правыхъ

и лѣвыхъ партій среди этихъ патріотовъ. Послѣднее наиболѣе вѣроятно,—и въ такомъ случаѣ историческая роль этихъ фракцій вполнѣ ясна: полякамъ онѣ не помогутъ, а послужатъ только лишнимъ оправданіемъ для московской реакціонной катковщины..

Извѣстно, что „Набатъ". представлялъ по многимъ вопросамъ противоположность другому органу великорусскихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, „Впереду". Но по вопросу негосударственныхъ національностей и, конечно, по вопросу польскому, между обоими органами не оказалось почти никакого различія. Мы впрочемъ должны остановиться на „Впередѣ" подольше, такъ какъ этотъ органъ имѣлъ случай высказаться по занимающимъ насъ вопросамъ гораздо болѣе систематично и съ большими подробностями.

X.

„Впередъ" зачинался, какъ извѣстно, въ Цюрихѣ въ 1872—73 гг., среди борьбы тѣхъ кружковъ, которые къ нему примкнули, съ т. наз. бакунистами, или анархиста-

ми, — и уже поэтому въ немъ должны были найти себѣ мѣсто мысли, которыя составляютъ родъ уступки со стороны великорусскихъ соціальдемократовъ этимъ бакунистамъ, какъ напр. признаніе принципа федеральнаго и нѣкоторыя всеславянскія стремленія. Но надъ всѣми этими уступками во „Впередѣ“ преобладаетъ основная государственная идея, — на манеръ идеи нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, а потому и въ вопросѣ объ организаціи соціалистическаго движенія въ Россіи „Впередъ“ сталъ не столько на федерально-народную основу, сколько на государственно-національную.

„Впередъ“, конечно, призналъ необходимость мѣстныхъ и слѣдовательно національныхъ приспособленій въ работѣ для осуществленія интернаціональныхъ стремленій соціализма. Въ программѣ „Вперeда“ читаемъ: „приходится дѣйствовать въ *данной* мѣстности, на общество, говорящее *даннымъ* языкомъ“, — по этому и „національности представляютъ совершенно реальную и неизбѣжную почву для каждаго общественнаго процесса“. Но когда пришлось опредѣлить, какова же именно та *данная* почва, на которой думаетъ дѣйствовать „Впередъ“, — у

послѣдняго не оказалось ясныхъ опредѣленій. Разъ онъ говоритъ о „*Россіи*", какъ о своемъ „*отечествѣ*", въ другой о „*русскомъ народѣ*", какъ о своемъ народѣ, — а потому когда „Впередъ" говоритъ о „спеціальныхъ русскихъ цѣляхъ" и „русскихъ интересахъ", то совсѣмъ нельзя понять, что онъ подъ ними разумѣетъ: совокупность ли спеціальныхъ цѣлей и интересовъ всѣхъ *данныхъ* національностей Россіи, — какъ государства, которое не совсѣмъ точно называютъ русскимъ государствомъ (къ сожалѣнію прилагательное *россійскій* рѣдко теперь употребляется въ русской литературѣ) или же цѣли и интересы дѣйствительнаго „русскаго народа". Не менѣе темны остаются и представленія „Впереда" объ этомъ русскомъ народѣ. Какъ извѣстно, о русскомъ народѣ (и соотвѣтственно — о языкѣ) существуетъ въ Россіи три главныхъ мнѣнія. По первому, народъ этотъ — единообразенъ во всемъ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура, такъ что различія его, даже такія, какъ велико-бѣло- и мало-русскія до того ничтожны, что не имѣютъ никакого практическаго значенія, при чемъ племя великоруское считается за представителя всѣхъ остальныхъ. По вто-

рому, „русскій народъ“ есть только отвлеченіе, — въ дѣйствительности представляемое двумя „русскими народностями“, велико-бѣлорусскою и украинскою, — или великорусскою и украинско-бѣлорусскою, — или же тремя народностями. Третье мнѣніе, — какъ среднее между предыдущими, признаетъ двѣ или три крупныя разновидности русскаго народа и извѣстное практическое значеніе ихъ, но не признаетъ за различіями этихъ разновидностей такой силы, которая бы давала основаніе считать ихъ за вполнѣ самостоятельныя націи. Первое мнѣніе принимается правительствомъ и представляется въ печати, напр. г. Катковымъ, впрочемъ только г. Катковымъ-публицистомъ съ 60-хъ годовъ, потому что Катковъ-ученый 40—50-хъ годовъ примыкалъ скорѣе даже ко второму, чѣмъ къ третьему мнѣнію. Это второе мнѣніе раздѣляютъ почти всѣ ученые филологи и этнографы въ Россіи и за границей. *)

*) Такимъ образомъ выходитъ очень курьезное обстоятельство: о разнообразіи русскаго народа учатъ въ книгахъ и съ каѳедръ, а единообразіе проповѣдываютъ только въ нѣкоторыхъ газетахъ; правительство же согласно съ газетными невѣжами и софистами, и руководствуется ихъ голосами въ та-

Третье мнѣніе раздѣляли прежніе московскіе славянофилы и въ томъ числѣ г. И. Аксаковъ еще въ „Днѣ“ 1862—64 г. (теперь онъ присталъ вполнѣ къ катковскому мнѣнію).

Каждому изъ этихъ теоретическихъ мнѣній соотвѣтствуетъ и практическая программа, — литературная и политико-соціальная. Понятно по этому, что и партія соціалистическая, которая признала необходимость опираться на *данныя* національности, съ ихъ *данными* языками, — должна была начать съ выбора между вышеизложенными тремя понятіями о „русскомъ народѣ“, — какъ только она выбрала за почву для своей дѣятельности этотъ народъ. Бакунинъ напр., какъ мы видѣли, заговоривъ въ Лигѣ Мира и Свободы объ этомъ народѣ, прямо началъ съ того, что отвергъ мнѣніе о его единствѣ и, за тѣмъ, сообразно этому отрицанію, построилъ необходимость самостоятельной организаціи трехъ его частей, — а приступивъ къ агитаціи среди нихъ, онъ

кихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ напр. народное образованіе. Что если бъ подобнымъ же образомъ выбрало себѣ правительство совѣтниковъ напр. по вопросамъ объ архитектурѣ. То то бы костей наломали! А мозги все стерпятъ!

пустилъ въ ходъ, хоть и не совсѣмъ удачно, — и публикацію не только на великорусскомъ, но и на украинскомъ языкѣ. Очевидно, что при катковскомъ взглядѣ на единство русскаго народа и при желаніи дѣйствовать для всѣхъ его частей, редакція „Впереда“ порекомендовала бы своимъ единомышленникамъ ограничиться только публикаціями на великорусскомъ языкѣ, какъ на русскомъ по преимуществу; — при Костомаровскомъ взглядѣ пришлось бы и самый „Впередъ“ издавать, по крайней мѣрѣ на двухъ языкахъ, или раздѣлить на два изданія, особенно въ виду того, что „Впередъ“ получалъ не мало средствъ изъ Украйны; при старо-аксаковскомъ взглядѣ можно бы было сохранить великорусскій языкъ, какъ языкъ „общества“, — для такъ называемыхъ „интеллигентныхъ“ читателей, — а рядомъ издавать элементарныя книжки и листки для читателей изъ „народа“, или изъ „простонародья“, — въ родѣ того, какъ это недавно предположила *было* дѣлать редакція „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“. *)

---

*) Къ стати будетъ сказать, что до сихъ поръ всѣ, кто писалъ популярныя вещи напр. на украинскомъ языкѣ, писали на немъ и для „интелли-

Къ сожалѣнію, „Впередъ“, въ противуположность Бакунину, не поставилъ ясно вопроса о томъ, что же такое тотъ русскій народъ, русская національность, русскій языкъ, т. е. тѣ данныя, на которыхъ онъ предположилъ опереться, и не рѣшилъ этого вопроса вообще. Въ частностяхъ же, гдѣ „Впередъ“ говоритъ о народномъ бытѣ, или объ исторіи, видно, что для него слово „русскій“ — синонимъ слова „великорусскій“. Такъ напр. въ статьѣ „Счеты русскаго народа съ династіей Романовыхъ“ читаемъ: „Тому двѣсти шестьдесятъ лѣтъ *русскій народъ общимъ усиліемъ* освободилъ Москву ... и земскій соборъ *русской* земли избралъ перваго Романова въ *московскіе* цари. Съ тѣхъ поръ (1613) начались счеты между домомъ Романовыхъ и русскимъ народомъ.“ Всякій знаетъ, что въ „общемъ усиліи“ 1613 г. участвовали только великорусы, — а украинцы и бѣлорусы были тутъ ни при чемъ, (или были скорѣе противъ Романова, въ войскахъ польскаго короля), — почему историки-федералисты, говоря о событіяхъ того времени,

генціи“. Уже изъ этого видно, что раздѣленіе языковъ: для интеллигенціи и для народа не только не демократично, но и непрактично.

употребляли такія выраженія, какъ „*Великорусскія* области и смутное время", (Щаповъ) или „Смутное время въ *Московскомъ* государствѣ" (Костомаровъ). Счеты украинцевъ и бѣлоруссовъ съ домомъ Романовыхъ начались нѣсколько позже, — а именно съ козацкихъ договоровъ на Украйнѣ и съ городскихъ въ Бѣлоруссіи въ 1654 г. Но объ этихъ договорахъ, — гораздо болѣе опредѣленныхъ, чѣмъ сомнительная запись, взятая будтобы съ перваго Романова великорусскимъ земскимъ соборомъ, и вообще о счетахъ украинцевъ и бѣлорусовъ съ Романовыми „Впередъ" не упомянулъ вовсе, — хотя въ той же статьѣ говорится о преступленіяхъ Романовыхъ противъ Польши, а также о томъ, что галичане, сербы, чехи и пр. славяне „не могутъ вѣрить Романовымъ, обманувшимъ русскій народъ". Только въ одномъ мѣстѣ „Впередъ" прикоснулся къ этимъ счетамъ, въ словахъ: „не гнало ли правительство школъ на *югѣ Россіи,* подъ предлогомъ сепаратизма, — въ букваряхъ?" Но мѣсто это вдвойнѣ и не ясно, и не точно: во первыхъ, что это за *югъ* Россіи? Скрываетъ ли подъ собою это географическое выраженіе, — родственное тѣмъ, которыя придумываетъ

русское правительство, или подцензурная печать для названія областей съ особымъ отъ великорусскаго населеніемъ, — какое нибудь этнографическое понятіе, или нѣтъ? А во вторыхъ, — если выписанное выраженіе относится къ Украйнѣ, а не напр. къ Самарской губерніи, — то на Украйнѣ главная бѣда не въ томъ, что русское правительство „закрыло школы подъ *предлогомъ* сепаратизма въ букваряхъ“, — (закрывало оно школы и въ Петербургѣ, „подъ предлогомъ“ того, что въ нихъ читали „Молодую Россію“) а въ томъ, что оно въ 1863 г. сначала синодскимъ и валуевскимъ распоряженіемъ по цензурѣ запретило печатаніе украинскихъ книгъ педагогическаго содержанія, а потомъ „Положеніемъ о школахъ 1864 г.“ окончательно изгнало изъ школъ на Украйнѣ, какъ и въ Бѣлоруссіи, иной языкъ, кромѣ „русскаго“, великорусскаго. Вотъ невеликоруссамъ и было интересно знать мнѣніе новаго органа „русскихъ соціалистовъ“ о такихъ счетахъ невеликорусскихъ народовъ съ великорусскимъ государствомъ. Если русскій народъ одинъ и на Днѣпрѣ, и на Нѣманѣ, какъ и на Волгѣ, — тогда и предписанное Положеніемъ 1864 г. еди-

нообразіе (предписанное, какъ обыкновенно дѣлается въ законахъ, однимъ умолчаніемъ о другихъ языкахъ, кромѣ „русскаго“, — великорусскаго), не составляетъ никакого преступленія противъ народовъ украинскаго и бѣлорусскаго. „Впередъ“ ничѣмъ не выразилъ своего мнѣнія о такихъ мѣрахъ правительства Романовыхъ къ поддержанію,— или, лучше, къ установленію единообразія „русскаго народа“ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ „единству“ же Россіи „Впередъ“ относится симпатично, говоря, что „избраніе перваго Романова было выраженіемъ общенароднаго желанія поддержать единство *Россіи*“ и что „народъ русскій желалъ единства, выдержалъ тяжелую борьбу за это единство“, — которое, какъ извѣстно, выразилось сначала въ московской, а потомъ петербургской централизаціи, — подъ династіями рюриковской, и романовско-гольштинской, изъ которыхъ послѣдняя такъ не нравится „Впереду“.

Полагаемъ, выписанныхъ мѣстъ достаточно, чтобъ показать, что „Впередъ“ принимаетъ слово „русскій“ народъ за синонимъ „великорусскаго“, а въ частности можетъ быть причисленъ скорѣе къ тѣмъ изъ упо-

треблающихъ въ такомъ смыслѣ это слово, которые не признаютъ за достойныя вниманія особенности невеликорусскихъ народовъ, нежели къ тѣмъ, которые, сохраняя имя русскихъ только для великоруссовъ, въ тоже время признаютъ бѣлоруссовъ и украинцевъ за самостоятельныя племена, со всѣми практическими послѣдствіями такого признанія. Что „Впередъ“ понимаетъ слово „русскій“ и „Россія, наше отечество“ въ великорусско-централистическомъ смыслѣ,это видно всего лучше въ томъ мѣстѣ его программы, въ которомъ говорится объ отношеніяхъ Россіи и Польши. Это мѣсто тѣсно связано съ тѣмъ, что великорусскій органъ говоритъ о славянскихъ дѣлахъ вообще, — по этому мы выпишемъ изъ „Впереда“ довольно большую тираду, тѣмъ болѣе, что, какъ читатели наши могли уже замѣтить на примѣрѣ Бакунина, характеръ отношеній великорусскаго публициста къ вопросу польско-россійскому обуславливаетъ и его отношенія къ славянамъ вообще.

„Живыми партіями въ средѣ славянъ, — говоритъ „Впередъ“, — мы признаемъ лишь тѣ, которыя напишутъ на своемъ знамени, рядомъ съ девизомъ независимой національно-

сти, девизъ соціальной борьбы противъ монополіи частныхъ собственниковъ и капиталистовъ, научной борьбы противъ религіознаго элемента. Для насъ безсмысленна и достойна сожалѣнія борьба національности, которая сковываетъ своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православія или католицизма, безнравственныя преданія феодализма, боярства или шляхетства. Соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови; ихъ передовымъ кружкамъ мы съ радостью откроемъ страницы нашего журнала; мы будемъ рукоплескать ихъ побѣдамъ; мы надѣемся, что имъ и только имъ удастся возстановить независимость ихъ родины.... Мы вполнѣ увѣрены, что всѣ наши единомышленники въ Россіи..... хотѣли бы вмѣстѣ съ нами.... чтобы наше „Впередъ“ сдѣлалось программою славянской федераціи, органомъ всѣхъ славянъ, дошедшихъ до сознанія, что будущее для славянства, какъ и для всего человѣчества, заключается въ девизѣ: наука и община, истина и трудъ, война идоламъ и монополіи!“

„Это разрѣшаетъ и самый трудный, по-

видимому, для русскаго вопросъ, вопросъ польскій. Кто поставилъ интересы хлоповъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ, тотъ нашъ братъ и союзникъ. Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне малое значеніе. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ между Россіею и Польшею, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предъидущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному или соціальному центру она потянетъ. При дальнѣйшемъ же самодержавіи общинъ различіе національностей становится лишь блѣднымъ преданіемъ исторіи, безъ практическаго смысла. Защитники преобладанія шляхты и союзники католицизма — враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польскаго."

Такимъ образомъ, для редакціи „Впередa" во первыхъ „Россія", за исключеніемъ провинцій несомнѣнно польскихъ, есть „національность", а во вторыхъ, для провин-

цій такъ сказать сомнительныхъ она не предполагаетъ иного исхода, какъ только выборъ одной изъ двухъ національностей, одного изъ двухъ государственныхъ и даже какихъ то соціальныхъ (экономическихъ??) „центровъ,“ — или Польши, или Россіи, т. е., конечно, Великороссіи. А такъ какъ Великороссія въ частности нигдѣ и не соприкасается съ собственно польскими землями, а потому нигдѣ и не найдется такая община, о которой бы пришлось узнавать, хочетъ ли она примыкать къ Польшѣ, или къ Великороссіи,—то слѣдовательно рѣшать таковую дилемму единомышленники „Впереда“ будутъ предлагать только общинамъ украинскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ, о самомъ существованіи которыхъ нѣтъ во всей программѣ „Впереда“ ни одного слова. Этимъ общинамъ не полагается третьяго рѣшенія, напр. въ смыслѣ полной самостоятельности отъ обоихъ предположенныхъ редакціей „центровъ“. Такимъ образомъ мы наталкиваемся здѣсь опять на двѣ катковщины:—великорусскую и польскую! *)

---

*) Считаемъ не лишнимъ сказать, что всѣ вышеизложенныя замѣчанія были нами высказаны редак-

Послѣ всего сказаннаго выше мы считаемъ излишнимъ возражать противъ этихъ двухъ катковщинъ,—и потому мы бы и совсѣмъ не говорили больше о выписанной изъ „Впереда“ тирадѣ, если бы въ той части ея, которая говоритъ о славянскихъ соціальныхъ партіяхъ не было однаго пункта, котораго нельзя пропустить безъ вниманія. Пунктъ этотъ заключается въ словахъ: „соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови.“ Знакомые съ дѣломъ читатели усмотрятъ, конечно, смѣшеніе понятія о государствѣ съ понятіемъ о національности и во всемъ этомъ перечисленіи. Но особенно страннымъ является сопоставленіе соціальныхъ партій Польши и Галичины. О какой Польшѣ тутъ идетъ рѣчь? Если, какъ слѣдуетъ думать по сейчасъ сказанному, о Польшѣ исторической,—(такъ какъ границы Польши народной, этнографической, извѣстны и теперь безъ опроса общинъ), — то и Галичина вся есть часть исторической Польши, а слѣдовательно ни-

ціи „Впередъ“, когда намъ была сообщена ея программа въ литографированномъ еще изданіи.

какой соціальной партіи галицкой, отдѣльной отъ польской, быть не можетъ. Если же тутъ говорится о Польшѣ народной, то въ нее входитъ и западная Галиція, слѣдовательно въ области галицкой соціальной партіи останется только восточная Галиція, которую дѣйствительно можно назвать Галичиной. Но эта Галичина заселена народомъ русинами, которые ничѣмъ не отличаются отъ народа подольской и волынской губерній, который „Впередъ" предположилъ еще спрашивать, хочетъ ли онъ потянуть, или нѣтъ къ польскому центру? Галицкіе русины, какъ и россійскіе подоляне, составляютъ часть племени, или націи украинской. Но если можетъ быть соціальная партія „галицкая" въ Австріи,— то почему же не быть украинской партіи въ Россіи? Почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „Впередъ" говоритъ о россійской имперіи, онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ даже о возможности существованія политическихъ и соціальныхъ организацій другихъ, кромѣ русской и польской, Россіи и Польши? Вѣдь „русины" въ Галиціи стоятъ совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ полякамъ (Польшѣ), въ какихъ „малороссы" стоятъ

въ имперіи Романовыхъ къ великоруссамъ (Россіи). Или, быть можетъ, романовскіе „русины“ включены въ число тѣхъ „другихъ племенъ“, о которыхъ говоритъ программа „Впереда“ нѣсколько далѣе, обѣщая имъ, въ случаѣ успѣха „единомышленниковъ“ своихъ,—разныя политическія свободы (мысли, слова, ассоціацій) съ довольно впрочемъ темною и, послѣ заявленій въ космополитическомъ духѣ, нѣсколько неожиданною оговоркою: „мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ чуждые общечеловѣческимъ (?) цѣлямъ и *русскимъ интересамъ* (?!) всѣ частные и мѣстные вопросы (?), лежащіе внѣ этой области?“ *).

*) Какъ отличенъ отъ блѣдныхъ и уклончивыхъ формулъ «Впереда» ясный языкъ Бакунина, который еще въ 1862 г. писалъ отъ имени «русской революціонной партіи»: «Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, Финнамъ и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полнаясвобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямаго или косвеннаго».

«Хотимъ братскаго и, если возможно, федеральнаго союза съ Польшею, Литвою, Украйною, Прибалтійскими жителями и народами Закавказскаго края. (Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель, 41—42).

Можетъ быть, романовскіе украинцы, равно какъ и бѣлоруссы, и включены въ число этихъ „другихъ племенъ“, — но можетъ быть, и не включены; можетъ быть, по мнѣнію „Впереда“, интересы ихъ вполнѣ помѣщаются въ его „русскихъ интересахъ“. Судя по всему, выписанному изъ „Впередъ“ выше, можно думать, что послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе. Понятно по этому, что „Впередъ“ не только не могъ стать „органомъ всѣхъ“ славянскихъ соціалистовъ, какъ онъ на то надѣялся, но даже не могъ дать своимъ единомышленникамъ въ Россіи вѣрнаго взгляда на организацію и способы пропаганды соціалистическихъ ученій среди разныхъ племенъ ея населенія. Боязнь же его рѣшительно выступить противъ всякихъ поползновеній и софизмовъ польскаго историческаго патріотизма заявленіемъ, подобно Бакунинскому, что истинная Польша — есть только страна, въ которой чернорабочія массы — поляки, — т. е. *Польша этнографическая*, поставила его на такую наклонную плоскость, по которой онъ чѣмъ далѣе, все больше долженъ былъ скользить въ сторону уступокъ польскому историческому патріотизму. И если этими уступками „Впередъ“

не надѣлалъ большихъ бѣдъ, ни полякамъ, ни соціалистическому движенію въ Россіи, то только потому, что время, когда онъ выходилъ, было довольно глухое относительно польскихъ дѣлъ и потому единомышленники „Впереда“ могли обнаруживать свою уступчивость передъ польскимъ историческимъ патріотизмомъ только платоническими манифестаціями. Таковъ напр. была въ особенности рѣчь г. П. Лаврова на одномъ изъ банкетовъ, данныхъ въ Лондонѣ въ 1875 г. и описанныхъ во „Впередѣ“ 1875, №№ 3 и 24.

Первый изъ упомянутыхъ банкетовъ былъ данъ въ память возстанія 1863 г. Здѣсь К. Марксъ произнесъ рѣчь, въ которой, по обыкновенію, настаивалъ на необходимости „возстановить Польшу“, чтобъ разорвать связь между Россіей, Пруссіей и Австріей“,—какую Польшу,—историческую, или этнографическую?—нѣмецкій ораторъ не сказалъ,—но, конечно, ту, за которую было возстаніе 1863 г. Никто изъ ораторовъ, ни поляковъ, (напр. г. Врублевскій), ни великоруссовъ, которые всѣ говорили о польскомъ народѣ и его будущей соціальной свободѣ, не поднялъ вопроса о другихъ

народахъ въ предѣлахъ этой Польши. Довольно близко подошелъ было къ этому вопросу одинъ изъ ораторовъ, г. Судзиловскій,—названный въ „Впередѣ“ „русскимъ“, изъ Могилевской губерніи, т. е. изъ Бѣлоруссіи. Онъ сказалъ было, что „не смотря на симпатіи къ польскому движенію 1863 г., онъ не могъ не замѣтить, что на его родинѣ народъ (какой? бѣлорусскій? русскій? польскій?) далеко не былъ на сторонѣ революціи; напротивъ, крестьяне нерѣдко шли открыто противъ возставшихъ, видя въ нихъ бунтующихъ пановъ. По его мнѣнію, „польская революція (1863) была революціей шляхты, а не народа, — и въ этомъ причина ея неудачи.“ Но и г. Судзиловскій, судя по крайней мѣрѣ по отчету „Впереда“, не поставилъ вопроса: что же такое его „родина“?—Польша или нѣтъ?—и можетъ ли быть въ ней какая бы то ни было ***польская*** революція иною, кромѣ революціи шляхты? Онъ сказалъ только, что польскіе революціонеры не должны забывать, что если польскому дворянству и буржуазіи надоѣло московское иго, — то не меньше надоѣло польскому народу (гдѣ? въ Бѣлоруссіи?) иго шляхетское (г. Судзиловскій могъ бы

сказать въ соотвѣтствіе словамъ „иго московское“—„бѣлорусскому народу надоѣло иго польское“) и что „путь соціальной революціи есть единственный путь для польскаго народа“ (а для бѣлорусскаго?) Однако и такое замѣчаніе вызвало, по словамъ отчета во „Впередѣ“, „возраженіе г. Врублевскаго, ссылавшагося на цыфры“—и г. Судзиловскій „на это отвѣчалъ, что его воззрѣнія сложились лишь на основаніи видѣннаго и слышаннаго въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ“ (т. е. въ могилевской губерніи). Этимъ разговоръ и кончился! Редакція „Впереда“ съ своей стороны заявила въ общихъ словахъ привѣтъ „той группѣ польской эмиграціи, которая рѣшительно отказалась отъ старой, чисто-политической агитаціи для народно-соціалистическихъ началъ, распространенныхъ на всѣ племена, на всѣ языки такимъ образомъ, чтобъ свободная будущность польскаго народа была обезпечена международнымъ соціальнымъ переворотомъ“. Но замѣчаніе это теряетъ двѣ трети своей цѣны именно по своей абстрактности,—такъ какъ, конечно, для польскаго народа всего интереснѣе соціальный переворотъ среди народовъ ему сосѣднихъ,

въ томъ числѣ среди народовъ: литовскаго, бѣлорусскаго и украинскаго. А о нихъ то ни однимъ словомъ не было упомянуто ни на банкетѣ, ни въ газетѣ, его описавшей.

Если заявленія польскихъ и великорусскихъ ораторовъ на первомъ банкетѣ страдали преимущественно боязливою неясностью, то рѣчь великорусскаго оратора на второмъ банкетѣ,—въ память возстанія 1831 г. носила на себѣ характеръ явнаго отклоненія въ сторону стараго польскаго патріотизма даже отъ заявленій сдѣланныхъ на первомъ банкетѣ. Прежде всего совсѣмъ даже не понятно, зачѣмъ понадобилось соціалистамъ и при томъ не полякамъ праздновать годовщину возстанія 1830 г., которое не имѣло въ себѣ даже той демократической доли, которая все таки была въ возстаніи 1863 г. На второмъ банкетѣ полякъ, рабочій Якубовскій прямо сказалъ, что революція 1831 г. была „панская“,—и слова его остались безъ возраженій. Тѣмъ не менѣе соціалисты поляки, а также нѣмцы и великоруссы, приняли участіе въ празднованіи памяти объ этой революціи. Рядъ рѣчей открыли чтѣніемъ заурядного заявленія К. Маркса и Энгельса о „необходимости не-

зависимости Польши", какъ одного „изъ основныхъ камней освобожденія европейскаго пролетаріата (!)" Двѣ рѣчи г. Врублевскаго, французская и польская, отличались рѣшительностью своихъ заявленій въ пользу соціализма,—но неполнотою и неясностью ихъ частныхъ приложеній къ тѣмъ странамъ, о которыхъ ему пришлось говорить. Ораторъ заявилъ, что только „соціально-демократическая партія можетъ внести гармонію въ міръ славянскихъ народовъ въ Австріи",—но не сказалъ ничего въ частности относительно народовъ польскаго и украинскаго въ самой интересной для поляковъ странѣ въ этой Австріи, въ Галиціи. О Россіи г. Врублевскій сказалъ,—что въ ней „единственная партія, имѣющая для поляковъ значеніе, это партія соціально-демократическая"—что „польскій и русскій народъ должны возстать вмѣстѣ, какъ наши отцы говорили: за нашу и вашу вольность". Но о существованіи другихъ народовъ въ Россіи польскій ораторъ не упомянулъ,—а между тѣмъ польскій и русскій народъ могутъ „подать другъ другу руки" только при посредствѣ народовъ украинскаго, бѣлорусскаго, латышскаго и литовскаго, изъ

которыхъ два послѣдніе не только не польскіе, ни русскіе, но даже и не славянскіе. Всѣ такія умолчанія главнаго оратора банкета отняли у послѣдняго всякое реальное значеніе, какое онъ могъ бы имѣть, какъ одинъ изъ сигналовъ будущей дѣятельности новой польской партіи, которая должна бы начать съ радикальнаго разрыва со всѣми старыми историческими парті ями.

Великорусскій ораторъ, г. Лавровъ, началъ свою рѣчь съ восклицанія: „Товарищи-соціалисты"! и затѣмъ спрашиваетъ: „нѣтъ ли противорѣчія въ томъ, что мы сошлись помянуть добрымъ словомъ борцовъ 1830 г. за польскую національность? Не должны ли мы, во имя международнаго рабочаго соціализма, знамя котораго есть наше знамя, отречься отъ прошедшаго, разорвать связь съ традиціей политической, національной борьбы?"—и отвѣчаетъ: „Нѣтъ! Потому что международный соціализмъ не есть отреченіе отъ исторіи; онъ есть, напротивъ, продуктъ всей предыдущей исторіи",—и затѣмъ перечисляетъ историческіе примѣры борьбы съ деспотизмомъ и во имя свободы совѣсти, свободы политической, на-

ціональной, пока люди поняли, что всѣ виды свободы достигаются при успѣхѣ международной соціально-демократической борьбы. Г. Лавровъ вспоминаетъ и римскихъ рабовъ, и англійскихъ Лоллардовъ, французскую Жакерію, крестьянскую войну въ Германіи, Богумиловъ въ Болгаріи, Таборитовъ въ Чехіи, Джіордано Бруно, Социніанъ и т. п. историческихъ дѣятелей, какъ своихъ „историческихъ предшественниковъ", и приходитъ къ заключенію, что „мы, соціалисты, можемъ съ полнымъ правомъ почтить въ ряду ихъ и борцовъ за независимость польскаго народа".

Конечно, это право могло бы быть доказано и съ меньшимъ количествомъ историческихъ примѣровъ. Но если уже понадобилось перечислять „историческихъ предшественниковъ" славянскихъ соціалистовъ, то не странно ли, что рядомъ хоть съ Богумилами ораторъ не поставилъ напр. борьбы бѣлорусскихъ и украинскихъ Братствъ, въ союзѣ съ протестантами, противъ католической уніи въ старой Польшѣ и Литвѣ,—или рядомъ съ Таборитами не упомянулъ напр. „Товариства (коммуны) запорожскаго", которое, кста-

ти сказать, и самый строй таборами заимствовало отъ чешскихъ Таборитовъ, которымъ ходили помогать наши вольницы и подоляне въ XV в. Конечно, такія напоминанія все равно, что тѣнь Банко на банкетахъ польскихъ историческихъ патріотовъ,—но собранію людей, отрѣшившихся отъ старыхъ предразсудковъ, этихъ напоминаній нечего было бояться. Забыть же совсѣмъ о казакахъ, не только объ украинскихъ, но и о великорусскихъ, г. Лаврову было нѣсколько странно, хоть бы въ виду того, что въ I т. „Впереда" была помѣщена статья, въ которой проводится параллель между возстаніемъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ за независимость и Пугачевщиною, и послѣдней отдается предпочтеніе, какъ болѣе близкому историческому предшественнику русскаго соціализма. Кому же и чему оказалъ любезность г. Лавровъ своимъ умолчаніемъ? Ничему, какъ только польскому консервативно-историческому патріотизму! *)

*) Простою любезностью къ самолюбію польскихъ національ-либераловъ слѣдуетъ объяснить и слѣдующія слова г. Лаврова: „*Социніане XVI XVII вѣкъ, которые изъ цѣлаго міра въ одной Польшѣ находили* убѣжище, и тамъ въ Раковѣ,

Всѣ такія любезности и уступки, сопровождаемыя ни къ чему не обязывающими фразами о солидарности,—дѣло весьма обыч-

---

въ сарматскихъ „Аѳинахъ“, и послѣ въ своихъ скитаніяхъ, проповѣдывали то ученіе, которое должно было сдѣлаться религіей Вольтера, Пристлея, Ченнинга.“ Если бы Польша дала прочное убѣжище социніанамъ, то имъ нечего бы было и скитаться, какъ говоритъ г. Лавровъ, *послѣ*. Все дѣло въ томъ, что Польша была временнымъ убѣжищемъ социніанъ, какъ была имъ и Швейцарія (особенно Базель), пока ортодоксы разныхъ вѣроисповѣданій не разбирали, чѣмъ пахнетъ ихъ ученіе, и гораздо меньше, чѣмъ напр. Трансильванія. Вскорѣ, однако, польское правительство послѣдовательнымъ рядомъ актовъ, принятыхъ именно въ то время, когда уже повсюду на Западѣ смягчался духъ религіознаго преслѣдованія (въ 1632, 1650, 1658, 1660 гг.) уничтожило въ Польшѣ эту секту, между тѣмъ какъ въ Трансильваніи она получила признаніе въ ряду четырехъ другихъ религіозныхъ партій въ 1571 г. и сохранилась до сихъ поръ. Въ Трансильванію бѣжали социніане и изъ Польши, а также въ Пруссію и Голландію, гдѣ полякъ-социніанинъ Любеницкій продолжалъ изданіе раковской Bibliotheca fratrum polonorum. Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что между социніанами въ старой Польшѣ и Литвѣ были и бѣлоруссы,—какъ напр. Будный, защитникъ сохраненія бѣлорусскаго языка среди ополячившейся шляхты,—и украинцы, какъ напр. Синюты, Немиричи и пр. Изъ послѣднихъ происходилъ и извѣстный казацкій полковникъ, авторъ

ное на международныхъ праздникахъ и особенно въ эмигрантскихъ кружкахъ, гдѣ онѣ очень часто произносятся въ силу правила: „кукушка хвалитъ пѣтуха за тѣмъ, что хвалитъ онъ кукушку“. Но въ данномъ случаѣ участвовали слишкомъ серьезные люди и при томъ представители двухъ начинающихся движеній, а потому всего полезнѣе для обоихъ было бы, безъ всякаго лавированія, поставить крупныя точки на всѣ i сложнаго польскаго вопроса. Повторяемъ, большой бѣды всѣ эти лавированья никому не причинили, — но все таки они задержали среди склонныхъ къ соціализму поляковъ развитіе идей, вполнѣ радикально разрывавшихъ съ старыми польскими политическими стремленіями, и порождали въ польскомъ, если не въ великорусскомъ, обществѣ все таки довольно вредныя недоразумѣнія. Такимъ недоразумѣніемъ было напр. то, что галицко-поль-

---

гадячскаго договора 1658 г., по которому въ Украйнѣ и въ Бѣлоруссіи должны были быть учреждены университеты съ свободою преподаванія, дана свобода открытія гимназій, типографій и свобода печати. Этотъ Немиричъ самъ долженъ былъ бѣгать отъ польскихъ законовъ въ Голландію.

скія шляхетско-буржуазныя газеты долго говорили о „Впередѣ“ съ большою симпатіею, и самъ „Впередъ“ (1875, № 17) перепечаталъ отзывы о русскихъ соціалистахъ одной изъ нихъ, «Dziennika Polskiego», (кстати сказать, одной изъ самыхъ нетерпимыхъ къ русинамъ). Эта газета заявила, что сама не признаетъ соціалистическаго идеала, но полагаетъ, что будущая революція въ Россіи (w Moskwie) будетъ соціальная и говоритъ съ большой симпатіей о русскихъ (moskiewskich) революціонерахъ. Если, по словамъ „Dz. Polsk.“ (1877, № 278) „московскіе революціонеры нуждаются въ полякахъ, какъ поляки въ московскихъ революціонерахъ“,—то при заявленномъ выше несогласіи въ идеалахъ, очевидно, желаемый газетою союзъ долженъ бы былъ страдать всѣми слабыми сторонами союза 1863 г.,—и „будущая соціальная революція“ въ Россіи могла быть интересна партіи „Dziennika“ только какъ „смута“.

Подобныя, крайне вредныя для „московскихъ революціонеровъ“ заявленія симпатій со стороны шовинистскихъ галицко-польскихъ газетъ прервались только тогда,

когда въ Галицію проникло дѣйствительно „непримиримое“ для тамошнихъ господствующихъ классовъ (польскихъ) украинское соціалистическое движеніе, которое тамошнія польскія газеты, по своему обыкновенію, объявили было новымъ видомъ „московской интриги“. Съ тѣхъ поръ,—со времени львовскихъ процессовъ 1877—1878 гг., —польскіе шляхетско-буржуазные органы стали со злобою говорить и объ издателяхъ „Впередъ“, помѣщая ихъ, вмѣстѣ съ украинскими дѣятелями, въ разные фантастическіе комитеты, будто бы посылающіе изъ Женевы и Лондона своихъ агентовъ въ Галицію для посѣванія смуты сначала между русинами, а потомъ и между поляками *). Но и тогда „Dziennik Polski“, —

*) См. особенно Gazeta Narodowa 1877, № 137 (о пропагандѣ „найстрашнѣйшаго террэризму“ и „разбойничьемъ соціализмѣ московскомъ“), а также въ Dz. Polskim 1877, № 133. Галицко-польскія газеты пробовали сначала отдѣлить „московскихъ разбойниковъ-нигилистовъ“ отъ нѣмецкихъ соціалистовъ, но когда пронесся слухъ, что и эти послѣдніе предпринимаютъ соціалистическую пропаганду на польскомъ языкѣ въ Познани,—то обрушились и на нихъ, не смотря на всѣ ихъ симпатіи „возстановленію Польши“. Тревога, однако, оказалась

поражая издателей женевскихъ украинскихъ брошюръ, противопоставлялъ имъ „истинныхъ московскихъ революціонеровъ (iście rewolucyjne organy moskiewskie), которые-де выступаютъ противъ женевскихъ украинцевъ за ихъ „непріязненное отношеніе къ полякамъ“, — т. е. собственно къ польской шляхтѣ и къ польскимъ государственнымъ порядкамъ въ Галиціи. (Подъ этими „органами“, по всей вѣроятности, разумѣется „Набатъ“).

Теперь, когда дѣятельность „московскихъ нигилистовъ“ принимаетъ болѣе политическое, чѣмъ соціально-экономическое направленіе, отзывы о нихъ польскихъ газетъ становятся опять болѣе симпатичны, — и когда, какъ слѣдуетъ непремѣнно ожидать, въ польскихъ областяхъ Россіи поднимается опять національно-политическое движеніе, то ученіе о томъ, что „московскіе революціонеры

совершенно напрасною: „германская соціальная демократія“ такъ и не собралась на изданіе польской соціалистической ни газеты, ни даже брошюры для поляковъ, входящихъ въ составъ германскаго государства. Для этого надо было самихъ поляковъ, да еще изъ Россіи. Фактъ—поучительный для сторонниковъ государственныхъ основъ для организаціи соціалистическихъ партій.

нуждаются въ польскихъ патріотахъ, какъ польскіе патріоты въ нихъ“, конечно, опять должно пойти въ ходъ. По скольку тутъ дѣло идетъ о дѣйствительно польскомъ народѣ и вполнѣ законныхъ требованіяхъ поляковъ, — въ предѣлахъ этнографической Польши, — ученіе это вполнѣ основательно. Но по скольку тутъ идетъ дѣло объ историческомъ и даже шовинистическомъ патріотизмѣ польскомъ, — отъ догматовъ котораго не думаютъ отступать ни на іоту галицкія польскія газеты, — ученіе это заключаетъ въ себѣ зародышъ ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія были сдѣланы въ 1863 г. Вотъ тутъ то и нужно „московскимъ революціонистамъ“ избѣгать такихъ неясностей, умолчаній и любезностей, какія мы видѣли въ отношеніи къ Польшѣ во „Впередѣ“, а равно остерегаться такихъ заявленій, какія были сдѣланы подъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ именъ въ русской революціонной средѣ на женевскомъ митингѣ 30 ноября 1880 г. въ память польскаго возстанія 1830 г., — въ словахъ: „я не знаю, какъ глубоко вкоренены въ Польшѣ національныя чувства, и насколько могутъ они препятствовать развитію соціалистическаго движенія. Наши то-

варищи поляки, которые дѣйствовали въ Польшѣ, надѣются, что чувства эти попрепятствовать этому движенію не могутъ, и мнѣ кажется, что мы можемъ имъ вѣрить. А если они и ошибаются, — такъ что жъ изъ этаго? Ежели національное возстаніе еще разъ вспыхнетъ въ Польшѣ, тогда слишкомъ поздно будетъ противудѣйствовать ему посредствомъ какой бы то ни было соціалистической пропаганды. Тогда и они (польскіе соціалисты), можетъ быть, примутъ участіе въ этомъ возстаніи, — и мы, можетъ быть, примемъ въ немъ участіе. Тогда это будетъ уже дѣло не убѣжденій, а чувства, темперамента!“ (Biblioteka « Równości », t. I, 71, Mowa ob. Wiary Zasulicz).

Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ, а тѣмъ болѣе темперамента для вѣрнаго направленія политической дѣятельности. Но совершенно умѣстно будетъ замѣтить по поводу этихъ словъ, что единственное средство предохранить отъ напрасной гибели и будущее польское національное движеніе, и тѣхъ соціалистовъ, польскихъ и русскихъ, которые „можетъ быть пристанутъ къ нему“,

— это: всегда строго ставить себѣ и другимъ вопросъ о томъ, — гдѣ польское національное движеніе имѣетъ себѣ мѣсто, а гдѣ нѣтъ? т. е. вопросъ о границахъ настоящей Польши, — а также никогда не ставить польскаго вопроса только между Польшей и Россіей, поляками и великоруссами (русскими, rossyjanami), — а между поляками и литвинами, латышами, бѣлоруссами и украинцами, — т. е. и въ томъ и въ другомъ случаѣ поступать не такъ, какъ поступалъ „Впередъ“ и ораторы женевскаго митинга 1880 г.

Единственное средство дать здоровое направленіе польскому національному чувству въ вопросахъ организаціи политической и соціалистической революціи, — это организація политическихъ и соціалистическихъ партій для націй плебейскихъ въ бывшей Польшѣ, — а именно партій литовской, латышской, бѣлорусской и украинской, на совершенно равной ногѣ съ партіями польскими и великорусскими. И наибольшая услуга, какую могли бы оказать „русскіе“ революціонеры и соціалисты своимъ польскимъ друзьямъ, — если уже не говорить о народахъ, — это способствовать организаціи

вышеупомянутыхъ партій. Правда, что для этого имъ самимъ надо радикально отрѣшиться отъ своихъ національно-государдарственныхъ предразсудковъ и согласиться на раздѣлъ того, что имъ кажется единою Россіею и едино-русскимъ.

Но такое отрѣшеніе и такое согласіе развиваются и среди „русской интеллигенціи" также туго, какъ и среди польской. Это подтверждается, кромѣ всего сказаннаго выше, судьбою среди другихъ группъ русскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ той группы, которая всего болѣе хотѣла остаться вѣрною направленію, данному Бакунинымъ. Мы разумѣемъ ту группу, которая издавала въ 1874 г. въ Женевѣ газету „Работникъ", — первый опытъ великорусской соціалистической газеты для рабочихъ. Между прочимъ редакціей „Работника" издана была книга „Сытые и Голодные", по нашему мнѣнію, вмѣстѣ съ брошюркою „Хитрая Механика", лучшая до сихъ поръ популярная соціалистическая книга на великорусскомъ языкѣ. Въ книгѣ этой, представляющей опытъ изложенія исторіи пролетаріата, довольно послѣдовательно проведена анархическая, федеративная точка зрѣнія и от-

носительно исторіи Россіи: областному элементу указано надлежащее мѣсто; борьба украинцевъ съ Польшею и московская централизація освѣщены вѣрно; даже польское возстаніе 1863 г. и участіе въ немъ великорусскихъ демократовъ объяснено тоже довольно вѣрно, во всякомъ случаѣ съ должной критикою. (стр. 409-412). Послѣднее тѣмъ болѣе интересно, что въ редакціи „Работника" принималъ участіе г. Н. Жуковскій, великоруссъ, который въ свое время былъ судимъ за раздачу прокламацій къ арміи, благопріятныхъ польскому возстанію. „Работникъ", конечно, не смогъ взять на себя иниціативы изданій для народа на другихъ языкахъ, кромѣ великорусскаго, и остался собственно не общерусскою, а только великорусскою газетою, но въ его типографіи была напечатана и прокламація на украинскомъ языкѣ „Золота Грамота", (правда, не вполнѣ удачная) составленная лицами, которыя хотя и пристали къ великорусскимъ соціалистамъ, но которыя не совсѣмъ забыли, что украинскій народъ представляетъ свои особенности по крайней мѣрѣ хоть по языку. Но на этомъ и окончились попытки диѳеренцированія русскихъ ан-архистовъ

въ Женевѣ. Они не только не дошли до всероссійской федералистической организаціи, но не поставили и общаго вопроса о ней, хоть такъ, какъ пробовалъ было ставить его Бакунинъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ скоро оказалось, что и въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ сложилась группа „Работника“, она не встрѣтила поддержки въ Россіи, въ которой изъ всѣхъ соціалистическихъ фракцій, фракція „Работника“ оказалась самою слабою численностью, и потому должна была скоро прекратить свои публикаціи.

Въ 1878 г. нѣкоторые члены изъ редакціи „Работника“, вмѣстѣ съ другими лицами, попробовали было основать въ Женевѣ газету „Община“. Эта послѣдняя въ своей программѣ помѣстила нѣсколько строкъ, которыя показывали намѣреніе вывести „русскую соціально-революціонную партію“ изъ обрусительнаго унитаризма „Набата“ и „Впереда“ *). Въ статьѣ г. Жуковскаго „Реформы

*) Вотъ относящееся сюда мѣсто изъ объявленія объ изданіи „Общины“, —появившагося за подписью П. Аксельрода, Н. Жуковскаго, Д. Клеменса и З. Ралли: „Для соціалистовъ, ведущихъ пропаганду на русскомъ языкѣ и дѣйствующихъ въ предѣлахъ русскаго государства, населеннаго разными племенами,

и революція" сдѣлана была еще болѣе рѣшительная попытка указанія необходимости народно-областной дифференціаціи дѣла соціалистической пропаганды въ Россіи и оцѣнка значенія заявившаго уже тогда себя украинскаго соціалистическаго движенія, между прочимъ какъ такого, которое выходитъ за предѣлы Россійскаго государства, а потому тѣмъ болѣе не можетъ быть уложено въ рамки россійской соціаль-демократіи. Г. Жуковскій писалъ:

„Мысль о благодѣтеляхъ, о диктаторахъ, о комитетахъ, предписывающихъ движеніе сверху внизъ, отходитъ въ область прошлаго вмѣстѣ съ старымъ понятіемъ о самой революціи.

„Движеніе должно совершаться уже самими дѣйствующими, должно идти съ низу

отличающимися другъ отъ друга своими обычаями, языкомъ, отношеніемъ къ вещамъ и лицамъ, единственный путь для успѣшной борьбы съ государствомъ и господствующимъ экономическимъ порядкомъ, представляетъ свободный союзъ мѣстныхъ и національныхъ соціалистическихъ группъ. Только подъ ихъ дружными, соединенными усиліями можетъ рухнуть зданіе современнаго строя въ томъ чудовищномъ учрежденіи, которое называется Россійской имперіей".

вверхъ, отъ частнаго къ общему, отъ секціи къ федераціи, области секцій; отъ областной къ національной, отъ національной къ міровой.

„Въ политикѣ, въ государствѣ, фикція государственная стираетъ личность, уничтожаетъ ее. La raison d'Etat, какъ финикійскій молохъ, пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей, отнимая у нихъ личность. Въ положительной организаціи, въ общественной организаціи труда, каждый работникъ, каждый членъ общества становится, напротивъ, сознательной личностью; не онъ существуетъ для организаціи, а организація для него.

„Такова (?) революціонная мысль, съ которой въ позднѣйшее время молодежь наша пошла въ народъ.

„Въ молодежи украинской автономныя и демократическія идеи проявились съ новой силой въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; малороссійскіе революціонеры на этотъ разъ болѣе рѣшительно примыкаютъ къ общеевропейскому федеративному соціализму.

„Украинская молодежь выбита изъ узкой колеи пропаганды въ одной только русской Украинѣ; она выступаетъ въ открытое, внѣ-

государственное, интернаціональное поле. Ошибся Александръ Николаевичъ: онъ думалъ разомъ положить конецъ революціонной пропагандѣ, а она не только выросла въ Украинѣ русской, но вошла въ предѣлы его сосѣда-союзника, австро-венгерскаго императора. Такъ-то сложилась украинская соціалистическая партія. Въ силу самихъ обстоятельствъ она должна быть федеративная: съ одной стороны, она федерируется съ федералистами-революціонерами Россіи, съ другой съ западно- и юго-славянскими революціонерами, польскими и всякими другими соціалистами-революціонерами, принимающими федерализмъ за основу организаціи.

„Въ этомъ новомъ движеніи зародышъ будущаго народовъ, скованныхъ желѣзной лапой всероссійскаго императорства. Въ нынѣшней оффиціальной Россіи „всероссійскаго“ вѣдь только и есть, что царь, солдатъ, попъ, чиновникъ и помѣщикъ, патронъ да купецъ; эти разновидные факторы власти однородны и можно назвать ихъ не только всероссійскими, но и всемірными. У русскаго правительства есть русскій жандармъ, русскій шпіонъ, а народа всероссійскаго нѣтъ.

„Безъ Грузинъ, Армянъ и безчисленнаго множества инородцевъ, которыхъ считать всероссійскими позволительно только становому приставу, въ предѣлахъ имперіи живетъ 36,000,000 великоруссовъ, 14,239,000 малоруссовъ, 4.749,212 поляковъ да 4,000,000 бѣлоруссовъ. У каждаго изъ этихъ народовъ свое бытовое устройство, свой земледѣльческій строй; каждому изъ нихъ нужно, слѣдовательно, не только предоставить право внутренняго самоустройства, но и всѣмъ имъ предоставить право федераціи, какъ она можетъ сложиться по ихъ собственной иниціативѣ. Оффиціальная Россія, раздвинувшая завоеваніе Ермака до Восточнаго океана, подчинила и всю сѣверную Азію власти всероссійскаго становаго, а между тѣмъ въ недалекомъ будущемъ интересы восточной Сибири потянутъ больше къ Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ къ Петербургу или Одессѣ.

„Москвичъ, полякъ, украинецъ, сибирякъ другъ другу не указчики, а товарищи. Теперь они всѣ живутъ подъ гегемоніей великоруссовъ и называются русскимъ народомъ, потому именно, что надъ ними русскій становой; исчезнетъ становой, и всѣ

эти народы будутъ предоставлены самимъ себѣ, а въ какихъ предѣлахъ и какъ они сфедерируются другъ съ другомъ, это можетъ показать только практика". (Община, № 5). *)

Но и федерализмъ и анти-государственность „Общины" не встрѣтили сочувствія въ „русскихъ" соціалистическихъ кругахъ. Сама „Община" должна была помѣстить безъ всякихъ оговорокъ со стороны редакціи статью г. Як. Стефановича объ украинскомъ сборникѣ „Громада". Въ статьѣ этой всѣ указанія „Громады" на недостатокъ должной диффеpенціаціи въ дѣйствіяхъ и даже въ литературной дѣятельности великорусскихъ соціалистовъ, взявшихся работать на всемъ пространствѣ Россіи, населенной разными народами, и о несправедливости такого образа поведенія относитель-

*) Мы должны упомянуть еще о статьѣ г. Аксельрода „Переходный моментъ нашей партіи" въ 8—9 № „Общины", гдѣ срезюмированы почти всѣ критическія замѣчанія „Громады" о недостаткахъ „русскаго" соціалистическаго движенія 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ и „шаблонности" пріемовъ и „безплотности" формулы, которую р. соц. „имѣли *претензію* перенести въ сознаніе племенъ и народовъ Россійской имперіи".

но невеликорусскихъ народовъ, признаны были неосновательными, и продиктованными недоброжелательствомъ и узкимъ національизмомъ; положеніе дѣлъ въ русской соціально-революціонной партіи такимъ образомъ признано было вполнѣ нормальнымъ, не требующимъ реформъ. Вскорѣ за тѣмъ одинъ изъ видныхъ великорусскихъ соціалистовъ, г. П. Л. (Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879, I, 275) укорилъ „Общину" и за тѣ уступки, какія она позволила себѣ сдѣлать въ своей программѣ народно-федеральному направленію; онъ увидѣлъ въ этихъ уступкахъ „открытіе страницъ „Общины" южнорусскимъ националистамъ" (??) *). Когда писанъ былъ этотъ

*) Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879. I, 275: «Община» считаетъ особенно необходимымъ, чтобъ внутри русскаго государства дѣйствующія группы устроились какъ союзъ отдѣльныхъ «національныхъ» группъ, вмѣсто того чтобъ, какъ прежде всѣ соціалисты (русскіе, конечно) образовывали массу, не смотря на національныя различія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ. Такимъ образомъ этимъ (заявленіемъ) редакція открыла свой листокъ и (auch) южнорусскимъ националистамъ». Г. П. Л. не захотѣлъ обратить вниманія на то, что ненормальность прежняго

укоръ, „Община" уже перестала существовать,—и никакой другой „русскій" органъ не говорилъ уже о необходимости дифференціаціи въ дѣятельности „русскихъ" соціалистовъ.

Такимъ образомъ попытки народно-федералистической реакціи противъ идеи государственно-націоналистической централизаціи въ великорусской соціалистической литературѣ проявились очень слабо и скоро заглохли, — а тѣмъ самимъ оказалась невозможность для такъ называемой русской соціально-революціонной партіи сдѣлаться изъ частной великорусской партіи дѣйствительно всероссійскою, и вполнѣ интернаціональною

положенія дѣла состояла не въ томъ, что въ русскіе соціалисты поступали люди безъ различія національностей, а въ томъ, что всѣ они приспособлялись къ работѣ для одной только государственной національности. Союзная областно-національная организація не только не исключаетъ своего интернаціонализма, (не только по цѣли, но и по составу партіи),—а напротивъ справедливѣе осуществляетъ «требованія» интернаціональнаго соціализма. Тѣ, которыхъ г. П. Л. угодно было назвать «южнорусскими націоналистами» были именно противниками національной монополіи. (Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей замѣткѣ Der kleinrussische Internationalismus, въ томъ же Jahrbuch, т. II).

партіею, посредствомъ *дифференцированія сверху внизъ*. Правда, послѣ сдѣланныхъ со стороны украинскихъ соціалистовъ замѣчаній, не только „Впередъ", но и „Набатъ" признали въ теоріи необходимость локализаціи и даже „національзированія средствъ" пропаганды соціализма въ Россіи. „Впередъ" въ т. V (новой редакціи) долженъ былъ даже признаться, что напр. „Громада" вполнѣ вѣрно указала недостатки въ дѣятельности „русскихъ" соціалистовъ: „шаблонность пріемовъ, слабое вниманіе къ мѣстнымъ особенностямъ" и т. п., но только объяснялъ эти недостатки не такъ, какъ „Громада", т. е. не тѣми причинами, какія мы указывали и въ настоящихъ статьяхъ, — а лишь малочисленностью русскихъ соціалистовъ, — и обѣщалъ, что „всѣ эти недостатки со временемъ исчезнутъ. Ряды соціалистовъ возрастутъ и каждый изъ нихъ найдетъ себѣ мѣсто среди населенія, съ которымъ ему наилучше сблизиться. Никто не пойдетъ тогда проповѣдывать соціализмъ полякамъ на еврейскомъ языкѣ, малоруссамъ на чухонскомъ (!). Практикой постепенно вырабатываются *пріемы* для мѣстной пропаганды,—нѣсколько отличные отъ пріемовъ

пропаганды въ другой мѣстности" (Впередъ, V, 161—162). Но всѣ такія признанія не вели за собою никакихъ практическихъ послѣдствій. Напр. весь періодъ пропаганды соціализма въ Россіи посредствомъ брошюрокъ прошелъ безъ того, чтобъ русскими соціалистами издана была хоть одна строчка, приспособленная,—по языку и по содержанію, къ какой бы то ни было мѣстности, кромѣ великороссійской. Исключеніе составляетъ развѣ упомянутая выше женевская „Золота Грамота". Между тѣмъ нѣкоторыя лица, попавшія въ русскіе соціалистическіе круги изъ тѣхъ, въ которыхъ еще держались традиціи украинскаго движенія 60 хъ годовъ, чувствовали необходимость пропаганды и соціализма на народныхъ языкахъ и старались проводить эту идею и среди русскихъ соціалистовъ, но совершенно безуспѣшно. Еще въ 1874 г. мы видѣли въ Петербургѣ рукопись украинскаго перевода „Хитрой механики", — которую послѣ исправленія ея со стороны языка, однимъ „украинофиломъ", который относился скептически къ задуманному тогда „хожденію въ народъ", но счелъ себя обязаннымъ оказать помощь дѣлу, во всякомъ случаѣ искренно

предпринятому, — была отправлена въ Лондонъ для изданія, — котораго такъ и не дождалась ни отъ старой, ни отъ новой редакціи „Впереда“, типографія котораго, поддерживаемая между прочимъ и на средства, шедшія съ Украины, напечатала столько великорусскихъ книжекъ*). Еще въ началѣ 1874 г. однимъ изъ самыхъ почтенныхъ людей процесса 193 русскихъ соціалистовъ, человѣкомъ, въ которомъ первыя демократическія идеи, — (какъ и у многихъ южанъ) — были поселены украинскимъ движеніемъ 60-хъ годовъ, — была составлена брошюрка на украинскомъ языкѣ: „Правдиве слово хлібороба до своjіх земльаків“ и передана одному южному „русскому“ кружку для напечатанія, — но она была напечатана только въ 1876 г. „украинскими“ соціалистами. Эти послѣдніе увидѣли необходимость совершенно отдѣльной отъ „русскихъ“ организаціи, какъ единственнаго условія для того, чтобъ издавалось и дѣлалось хоть что ни-

*) По показанію автора передовой статьи въ 1 № „Общины“, лица довольно компетентнаго, въ Россіи было распространено нѣсколько десятковъ тысячъ этихъ книжекъ.

будь, приспособленное къ пропагандѣ соціализма среди украинскаго населенія, и чтобъ такимъ образомъ Украина не была только оброчною статьею и для великорусскаго соціалистическаго движенія, какъ была она и есть оброчною статьею для великорусскаго государства *).

---

*) Рецензентъ „Громады" въ „Общинѣ" объясняетъ отсутствіе печатанія всероссійскими соціалистами книгъ на иномъ языкѣ, кромѣ великорусскаго, тѣмъ, что напр. „южнорусскіе соціалисты всегда придавали несравненно большее значеніе устной пропагандѣ, чѣмъ книжной." Это опять одно изъ такихъ же изобрѣтеній россійской „самобытности", какъ и раздѣленіе языковъ, на манеръ „Русск. Соц. Рев. Библіотеки": одинъ — для „интеллигенціи", другой для „народа". На гниломъ Западѣ понимаютъ: что безъ книжной пропаганды нѣтъ и устной, какъ безъ книгъ для „интеллигенціи" нѣтъ книгъ и для „народа". Но посмотримъ, какъ стояло дѣло употребленія народнаго языка и въ устной пропагандѣ у „южнорусскихъ соціалистовъ": Въ „Воспоминаніяхъ пропагандистки" читаемъ: „языкъ малорусскій мнѣ былъ плохо извѣстенъ"; изъ „Чигиринскаго дѣла" 1876 г., описаннаго въ "Черномъ Передѣлѣ" № 1—2, узнаемъ, что дѣйствующіе тамъ русскіе соціалисты, украинскіе уроженцы, проповѣдывали организацію „тайной дружины", не зная, что по-украински „*дружина*" значитъ — *любовница-невѣста!* По части приспособленія къ мѣстнымъ

Такимъ образомъ жизнь научила, что дѣйствительно всероссійскую, интернаціонально-федеральную партію и для пропаганды соціализма въ Россіи надо образовывать не сверху внизъ, а *снизу вверхъ*, приготовляя для нея сначала *частные*, областные и національные элементы, которые уже потомъ должны будутъ сфедерироваться. Хотя такой способъ и неизбѣжно сопряженъ съ болью борьбы и временнаго раздробленія, которыхъ, конечно, лучше бъ было избѣжать, — но, кажется, такой ходъ дѣла самый естественный и обѣщаетъ наиболѣе прочныхъ результатовъ, — ибо, какъ это ни грустно, — но нужно сознаться, что

нравственнымъ особенностямъ это чигиринское дѣло тоже характерно: въ немъ пущенъ былъ въ ходъ пріемъ самозванщины, котораго, какъ видно изъ № 3 „Черн Пер.“, нѣкоторыя лица не оставили и до сихъ поръ Между тѣмъ этотъ пріемъ совершенно противенъ всѣмъ преданіямъ украинскимъ, среди которыхъ можно найти зацѣпки не только для болѣе чистыхъ, но и болѣе республиканскихъ пріемовъ. Но на бѣду ознакомленіе съ украинскимъ языкомъ и преданіями, научнымъ способомъ, а не налетомъ, считалось многими (въ томъ числѣ и упомянутымъ рецензентомъ „Общины“) дѣломъ „буржуазнымъ“, а не революціоннымъ!

вообще родъ человѣческій хромаетъ по части синтеза, — и что и то еще надо счесть за счастіе, если въ немъ есть достаточно людей, способныхъ хоть къ анализу!

Прежде всего съорганизовались совершенно отдѣльно отъ „русскихъ" соціалисты украинскіе, начавши съ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются соціалистическія брошюры новыхъ польскихъ соціалистовъ и за тѣмъ программа „польскихъ соціалистовъ". Около того же времени принимаются за свою организацію и бессарабскіе выходцы въ Румыніи. Наконецъ въ 1880 г. въ Женевѣ печатается воззваніе отъ „группы соціалистовъ-евреевъ", предполагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейскаго рабочаго населенія на Востокѣ Европы, на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либерманомъ попытка соціалистическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ). Характеристично, что всѣ эти зачатки новыхъ организацій не только имѣютъ себѣ цѣлью не великорусское населеніе, но, вслѣдствіе расположенія тѣхъ населеній, которыя они избрали себѣ за поле дѣйствія, — выходятъ и

за предѣлы русскаго государства. Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе труднымъ признаніе необходимости этихъ организацій со стороны тѣхъ, кто привыкъ видѣть всякаго „русскаго подданнаго“ погруженнымъ въ заботы и работы, исключительно помѣщающіяся въ рамкахъ государства Романовыхъ, въ которомъ дѣйствительно помѣщаются всѣ почти великоруссы, за исключеніемъ небольшаго числа раскольниковъ. Вотъ почему названныя невеликорусскія организаціи должны были вызвать тѣмъ большую реакцію въ „русскихъ“ соціалистическихъ кругахъ. Даже и теперь снисходительность литературныхъ представителей послѣднихъ напр. къ украинскимъ соціалистамъ не идетъ дальше признанія ихъ „фракціей русскаго соціализма“ (см. воззваніе, — первое, — объ изданіи „Русск. Соц.-Револ. Библіотеки“ или „Нѣсколько словъ объ организаціи партіи“ г. П. Лаврова въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 3), — на каковое званіе украинскіе соціалисты вдвойнѣ не могутъ согласиться, такъ какъ украинское населеніе не фракція русской (великорусской) націи, а отдѣльная нація, — и такъ какъ ихъ работа въ Австро-Венгріи выводитъ ихъ за границы „русскаго“

государства. Не очень же давно самая мысль о сколько нибудь самостоятельной организацiи украинцевъ, и даже, какъ это ни странно,—мысль о печатанiи книгъ на украинскомъ языкѣ, считалась у большинства „русскихъ“ соцiалистовъ за противный соцiализму „нацiонализмъ“. Также само была встрѣчена (хотя и не въ литературѣ) и мысль объ организацiи бессарабскихъ румынъ. Кто бы этому не повѣрилъ, тому любопытно было бы послушать ронiя на женевскомъ собранiи, созванномъ „группою соцiалистовъ-евреевъ“ и нѣсколькими украинцами въ 1880 году для обсужденiя мысли объ изданiи соцiалистическихъ брошюръ на разговорныхъ языкахъ евреевъ Восточной Европы. Казалось бы, какое возраженiе могла вызвать мысль объ изданiи той же „Хитрой Механики“ еще на одномъ человѣческомъ языкѣ, или, пожалуй, даже „жаргонѣ“? А между тѣмъ надо приписать только чрезвычайнымъ усилiямъ и такту лица, предсѣдательствовавшаго на вышеупомянутомъ собранiи, что оно не окончилось крупнымъ скандаломъ. Съ такимъ озлобленiемъ отнеслись къ нему ораторы изъ русской и польской соцiали-

стической партіи, и особенно лица еврейскаго же происхожденія! *).

Только мысль о вполнѣ самостоятельной организаціи „польскихъ соціалистовъ“ не встрѣчала до сихъ поръ никакой оппозиціи со стороны соціалистовъ русскихъ. Но за то среди „польскихъ соціалистовъ“ сейчасъ же обнаружились элементы, которые раздѣлили съ русскими трудъ отрицательнаго отношенія къ мысли о необходимости существованія соціалистовъ украинскихъ и даже отрицаніе существованія украинскаго народнаго элемента рядомъ съ польскимъ тамъ, гдѣ онъ несомнѣнно существуетъ, какъ напр. въ Галиціи **). Такое отношеніе со-

*) Мы считаемъ себя вправѣ говорить объ этомъ собраніи, такъ какъ это былъ вполнѣ публичный митингъ, созванный печатными приглашеніями, и такъ какъ извѣстія о немъ проникли и въ газеты. Съ своей стороны мы ничего не имѣемъ противъ того, если бы кто нибудь хоть стенографически вѣрно напечаталъ то, что говорили на этомъ митингѣ мы и наши товарищи, равно какъ и ихъ возражатели.

**) Кто знаетъ сословно-экономическія отношенія правобережной Украйны и кто знаетъ, что дѣло пропаганды соціализма на Востокѣ Европы до сихъ поръ ведется почти исключительно людьми и взносами панскихъ классовъ, живущихъ, конечно, хлоп-

сѣдей обусловило со всѣхъ сторонъ „военное положеніе“ украинскихъ соціалистовъ. Крайне непріятно это положеніе и тяжела налагаемая имъ борьба, — но разъ она дана реальными условіями жизни, отъ этой борьбы нельзя отказаться. Притомъ же самая эта борьба заставляетъ украинцевъ, уже ради разсчета не остаться одному въ полѣ воиномъ, поднимать на Востокѣ Европы народно-федеральную идею вообще, — поднять то знамя, которое держали въ своихъ рукахъ и великоруссы, въ родѣ Бакунина, но которое выпустили изъ рукъ ихъ близорукіе наслѣдники. Идея эта—*полное равноправіе негосударственныхъ націй съ государственными, организація для каждой изъ нихъ спеціальнаго корпуса дѣятелей политическаго и соціальнаго освобожденія* и на первыхъ порахъ *пропаганда освободительныхъ идей на всѣхъ языкахъ, не только панскихъ, а и плебейскихъ, какъ самое дѣйствительное средство провести*

скимъ трудомъ, тотъ пойметъ, что Украйна должна была стать оброчною статьею и для польской соціалистической пропаганды. Въ такомъ же положеніи находятся и Бѣлоруссія, и Литва, и земля Латышей.

эти идеи въ массы населенія всѣхъ племенъ Востока Европы *).

Въ борьбѣ за эту идею украинцамъ придется имѣть противъ себя всѣ государственно-національные, централистическіе элементы: нѣмецкіе (Германіи, Австріи и Остзейскаго края), великорусскіе, польскіе и венгерскіе, — начиная отъ консервативно-аристократическихъ и до соціально-демократическихъ, но раньше или позже украинскіе соціалисты-федералисты не только будутъ имѣть за собою украинскій народъ, который и теперь все же представляетъ массу до 20.000.000 человѣкъ, но увидятъ рядомъ съ собою федерально-соціалистическія партіи: эстонскую, латышскія, литовскую, бѣлорусскую, словацкую, словинскую, румынскія, кавказскія, кружки еврейскіе (которые необходимы до слитія рабочаго элемента еврейскихъ колоній съ окружающими ихъ массами населеній), —а также здоровые отъ государственно-національной заразы элементы партій великорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и вен-

*) Подробное развитіе этихъ мыслей см. въ „Громадѣ", „Листкѣ Громады", и въ „Вольномъ Союзѣ".

герскихъ.*) Нѣкоторые признаки такого свѣтлаго будущаго видны уже и теперь.

*) Мы не говоримъ тутъ о сербскихъ и болгарскихъ партіяхъ, такъ какъ болгары совершенно, а сербы въ значительной и наиболѣе самостоятельной части своей земли стоятъ внѣ тѣхъ политическихъ комбинацій, въ которыя входятъ украинцы, а именно внѣ Россіи и Австро-Венгріи. Но мы не сомнѣваемся въ сочувствіи и сербовъ, и болгаръ къ федеративнымъ стремленіямъ. У болгаръ еще нѣтъ опредѣленныхъ партій, а соціалистическія идеи едва начинаютъ къ нимъ проникать. Но кн. Черкасскій и ген. Эренротъ уже сломали у нихъ прежнюю вѣру въ московское славянофильство — и оправдали всѣ тѣ предсказанія, которыя украинцы, на основаніи собственнаго опыта съ XVII ст. дѣлали своимъ болгарскимъ друзьямъ еще въ 1876 г. Что касается до сербовъ, то всѣ независимые люди изъ нихъ давно уже высказывались въ федеративномъ духѣ и въ частности весьма самостоятельно относились къ украинскому движенію. (Примѣры см. въ нашей брошюрѣ „По вопросу о малорусской литературѣ". Вѣна. 1876). Сербское соціалистическое движеніе развилось въ родствѣ съ бакунинскимъ ан-архизмомъ, — и до сихъ поръ сохраняетъ федеративный характеръ. Когда украинскія партіи встрѣтятся съ сербскими въ Австро-Венгріи, то не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ полномъ между собою согласіи.

XI.

Къ числу упомянутыхъ уже особенностей украинскаго соціалистическаго движенія, — а именно выступленіи его за границу Россіи и федеративнаго его характера,—надо прибавить третью: при первомъ появленіи своемъ въ заграничной печати, въ 1876 г., украинскіе соціалисты заявили о необходимости вести агитацію не только на соціально-экономическомъ полѣ, (въ Россіи и Австріи) но и на политическомъ (въ Россіи). Установленіе *„политической свободы"* въ томъ государствѣ, въ которомъ живетъ наибольшая часть ихъ народа, соціалисты украинцы признали мѣрою, хотя и паліативною, но существенно необходимою для положенія твердаго основанія въ ихъ странѣ для агитаціи и за соціально-экономическое освобожденіе народныхъ массъ. Къ такой постановкѣ вопроса склонило украинцевъ, кромѣ позитивнаго наблюденія надъ ходомъ исторіи западноевропейскихъ народовъ, еще и сознаніе, что **политическая свобода есть замѣна національной независимости для ихъ народа; отсутствіе же этой независимости есть главная причина**

той болѣзни, которая подъѣдаетъ всѣ усилія украинскаго народа къ своей эмансипаціи экономической, какъ и умственной,—такъ какъ чужія государства, владѣвшія и владѣющія Украйной, отняли у массъ народа ихъ *мозгъ*, образованные классы,—не только эксплуататоровъ, но и дѣйствительную „интеллигенцію", школу, науку, искуство. Видя, какъ народъ украинскій терпитъ тройной гнетъ въ Россійской Имперіи, украинскіе соціалисты не могли, подобно великорусскимъ и овеликорушеннымъ своимъ товарищамъ, игнорировать политическія формы жизни, хотя и понимали, что измѣненіе ихъ не можетъ быть конечною цѣлью дѣятельности. Въ виду того, что борьба за „политическую свободу" составляетъ теперь главную работу „русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ", къ которой, послѣ нѣкотораго колебанія, должны были пристать и т. наз. „народники", не лишнимъ будетъ напомнить, что еще въ 1878 г. изданная „террористами" прокламація „Смерть за смерть" допускала возможность мира русскихъ соціалистовъ съ самодержавіемъ, лишь бы это послѣднее оставалось нейтральнымъ въ виду борьбы ихъ съ буржуазіей,

и что признаніе украинскою „Громадою" необходимости борьбы за политическую свободу вызвало рѣшительное порицаніе въ народникѣ-рецензентѣ „Общины", *).

До извѣстной степени въ такомъ же положеніи, какъ украинцы, находятся, по вопросу о политической свободѣ въ Россіи, и поляки. Но, по причинамъ, которыя теперь разбирать не мѣсто, польскіе соціалисты, выступившіе на сцену съ 1878 г., не считали нужнымъ высказаться ясно относительно этого вопроса. Теперь же, какъ можно видѣть изъ перепечатанныхъ и въ „Вольномъ Словѣ" заявленій двухъ фракцій польскихъ соціалистовъ („Людъ Польскій" и посланіе группы „Równość—Przedświt" къ „Товарищамъ русскимъ соціалистамъ"), — обѣ эти фракціи, хотя каждая по своему, признаютъ необходимою и политическую борьбу съ деспотическимъ строемъ Россійской Имперіи.

Въ виду теперешняго согласія по этому вопросу между украинцами, великорусскими „террористами" и „народниками" и по-

*) Любопытныхъ отсылаемъ особенно къ заключительному мѣсту рецензіи въ „Общинѣ" № 8—9, стр. 20—21.

ляками, доказывать далѣе необходимость борьбы за политическую свободу въ Россіи, —значило бы выламывать открытую дверь. Теперь слѣдуетъ говорить о средствахъ, какъ наилучше повести эту борьбу.

Читая и слушая заявленія великорусскихъ революціонеровъ, замѣчаешь, что они видятъ наилучшее средство въ такъ называемомъ террорѣ, т. е. по просту въ политическихъ убійствахъ *). Это все еще остатокъ или послѣдствіе ихъ прежняго, не синтетическаго отношенія къ вопросу о политической свободѣ,—необходимость борьбы за которую великорусскіе соціалисты сначала отрицали, потомъ втянулись въ нее только рефлективно, а не сознательно, начавъ сначала *мстить* преслѣдовавшимъ ихъ чиновникамъ, потомъ главѣ ихъ царю, и только послѣ уже (собственно около 1880 г.) возвели въ теорію необходимость борьбы за политическую свободу. Мы оставимъ въ сторонѣ нравственныя невыгоды теоріи убійства, непремѣнно тайнаго,— которое совершенно понятно, какъ продуктъ озлобленія, внесеннаго

*) И польское посланіе говоритъ о „террористической борьбѣ за политическую свободу".

въ общество тиранническимъ правительствомъ —но которое, будучи проповѣдуемо, какъ исключительное и даже преимущественное средство дѣйствія политической партіи, должно непремѣнно понизить нравственный уровень ея, съузить ея политическій горизонтъ и въ концѣ всего вызвать отвращеніе отъ нея въ одной части общества, — а во всѣхъ создать или поддержать политическіе нравы, которые будутъ считать убійство, казни и т. п. исключительныя мѣры самыми дѣйствительными средствами борьбы между партіями, даже революціонными *).

*) Объ этомъ мы говорили не мало въ „Листкѣ Громады" 1878 г., потомъ въ брошюрѣ „Терроризмъ и свобода", въ 1880 г., въ 1 № Громады 1881 г. и въ брошюрѣ „Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe occidentale". Съ тѣхъ поръ не произошло ничего, что бы заставило насъ перемѣнить наше мнѣніе, а случилось кой что такое, что могло укрѣпить его. Таковы напр. нѣкоторыя заграничныя заявленія (въ газетахъ и на лондонскомъ конгрессѣ), которыя стремились возвести убійство въ принципъ не только политической, но и соціальной борьбы Заявленія эти,—почти ничего не стоявшія ихъ авторамъ, изъ которыхъ ни одинъ не попробовалъ приложить къ дѣлу своихъ теорій ни въ Петербургѣ, ни въ Англіи, или Швейцаріи, — послужили только въ пользу русскому правитель-

Убійство не можетъ стать ни принципомъ, ни даже главнымъ занятіемъ политической партіи, которая должна имѣть цѣлью произвести крупную общественную перемѣну; крупная же политическая перемѣна можетъ быть достигнута только массовымъ движеніемъ образованныхъ ли классовъ, или „черни", —или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ,—а потому все таки вопросъ о ниспроверженіи самодержавія въ Россіи сводится главнымъ образомъ къ тому, какъ вызвать эти массо-

---

ству, которое ничего такъ не хочетъ, какъ имѣть поводъ поставить себя подъ защиту общественнаго мнѣнія всего образованнаго міра. Таковы съ другой стороны слухи о томъ, что друзья самаго русскаго правительства надумались пустить въ ходъ свои тайныя политическія убійства. Признаемся, мы бы очень были рады, если бы эти слухи оказались сколько нибудь вѣрными, конечно, если бъ при этомъ ничья кровь не была пролита: это заставило бы здоровыхъ людей между революціонерами подумать серьезнѣе объ опасности возведенія въ принципъ явленій, хоть и неизбѣжныхъ, но все таки патологическихъ, и перенесенія въ дѣло революціи, а особенно соціальной, да еще ан-архической, ученій іезуитскихъ. — Намъ пріятно было прочесть сейчасъ извѣстіе о заявленіи „Нар. Воли", что она считаетъ политическія убійства въ странахъ свободныхъ за проявленіе деспотизма и протестуетъ противъ деспотизма партіи, какъ и лица!

выя движенія и какъ согласить ихъ, разъ опи проявились, каждое по своимъ причинамъ. При настоящемъ положеніи вещей въ либеральной политической реформѣ могутъ быть заинтересованы премущественно классы образованные, — тогда какъ классы чернорабочіе интересуются преимущественно экономическими преобразованіями. Не то, чтобъ между одними и другими преобразованіями было принципіальное противорѣчіе, но практика западноевропейскихъ странъ показызаетъ, что огромная часть образованныхъ либераловъ, добившись извѣстныхъ политическихъ реформъ, останавливается на нихъ, упуская изъ виду реформы экономическія, и даже потомъ перестаетъ быть либералами, по отношенію къ тѣмъ партіямъ и классамъ, которые требуютъ дальнѣйшихъ реформъ, особенно реформъ соціально-экономическаго характера. Весь трагизмъ положенія передовыхъ людей въ Россіи заключается въ томъ, что имъ приходится бороться съ самою устарѣлою политическою формою въ то время, когда европейская практика обличила недостаточность и тѣхъ формъ, которыя въ Европѣ послѣдовали за паденіемъ формъ, подобныхъ россійской деспотіи. Оттого то эти

передовые люди и льстили себя въ 60-е и 70-е годы надеждою попасть въ четвертый классъ исторической школы, минуя второй и третій. Но разъ надежды эти оказались мечтами, а гувернеръ перваго класса оказался ужь очень нестерпимымъ квартальнымъ, — колебаться долѣе оказалось не изъ чего, — и самые завзятые мечтатели и самобытники пошли на то, чтобъ получить хоть самую элементарную политическую свободу, въ родѣ той, какую даетъ консервативнѣйшая изъ западноевропейскихъ конституцій, — при чемъ „иронія исторіи" задала въ Россіи роль активныхъ либераловъ именно соціалистамъ, какъ наиболѣе почувствовавшимъ на себѣ когти деспотіи.

Многихъ подобное положеніе дѣлъ смущаетъ, и они (какъ напр. „Народная Воля" 1880 г.) утѣшаютъ себя тѣмъ, что изъ перваго же россійскаго земскаго собора выйдетъ и политическая свобода, и широкая экономическая реформа въ духѣ соціализма. Намъ кажется, что лучше бы и не обольщаться подобными надеждами, такъ какъ массовое движеніе образованныхъ классовъ противъ самодержавія невозможно безъ участія напр. т. наз. лѣвыхъ сторонъ

земствъ, а эти партіи, конечно, не пойдутъ на полную экспропріацію земель и фабрикъ;—довольно съ нихъ будетъ, если они проведутъ въ общемъ земскомъ соборѣ и въ областныхъ земствахъ нѣкоторыя благопріятныя чернорабочимъ классамъ мѣры аграрныя, фабричныя и артельно-промысловыя, которыя дадутъ этимъ классамъ перевести духъ и облегчатъ ихъ организацію для дальнѣйшей, уже сознательной борьбы за соціалистическій идеалъ. Практическая будущность на ближайшее время принадлежитъ въ Россіи тѣмъ своего рода политическо-соціальнымъ оппортюнистамъ, которые не замедлятъ въ ней появиться среди земствъ, и для которыхъ теперешніе соціалисты-революціонеры только расчищаютъ дорогу. Если же кого изъ „чистыхъ" соціалистовъ въ Россіи смущаетъ такая ближайшая будущность, тѣмъ самое лучшее теперь же перенести свою дѣятельность въ страны, гдѣ предстоящій Россіи политическій вопросъ, такъ или иначе уже рѣшенъ.

Для соціалистовъ изъ народностей, населяющихъ западную половину Россіи, напр. для поляковъ, украинцевъ, румынъ и от-

части евреевъ, послѣдній выходъ и не очень труденъ. Особенно поляки, украинцы и евреи могутъ найти себѣ поле дѣйствія напр. въ Галиціи, въ средѣ, вполнѣ имъ родственной. Тамъ они найдутъ даже зачатки организаціи среди рабочихъ, заложенные благодаря инициативѣ нѣкоторыхъ украинскихъ писателей и львовскихъ рабочихъ разныхъ племенъ, на вполнѣ здоровыхъ федеральныхъ основахъ, которыхъ не могли испортить стремившіяся проникнуть и туда вліянія польскаго историческаго патріотизма. Тамъ, въ Галиціи могутъ быть образованы и испробованы кадры соціальныхъ организацій польско-украинско-еврейскихъ, какъ въ Буковинѣ украинско-румынскихъ, которые, съ установленіемъ политической свободы въ Россіи, могутъ быть прямо расширены на весь ея юго-западъ *).

*) Мы надѣемся сказать подробно о положеніи соціалистическаго движенія въ Галиціи и о значеніи его и для Россіи, въ особой статьѣ „Польскія соціалистическія программы и принципъ государственности", — а теперь отсылаемъ читателя за элементарными свѣдѣніями объ этомъ предметѣ къ брошюрѣ г. Подолинскаго „Соціалисты-украинцы въ Австріи" и къ листку, который авторы его

Что же касается до Россіи, то въ ней пока ничего нельзя ждать, кромѣ вышеупомянутыхъ мѣръ по экономическому вопросу да установленія зачатковъ политической свободы,—и степень широты первыхъ и прочности вторыхъ будетъ зависѣть отъ широты и степени сознательности массоваго движенія образованныхъ и чернорабочихъ классовъ противъ существующихъ въ Россіи политическихъ и соціально-экономическихъ порядковъ. Иниціаторамъ этого движенія слѣдовало бы теперь же подумать о способахъ: а) чтобы наиболѣе заинтересовать въ предстоящемъ политическомъ переворотѣ массы народа, отчего главнымъ образомъ будетъ зависѣть не только сила движенія, но и широта его экономическихъ результатовъ,—и b) чтобы получить зачатки дѣйствительной политической свободы, а не одно только конституціонное правленіе, т. е. правленіе парламентскаго большинства, которое еще въ добавокъ можетъ быть легко ниспроверг-

назвали: „Program socjalistów polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji“ и который въ Женевѣ былъ переименованъ въ „Program galicyjskich socjalistów“.

нуто, при первомъ удобномъ случаѣ, монархическою властью.

Намъ кажется, что около этихъ пунктовъ группируются довольно правильнымъ образомъ надежды и опасенія, внушаемыя различными національными элементами населеній Россіи,—и если читатель будетъ имѣть немного терпѣнія прочесть еще нѣсколько параграфовъ, то онъ увидитъ, что все сказанное сейчасъ вовсе не составляетъ отступленія отъ предмета настоящихъ статей.

Само собою разумѣется, что политическая и соціальная оппозиція могла бы скорѣе всего найти себѣ сочувствіе въ тѣхъ населеніяхъ Россіи, которыя не принадлежатъ къ государственной національности, и потому терпятъ двойной, а иногда тройной гнетъ отъ теперешнихъ порядковъ. Надо только умѣючи взяться за дѣло агитаціи среди такихъ населеній,—чего, къ сожалѣнію, и не достаетъ въ теперешнее время. Начавши съ сѣвера, — мы видимъ, что въ Остзейскомъ краѣ эстонское и латышское населеніе чрезвычайно недовольно своими аграрными условіями и національно-юридическими привилегіями нѣмецкой аристократіи и богатой

буржуазіи. Населеніе это въ значительной степени организовано въ разныя общества и довольно грамотно. Бѣда только въ томъ, что вожди его, хоть и искренніе демократы, но съ теоріями соціализма не знакомы и къ тому же, по реакціи нѣмцамъ и изъ своего рода оппортюнизма, проповѣдуютъ въ своемъ населеніи надежды на русское правительство. Если бы имъ кто либо разъяснилъ, что это правительство ничего не въ состояніи дать имъ, кромѣ нѣмецко-помѣщичьяго же гнета, или обрусительной бюрократіи, и что желаемый каждымъ латышемъ и эстомъ надѣлъ земли можетъ совершиться только во имя соціалистическихъ требованій,—то дѣло политической свободы и аграрной реформы въ Россіи получило бы въ латышахъ и эстахъ дѣятельную поддержку. Мы думаемъ, что и въ Петербургѣ, и въ самой Ригѣ, можно бы было и русскимъ, и польскимъ революціонерамъ найти возможностъ соприкосновенія и съ эстами, и съ латышами, а литературное поднятіе среди нихъ федерально-соціальнаго вопроса возможно было бы, при посредствѣ на первыхъ порахъ хоть нѣмецкаго языка, даже изъ за границы.

Далѣе на югѣ мы встрѣчаемъ латышей-католиковъ Витебской губерніи, и литовцевъ Виленской и Ковенской г., въ положеніи крайне угнетенномъ со стороны національно-политической и аграрной. Настроеніе этихъ народовъ мало извѣстно, но во время крѣпостнаго права они довольно часто и упорно бунтовали, — и теперь бунты чиншевиковъ, аграрныя преступленія и частые разбои въ Литвѣ свидѣтельствуютъ о сильномъ неудовольствіи среди ея населенія,—и если объ этомъ неудовольствіи мало извѣстно, то, конечно, тому причиною полное забвеніе этого населенія со стороны живущихъ среди него образованныхъ классовъ, почти сплошь ополяченныхъ. Если бы изъ этихъ ополяченныхъ классовъ выдѣлилась хоть небольшая группа людей, которые бы обратили вниманіе на литовское населеніе, то несомнѣнно, что недовольство его теперешнимъ положеніемъ могло бы быть организовано въ благопріятномъ для общаго движенія въ Россіи направленіи. Тоже слѣдуетъ сказать и о бѣлоруссахъ. Частые и упорные бунты ихъ противъ помѣщиковъ о время крѣпостнаго права, большое количество пѣсенъ противъ помѣщиковъ,—(безъ

сравненія большее, чѣмъ у великорусскихъ крестьянъ), вовсе не говорятъ въ поддержку распространеннаго мнѣнія о пассивности и забитости бѣлоруссовъ *). Имъ просто не достаетъ только образованнаго элемента, связаннаго съ ними чувствомъ и языкомъ. Такой элементъ можетъ образоваться теперь только посредствомъ выдѣленія изъ ополяченныхъ и отчасти овеликорушенныхъ образованныхъ классовъ Бѣлоруссіи.

Переходя къ народу украинскому, мы начнемъ съ однаго личнаго воспоминанія. При самомъ началѣ извѣстнаго „хожденія въ народъ" русскихъ соціалистовъ, въ 1873 г. мы встрѣтили за границей одного прежняго знакомаго, бывшаго прежде нѣсколько старомоднымъ украйнофиломъ, а потомъ ставшаго ревностнымъ послѣдователемъ „Впереда", и разговорились съ нимъ на тему о недостаточности однихъ великорусскихъ публи-

*) О бунтахъ латышей, литовцевъ и бѣлоруссовъ есть нѣкоторыя данныя въ „Матеріалахъ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи". Berlin, 1872. О противупомѣщичьихъ движеніяхъ среди бѣлоруссовъ, сравнительно съ великоруссами и украинцами, нѣкоторыя данныя свели мы въ книгѣ „Нові українські пісні про громадські справи".

кацій для пропаганды соціализма во всей Россіи. Къ удивленію нашему, онъ сталъ доказывать, что украинцы могутъ прекрасно понять и усвоить великорусскія публикаціи, — а когда оказалось, что этотъ тезисъ поддерживать между нами было трудновато, (такъ какъ намъ обоимъ украинскій языкъ былъ не безъизвѣстенъ) то знакомый нашъ сталъ доказывать, что врядъ ли и стоитъ теперь пропагандировать соціализмъ украинцамъ, у которыхъ нѣтъ-де ни общиннаго землевладѣнія, (?) ни артелей, (?) ни фабрикъ, (?) а что всего бы лучше сосредоточить пропаганду на великоруссахъ, у которыхъ есть и община, и артели, и фабрики,—и которые по этому скорѣе усвоятъ себѣ соціалистическія идеи, произведутъ соціальный переворотъ,—послѣ чего Украйна получитъ уже готовые его результаты *). Самъ собесѣдникъ нашъ, дѣйствительно, скоро пошелъ въ народъ въ одной изъ великорусскихъ губерній, на которую тогда возлагали русскіе революціонеры большія надежды, конечно,

*) Нѣчто въ такомъ родѣ о возможной пользѣ сосредоточенія пропаганды соціализма въ Великороссіи высказано было и въ упомянутой статьѣ „Набата“.

не осуществившіяся и, какъ мы напередъ доказывали нашему пріятелю, невозможныя къ осуществленію. Съ тѣхъ поръ прошло почти десять лѣтъ,—но гдѣ же не только соціальная революція, но хоть какое нибудь замѣтное народное движеніе въ артельной, общинной и фабричной Великороссіи?! Между тѣмъ на Украйнѣ произошли въ послѣднее время самыя крупныя въ Россіи аграрныя волненія, городскія смуты и наконецъ громадное антиеврейское движеніе. Но во всѣхъ этихъ движеніяхъ „интеллигентные" соціалисты оказались почти ни при чемъ, не смотря на то, что ихъ вовсе не мало на Украйнѣ, и не смотря на то, что огромная доля „русскихъ" соціалистовъ, даже и въ Великороссіи, родомъ украинцы. Какая тому причина? Конечно, прежде всего „обрусѣніе" украинской интеллигенціи и то „всероссійство" русскихъ соціалистовъ, которое такъ многіе отстаиваютъ и до сихъ поръ. Они то сдѣлали украинскую интеллигенцію иностранцами дома,—они то и лишаютъ соціалистовъ и даже „народниковъ" изъ украинцевъ всѣхъ необходимыхъ знаній и вообще способовъ къ тому, какъ подойти къ украинскому населенію. Небольшое же ко-

личество специализировавшихся социалистовъ-украинцевъ безсильно въ практическомъ отношеніи именно вслѣдствіе своей малочисленности; и то еще диво, что украинское социалистическое направленіе держится хоть на литературномъ полѣ,—гдѣ направленіе это существуетъ только, какъ идея, но вовсе еще не какъ партія.

А между тѣмъ, какъ вышеупомянутыя народныя движенія, такъ и всѣ наблюденія надъ народомъ на Украйнѣ, — отъ изслѣдованій его историческихъ воспоминаній и политическихъ пѣсенъ до корреспонденцій, появившихся въ послѣднее время даже въ „Народной Волѣ“ и въ „Черномъ Передѣлѣ“, напр. объ отношеніи украинскаго населенія къ царю и его врагамъ, — все говоритъ въ пользу предположенія, что политико-социальная пропаганда, съ нѣкоторымъ умѣньемъ и системою направленная, могла бы встрѣтить себѣ чрезвычайно благопріятное поле въ томъ населеніи, въ которомъ еще свѣжа память о казацкой волѣ, о времени, когда не было ни подушнаго, ни рекрутчины, ни раздачи земли панамъ царицею Катериною *). Для насъ не подлежитъ

*) Сырой матеріалъ въ подтвержденіе сказаннаго

сомнѣнію, что если бы неблагопріятныя вліянія на украинскую молодежь, о которыхъ мы говорили выше, не отбили ее отъ вскормившаго ее народа, — и если бы хоть съ конца 60-хъ годовъ хоть тѣ изъ этой молодежи, которые пошли въ ряды „русскихъ соціалистовъ", употребили по 3 — 4 года ранней юности на изученіе своего края и народа и на пріобрѣтеніе какого нибудь профессіональнаго образованія, и за тѣмъ обратились къ пропагандѣ свободныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ идей среди украинскаго населенія, съ полнымъ знаніемъ тѣхъ зацѣпокъ, какія представляетъ къ тому уже готовое народное міросозерцаніе, — то результаты такого, — не хожденія,—но житья среди украинскаго народа были бы совсѣмъ не тѣ, какія мы видимъ теперь послѣ десятка лѣтъ русскаго соціалистическаго движенія. И теперь еще громадныхъ результатовъ можно ждать отъ

читатель найдетъ въ нашихъ изданіяхъ: „Малорусскія Народныя Преданія и Разсказы". Кіевъ, 1876. „Нові українські пісні про громадські справи". Объ отношеніи украинцевъ, даже возлагающихъ надежды на царя, къ власти интересны замѣчанія еще въ „Дневникѣ пропагандистки", Община №№ 6—8.

пяти-десяти лѣтъ дѣятельности организованныхъ между собою круговъ, которые бы взялись хотя бы только систематизировать, при помощи европейскихъ политико-соціальныхъ идеаловъ, тѣ воспоминанія и идеи, какія бродятъ среди украинскаго населенія, —въ такую напр. простую и удобопонятную программу: „у насъ были вольные люди, казаки, которые владѣли своею землею и управлялись громадами и выборными старшинами; всѣ украинцы хотѣли быть такими казаками и возстали изъ за того противъ польскихъ пановъ и ихъ короля; на бѣду только, старшина казацкая и многіе казаки не съумѣли удержаться въ согласіи съ простыми селянами, а потому казакамъ пришлось искать себѣ помощи противъ польской державы у московскихъ царей, и поступили подъ московскую державу, впрочемъ не какъ рабы, а какъ союзники, съ тѣмъ чтобъ управляться у себя дома по своей волѣ и обычаямъ. Цари же московскіе начали съ того, что поставили у насъ своихъ чиновниковъ, неуважавшихъ нашихъ вольностей, ни казацкихъ, ни мѣщанскихъ, а потомъ подѣлили Украйну съ Польшей, уничтожили всѣ вольности украинскія, казацкія, мѣщанскія и

крестьянскія; за тѣмъ цари московскіе раздали украинскую землю своимъ слугамъ украинскимъ и чужимъ, закрѣпостили крестьянъ, ввели всякія подати и рекрутчину, уничтожили почти всѣ школы, а въ оставшихся запретили учить на нашемъ языкѣ, завели намъ казенныхъ, невыборныхъ поповъ, пустили къ намъ вновь еврейскихъ арендаторовъ, шинкарей и ростовщиковъ, которыхъ было выгнали казаки, — да еще отдали на кормъ этимъ евреямъ только нашу землю, запретивъ имъ жить въ землѣ московской,— наконецъ, когда царь московскій и долженъ былъ освободить крестьянъ, то оставилъ землю за панами, и обложилъ крестьянъ еще большими налогами. Теперь намъ не нужно ни (московскихъ) царей, ни (польскихъ и русскихъ) пановъ, ни (еврейскихъ) богачей, ни казенныхъ поповъ, а хотимъ мы быть всѣ вновь равными и вольными казаками и управляться на своей Украйнѣ, какъ мы сами захотимъ; а кто чужой рабочій человѣкъ хочетъ жить съ нами, какъ равный и вольный,— того мы не гонимъ, а принимаемъ, какъ товарища". — Мотивированный фактами изъ недавней исторіи народа, какъ литературно, такъ и при всякомъ удобномъ

случаѣ, представляемомъ народною жизнью, мѣстными памятниками и воспоминаніями, такой идеалъ являлся бы живымъ, а не книжнымъ, и быстро бы пошелъ въ ходъ,— а за тѣмъ, разъ украинское населеніе прониклось бы этимъ идеаломъ, оно оказало бы вліяніе и на сосѣдей, гораздо больше, чѣмъ могутъ оказать изолированные пропагандисты изъ украинскихъ уроженцевъ въ разныхъ провинціяхъ Россіи, хотя бы и въ кадрахъ великорусскихъ и польскихъ революціонеровъ.

Слѣдуетъ надѣяться, что вліяніе событій, чѣмъ далѣе, все болѣе будетъ ослаблять централистическое направленіе среди послѣднихъ и такимъ образомъ украинское населеніе, возвративъ себѣ хоть часть вполнѣ интеллигентнаго класса, займетъ подобающее ему мѣсто въ общемъ освободительномъ движеніи на Востокѣ Европы.

Что касается до населенія польскаго, то оно, особенно населеніе въ городахъ, конечно, и теперь вполнѣ способно принять участіе въ этомъ движеніи. Можно повѣрить, что крестьяне польскіе и теперь мало наклонны проливать свою кровь за возстановленіе

польскаго государства. Но, по крайней мѣрѣ по наблюденіямъ вполнѣ безпристрастныхъ людей, извѣстія о благодарности, какую чувствуютъ эти крестьяне къ русскому царю, который надѣлилъ ихъ землею въ 1864 г., сильно преувеличены были и въ свое время. Уже нѣсколько лѣтъ спустя, при сколько нибудь откровенныхъ беседахъ на эту тему, крестьяне-поляки замѣчали: „такъ, такъ, благодаримъ монарха, но податки слишкомъ большіе“. Военная же служба въ русской арміи, обученіе въ школахъ на русскомъ языкѣ несомнѣнно возбуждаютъ въ польскихъ крестьянахъ глубокое отвращеніе. Послѣднее мы видѣли сами въ бытность въ нѣкоторыхъ подваршавскихъ селахъ еще въ 1870 г. Даже не говоря о городскихъ классахъ, среди которыхъ вовсе не исчезъ старый инсуррекціонный духъ и среди которыхъ теперь распространяется соціалистическое движеніе, не возможно, чтобъ идея о политической свободѣ и автономіи, съ прибавленіемъ идеи объ экономическихъ реформахъ не нашла себѣ сочувствія и въ сельскихъ классахъ Польши. А потому теперь слѣдуетъ опасаться не столько безучастія поляковъ во время всероссійскаго движенія, сколько того, какъ бы

проявленіе польскаго историческаго патріотизма вновь не испортило дѣла.

Послѣ всего сказаннаго въ предыдущихъ главахъ, мы считаемъ излишнимъ говорить болѣе о томъ, что никакое народное движеніе въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и правобочной Украйнѣ подъ знаменемъ польскимъ не возможно и что поднятіе тамъ этого знамени, хотя бы даже съ самими демократическими и даже соціалистическими украшеніями, можетъ только вызвать народную реакцію, которою опять таки воспользуется всероссійская реакція. Вотъ почему мы и сами считаемъ нужнымъ, и другихъ приглашаемъ настойчиво бороться со всякими остатками и признаками возможности активнаго выступленія на сцену польскаго историческаго патріотизма и настаиваемъ на необходимости образованія кадровъ для политически-соціальныхъ партій среди плебейскихъ народовъ бывшей Польши.

Великорусская оппозиція и великорусскіе революціонеры должны понять угрожающую съ польской стороны опасность для общаго дѣла, а потому и должны бы были, какъ мы уже сказали, поддерживать идею образованія вышеупомянутыхъ партій. Тѣмъ са-

мимъ. они дадутъ доказательство и широты и вѣрности своего пониманія политическаго положенія дѣлъ въ Россіи, — и своихъ федеративныхъ стремленій. Признавая, что идея общины и земельнаго надѣла весьма крѣпко проявляется во всѣхъ стремленіяхъ великорусскихъ массъ, въ тоже время нельзя же отрицать, что у этихъ послѣднихъ весьма крѣпка не только идея царской власти, но и идея государственной цѣлости и реакція къ польскимъ стремленіямъ къ раздѣлу Россіи. Лишенныя же „историческихъ" претензій польскія автономныя стремленія неизбѣжно ослабятъ свой сепаратистическій характеръ и примутъ характеръ федеративный, который не можетъ быть противнымъ и великорусскому населенію, тѣмъ болѣе что оно непосредственно не прилегаетъ къ настоящей Польшѣ.

Кромѣ того, поддержка федеративной программы на западной половинѣ Россіи логически ведетъ за собою приложеніе таковой же программы и въ восточной половинѣ и въ самой обширной Великороссіи. Нужно бы было написать особую статью, чтобъ доказать, что сколько нибудь дѣйствительной политической свободы нѣтъ и не мо-

жетъ быть при централизаціи и что всѣ политическіе перевороты, совершавшіеся на материкѣ Европы со временъ Великой французской революціи потому именно и не достигали даже ближайшихъ своихъ цѣлей, что только замѣняли самодержавіе королей самодержавіемъ парламентскаго большинства, оставляя неприкосновенною, или даже усовершенствуя централизованную бюрократическую машину управленія дѣлами странъ. Вѣдь не даромъ же и до сихъ поръ, — серьезную политическую свободу имѣютъ въ Западной Европѣ только федеративная Швейцарія, да Англія съ ея системою сословныхъ, корпоративныхъ, земскихъ и городскихъ привилегій, муниципальная Бельгія, бывшая федеративная республика Голландія, да Скандинавскія государства, въ которыхъ система централизаціи никогда не имѣла большой силы. Политическіе дѣятели, которые естественно должны опираться на центрально-государственный, великорусскій элементъ въ Россіи должны принять во вниманіе это обстоятельство и напередъ настойчиво проводить федеративное направленіе, если они желаютъ дѣйствительной политической свободы и для самаго этого эле-

мента. По счастію же, не только вся Россія, но и одна Великороссія слишкомъ велика и въ ней есть цѣлыя области (Низовое Поволжье, Сѣверъ, Сибирь) въ которыхъ автономныя стремленія еще довольно крѣпко держатся въ населеніи. Эти то стремленія и должны, для общаго блага, быть особенно тщательно поддерживаемы великорусскими оппозиціонными и революціонными дѣятелями вообще, а въ настоящее время, при началѣ рѣшительной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, — эти стремленія должны быть поставлены на первый планъ. Только эти стремленія помогутъ Россіи если не избѣжать совершенно, то ослабить, елико возможно, проявленіе революціоннаго якобинизма и бюрократическаго конституціонализма, отъ которыхъ такъ много пострадали другія большія государства материка Европы въ XIX в.

Таковы условія для освободительнаго политико-соціальнаго движенія въ главнѣйшихъ областяхъ Россіи и таковы опасности, предстоящія этому движенію. Посмотримъ теперь, на сколько ясно сознаніе этихъ условій и этихъ опасностей въ наиболѣе выступившихъ впередъ лагеряхъ, представляющихъ это движеніе въ самое послѣднее время.

XII.

Въ предстоящемъ намъ теперь обзорѣ отношеній польской и великорусской политической печати къ различнымъ народамъ бывшей Польши и нынѣшней Россіи намъ придется говорить почти исключительно о печати эмиграціонной или тайной,—потому что только въ ней политическіе вопросы ставятся съ извѣстной откровенностью. Весьма можетъ быть, что до сихъ поръ не всѣ мнѣнія, какія существуютъ въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и даже вообще прогрессистскихъ кругахъ, имѣли случай, или даже счастье, быть высказанными въ вышеупомянутой печати, но наблюдателю ничего не остается, какъ только говорить о томъ, что видно, и ожидать дополненій отъ тѣхъ, кто можетъ видѣть сокрытое, а еще бы лучше, отъ самихъ тѣхъ, чьи мнѣнія остаются до сихъ поръ сокрытыми. Мы первые были бы рады, если бы оказалось, что въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и вообще прогрессистскихъ кругахъ существуютъ люди съ вполнѣ опредѣленными и обдуманными въ подробностяхъ

интернаціональными, народно-федеративными стремленіями, — но пока мы очень мало видимъ ихъ признаковъ въ печати, а вмѣсто того видимъ слишкомъ много признаковъ упорства въ старыхъ государственно-національныхъ, централистическихъ стремленіяхъ и предразсудкахъ. Попробуемъ же собрать и признаки новаго, и остатки стараго въ польской и великорусской публицистикѣ послѣдняго времени.

Самое радикальное отреченіе отъ идеи исторической Польши въ пользу идеи о самостоятельности народовъ, ее населяющихъ, какое до сихъ поръ мы встрѣчали въ польской печати, принадлежитъ M. G., неизвѣстному автору брошюрки „Głos z Korony, natchniony rokiem 1872“, изданной еще въ 1873 г. въ Краковѣ. Авторъ ея, по всему видно, держится не слишкомъ радикальныхъ мнѣній по вопросамъ религіознымъ и соціально-политическимъ, но обладаетъ искреннею любовью къ своей національности, которую желалъ бы предохранить отъ поглощенія и прусскаго, и русскаго и, какъ сынъ дѣйствительно польской земли, — (*Короною* называютъ поляки край Варшавскій), — онъ скорѣе, чѣмъ

шляхетскіе „перевертни“ непольскихъ земель, съумѣлъ отдѣлаться отъ шовинистическихъ идей по отношенію къ этимъ послѣднимъ землямъ. Переходя къ обсужденію вопроса о „такъ называемомъ западномъ краѣ“ или, какъ пересчитываетъ г. М. G., „Литвы, Волыни, Подоліи и Украйны“, авторъ говоритъ: „мы уже намекнули, что вслѣдствіе измѣнившихся въ теченіе столѣтія условій и идей, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія требовать себѣ провинцій, заселенныхъ русинскою народностью, развѣ бы захотѣли дѣйствовать во имя насилія. Тутъ только является вопросъ, можетъ ли та часть населенія польскаго, которая живетъ въ этомъ краѣ, надѣяться гарантій свободнаго употребленія своего языка въ школѣ и церкви, къ какому бы вѣроисповѣданію населеніе польское ни принадлежало?... Что до языка администраціи въ краяхъ русинскихъ, то претензіи наши тутъ не опираются ни на какихъ фактическихъ основахъ. Во всякомъ случаѣ до XVI вѣка языкомъ администраціи и дипломатическимъ въ Литвѣ былъ языкъ бѣлорусскій, а не польскій. Оставимъ же малоруссамъ и бѣлоруссамъ разрѣшеніе вопро-

са: станетъ ли языкомъ ихъ будущаго въ области литературы, администраціи и въ церкви прекрасный, мелодическій языкъ народныхъ пѣсень, Шевченка, Падуры, языкъ, который трудомъ интеллигенціи русинской, по примѣру западныхъ и южныхъ славянъ, скоро могъ бы распустить крылья до полета наравнѣ съ потребностями времени,— или же языкомъ этимъ долженъ быть языкъ великорусскій, постепенно, вслѣдствіе вліянія университетовъ кіевскаго и харьковскаго, вытѣсняющій языкъ малорусскій изъ употребленія въ кругахъ болѣе образованнаго малорусскаго населенія.

„Это вопросъ, по истинѣ, чрезвычайно важный, особенно для русинскаго народа, потому что рѣшеніе его окончательно въ пользу великорусскаго языка надолго придавитъ просвѣщеніе среди русиновъ и установитъ перегородку между образованнымъ классомъ и народомъ, который не перестанетъ тянуть пѣсни на языкѣ, такъ имъ любимомъ, такъ гибкомъ къ тонамъ грустной мелодіи; мы должны однако стать въ сторонѣ отъ этого вопроса, и непрошеные не брать въ немъ участія, а тѣмъ болѣе не дѣлать, какъ теперь, натиска на пользу

одной стороны въ рѣшеніи этого вопроса *) (Op. cit. 28—30).

Мысли въ такомъ духѣ мы встрѣчали въ двухъ-трехъ корреспонденціяхъ изъ Царства Польскаго въ петербургскія газеты, но ни у кого онѣ не доходили до такой категоричности, какъ у вышеупомянутаго автора. Равнымъ образомъ въ послѣднее время въ журналахъ молодой польской партіи въ Варшавѣ, какъ напр. въ „Przeglad Tygodniowy" можно было встрѣчать статьи довольно симпатичныя напр. къ укра-

*) Послѣднія слова для насъ не совсѣмъ ясны, а что въ нихъ ясно, съ тѣмъ мы не можемъ согласиться. Непонятно, что авторъ разумѣетъ, говоря, что поляки наклоняли вѣсы спора между „русинскимъ" и великорусскимъ языкомъ въ одну сторону. Во всякомъ случаѣ, въ украинскую сторону они ихъ наклоняли мало, а своимъ противодѣйствіемъ русинамъ въ Галиціи они препятствуютъ наклону вѣсовъ въ сторону украинцевъ. Далѣе, если авторъ совѣтуетъ нейтралитетъ полякамъ изъ «Короны», то съ этимъ можно еще согласиться,—но образованные поляки на Украйнѣ и Бѣлоруссіи, а также въ Литвѣ и Латышіи, какъ люди воспитавшіеся на счетъ туземныхъ массъ, должны не держать нейтралитетъ, а напротивъ, отслужить этимъ массамъ работою для ихъ просвѣщенія, конечно, на языкахъ этихъ массъ.

инскому движенію въ Галиціи. Въ духѣ примиренія съ русинами высказывался и „Dziennik Poznański“ и другіе познанскіе журналы (напр. Przegląd Słowianski), напуганные натискомъ германизаціи. Но ни въ одномъ еще журналѣ польскомъ мы не встрѣтили систематически проведеннаго новаго взгляда на отношенія поляковъ къ непольскимъ народамъ бывшаго польскаго государства, взгляда, исходящаго изъ полнаго отрицанія историческаго польскаго патріотизма и изъ признанія полной самостоятельности и отдѣльности вышеупомянутыхъ народовъ отъ Польши. Напротивъ того, вполнѣ непримиримыя идеи стараго польскаго историческаго патріотизма находятъ себѣ органы во всѣхъ польскихъ центрахъ, а особенно въ „самой свободной странѣ бывшей Польши,“—какъ называла Галицію соціалистическая „Równość.“ Обстоятельство это показываетъ, что мысль о раздѣлѣ исторической Польши между ея народами до сихъ поръ еще не нашла себѣ достаточнаго количества приверженцевъ въ польскомъ обществѣ. А безъ этой мысли,—развѣ могутъ быть сдѣланы совершенно новые шаги къ политическому и

національному освобожденію поляковъ, при посредствѣ широкаго федеральнаго движенія на Востокѣ Европы?

Безъ этой мысли невозможна и организація соціалистической пропаганды въ странѣ между Вислою и Карпатами съ одной стороны и Днѣпромъ и Десною съ другой, на началахъ дѣйствительно интернаціональныхъ. А между тѣмъ и въ новыхъ соціалистическихъ кружкахъ польскихъ мысль о вышеупомянутомъ раздѣлѣ исторической Польши между равноправными ея народами до сихъ поръ не встрѣтила себѣ много сочувствія. До сихъ поръ мы можемъ остановиться только на трехъ болѣе или менѣе прямыхъ указаніяхъ на существованіе признанія подобной мысли въ польскихъ кружкахъ. Самое раннее изъ нихъ относится къ 1877 г. Въ это время въ Львовѣ производился процессъ (второй) соціалистовъ украинцевъ, къ которому былъ привлеченъ и полякъ изъ Россіи, г. Котурницкій. У послѣдняго найдено было письмо автора настоящей статьи къ галицкому украинцу г. Павлику,—въ каковомъ письмѣ между прочимъ высказано было одно изъ основныхъ положеній, опредѣляющихъ отношеніе

украинскихъ соціалистовъ къ польскимъ: „польскіе соціалисты должны съ перваго же раза заявить, что ихъ цѣлью никоимъ образомъ не можетъ быть возстановленіе стараго польскаго государства 1772 г., даже соціалистическаго, но организація польскаго народа на польской землѣ, въ связи съ украинскими соціалистами, которые организуютъ свой народъ на его землѣ.“

Участвовавшіе въ процессѣ украинцы заявили болѣе или менѣе опредѣленно о своей солидарности съ авторомъ письма, и польскій ихъ товарищъ не высказался противъ его положенія, а заявилъ, что только на почвѣ соціализма состоится примиреніе русиновъ съ поляками, котораго такъ тщетно добивались старыя польскія партіи. Другое, гораздо болѣе ясное, заявленіе находимъ въ словахъ письма, посланнаго „кружкомъ соціалистовъ польскихъ изъ „подъ русскаго захвата“ (kółko socyjalistów Polskich z pod zaboru Moskiewskiego) на митингъ, созванный редакціей „Równości“ въ Женевѣ въ 50-лѣтнюю годовщину возстанія 1830 г.,—30 ноября 1880 г.: „Вамъ искренне и по братски протягиваемъ руку нашу, братья соціалисты, къ какой бы

народности вы ни принадлежали, а особенно вамъ, наши ближайшіе сосѣди, соціалисты украинскіе, (велико)русскіе и нѣмецкіе (socyjaliści russcy, rosyjscy i niemieccy“. Bibliot. „Równości“, I, 9) *).

Но самое прямое и ясное признаніе въ такомъ духѣ,—хотя все таки относительно однихъ только украинцевъ, находимъ въ двухъ уже упомянутыхъ программахъ галицкихъ, напечатанныхъ въ текущемъ году. Мы будемъ еще говорить объ этихъ программахъ въ особой обѣщанной статьѣ, а теперь сдѣлаемъ только выписку одной изъ нихъ, въ которой, можетъ быть, читателямъ будетъ интересно встрѣтить какъ вполнѣ интернаціональныя, федеральныя идеи въ приложеніи къ населенію изъ одной изъ частей исторической Польши, такъ и соотвѣтственно имъ, раціональное отношеніе къ вопросу о національностяхъ вообще, отличное отъ того, какое мы видѣли выше у якобинствующихъ соціалистовъ.

„Польско-украинская рабочая партія по

*) При случаѣ обращаемъ вниманіе на польскую національную терминологію, которая видна въ подчеркнутыхъ словахъ и которой обыкновенно не знаетъ «русская» публика.

можетъ имѣть ничего общаго съ тою партiею, которая стремится къ возстановленiю Польши эпохи Ягеллоновъ,—„отъ моря до моря“. Мы не хотимъ господства одной народности надъ другою. Мы сторонники самой широкой федерацiи и убѣждены, что каждый народъ можетъ развиваться успѣшно только на основѣ самостоятельной жизни и полной свободы. Вмѣстѣ съ такимъ развитiемъ пойдетъ уничтоженiе нацiональныхъ антипатiй, возрастетъ солидарность свободныхъ народовъ и общечеловѣческiя стремленiя. Человѣчество въ своемъ естественномъ развитiи обнаруживаетъ стремленiе къ сложенiю оригинальныхъ нацiональныхъ индивидуальностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленiю (do polęgowania) чертъ, общихъ этимъ индивидуальностямъ. Чѣмъ болѣе разовьются эти индивидуальности, тѣмъ скорѣе и цѣлое человѣчество начнетъ чувствовать свое единство передъ остальною природою: борьба между людьми прекратится, а мѣсто ея займетъ борьба съ остальною природою соединенными силами цѣлаго рода людского.

„По тѣмъ же самымъ основанiямъ мы должны отрицательно отнестись и къ дѣятельности той политической фракцiи у ру-

синовъ, которая стремится къ слитію народности малорусской съ великорусской, стараясь постепенно стереть національныя черты русиновъ и посѣвая вражду между русинами и поляками. Эта агитація поднята господствующими классами и служитъ исключительно ихъ цѣлямъ.

„Народная партія русиновъ, т. наз. украйнофиловъ (галицкихъ), въ настоящее время обнаруживаетъ чисто буржуазныя стремленія, которыхъ мы поддерживать не можемъ.

„Поляки собственно не имѣютъ народной партіи (ludowego stronnictwa). Малочисленнымъ сторонникамъ демократіи между буржуазіей польской не удалось, не смотря на неоднократныя попытки, организовать партію; эти демократы, разсѣянные по разнымъ политическимъ группамъ, имѣющимъ въ цѣломъ направленіе недемократическое, идутъ съ ними рука объ руку даже въ вопросахъ кардинальной важности.

„Такъ называемый „еврейскій вопросъ" для насъ не существуетъ. Мы боремся противъ еврейской *буржуазіи*, не потому что она еврейская, а потому что она буржуазія; мы соединяемся съ *пролетаріатомъ* еврейскимъ, потому что его соединяетъ съ

нами интересъ класса. Мы не признаемъ антагонизмовъ племенныхъ и національныхъ, а религіозныя вѣрованія считаемъ дѣломъ частнымъ.“

Не трудно видѣть, что галицкая польско-украинская программа становится вполнѣ на точку зрѣнія украинскихъ соціалистовъ и что если бы эта точка зрѣнія была усвоена соціалистами поляками напр. въ Варшавѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Динабургѣ, Минскѣ, Житомірѣ и т. п., — то мы бы увидѣли въ тамошнихъ соціалистическихъ кружкахъ заботы о пропагандѣ на языкахъ не только польскомъ, но и нѣмецкомъ, нѣмецко-еврейскомъ, литовскомъ, латышскомъ, бѣлорусскомъ, украинскомъ. Польская соціалистическая печать, если бы она, стоя на почвѣ реальныхъ отношеній польскаго населенія, вполнѣ отрѣшилась отъ старинныхъ польскихъ государственныхъ претензій, должна бы была сразу же высказаться въ пользу необходимости такой вполнѣ интернаціональной работы. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, большая часть лицъ, въ послѣднее время выступившихъ въ заграничной польской печати соціалистическаго направленія, не только не высказалась въ такомъ духѣ, а пока-

зала въ своихъ писаніяхъ значительное количество остатковъ стариннаго историческаго польскаго централизма. Мы бы предпочли вовсе молчать о такихъ писателяхъ, если бы мы видѣли помимо ихъ достаточное количество заявленій, хоть въ родѣ галиційскихъ программъ, изъ разныхъ концевъ бывшей Польши.

Въ 1879 г. г. Б. Лимановскій издалъ брошюру: „Socyjalizm jako konieczny objaw dziejowego rozwoju“ и въ ней безъ всякихъ оговорокъ процитировалъ, какъ могущее до сихъ поръ служить основаніемъ для польскихъ соціалистовъ, заявленіе демократовъ 1846 г., которое между прочимъ насчитало 20 мильоновъ поляковъ, — а дальше разсматриваетъ „Русь“, какъ провинцію Польши и т. д. Въ отвѣтъ на наши замѣчанія по этому поводу въ „Листкѣ Громады“ г. Лимановскій прислалъ намъ письмо, которое мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣли случая напечатать. Въ письмѣ этомъ г. Лимановскій, не отвѣчая, впрочемъ, категорически на наши вопросы, заявляетъ, правда, что признаетъ самостоятельность „русиновъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе возобновленія Люблинской уніи 1569 г.

Мы вообще не понимаемъ, какое значеніе для соціализма, какъ „конечнаго результата историческаго развитія", можетъ имѣть эта полувынужденная и цѣликомъ шляхетская унія. А въ частности думаемъ, что дѣйствительно желательное согласіе между политическими дѣятелями разныхъ народовъ въ предѣлахъ бывшей Польши и Литвы можетъ наступить только тогда, когда польскіе дѣятели окончательно сдадутъ въ архивъ всякія ссылки на Люблинскую унію, о которой по крайней мѣрѣ украинцы и въ Россіи, и въ Австріи и слышать не хотятъ. (Сошлемся напр. хоть на протестъ галицкихъ „народовцевъ" противъ польской демонстраціи въ память этой уніи 1869 г.). Г. Лимановскому слѣдовало бы во всякомъ случаѣ подождать, пока появится среди русиновъ хоть какое либо подобіе партіи, согласной на возобновленіе Люблинской уніи. А между тѣмъ онъ продолжаетъ въ „Jahrbuch für Sozialwissenschaft" третировать по крайней мѣрѣ землю галицкихъ русиновъ, какъ Польшу, въ противность тому, что заявляютъ даже поляки-соціалисты изъ Галиціи. И при этомъ еще польскій соціалистическій патріотъ жалуется европейской публикѣ,

что „нѣкоторые русинскіе соціалистическіе писатели обращают болѣе вниманія на проведеніе границъ между національностями, чѣмъ на строгое соединеніе силъ въ борьбѣ съ нашимъ опаснѣйшимъ врагомъ (какимъ?). Они сѣютъ несогласіе тамъ, гдѣ должна бы господствовать строгая солидарность“ и т. п. (Jahrbuch, III, 261). Какъ будто записывать въ Польшу напр. галичанъ не значитъ проводить границу, и притомъ совершенно невѣрную, между ними и ихъ братьями приднѣпровскими? и какъ будто можно придумать что либо, болѣе способное сѣять несогласіе между русинами и поляками, какъ навязываться первымъ съ польскою національностью и Польшею-государствомъ, которое такъ имъ опротивѣло?!

Если вѣрить газетамъ, описывавшимъ конгрессъ въ Хурѣ, (между прочимъ и польской газетѣ „Przedswit“), г. Лимановскій прямо заявилъ тамъ о необходимости возстановленія польскаго государства, при помощи даже польскихъ демократовъ старой школы, — конечно, въ границахъ, какія угодно будетъ провести г. Лимановскому и этимъ демократамъ. Любопытно, что при этомъ, какъ разсказываетъ „Przedswit“, г. Лима-

новскій являлся делегатомъ галицкихъ организованныхъ рабочихъ и читалъ отрывки изъ ихъ программы. Конечно, эти отрывки были не тѣ, которые мы привели выше, потому что иначе конгрессъ бы увидѣлъ, что г. Лимановскій никоимъ образомъ не можетъ считаться представителемъ кружковъ, которые составили эту программу *). Пов-

*) Судя по письму къ намъ изъ Галиціи отъ лица вполнѣ компетентнаго, программу эту постигли презлополучныя приключенія: она была озаглавлена «Program socyjalistów polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji» и въ такомъ видѣ отправлена въ Женеву для напечатанія. Но здѣсь (Imprimerie Polonaise, chemin Neuf, 13) «по ошибкѣ типографщика», она явилась подъ именемъ только «Program soc. polskich» и пр. и въ такомъ видѣ была пущена въ ходъ (она попалась съ такою «опечаткою» и въ руки австрійской полиціи). Опечатка была опротестована изъ Галиціи,—и тогда прежнее заглавіе было заклеено новымъ, но опять не тѣмъ, какое было составлено на мѣстѣ,—а опять другимъ: «Program socjalistów galicyjskich». Новая «опечатка» снесла и слово «polskich», но скрыла опять и слово «ruskich». Удивительно это постоянство типографской судьбы въ преслѣдованіи этого слова! Въ довершеніе г. Лимановскій явился на конгрессѣ въ Хурѣ съ этой программой въ рукахъ, какъ представитель идеи о возстановленіи Польши, отъ которой отреклась эта программа!!

торяемъ, если все, разсказанное о поведеніи г. Лимановскаго на конгрессѣ въ Хурѣ, правда, — то, конечно, такое поведеніе одного изъ самыхъ плодовитыхъ польскихъ писателей соціалистовъ всего менѣе способно установить согласіе тамъ, гдѣ оно должно существовать. Во всякомъ же случаѣ, заявленія г. Лимановскаго въ пользу необходимости возстановленія Польши, какъ государства, обязываютъ его и къ строгому опредѣленію границъ его, въ которыя онъ не имѣетъ никакого права вносить непольскія земли, какъ онъ это дѣлаетъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Иначе тутъ не только не можетъ быть вопроса о какой либо солидарности съ стремленіями, представляемыми г. Лимановскимъ, но долженъ быть поставленъ вопросъ просто о борьбѣ противъ нихъ, борьбѣ прежде всего со стороны той галицкой федераціи поляковъ, украинцевъ и евреевъ, программа которой была въ рукахъ г. Лимановскаго, когда онъ говорилъ передъ конгрессомъ въ Хурѣ.

На томъ же конгрессѣ г. Лимановскій говорилъ, по извѣстіямъ газетъ, отъ имени соціалистическаго общества „Людъ Польскій", котораго программа была недавно перепе-

чатана въ „Вольномъ Словѣ“. Намъ нѣтъ резона разбирать здѣсь эту программу, которой представительство г. Лимановскаго дастъ болѣе опредѣленное значеніе. Мы остановимся только на одной ея подробности: программа эта признаетъ необходимость „устраненія политическо-національнаго гнета (конечно, надъ народомъ польскимъ) посредствомъ (его) національной независимости въ границахъ добровольнаго тяготѣнія“ (dobrowolnego ciążenia, — во французскомъ изданіи программы это мѣсто переведено весьма вольно: dans les frontières de libre fédération, а въ русскомъ: „добровольнаго союза“).

Что должно разумѣть подъ словами: „dobrowolne ciężenie“?

Никакое революціонное движеніе не можетъ опираться ни на что, кромѣ „добровольнаго тяготѣнія“,— такъ что, въ общемъ смыслѣ, всего этого параграфа можно было и не писать. Очевидно, что въ этихъ словахъ надо искать отвѣта на вопросъ о границахъ того польскаго государства, которое предположило возстановить общество „Людъ Польскій“, и отвѣта, сообразно которому въ государствѣ этомъ могутъ принять участіе и

не польскія населенія. Но, если такъ,—то почему же это будетъ все таки Польша, Людъ Польскій? Очевидно, что вся выше писанная темная формула есть ничто иное, какъ порожденіе страха признаться въ историческомъ польскомъ патріотизмѣ и страха или нежеланія отказаться отъ него рѣшительно. Послѣ всего сказаннаго мы считаемъ излишнимъ говорить о томъ, что съ такими темными формулами нельзя освобождать ни народъ польскій, ни сосѣдніе съ нимъ народы *).

*) Единственно для полноты мы должны упомянуть о статьѣ г. Лимановскаго въ «Precurseur» 1881, № 29, 31 и слѣд. Статья эта представляетъ возраженія на нашу статью въ «Revue Socialiste» «Les nations de l'Europe orientale et le socialisme international», — основныя мысли которой руководятъ нами и при составленіи настоящаго труда. Мы должны сказать, что вообще г. Лимановскій напрасно поторопился спорить съ нами, такъ какъ статья наша не окончена печатаніемъ, — а въ частности, что до вопроса о польскихъ революціонерахъ 1863 г. и теперешнихъ соціалистахъ, мы не можемъ понять, что собственно хотѣлъ сказать авторъ. Онъ не счелъ возможнымъ развернуть теперь передъ европейскою публикой знамя исторической Польши и призналъ въ концѣ статьи, что и бѣлоруссы, и литвины, по всей вѣроятности, будутъ развиваться самостоятельно отъ Польши. А если такъ, — то зачѣмъ же г. Л. поднялъ споръ противъ нашей кри-

Не болѣе счастливы окажутся поиски за новымъ отношеніемъ польскихъ дѣятелей къ вопросу непольскихъ народовъ бывшей Рѣчи Посполитой и среди другой фракціи польскихъ соціалистовъ, той, которая теперь въ „Przedświt"-ѣ сама полемизируетъ, по своимъ резонамъ, съ фракціей „Люда Польскаго". Какъ видно и изъ подписи посланія „Przedświt"-а „къ Русскимъ товарищамъ соціалистамъ", фракція эта таже самая, которая издавала прежде „Równość". Эта „Równość" напечатала было въ 1879 г. свою „про-

тики программы 1863 г. и противъ нашихъ требованій отъ соціалистовъ-поляковъ, воспитанныхъ средствами разныхъ народовъ исторической Польши? Затѣмъ, съ статьею Лимановскаго трудно намъ спорить еще и потому, что она прибѣгаетъ къ слишкомъ адвокатскимъ пріемамъ. Такъ напр. г. Л—ій желаетъ защитить идею присоединенія Украйны къ Польшѣ нашимъ же свидѣтельствомъ о томъ, что украинская народность имѣетъ болѣе свободы въ Галиціи, чѣмъ въ Россіи. Но г. Л., который самъ жилъ въ Галиціи, долженъ же знать, что украинцы этимъ обязаны не польскимъ политикамъ, а австрійскимъ законамъ. Если онъ этого не знаетъ, то онъ былъ глухъ и слѣпъ ко всему, что дѣлалось около него, — а если онъ это знаетъ, то зачѣмъ же онъ запутываетъ понятія французскихъ читателей, которые не въ состояніи провѣрить его?!

грамму польскихъ соціалистовъ“, изъ которой былъ вполнѣ исключенъ политическій вопросъ объ освобожденіи Польши, но въ которой не было сказано ни слова ни о томъ, какое же поле дѣйствія избираютъ себѣ „польскіе соціалисты“, ни объ отношеніяхъ ихъ къ ближайшимъ сосѣдямъ дѣйствительнаго польскаго народа. Въ свое время мы покажемъ, что вопросъ этотъ былъ поставленъ передъ публицистами „Rownośći“ и ихъ соплеменниками и сосѣдями, но они предпочли уклониться отъ всякаго отвѣта на него *). Можно бы было думать, что такое уклоненіе произошло отъ того, что на той

---

*) Здѣсь мы упомянемъ только, что въ бумагахъ краковскаго процесса сторонниковъ «Równosci» находятся слѣды одной изъ польскихъ программъ, въ которой находимъ такія слова: «свобода политическая и національная, обезпеченная федераціей производительныхъ группъ народа польскаго въ границахъ этнографическихъ» (Wolnośc polityczna i narodowościewa, zapewniona przez federacye wysworczych grup ludu Polskiego w granicach narodowości). Программа эта была составлена въ Галиціи, какъ видно изъ процесса, лицами, находившимися въ сношеніяхъ съ «Równóśc» и съ г. Лимановскимъ, тогда къ ней принадлежавшимъ, но, какъ видно изъ сказаннаго выше, не была ими принята во вниманіе.

высотѣ интернаціональнаго міровоззрѣнія, на какую стала программа „Równości", такой отвѣтъ или самъ собою подразумѣвался, или самый вопросъ представлялся совсѣмъ лишнимъ. Однако на отношеніи „Równości" и ея французскаго бюллетеня къ Галиціи (и Западной, и Восточной), которую редакція изображала, какъ часть Польши, и въ которой она систематически игнорировала русинскій элементъ, — каоковой былъ упомянутъ только разъ, какъ существующій будто только въ селахъ подъ Львовомъ, а не въ самомъ Львовѣ, и упомянутъ въ полемико-юмористической статейкѣ, запутывавшей вопросъ, а не уяснявшей его, — можно видѣть, что причины вышеупомяну, таго умолчанія вовсе не тѣ, какія были сейчасъ предположены. Разъ же признавши, что вся Галиція — Польша, — нѣтъ никакой надобности въ иной пропагандѣ въ ней, кромѣ польской. А чѣмъ же отличается отношеніе Восточной Галиціи къ Польшѣ отъ отношенія Волыни, Бѣлоруссіи, Литвы? Почему же и имъ не выйти Польшею? Къ тому же публицисты и ораторы „Równosci", — какъ и г. Лимановскій въ названной выше брошюрѣ, — всякій разъ, когда имъ прихо-

дилось говорить о восточныхъ своихъ отношеніяхъ, говорили только о великорусскомъ (rossyjskiem) народѣ, какъ будто народовъ, промежуточныхъ между нимъ и народомъ польскимъ, и не существовало.

Въ напечатанномъ недавно воззваніи фракціи „Rownosci-Przedswita" къ „русскимъ (по польски—rossyjskim, т. е., великорусскимъ) товарищамъ" видно, что фракція эта уже не игнорируетъ ни политическаго вопроса, ни существованія національностей. Она между прочимъ считаетъ нужнымъ „съорганизовать одну общую соціалистическую партію, въ составъ которой вошли бы соціалистическія организаціи различныхъ національностей въ предѣлахъ русскаго государства и „выработать общую политическую программу для всѣхъ соціалистовъ, дѣйствующихъ въ русскомъ государствѣ", и предлагаетъ великорусскимъ товарищамъ совмѣстно съ нею выработать такую программу, даже не боясь „обвиненій въ централизмѣ". Да!—фракція „Rownosci",—прежняго органа „польскихъ соціалистовъ", — теперь уже не признаетъ надобности существованія „польскихъ соціалистовъ", какъ чего то цѣлаго,— хотя и съ оговоркой, которая возстановляетъ

эту цѣлость *). Но при этомъ польская фракція соціалистовъ русскаго государства предлагаетъ великорусской ихъ фракціи составить сообща съ нею программу, общую для всѣхъ соціалистическихъ организацій различныхъ національностей этого государства, не упоминая не только о другихъ фракціяхъ, но даже ни о какихъ другихъ національностяхъ этого государства! Значитъ ли это, что никакихъ другихъ фракцій кромѣ польской и великорусской въ Россіи нѣтъ, или что поляки и великоруссы вообще компетентны составить политическую программу для соціалистовъ всѣхъ національностей Россіи?? Не беремся отвѣчать. Но это обращеніе польской фракціи и это умолчаніе остается все таки фактомъ характернымъ

*) Вотъ текстъ относящагося сюда параграфа посланія: «Польская соціальная партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи, которыя сообща съ соціальными организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, создаютъ органическій союзъ, что не можетъ имъ мѣшать входить въ связи, какъ между собой, такъ и съ другими соціалистическими организаціями».

и мало предвѣщающимъ добраго, по крайней мѣрѣ для фракціи „Przedswita“.

Впрочемъ, послѣдней есть еще возможность вполнѣ раціональнаго выхода. Это — отнестись серьезно къ поставленному наконецъ и сю самою вопросу и начать его серьезную разработку прежде всего съ своего, польскаго конца. Правда, авторамъ деклараціи сейчасъ же придется расширить ту узковатую рамку, которую поставляютъ по крайней мѣрѣ выраженія, если не цѣль, этой деклараціи, вообще довольно торопливо редижированной. Декларація эта говоритъ только о необходимости слитія существующихъ въ Россіи „соціалистическихъ организацій различныхъ національностей“ для достиженія политической свободы, — а изъ способовъ этого достиженія говоритъ только о „террористической борьбѣ“. Но при серьезномъ размышленіи очевидно, что какъ одною „террористической борьбою“, т. е., убійствами, или, если угодно, „казнями“, политическая свобода не можетъ быть достигнута,— такъ и одно слитіе существующихъ соціалистическихъ организацій въ Россіи,—да еще и изъ нихъ только тѣхъ, которыя будутъ признаны за таковыя одино-

мышленниками „Przedswita“ (который напр. отрицательно относится и къ „Люду Польскому“),—не составитъ еще очень важнаго дѣла, даже на столько важнаго, чтобъ о немъ надо было возвѣщать печатными манифестами. Для политическаго переворота необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь къ себѣ эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что интересы эти будутъ удовлетворены, по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсужденія, такъ это вопросъ „соединенія“ массъ „различныхъ національностей русскаго государства“ для борьбы за такую политическую форму, которая бы обезпечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи, — если уже говорить о національностяхъ, — а мы бы прибавили: и каждой изъ ея сколько нибудь оригинальныхъ мѣстностей. Но возможно, что и одна или нѣсколько національныхъ

или мѣстныхъ группъ поставятъ достаточно резонно различныя подробности даннаго вопроса, хотя бы только теоретически. Для этого онѣ должны начать съ опредѣленія того, какія же національности или мѣстности, — или вообще естественныя единицы составляютъ то цѣлое, которое надо благоустроить? какія въ каждой изъ нихъ существуютъ нужды, требующія удовлетворенія? какіе способы слѣдуетъ употребить, чтобъ вызвать заявленія объ этихъ и другихъ нуждахъ, чтобъ привлечь къ борьбѣ массы этихъ національностей или мѣстностей? и т. д. На польскихъ членахъ желаемой общей организаціи наиестественнымъ образомъ лежитъ задача подобнаго изслѣдованія мѣстностей національности польской, а за тѣмъ, конечно, ближайшихъ къ ней, тѣмъ болѣе, что польскіе дѣятели во всѣхъ фракціяхъ, не исключая и фракціи „Rownosci", выходили и выходятъ изъ мѣстностей и собственно польскихъ, и литовско-латышско-бѣлорусско-украинскихъ. Польскимъ дѣятелямъ, если только они пожелаютъ отнестись серьезно къ предложенной фракціей „Przedswita" работѣ, придется, быть можетъ, прежде всего поставить самимъ себѣ вопросы: можно ли

считать за національности населенія вышеупомянутыхъ непольскихъ мѣстностей Россіи или нѣтъ? и каковы при томъ и другомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ могутъ быть способы для привлеченія и этихъ населеній къ участію въ борьбѣ за политическую свободу? равно, каковы должны быть формы этой свободы, которыя бы оградили интересы этихъ національностей, если ихъ существованіе признается? Отвѣтъ на эти вопросы тѣмъ болѣе необходимъ, что исторія большихъ державъ западной Европы, не исключая на этотъ разъ и англійской, научила насъ, что отъ такой или иной постановки подобныхъ вопросовъ зависѣло то, что послѣ длиннаго ряда политическихъ переворотовъ извѣстныя націи попали въ столь свободныя политическія формы, что иныя даже не безъ основанія стали вздыхать и о старинномъ абсолютизмѣ и, иногда при несомнѣнныхъ стремленіяхъ къ свободѣ, становиться орудіями для контр-революцій.

Не имѣя чести принадлежать къ числу „русскихъ товарищей“ „Przedswita“, мы все таки считаемъ себя не только въ правѣ, но даже въ обязанности, просто по по-

ложенію публициста, поставить группѣ „Przedswita“ изложенные выше вопросы, и ждать на нихъ категорическихъ отвѣтовъ. Иначе,—да простятъ намъ откровенность,—будетъ основаніе считать новую постановку вопроса о роли поляковъ въ революціонномъ движеніи въ Россіи или за поверхностную, минутную вспышку, или за новое уклоненіе отъ рѣшительнаго отвѣта на „проклятые вопросы“: что же такое Польша? т. е., гдѣ ея границы? и каково должно быть отношеніе къ плебейскимъ націямъ бывшей исторической Польши ихъ ополяченной интеллигенціи? Вѣдь при извѣстномъ, напр. „набатскомъ“, взглядѣ на данный вопросъ новый оборотъ извѣстной польской фракціи, которая, вмѣсто признанія раздѣла исторической Польши между ея дѣйствительными націями, признаетъ раздѣлъ ея между государствами, съ оговоркою, однакожъ, что части ея могутъ входить между собою въ союзы,—можетъ оказаться только новою попыткою доѣхать плебейскія націи, если не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ такомъ случаѣ, какъ и при томъ псевдо-интернаціонализмѣ, о которомъ мы говорили выше,—„у имущаго и будетъ,

и преизбудетъ, а у неимущаго, если что и имѣетъ быть, отнимется“. Напомнимъ, что устроенная на государственномъ началѣ нѣмецкая соціально-демократическая партія, даже и при сочувствіи къ полякамъ, ничего не успѣла сдѣлать для пропаганды соціализма среди польскаго населенія Германіи. Равнымъ образомъ и венгерская соціально-демократическая партія ничего не дѣлаетъ для пропаганды соціализма среди славянскихъ и румынскихъ населеній Венгріи, — потому что не рѣшается вырваться за перегородки государственно-національныхъ предразсудковъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ, и потому что она также игнорируетъ не-мадьаровъ и не-нѣмцевъ Венгріи, какъ польскіе и великорусскіе дѣятели игнорируютъ плебейскія націи Россіи.

XIII.

Обращаясь теперь къ обзору великорусской революціонной печати послѣднихъ двухъ лѣтъ, мы невольно припоминаемъ замѣчаніе г. Аксельрода о томъ „пренебреженіи къ печатному слову“, какое господствовало въ великорусскихъ революціонныхъ

кружкахъ 70-хъ годовъ, о той „ранговой лѣстницѣ революціонной преданности, въ которой (лѣстницѣ) революціонная пресса едва удостоивалась занять послѣднюю ступень“, о той „шаблонности требованій, которая оттолкнула отъ русскихъ революціонеровъ всѣ сочувствовавшіе элементы, но расходившіеся съ ними по второстепеннымъ пунктамъ“. Теперь, когда великорусскіе революціонные круги почувствовали необходимость говорить не только со своими товарищами, но со всѣмъ обществомъ, объяснять цѣли и средства, формулировать програмы, — теперь то и видны горькіе плоды этихъ и подобныхъ ошибокъ недавняго прошлаго. Заявленія и программы великорусскихъ революціонныхъ фракцій, довольно обильныя въ послѣднее время, хотя по большей части провозглашаются чрезвычайно догматически и непремѣнно отъ „партій“ и даже, до самаго недавняго времени, непремѣнно отъ всей русской социально-революціонной партіи, какъ чего то единаго и нераздѣльнаго, — тѣмъ не менѣе изложены почти всегда крайне отрывочно (часто не смотря на излишнюю длинноту), неполно, сбивчиво, то крайне абстрактно, то слиш-

комъ конкретно и мелочно, и часто противорѣчиво. При этомъ часто видно, что дѣло редакціи программъ, т. е., въ сущности, дѣло принциповъ, все еще остается второстепеннымъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ, такъ какъ иногда встрѣчаешь чуть не авторовъ извѣстныхъ заявленій и программъ, которые на распросы ваши относительно смысла какихъ либо частей ихъ, отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „этому не должно, впрочемъ, придавать серьезнаго значенія". Затѣмъ, нерѣдки случаи дѣйствій членовъ различныхъ фракцій въ духѣ, совершенно противномъ сдѣланнымъ печатно заявленіямъ. Анонимность большей части заявленій и программъ, конечно, помогаетъ такому легкому къ нимъ отношенію ихъ сторонниковъ, а иногда и авторовъ.

Всѣ эти и подобныя черты крайне затрудняютъ критику принципіальной стороны великорусскаго революціоннаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

Несомнѣнно, что въ немъ замѣчается желаніе выйти на новые пути, стать практичнѣе, ближе къ потребностямъ населенія

страны. Это уже одно должно обусловливать необходимость признанія и его разнообразій, которыя требуютъ и разнообразныхъ пріемовъ дѣйствія, и такимъ образомъ должно наклонять великорусскихъ революціонеровъ къ болѣе или менѣе федеративной программѣ. Въ пользу послѣдней дѣйствуютъ и преданія 60-хъ годовъ, которые все же были лучшею эпохою великорусской революціонной литературы. Эти преданія оставили за собою по крайней мѣрѣ федерально-анархическій языкъ, если не отчетливыя идеи и представленія. Къ тому же одна громадность Россіи дѣйствуетъ на чувства, если не на мысли, такъ внушительно, что рѣдко кто изъ великорусскихъ революціонеровъ рѣшается высказаться противъ необходимости ея федеральнаго строя,—и необходимость автономіи ея общинъ составляетъ непремѣнное общее мѣсто всѣхъ великорусскихъ программъ и послѣдняго времени.

Тѣмъ не менѣе, даже и эти программы, —не говоря уже о другихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ великорусскихъ революціонеровъ, заставляютъ признать вѣрность замѣчанія, высказаннаго тѣмъ же г. Аксельро-

домъ въ вышеупомянутой статьѣ „Переходное время партіи“:

„А сколько среди насъ такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозрѣвая этого! Правда, у насъ очень мало *сознательныхъ* и *послѣдовательныхъ* якобинцевъ, но вѣдь безсознательность и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія“.

Безспорно, самая дѣятельная и, по всей вѣроятности, самая многочисленная часть великорусскихъ революціонеровъ, это т. н. „партія террористовъ“ или „Народной Воли“. И вотъ въ ней то и заключается наиболѣе зародышей централистическихъ, якобинизма. Якобинизмъ этотъ теперь еще пока болѣе безсознательный, — такъ какъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые видные члены партіи признаютъ себя федералистами. Такимъ заявилъ себя въ своей послѣдней рѣчи Желябовъ. Кромѣ этой извѣстной всѣмъ рѣчи мы имѣемъ другое интересное свидѣтельство,—письмо къ намъ Желябова, писанное въ 1880 г., которое мы еще не считаемъ возможнымъ напечатать цѣликомъ, но изъ котораго считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующее мѣсто:

„Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ *)... за Учредительное Собраніе (созваніе котораго программа исполнит. комитета поставила ближайшею цѣлью). Во первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная коммиссія, а во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парнель? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо,—а ставишь ближайшею задачей требованія политическія; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части, — и требуешь Учредительнаго Собранія! Не велика заслуга предъ отечествомъ—аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы по крайней мѣрѣ предпочли быть мірянами". (12 Мая 1880 г.)

*) Желябовъ имѣлъ въ виду возраженія „народниковъ" и „украинцевъ"; солидарностью съ послѣдними, какъ видно и по другомуместу письма, онъ очень дорожилъ.

Изъ этихъ словъ видны. какъ федеративныя стремленія самого Желябова, такъ и то, что эти стремленія встрѣчали себѣ „изступленныхъ враговъ“. Письмо не говоритъ, въ какой средѣ были эти враги, но мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что авторъ письма имѣлъ въ виду и ближайшіе къ нему русскіе революціонные круги. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ основаніе предполагать послѣднее, такъ какъ намъ случалось не разъ на наши мнѣнія о необходимости признанія со стороны русскихъ политическихъ революціонеровъ національнаго разнообразія Россіи и заявленія ясной федеративной программы, получать изъ этихъ круговъ возраженія, изъ которыхъ самыя умѣренныя были въ такомъ родѣ: „мы этого не понимаемъ“, или: „для насъ эта необходимость вовсе не такъ ясна, какъ для васъ“ и т. п. Конечно, что въ болѣе широкихъ кругахъ „русскаго“ общества „ожесточенныхъ враговъ“ федерализма, — и притомъ вполнѣ сознательныхъ и даже прямо заинтересованныхъ въ національно - государственномъ великорусскомъ централизмѣ,--находится еще болѣе, чѣмъ въ кругахъ революціонныхъ, — и крайне характерно, что люди, въ родѣ Желябова, кото-

рые, казалось бы, отбросили страхъ передъ какими бы то ни было предразсудками русскаго общества, считали однакожъ нужнымъ уступать „ожесточеннымъ врагамъ“ федерализма.

Въ выписанныхъ словахъ Желябова есть еще одна очень характерная черта. Признавая необходимость оппортюнистически считаться съ „ожесточенными врагами“ децентрализаціи, Желябовъ также оппортюнистически указываетъ на практическую слабость сознательныхъ децентралистическихъ элементовъ въ Россіи, имѣя въ виду преимущественно Украйну, которую такъ часто сравнивали съ Ирландіею. Гдѣ украинскіе феніи? Парнель? — спрашиваетъ Желябовъ, — и очевидно, хочетъ сказать, что будь они въ наличности, то онъ бы и его друзья не ограничились требованіемъ созванія Учредительнаго Собранія для единой и нераздѣльной Россіи, а поставили бы въ свою программу и требованія такого или иного home rule (домашняго управленія, автономіи) для разныхъ націй и областей теперешняго россійскаго государства. Интересно, что это скептическое ожиданіе отъ Украйны феніевъ и Парнелей вылилось изъ подъ

пера уроженца одной изъ украинскихъ же губерній, которому никто не мѣшалъ самому явиться однимъ изъ своего рода феніевъ. Вообразите себѣ, что ирландскіе дѣятели стали бы ждать, пока это появятся на ихъ родинѣ home-rulers, а до тѣхъ поръ признавали бы себя англичанами, сторонниками великобритатской централизаціи. Не скоро бы тогда Ирландія дождалась Парнелей! А между тѣмъ таково отношеніе обрусѣлыхъ „окраинцевъ“ къ своимъ роднымъ краямъ и къ ихъ населеніямъ въ Россіи. На Украйнѣ напр. обрусѣлая „интеллигенція“, даже называющая себя народниками, или совсѣмъ сторонится отъ всего мѣстно-народнаго и даже относится враждебно ко всякому напоминанію о мѣстнонародномъ элементѣ,—или, при всей благосклонности къ нему, не идетъ далѣе полускептическаго ожиданія и вызова: подайте же намъ вашу украинскую культуру, украинскую политику, соціализмъ, революцію! Какъ будто все это долженъ подать кто нибудь другой, а не сами вызывающіе, которые должны бы всѣ, массою, сблизиться съ народомъ, ихъ вскормившимъ, ихъ окружающимъ!

Вотъ изъ такихъ то элементовъ: изъ „ожесточенной вражды“ къ федерализму однихъ, изъ непониманія его настоятельной нужды другими, изъ уступокъ вышеупомянутой враждѣ третьихъ, изъ недостатка иниціативы для энергическаго разрыва съ сословнымъ и государственнымъ воспитаніемъ четвертыхъ и т. п., и т. п., — и складывались вездѣ на материкѣ Европы тѣ якобинскія теченія, которыя давали даже революціоннымъ движеніямъ, начавшимся изъ за желанія доставить населеніямъ всяческія свободы, такое направленіе, которое только переносило самодержавную власть надъ населеніями изъ рукъ одного центрально-государственнаго учрежденія въ руки другого, — почти не расширяя реальныхъ правъ лицъ и группъ, изъ которыхъ состоятъ эти населенія. Вотъ почему такъ насъ и пугаютъ признаки подобныхъ же теченій и въ начинающемся русскомъ революціонномъ движеніи! Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ настаивать на необходимости по крайней мѣрѣ для революціонныхъ круговъ радикальнаго разрыва со всѣми централистическими, государственно-національными идеями и привычками!

Къ сожалѣнію, въ кругахъ русскихъ „террористовъ“ почти не замѣтно желанія поучиться на горькомъ опытѣ другихъ европейскихъ революцій, — а напротивъ того, слишкомъ много видно признаковъ фатальнаго увлеченія на тѣ дороги, которыя принесли такъ много бѣдствій другимъ европейскимъ странамъ. Какъ еще ни тѣсны предѣлы дѣятельности русскихъ политическихъ революціонеровъ, но на нихъ уже видна справедливость замѣчанія, что „во всякой странѣ оппозиція прежде всего складывается по типу того правительства, съ которымъ она борется“.

Сложившееся въ послѣднее время активное революціонное движеніе въ Россіи проявило себя прежде всего убійствами, которымъ и соціалисты считаютъ возможнымъ придавать имя *казней*! (И это послѣ Р. Оуена и другихъ отцевъ соціализма и ученія о *невмѣняемости*!) Затѣмъ, когда въ русскихъ революціонныхъ кругахъ явился опытъ прочной организаціи, то она, выбравши себѣ спеціальностью эти казни, приняла имя „исполнительнаго комитета соціально-революціонной партіи“, — между тѣмъ какъ условія жизни въ Россіи отнимали всякую возможность организаціи едино-

мышленниковъ какого бы то ни было направленія, выбора ихъ представителей, совмѣстнаго опредѣленія цѣлей и средствъ дѣятельности, словомъ, всего того, о чемъ говорятъ слова: *партія, комитетъ, исполнительный.* Очевидно, что кружокъ, назвавшійся сбя „исполнительнымъ комитетомъ р. с. р. партіи“,—былъ просто кружкомъ волонтеровъ, члены котораго могли представлять только самихъ себя. Даже для самаго успѣха дѣла, и въ интерессахъ партіи онъ и долженъ бы былъ выступить, какъ такой кружокъ волонтеровъ, дѣйствующихъ на свой страхъ, берущихъ на свои личныя совѣсти дѣйствія, по всякой человѣческой логикѣ, а особенно по соціалистической, — явно ненормальныя, объясняемыя только анормальностью же и системы русскаго правительства. Но такъ поступила только одна карательница агентовъ этого правительства, — Вѣра Засуличъ. Непосредственныя ея послѣдователи сочли за лучшее назвать себя „исполнителями“ воли цѣлой партіи, — и приняли на себя видъ своего рода правительственнаго трибунала, а потомъ и своего рода правительства; они дошли даже до употребленія въ своихъ изданіяхъ словъ „*агенты* исполнительнаго ко-

митета“! Больше года не только исполнялись имъ отъимени партіи разные судебные приговоры, основаній которыхъ никто, кромѣ самихъ исполнителей, не могъ провѣрить, но и заявлялись разныя общія мнѣнія: о европейскомъ соціализмѣ и русскомъ народничествѣ, (о необходимости снять съ соціализма въ Россіи нѣмецкую его одежду и одѣть его въ русскую сермягу и взять себѣ въ примѣръ даже раскольническихъ пророковъ и пророчицъ), объ отношеніяхъ соціалистовъ къ буржуазіи, либерализму и монархіи (съ которою думала мириться прокламація „Смерть за смерть“, а особенно г. Мирскій) и т. п., — мнѣнія, весьма и весьма спорныя, и часто противорѣчивыя,— но всегда заявляемыя торжественно отъ имени цѣлой русской соціально-революціонной партіи.

Между тѣмъ въ этой „партіи“ существовали крупныя разногласія, — которыя наконецъ вышли и въ печать, именно тогда, когда „террористы“ стали выбираться изъ противорѣчій и тумана руссофильскаго народничества первыхъ номеровъ „Земли и Воли“ къ болѣе опредѣленной постановкѣ вопроса о политической свободѣ на обще-

европейскихъ основаніяхъ. „Народники“ рѣшились отдѣлиться, — и такимъ образомъ въ 1880 г. вмѣсто одного органа р. с. р. партіи оказалось два: „Народная Воля“ и „Черный Передѣлъ“, — при чемъ первая, органъ „исполн. комитета р. с. р. партіи“ должна была объявить, что „исполн. комитетъ“ вовсе не представляетъ собою всю партію, а есть „совершенно самостоятельное тайное общество“, т. е., другими словами, что это и не „исполнительный“, и не „комитетъ“. А между тѣмъ имя это за нимъ осталось; — почему? — Потому что уже оно имѣло за себя извѣстную традицію! Соображеніе чисто династическаго, а не революціоннаго характера.

На этомъ дѣло не окончилось. Органъ исполнительнаго комитета принялъ названіе „Народная Воля“. Мы помнимъ смущеніе, какое обнаружилось въ нѣкоторыхъ кругахъ русской эмиграціи, болѣе образованныхъ политически и сохранившихъ память объ анархическихъ идеяхъ, — когда телеграммы въ заграничныхъ газетахъ возвѣстили о выходѣ въ Петербургѣ „Народной Воли“ и перевели это имя словами: „La volonté du peuple“, „Der Volkswille“. Эмигранты находили переводъ неправильнымъ и съ своей

стороны понимали слово *„Воля“*, какъ Вольность, Свобода, — почему и въ нѣсколькихъ печатныхъ заявленіяхъ около того времени и въ „Revolté“ (1 г., № 25) переводили имя новой газеты „La liberté du peuple“. Скоро однакожъ подтвердилось, что издатели „Народной Воли“ разумѣютъ послѣднее слово дѣйствительно въ смыслѣ „желанія“, „рѣшенія“, — „la volonté du peuple“, какъ началъ переводить даже анархическій „Le Revolté“.

„Народная Воля“ и прокламаціи исполнительнаго комитета не разъ объявляли, то что они провозглашаютъ „волю народа“, то что они имѣютъ цѣлью добиться для народа возможности провозгласить свою волю, — передъ которой сами заявляли (и за себя, и даже за партію) готовность преклониться. И при этомъ „партія Народной Воли“ заявляла, что она стремится къ установленію въ Россіи „политической свободы“.

Но вѣдь понятіе о „народной волѣ“ почти противоположно понятію о „политической свободѣ“!

Политическая свобода это прежде всего совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ, неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для воли народа, — потомъ, правъ группъ, — само-

управленіе общинъ и областей. Союзъ общинъ и областей, въ предѣлахъ одного народа (націи) или нѣсколькихъ, только и необходимъ (кромѣ достиженія извѣстныхъ цѣлей, нравственныхъ и экономическихъ, требующихъ большихъ матеріальныхъ средствъ) для охраны названныхъ выше видовъ свободы,—каковая цѣль лучше всего достигается, если и этотъ союзъ, обыкновенно называемый государствомъ, будетъ основанъ на началѣ выборнаго, народнаго, представительства. Но уже изъ сейчасъ сказаннаго видно, что въ такимъ образомъ построенномъ (снизу вверхъ) политически свободномъ государствѣ сама „народная воля“ получаетъ весьма ограниченную роль, — но за то народная свобода, или лучше свобода всѣхъ живыхъ составныхъ частей народа, сохраняетъ самое широкое значеніе. Совсѣмъ иное получается, если мы начнемъ построеніе государства сверху внизъ: отъ народа и его воли. Эта послѣдняя на практикѣ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только волею большинства,—а въ государствахъ большихъ,—столь отличныхъ отъ древнихъ государствъ общинныхъ или кантональныхъ, — ничѣмъ инымъ, какъ волею большинства представи-

толей большинства народонаселенія. Очевидно, что самодержавіе такой „воли“ тѣмъ болѣе часто можетъ идти совершенно въ разрѣзъ съ интересами значительной части населенія и существеннѣйшими правами лицъ, группъ, областей и даже націй. Прибавимъ, что самодержавіе народное, — прямое (въ общинахъ и кантонахъ), и представительное, — не исключаетъ учрежденія диктатуры, на которую переносятся права народнаго самодержавія, какъ это понималось и въ древнихъ общинно-кантональныхъ республикахъ, и въ римской имперіи, и во французской якобинской республикѣ съ ея коллегіальной диктатурой Comité du salut public, и въ бонапартовскихъ имперіяхъ, какъ это понимается и легитимистами новой Европы, и въ Россіи напр. великороссійскими славянофилами,— и мы тѣмъ яснѣе увидимъ все различіе понятій „народная воля“ и „политическая свобода“.

Впрочемъ, все это весьма обстоятельно разъяснено цѣлою литературою, которая образовалась послѣ якобинской революціи въ XVIII вѣкѣ, — трудами европейскихъ политическихъ писателей разныхъ направленій, консервативнаго, либеральнаго и

соціалистическаго, — писавшихъ о „государствѣ и его предѣлахъ“. Но эта литература, кажется, столь же мало извѣстна революціонерамъ, какъ и правителямъ въ Россіи, которые, каждый по своему, говорятъ во имя народа, его блага, воли и т. п. Только этимъ незнаніемъ, да недостаточнымъ анализомъ настроенія дѣйствительнаго „народа“ въ Россіи, въ томъ числѣ и народа ея господствующей національности, можно объяснить то, что „исполнительный комитетъ“ обѣщаетъ за себя и, можно сказать, за своихъ наслѣдниковъ подчиниться „народной волѣ“, какова бы она ни была, лишь бы она была свободно (?) выражена.

Въ частности, для лицъ, произносящихъ подобныя обѣщанія, опасность отъ необходимости исполнять ихъ еще не очень близка. Практическій вредъ подобныхъ обѣщаній, какъ и всѣхъ политическихъ доктринъ и государственныхъ пріемовъ „русскихъ террористовъ“, заключается въ томъ, что они вовсе не колеблятъ идеи государственно-централистическаго самодержавія, а только переносятъ его въ другія руки. Отсюда происходитъ и та робость покуситься на радикальное отрицаніе существующихъ по-

литическихъ отношеній, какая видна и въ письмѣ Желябова, — въ слабомъ развитіи идеи областной свободы въ „программѣ исполнительнаго комитета", въ совершенномъ умолчаніи ею вопроса о правахъ національностей и въ сокрытіи разнообразнаго населенія Россіи подъ именемъ русскаго народа*). Можно бы было подумать, что русскіе террористы желаютъ сохранить централизован-

*) Въ „Программѣ исполнительнаго комитета" находимъ, правда, въ раздѣлѣ **В** замѣчаніе, что въ народѣ (?) существуетъ, въ числѣ „старыхъ, традиціонныхъ принциповъ... зачатки федеративнаго устройства", — а въ разрядѣ **Г** желаніе „широкаго областнаго самоуправленія, обезпеченнаго выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа", — но тутъ „область" какъ то смѣшана съ „міромъ" (общиною), къ вопросу о которомъ любятъ сводить всѣ разговоры о самоуправленіи великорусскіе революціонеры, — а передъ этимъ пунктомъ поставленъ другой, по которому „постоянному народному представительству" (т. е. центральному парламенту) предоставляется „*полная власть* во всѣхъ общегосударственныхъ (?) вопросахъ". Во всей программѣ нѣтъ ни слова о разнонаціональности областей Россіи и о правахъ національныхъ, — а цѣлью теперешней революціонной дѣятельности поставлено: „отнять *власть* у существующаго правительства и передать *ее* Учредительному Собранію".

ную машину русской имперіи для того, чтобы „на другой день переворота" ею воспользоваться для своихъ цѣлей, какъ это было столько разъ съ революціонерами другихъ европейскихъ странъ. Но самое худшее, это то, что не подорванная даже въ теоріи эта машина,—даже въ случаѣ созыва Учредительнаго Собранія или просто всероссійскаго Земскаго Собора, — можетъ послужить совсѣмъ не революціонерамъ, — болѣе или менѣе соціалистамъ, — а кому нибудь другому, напр. консервативно-бюрократической диктатурѣ съ легкими починками, какъ это сталось напр. въ Австріи послѣ 1849 г. Вотъ почему и желательно было бы, чтобы въ числѣ другихъ общественныхъ элементовъ и „русскіе террористы" передумали болѣе систематически надъ вопросомъ о дѣйствительной политической свободѣ, которой нѣтъ безъ децентрализаціи—общинной, областной, національной. Вопросы о національностяхъ имѣютъ ту полезную сторону, что они разлагаютъ представленіе объ единообразіи состава населенія государства, противодѣйствуютъ стремленію къ смѣшенію идей о народѣ (націи) и государствѣ и такимъ образомъ наглядно ставятъ вопросъ

о децентрализаціи и о предѣлахъ власти вообще.

Въ самое послѣднее время „исполнительный комитетъ“ показалъ, что и онъ не совсѣмъ глухъ и слѣпъ къ вопросу о національномъ и областномъ разнообразіи населенія Россіи. Крупный фактъ антиеврейскаго движенія среди украинскаго населенія подѣйствовалъ и на него, — а съ другой стороны, и до него проникла идея, которая начинаетъ ходить и среди русскихъ революціонеровъ, — исходя преимущественно изъ южныхъ кружковъ,—о необходимости воспользоваться для борьбы противъ монархическаго строя всѣми остатками свободныхъ учрежденій и воспоминаній въ населеніи различныхъ областей Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній и соображеній исполнительный комитетъ въ послѣдніе дни сдѣлалъ два шага въ сторону признанія національнаго и областного разнообразія того, что онъ называлъ безразлично „народомъ русскимъ“, но, къ сожалѣнію, эти шаги отличаются все таки отрывочнымъ, несистематическимъ характеромъ и не показываютъ должнаго знанія даже

тѣхъ населеній, къ которымъ обращается „исполнительный комитетъ“ *).

Мы разумѣемъ двѣ прокламаціи „исполнительнаго комитета“, — одну къ украинцамъ по поводу противуеврейскаго движенія, другую къ „славному войску казацкому“. Первая замѣчательна главнымъ образомъ по своему языку: это первый опытъ обращенія „исполнительнаго комитета русской с. р. партіи“ къ части населенія Россіи на языкѣ неоффиціальномъ. Но, по своему содержанію, прокламація эта представляетъ или увлеченіе народничествомъ за предѣлы, дозволительные для соціалистовъ интернаціональнаго направленія или показываетъ въ

*) Со временъ извѣстнаго „упраздненія наукъ“, а особенно наукъ, которыя казались великорусскимъ революціонерамъ „націоналистическими“, всѣ ихъ заявленія и дѣйствія отличаются болѣе эмпирическимъ характеромъ, —„на ощупь“, —нежели систематическимъ, основаннымъ на синтезѣ. Пополнить этотъ недостатокъ лежитъ на тѣхъ поколѣніяхъ, которыя еще не застигнуты активнымъ движеніемъ и находятся въ школахъ, если только эти поколѣнія употребятъ время зеленой молодости на изученіе хода политическо-соціальной жизни въ передовыхъ странахъ Европы и мѣстныхъ условій разныхъ краевъ Россіи.

авторахъ незнакомство съ условіями жизни всѣхъ частей Украйны: прокламація не знаетъ вовсе евреевъ не-эксплуататоровъ, а рабочихъ, которыхъ точно очень мало въ лѣвобочной и степной Украйнѣ, но которыхъ довольно много въ Украйнѣ правобочной. Далѣе прокламація эта не предлагаетъ украинскому народу вмѣсто теперешняго правленія „московскаго царя“ ничего кромѣ правленія всероссійской „Палаты Депутатовъ“, которая будетъ „управлять (всероссійскимъ) народомъ по его „Народной Волѣ“: перспектива столь же мало соблазнительная для украинцевъ сознательныхъ, сколько и мало вразумительная для украинцевъ необразованныхъ. И тѣмъ, и другимъ слѣдовало показать возможность органовъ самоуправленія помельче и вмѣстѣ съ тѣмъ поближе къ ихъ странѣ, чѣмъ всероссійская Палата депутатовъ, которая будетъ „управлять“ Украйной и въ которой представители хотя бы и народной воли 16—17 мильоновъ украинцевъ будутъ въ меньшинствѣ сравнительно съ представителями „народной воли“ 40 мильоновъ великоруссовъ. Какъ бы украинскому народу не пришлось сказать вмѣстѣ съ Прудономъ: „La forme

change, la tyrannie est immuable!“ Въ прокламаціи къ козакамъ намъ бросилось въ глаза незнаніе того, что большая часть кубанскихъ козаковъ — недавніе Черноморцы, наслѣдники Запорожцевъ, — которымъ совсѣмъ ничего не говорятъ имена Разина и Пугачева, какими только и довольствуется прокламація, ни слова не говорящая о Сѣчи Запорожской!

Конечно, и въ Петербургѣ обязательно знать прошлое разныхъ областей, если уже признано за нужное къ нимъ обращаться съ напоминаніемъ ихъ прошлаго,— но вообще приспособиться надлежащимъ образомъ къ условіямъ каждой области могутъ только мѣстныя организаціи, которыя поставятъ себѣ цѣлью организацію широкаго политико-соціальнаго движенія, а не одни только политическія убійства. Но о такихъ организаціяхъ, которыя могутъ надлежащимъ образомъ сфедерироваться только снизу вверхъ,—органы великорусскихъ террористовъ еще не говорили, — а потому и мы должны оставить эту фракцію великорусскихъ революціонеровъ на слабыхъ попыткахъ дифференціаціи ея дѣятельности, которыя сейчасъ упомянуты и которыя не

измѣняютъ сущности ея узко-великорусскаго и якобинскаго характера. *)

XIV.

О необходимости мѣстныхъ организацій говорилъ органъ другой фракціи великорусскихъ соціалистовъ,—„Черный Передѣлъ“, называвшій себя „органомъ соціалистовъ-федералистовъ“. Но и съ его федеральными стремленіями произошло то же самое, что происходитъ обыкновенно съ вопросомъ фе-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что ограниченіе революціонной борьбы (практическое, если не теоритическое) на т. наз. „террористическихъ“ предпріятіяхъ способствуютъ развитію централистическихъ наклонностей, а дальше и теорій. Дѣйствительно „террористическія“ предпріятія требуютъ своего рода централизаціи и даже диктатуры, особенно предпріятія, направленныя противъ главы государства. Затѣмъ, при извѣстной кружковой близорукости, сначала кажется, что и все дѣло революціонное сосредоточивается въ томъ дѣлѣ, которымъ занятъ кружокъ, а потому у него и является желаніе подчинить себѣ всѣ остальные революціонные кружки, — а дальше являются и мысль о томъ, что если признать федеративную теорію и въ принципѣ, то это можетъ повлечь за собою разложеніе той централизаціи, которая установилась уже для данныхъ „террористическихъ“ предпріятій.

дерализма во всѣхъ россійскихъ партіяхъ,— къ которымъ въ данномъ случаѣ невольно прикладывается пословица: „далъ богъ копѣечку, а чортъ дырочку,—и пошла божья копѣечка въ чортову дырочку!“

Въ первомъ номерѣ „Чернаго Передѣла“ мы прочитали слѣдующія слова, которыя заставляли ожидать многаго:

„Что касается названія нашего изданія органомъ соціалистовъ - федералистовъ, то оно объясняется нашимъ убѣжденіемъ, что лишь федеративный принципъ въ политической организаціи освободившагося народа *), только полное устраненіе принудительнаго начала, на которомъ основаны современныя государства, и свободная организація снизу вверхъ могутъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни. Насколько торжество федеративнаго принципа можетъ быть достигнуто однимъ ударомъ, однимъ побѣдоноснымъ революціон-

*) Мы бы сказали и „*освобождающагося*“ народа (а въ Россіи народ*овъ*), такъ какъ историческіе примѣры (Швейцарія, Голландія, С. А. Соед. Штаты) показали, что только тамъ установилась федерація, гдѣ самый процессъ освобожденія велся по федеративному способу.

нымъ движеніемъ, невозможно, конечно, сказать въ настоящее время. Но партія должна направить всѣ свои усилія къ обезпеченію его торжества, и соціально-революціонныя изданія не могутъ обходить молчаніемъ этого важнаго вопроса. Этнографическій составъ населенія русскаго государства постоянно заставляетъ считаться съ нимъ и въ современной намъ практикѣ. Малороссія, Бѣлоруссія, Польша, Кавказъ, Финляндія, Бессарабія,—каждая изъ этихъ составныхъ частей Россійской Имперіи имѣетъ свои народныя особенности, требуетъ самобытнаго, автономнаго развитія".

Но при внимательномъ разсмотрѣніи даже 1 № „Чернаго Передѣла" открывается уже та „дырочка", въ которую должны были уйти заключающіяся въ вышеписанныхъ словахъ добрыя намѣренія. Остановившись напр. на заглавіи газеты, мы увидимъ, что имя ея, очевидно, областное даже изъ областныхъ. „Черный Передѣлъ"—терминъ великорусскій и даже въ Великороссіи преимущественно лѣсной, верхневолжской, — т. е., той полосы, гдѣ существовали до недавняго времени т. наз. „черные", т. е., вольные крестьяне, какъ противоположность

крестьянамъ владѣльцевъ, освобожденныхъ (обѣленныхъ) отъ повинностей государству *). Такимъ образомъ, — оставляя даже въ сторонѣ полное несоотвѣтствіе термина „Черный *Передѣлъ*“ съ идеей соціализма, которая именно исключаетъ понятіе о передѣлѣ, — имя это могло бы быть названіемъ развѣ популярной газеты и при томъ ультранароднической въ одной изъ областей Россіи, каковою напр. для Украйны могла бы служить газета съ именемъ, напр., „Слушниј Час“. А между тѣмъ издатели „Чернаго Передѣла“ предназначили ему быть,

*) Вотъ опредѣленіе понятія о «черномъ передѣлѣ» въ книгѣ г. Якушкина, «Обычное право»: «Можно положительно сказать, что идеалъ ярославскихъ крестьянъ составляетъ не личная собственность, а, такъ называемый, здѣсь черный передѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна дѣлиться между всѣми, по числу душъ... Ярославскіе раскольники придаютъ черному передѣлу религіозный характеръ: передъ кончиною міра воцарится на землѣ правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномѣрно между всѣми.“ Въ 6 № „Народной Воли“ корреспондентъ изъ Воронежской губерніи пишетъ, что въ той мѣстности „черный передѣлъ“ названіе не особенно употребительное“ и что въ Тамбовской губ. вмѣсто него говорятъ „литургія“. (!!)

во первыхъ, газетой для интеллигенціи и, во вторыхъ, всероссійской.

Послѣ выписанныхъ словъ въ 1 № „Ч. П.“ читаемъ:

„Въ виду этого было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; но пока оно составляетъ задачу будущаго, „Черный Передѣлъ“ по необходимости (?) является органомъ всѣхъ *русскихъ соціалистовъ*, раздѣляющихъ основныя положенія его программы. Тѣмъ не менѣе, каждое указаніе на мѣстныя отличія въ постановкѣ соціальнаго вопроса и практическихъ пріемахъ партіи всегда найдетъ самый радушный пріемъ на страницахъ нашего изданія“.

Но словно чувствуя неловкость своего положенія, несоотвѣтствіе имени и языка своей газеты съ ея всероссійскими претензіями, издатели не рѣшились поставить опредѣлительное прилагательное (напр. русскихъ) во второмъ заглавіи изданія и назвали его глухо: „органъ соціалистовъ-федералистовъ“, —тогда какъ имъ слѣдовало бы написать просто и откровенно „великорусскихъ“, подобно, напр., заглавію: „Der Social-Democrat, Internationales Organ der Socialdemocratie

deutscher Zunge“ 1880. Въ 1881 г. — D. Soc. Dem. Zentral-Organ der Deutschen Socialdemocratie).

Подобное заглавіе и соотвѣтственная ему локализація матеріала и способа изложенія, локализація программы о способахъ дѣятельности придали бы изданію и его фракціи живой областной характеръ, который, кромѣ прямой пользы для данной области, былъ бы полезенъ и косвенно, какъ примѣръ и для дѣятелей другихъ областей. Но неясность ли идей, или боязнь потерять поддержку невеликорусскихъ членовъ кружка (названные въ объявленіи объ изданіи газеты сотрудники большею частью не великоруссы), заставляла группу „Ч. П.“ погнаться въ одно время и за областностью, и за всероссійствомъ. Правда, это всероссійство свое группа хотѣла вначалѣ осуществить на болѣе или менѣе федеральномъ началѣ, объявивъ въ концѣ 1 № подписку на изданія „народныхъ книгъ на великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ“. Но кончилось тѣмъ, что группа издала пока четыре №№ „Чернаго Передѣла“ и столько же рабочей газеты „Зерно“ исключительно на великорус-

скомъ языкѣ и ни одного листка на украинскомъ и въ дальнѣйшихъ своихъ заявленіяхъ объ изданіяхъ на этомъ языкѣ уже и не упоминаетъ.

Такая же участь постигла и заявленныя въ одно время съ выходомъ первыхъ номеровъ „Ч. П." дифференціаціонныя намѣренія основателей „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки", въ числѣ которыхъ мы видимъ нѣкоторыхъ лицъ изъ тѣхъ, которые выступали публично, какъ члены редакціи „Ч. П.". „Объявленіе объ изданіи Русской Соціально-революціонной Библіотеки" *) признало недостатокъ дифференціаціи въ прежней дѣятельности „русскихъ" соціалистовъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „До появленія „Паровой машины" на малорусскомъ языкѣ, мы не имѣли ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помнимъ о разноплеменномъ составѣ Россійской Имперіи **). Предназна-

*) Оно ни кѣмъ не подписано, но въ числѣ объявленныхъ въ немъ сотрудниковъ, которые вполнѣ раздѣляли его идеи, находимъ имена гг. Гартмана, Морозова, Лаврова, Павловскаго, Плеханова и др.

**) Издатели „Паровой Машины" всегда объ этомъ помнили и напоминали другимъ! М. Др.

чая свои народныя изданія для всего трудящагося люда, отъ одного конца Россіи до другого, мы не приняли во вниманіе того обстоятельства, что русское государство состоитъ изъ различныхъ народностей, вполнѣ сохранившихъ, въ низшихъ слояхъ населенія, свою національную самобытность и свой языкъ. „Сказку о четырехъ братьяхъ" могли понимать только великоруссы; „Емелька Пугачевъ" считался годнымъ для оживленія революціонной традиціи какъ въ Поволжьи, такъ и въ Малороссіи, воспѣвающей своихъ народныхъ героевъ, имѣвшей свои массовыя движенія. Какъ извѣстно, проповѣдники христіанства были въ этомъ отношеніи практичнѣе, чѣмъ мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествіи святого духа и о полученіи дара говорить на всѣхъ языкахъ". Но авторы объявленія хотѣли соединить, по своему, разнообразіе съ единствомъ, предположивъ изданія все таки для всей Россіи, или по крайней мѣрѣ для Россіи славянской, впрочемъ, кажется, безъ польскихъ областей,— но съ раздѣленіемъ на два отдѣла: „1) *Для интеллигенціи*, т. е., для читателей, подготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ тру-

довъ и располагающихъ необходимымъ для этого досугомъ, и 2) *для народа*, т. е., для читателей, не могущихъ воспользоваться трудами первой категоріи (оригинальное опредѣленіе *народа!*). Сюда войдутъ популярныя брошюры для рабочихъ, крестьянъ, казачества и т. д. Народныя изданія „Р. С. Р. Б." *по языку* и способу изложенія будутъ примѣняться къ важнѣйшимъ экономическимъ и этнографическимъ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи".

Мы уже намекали выше, что такое раздѣленіе народа и интеллигенціи и недемократично, и непрактично. На основаніи всѣхъ видѣнныхъ нами примѣровъ, такое раздѣленіе, какъ компромиссъ между народно-областностью и государственностью, есть то же одна изъ тѣхъ „дырочекъ", въ которыя уходятъ „божьи копѣечки". При всѣхъ такихъ компромиссахъ государственно-національный элементъ непремѣнно поѣдаетъ элементы народно - областные. Интересы этихъ послѣднихъ могутъ быть ограждены только такою организаціею, которая признаетъ полную равноправность народно-областныхъ элементовъ (напр., въ области слова, необходимость для нихъ литературы, —

какъ элементарной, такъ и высшей, — развитіе которой должно быть предоставлено на волю самихъ мѣстныхъ дѣятелей, а не быть отмѣриваемо сверху представителями центральнаго элемента и учрежденія), — такою организаціею, которая будетъ состоять прежде всего изъ народно-областныхъ обществъ, а потомъ уже изъ союза ихъ, такъ или иначе представленнаго.

На основаніи этихъ соображеній мы еще передъ выпускомъ „Объявленія объ изданіи Р. С. Р. Библіотеки", которая положила себѣ цѣлью объединеніе дѣятельности „всѣхъ фракцій русскаго соціализма", считая за фракцію его и украинскихъ соціалистовъ, группы „Громады", (каковая тѣсно соединена съ галицкою группою „Громадського Друга"), — предлагали и на собраніяхъ эмигрантовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и въ печатныхъ циркулярахъ, разосланныхъ въ разные пункты, стремиться къ „Восточно-европейской интернаціональной федераціи", которая бы имѣла въ виду дѣятельность для всѣхъ націй Восточной Европейской равнины, входящихъ въ составъ, какъ русскаго государства, такъ и Пруссіи (литовцы, поляки), Австро-Венгріи (поляки, укра-

ницы, румыны) и Румыніи (румыны, украинцы и великоруссы—въ Добруджѣ). Какъ первый приступъ къ такой федераціи, мы предлагали образованіе литературнаго союза для соціалистическихъ публикацій на всѣхъ языкахъ Восточной Европы, — плебейскихъ, какъ и государственно аристократическихъ.

Предполагая, что и замыселъ изданія „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки" можетъ быть все таки полезнымъ дѣломъ, какъ шагъ, хотя и робкій, но все таки въ направленіи народно-областномъ,— мы сочли себя обязанными обѣщать свой литературный вкладъ въ эту библіотеку, хотя и должны были отказаться отъ принятія выбора въ члены ея редакціоннаго комитета и вообще отъ всякаго участія въ ея организаціонной дѣятельности, считая основанія „Библіотеки" не достаточно федеративными. Для проведенія болѣе радикально-федеративнаго плана, мы изложили его въ новомъ циркулярѣ: „Вниманію соціалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи". Въ циркулярѣ этомъ мы воспроизвели, между прочимъ, слѣдующія пять положеній, представленныхъ нами весною 1880 г. на разсмотрѣніе со-

бранія эмигрантовъ въ Женевѣ (великороссовъ, евреевъ, поляковъ, украинцевъ и др.) послѣ цѣлаго ряда рефератовъ разныхъ лицъ и преній: 1) *объ отношеніи борьбы за политическую свободу къ дѣлу соціализма въ Россіи* и 2) *о федерализмѣ и централизмѣ въ дѣлѣ соціалистической пропаганды въ Восточной Европѣ*. Вотъ эти положенія:

„1) Собраніе отдаетъ предпочтеніе соціальнымъ и революціоннымъ организаціямъ равноправно-федеральнымъ передъ централистическими и іерархическими.

„2) Собраніе считаетъ болѣе соотвѣтственнымъ интересамъ соціализма на Востокѣ Европы организацію соціальныхъ партій по естественнымъ областямъ: географическимъ, экономическимъ и національнымъ, чѣмъ на основаніи государственныхъ границъ, существующихъ и традиціонныхъ.

„3) Въ интересахъ пропаганды соціализма на Востокѣ Европы собраніе считаетъ существенною необходимостью организацію соціалистической печати на языкахъ народныхъ, а не на однихъ только языкахъ государственныхъ и высшихъ сословій.

„4) Такъ какъ изъ языковъ населеній Восточной Европы соціалистическая печать уже начата на языкахъ русскомъ, украинскомъ, польскомъ и румынскомъ, то собраніе считаетъ теперь очереднымъ дѣломъ организацію такой же печати на языкахъ: эстонскомъ, латышскомъ и литовскомъ, бѣлорусскомъ, на языкахъ евреевъ и кавказцевъ, — а также приспособленіе нѣмецкой соціалистической литературы къ быту нѣмецкихъ рабочихъ на Востокѣ Европы.

„5) Признавая существенно необходимымъ образованіе и сохраненіе въ Восточной Европѣ разнаго рода мѣстныхъ (областныхъ и національныхъ) соціалистическихъ кадровъ, собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ возможно болѣе тѣсную связь ихъ и взаимную помощь."

Изъ этихъ положеній второе стало предметомъ особенно горячихъ преній на нѣсколькихъ собраніяхъ въ Женевѣ и встрѣтило особенную оппозицію именно со стороны представителей „Równości",— „органа „польскихъ соціалистовъ", которыхъ самое имя должно бы говорить въ пользу признанія ими національной основы (базиса, а не принципа) для ихъ дѣятельности, — и

„Чернаго Передѣла“, органа „соціалистовъ-федералистовъ“, которымъ принадлежатъ выписанныя выше слова о необходимости считаться съ этнографическимъ составомъ населенія и пр. Громаднымъ большинствомъ наше положеніе было отвергнуто, вмѣстѣ съ самой идеей существованія какихъ либо естественныхъ областей, кромѣ государствъ, — которыя, государства, и признаны были единственными основами для организаціи соціалистическихъ партій. Это рѣшеніе имѣетъ въ виду посланіе групны „Przedświta“: „Къ товарищамъ русскимъ соціалистамъ“, когда говоритъ о „рѣшеніи бывшей группы „Równość“, принятомъ на основаніи переговоровъ съ русскими товарищами въ прошедшемъ году, а именно, что

a) на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ *исключительно* общеэкономическіе интересы и политическія условія.

b) что организація соціалистическихъ партій можетъ совершаться на основаніи условій экономическихъ, съ одной стороны, и фактически существующихъ государственно-политическихъ, съ другой, причемъ этнографическія границы національности никакъ не

могутъ служить базисомъ для организаціи и т. п." *)

---

*) Замѣтимъ, при случаѣ, что, какъ оказывается изъ вышеприведенныхъ словъ, группа бывшей «Równości» прекрасно понимаетъ, что значитъ слово «базисъ», между тѣмъ какъ еще въ 1880 г., когда мы, обсуждая занимающій теперь и эту группу вопросъ, сказали въ статьѣ «Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme international» въ „Revue Socialiste",—что всѣ государственныя основы (bases) польскихъ и русскихъ соціалистовъ находятся въ противорѣчіи съ революціей, а особенно соціальною,— то группа „Równości" приписала намъ мысль, будто ни у польскихъ, ни у русскихъ соціалистовъ нѣтъ соціально-революціонныхъ идей (principes), и подняла противъ насъ крестовый походъ, напечатавъ,—вмѣстѣ съ представителемъ „Черн. Перед.", — противъ нашей статьи протестъ (!) отъ имени „большинства польскихъ и русскихъ соціалистовъ въ Женевѣ". Протестъ этотъ, давая ложное понятіе о нашихъ мысляхъ и, главное, намѣреніяхъ тѣмъ, кто не могъ прочесть нашихъ статей во французскомъ журналѣ, — подрывалъ въ самомъ началѣ разсужденія о томъ организаціонномъ вопросѣ, которымъ теперь должна была заняться гласно сама группа „Przedświta". — Надѣемся, что читатель извинитъ намъ это и еще нѣсколько сдѣланныхъ въ такомъ родѣ примѣчаній и не сочтетъ ихъ за исключительно личныя. Ихъ всегда непріятно дѣлать, но иногда необходимо, въ цѣляхъ общихъ, такъ сказать, санитарнаго характера: если откуда, то именно изъ революціонныхъ

Даже и изъ выписанныхъ выше положеній нашихъ не видно, чтобы мы отрицали значеніе обще-экономическихъ или политическихъ условій, но только мы не придаемъ этимъ условіямъ (да и никакимъ другимъ) *исключительнаго* значенія. Нельзя отрицать ни частныхъ экономическихъ условій каждой области,—между прочимъ, родовъ производства, расположенія центровъ его и рынковъ обмѣна, опредѣляющихъ расположеніе и движеніе населенія въ фактически существующихъ экономическихъ бассейнахъ, ни нравственныхъ условій, вытекающихъ изъ существованія національностей, которыя образуютъ связь между населеніемъ, каковая связь важна въ особенности при пропагандѣ словомъ и письмомъ, пропагандѣ, требующей своей организаціи. Нельзя отрицать также фактически существующихъ осложненій обще-экономическихъ и политическихъ условій, если въ извѣстныхъ областяхъ расплаcтованіе населенія на аристо-

---

сферъ, слѣдуетъ изгонять неискренность пріемовъ и всякое политиканство, дѣйствія инсинуаціями, анаѳемами и т. п. способами „стараго міра“,— лучшее средство изгнанія которыхъ гласное на нихъ указаніе.

кратію, буржуазію, бюрократію и рабочіе классы соотвѣтствуетъ его раздѣленію на національности, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто во всей почти странѣ отъ Вислы до Днѣпра.

Между тѣмъ „переговоры бывшей группы „Równośći" съ русскими товарищами" прошли губкою по всѣмъ фактически существующимъ особенностямъ жизни народовъ и областей, — признавъ только условія обще-экономическія и государственныя *). Но такъ какъ въ каждомъ почти государствѣ, какъ мы уже не разъ говорили, фактическія условія сложили національный централизмъ,— то отрицательное отношеніе къ инымъ основамъ организаціи, кромѣ государственныхъ, оказывается равносильнымъ признанію преміи въ пользу государственно-національнаго централизма, т. е., въ Россіи великорусскаго, въ Пруссіи нѣмец-

*) Почти къ тому же заключенію пришелъ и г. Лавровъ въ примѣчаніи VII къ брошюрѣ Шэфле «Сущность соціализма», — «Національный вопросъ въ Соціализмѣ», изданномъ и въ «Русск. Соц. Рев. Библіотеки» и по польски въ «Biblioteka Równośći». Мы имѣемъ основаніе считать это примѣчаніе до извѣстной степени за отвѣтъ (отрицательный) на наши предложенія.

каго, въ Галиціи (такъ какъ о всей Австріи серьезно и рѣчи быть не можетъ) польскаго. Уже изъ послѣдняго видно, что польская національность вышла не совсѣмъ обдѣленною изъ этихъ „переговоровъ“. А кромѣ того, какъ мы уже показали, — въ третьемъ пунктѣ соглашенія „бывшей группы Równości съ русскими товарищами“,— послѣ рѣшительныхъ словъ: с) „что слѣдовательно польская соціалистическая партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи *), которыя, сообща съ соц. организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ **), создаютъ органическій союзъ“,—поставлена оговорка: „что не можетъ мѣшать имъ (польскимъ группамъ) входить въ связь между собой ***) Такимъ образомъ, изъ упомянутыхъ прошлогоднихъ переговоровъ вышли поби-

*) а *польскія* группы—это какое же понятіе, этнографическое или обще-экономическое и политическое? Или только «этнографическія» границы народа польскаго для польскихъ группъ не могутъ служить базисомъ для организаціи??!!

**) Какихъ національностей?—всѣхъ, или только государственныхъ и аристократическихъ??

***) Въ какихъ границахъ опять?

тыми только національности плебейскія и области, ими населенныя, — что̀ мы напередъ и предсказывали.

Мы говорили, между прочимъ, что безъ признанія необходимости областныхъ и національныхъ организацій даже такое, повидимому, безспорное дѣло, какъ пропаганда на живыхъ языкахъ всѣхъ народовъ, а не однихъ только привиллегированныхъ, не можетъ быть даже начата. И дѣйствительно, не только никто изъ забаллотировавшихъ наше предложеніе польскихъ и великорусскихъ централистическихъ псевдоинтернаціоналистовъ, но и, въ частности, члены группы „Чернаго Передѣла“ и „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“, не смотря на свои обѣщанія, не издали ни одной не только книжки, но даже странички на какомъ бы то ни было плебейскомъ языкѣ, а теперь даже и не говорятъ о своихъ недавнихъ обѣщаніяхъ. Единственная литературная попытка пропаганды соціализма на плебейскомъ языкѣ, сдѣланная съ тѣхъ поръ, — была бѣлорусская брошюрка „Про багатство та бьедносць“, изданная украинскими соціалистами, — которые остались въ такомъ поразительномъ меньшинствѣ на же-

невскихъ „переговорахъ" и противъ идей которыхъ высказался и г. Лавровъ въ одномъ изъ изданій „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки".

Побитою оказалась на прошлогоднихъ переговорахъ группы „Równości" и „русскихъ ея товарищей" и идея областныхъ организацій вообще. А между тѣмъ въ одной изъ областей Россіи уже показывались признаки крупныхъ народныхъ движеній. Мы говоримъ объ области украинской, въ которой въ последніе 70-ые годы произошли весьма многочисленныя аграрныя волненія и нѣсколько городскихъ „безпорядковъ" и готовилось произойти противоеврейское движеніе. Это послѣднее было предвидѣно небольшою группою украинскихъ соціалистовъ, которые, стоя на своемъ областномъ базисѣ, видѣли осложненія „общe-экономическихъ условій" національными отношеніями евреевъ и украинцевъ и указывали на необходимость принять во вниманіе эти осложненія. Между прочимъ, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ польскіе соціалисты группы „Równości" порѣшили вмѣстѣ съ ихъ „русскими товарищами", что „на характоръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ исключи-

тельно обще-экономическіе интересы и политическія условія", трое изъ украинскихъ соціалистовъ сочли необходимымъ выступить съ поддержкою мысли объ образованіи спеціальной группы соціалистовъ евреевъ, которая бы имѣла цѣлью пропаганду среди еврейскаго населенія въ Восточной Европѣ на живыхъ его языкахъ, и мотивировали эту поддержку слѣдующимъ образомъ:

„В области, заселенной украинским народомъ в Россіи и Австріи, живет теперь болѣе 1 мильона евреев. С другой стороны, вряд ли гдѣ нибудь происходила столь ожесточенная борьба между массами туземнаго населенія и евреями, как в Украйнѣ XVII и XVIII ст., в которой евреи являлись органами противнаго народу государственнаго и соціальнаго порядка.

„В настоящее время только треть евреев украинской области может быть причислена к явно эксплуататорскому классу, другая же треть должна быть отнесена к классу рабочему, и эта треть, равно какъ и значительная часть из остальной трети, — помощников и прислуги у первой, — далеко не пользуется выгодами доходов, извлекаемых, хотя бы и при помощи ея чле-

нов, еврейскими капиталистами, и живот в нищетѣ, часто даже превосходящей нищету „христіанскаго пролетаріата“. Между тѣм старая соціально-національная борьба между украинцами и евреями оставила по себѣ живую память у потомков обѣих сторон, и память эта удаляет одни от других и такіе слои обоих элементов населенія, которые принадлежат к одинаково рабочим и одинаково терпящим от теперешних экономических порядков. При теперешнем отношеніи между украинским народом и евреями можно ожидать, что всякое движеніе перваго против этих порядков будет сопровождаемо кровавыми сценами еврейскаго избіенія, гораздо болѣе несправедливыми, чѣм сцены XVII и XVIII в. С другой стороны, антагонизм между евреями и нееврейскими массами народа в Украйнѣ служит одною из причин солидарности между такими слоями населенія самих евреев, которых интересы в сущности противуположны между собою.

„Вот почему *для соціалистов Украинской области* представляется дѣлом особенной важности организація пропаганды, которая бы имѣла цѣлью, с одной стороны, отдѣле-

ніе рабочих еврейских масс от еврейских капиталистов, а с другой,—соединеніе еврейских рабочих с рабочими других племен. Так как одним из самых дѣйствительных средств для начала этой пропаганды может служить соціалистическая печать на разговорных языках евреев, то мы не сомнѣваемся, что всѣ наши товарищи в украинской области окажут поддержку вышеизложенному предпріятію товарищей евреев."

Встрѣченный враждебно какъ польскими и русскими псевдо-интернаціоналистами, такъ и украинскими націоналистами, замыселъ этотъ не привелъ пока ни къ чему,—если не считать заявленія къ нему сочувствія со стороны львовскихъ польско-украинскихъ рабочихъ кружковъ *). Противоеврейскій

*) Параллельно этой, пока чисто теоретической, попыткѣ еврейскихъ и украинскихъ соціалистовъ въ Женевѣ, на самой Украйнѣ попробовали сблизиться между собою «братчики-штундисты» украинсіке и еврейское «братство» въ Елизаветградѣ, обсуждая съ обѣихъ сторонъ возможность соединенія евреевъ и украинцевъ въ совмѣстномъ производительномъ, земледѣльческомъ трудѣ. Это—слабыя теперь зерна будущаго крупнаго движенія, которое одно въ состояніи гуманно рѣшить еврейскій вопросъ на Украйнѣ.

погромъ на Украйнѣ засталъ врасплохъ тамошнихъ соціалистовъ, русскихъ, поляковъ и евреевъ, далеко не малочисленныхъ. Мы далеки отъ мысли, чтобъ принятіе въ самое послѣднее время предложенія небольшихъ женевскихъ группъ, еврейской и украинской, могло оказать существенное вліяніе на ходъ послѣднихъ противоеврейскихъ демонстрацій. Для такого вліянія необходима была долгая и систематическая работа. Но даже небольшія проявленія новаго отношенія къ еврейскому вопросу на Украйнѣ,—въ родѣ одной-двухъ прокламацій и къ евреямъ, и къ украинцамъ, попытокъ удержанія христіанской массы отъ нанесенія вреда евреямъ-рабочимъ (которые такъ пострадали напр., въ Кіевѣ), участіе хоть нѣсколькихъ евреевъ-рабочихъ въ демонстраціяхъ противъ еврейскихъ эксплуататоровъ,—все это могло бы послужить зерномъ для новаго, раціональнаго направленія движенія, проявившагося въ „разгромахъ евреевъ“. Но ничего подобнаго не случилось на Югѣ Россіи главнымъ образомъ потому, что тамошняя масса русскихъ соціалистовъ, родомъ изъ евреевъ, поляковъ и украинцевъ, отвлекаемая абстрактными формулами и цен-

тралистическими тяготѣніями, оказалась неприготовленною къ пониманію мѣстныхъ соціально-національныхъ отношеній въ ихъ конкретныхъ формахъ. Во время самаго разгрома соціалистическіе кружки оказались совсѣмъ въ сторонѣ отъ дѣйствія, а послѣ погрома (или, лучше сказать, послѣ перваго акта его) „русскіе соціалисты" попробовали сказать о немъ свое слово,—но, какъ видно по примѣрамъ прокламацій, между прочимъ, и „Народной Воли", не совсѣмъ удачно. Судя по газетнымъ о нихъ извѣстіямъ, прокламаціи эти или идутъ совершенно въ разрѣзъ не только съ народнымъ взглядомъ, но даже и съ дѣйствительностью, отрицая совершенно еврейскій вопросъ, какъ осложненіе общаго вопроса объ эксплуататорахъ народнаго труда, или же совершенно становятся на точку зрѣнія тѣхъ, кто „разгромлялъ евреевъ". А между тѣмъ истинная точка зрѣнія заключается не въ этихъ двухъ отношеніяхъ, а въ третьемъ. Но эта третья точка можетъ получиться только изъ детальнаго изслѣдованія дѣла съ его общими и частными, экономическими и національными подробностями. Эти подробности проскальзываютъ въ послѣднее время и въ

великорусскихъ соціалистическихъ газетахъ, только очень отрывочно. Такъ напр., въ № 4 „Чернаго Передѣла" находимъ такое, для многихъ, не желающихъ признавать что либо, кромѣ „обще экономическихъ отношеній", еретическое сообщеніе одного корреспондента съ лѣваго берега Днѣпра. „Когда панъ надъ тобою властвуетъ, это не такъ обидно, а то жидъ, — говорятъ крестьяне. Вообще, противъ пановъ нѣтъ такого сильнаго личнаго озлобленія, какъ противъ евреевъ, хотя, понятно, и первыхъ крестьянинъ далеко не жалуетъ. „Намъ бы только съ жидами справиться, а тамъ и за пановъ примемся",—говоритъ онъ. Народъ, какъ мнѣ кажется, держится извѣстной градаціи по отношенію къ своимъ врагамъ. На первомъ планѣ является у него кулакъ иновѣрецъ, далѣе кулакъ православный, но изъ чужой народу среды, баринъ, и наконецъ уже слѣдуютъ гг. Разуваевъ и Колупаевъ, т. е., свой же братъ мужикъ *). Еврейскій раз-

*) Сравн. въ украинской брошюрѣ «Як наша земля стала не наша», 1870 г., стр. 55. Къ стати, замѣтимъ, что такъ любимое въ русской народнической литературѣ слово „кулакъ" въ переносномъ смыслѣ, очень мало распространено въ народѣ и въ

громъ — прелюдія къ болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движенію". Послѣднія строки наводятъ, между прочимъ, на слѣдующія размышленія. Теперешнее положеніе Россіи многіе не безъ основанія сравниваютъ съ положеніемъ Франціи передъ Великой Революціей 1789 г. Во время же этой революціи предводителями крестьянской борьбы противъ дворянъ-помѣщиковъ и потомѣ противъ королевской администраціи были очень часто сельскіе Разуваевы и Колупаевы, которые же больше всего и воспользовались плодами революціи въ селахъ. Почему не повториться тому же самому и въ Россіи? Далѣе, — если въ народѣ существуетъ градація враговъ,—то не можетъ ли слѣдующій за еврейскимъ народный разгромъ направиться, напр., на правобочной Украйнѣ на пановъ-поляковъ, въ другомъ мѣстѣ на полицейскихъ чиновниковъ и т. п.*) Вотъ подмѣтить эту градацію и вообще всѣ мѣстныя варіаціи обще-экономическихъ и политическихъ условій, съ

самой Великороссіи. На Украйнѣ никто его не пойметъ.

*) И самые евреи — теперь агенты фиска въ шинкахъ и при взысканіи недоимокъ.

тѣмъ, чтобъ не быть вѣчно захватываемыми врасплохъ событіями, — какъ это постоянно случается съ русскими революціонерами, которыхъ захватило врасплохъ и польское возстаніе 1863 г., и сербско-болгарская война 1875—1878, и противоеврейское движеніе 1881 г., — только и могутъ областныя соціально политическія организаціи, конечно, вооруженныя политическимъ образованіемъ. О такихъ организаціяхъ и слѣдовало бы прежде всего позаботиться *).

*) Что незнаніе великорусскими революціонерами положенія дѣлъ на Украйнѣ было причиною ошибокъ ихъ въ польскомъ вопросѣ и неприготовленности во время еврейскаго погрома,—это видно съ перваго раза. Не такъ ясна связь подобной же неприготовленности во время послѣдней восточной войны съ отсутствіемъ достаточно сильной оппозиціонной организаціи въ украинской области. Дѣло въ томъ, что съ Украйны, — которая своимъ присоединеніемъ къ Московіи навязала послѣдней антитурецкую политику,— виднѣе жизненныя подробности восточнаго вопроса, чѣмъ изъ Петербурга, и подробности эти чувствуются болѣе съ народной, а не съ православно-государственной точки зрѣнія, какъ въ Москвѣ. Вотъ почему небольшая група сознательныхъ украинцевъ еще съ конца 60-хъ годовъ почувствовала близкую неизбѣжность взрыва на берегахъ Дуная и стала пробовать обратить вни-

Надо сказать, что въ теченіе 1880 г. въ кружкахъ, прикосновенныхъ къ „Черному Передѣлу“, мысль о мѣстныхъ организа-

маніе, кого слѣдовало, на связь этого взрыва съ вопросомъ внутренней политики Россіи и убѣждать оппозицію, которою руководили люди петербургскіе, приготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ интересахъ свободы предстоящимъ движеніемъ, обративъ его столько же противъ турокъ константинопольскихъ, сколько и противъ московско-петербургскихъ, изъ которыхъ послѣдніе теряютъ послѣдній свой raison d'être послѣ ниспроверженія первыхъ. Изученіе украинскаго народа,--напр. его преданій и политической поэзіи, подтвердило предположеніе о томъ, что противотурецкое движеніе можетъ быть живымъ предлогомъ для освободительной агитаціи и среди украинскаго населенія. Всѣ попытки направить въ эту сторону вниманіе великорусской и овеликорушенной демократіи оказались напрасными. Даже, когда въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи лилась кровь, публицисты и ораторы великорусскаго соціализма продолжали или игнорировать это кровопролитіе, или даже убѣждать сербовъ и болгаръ, чтобъ они подождали, пока произойдетъ въ Германіи, Австріи и Россіи соціальная революція, —и тогда-де они разомъ получатъ и соціальную, и національную свободу. (Впередъ). Нельзя было убѣдить великорусскихъ соціалистовъ даже въ необходимости устроить заблаговременно въ Румыніи складъ публикацій для распространенія въ долженствовавшей вступить туда арміи, не говоря уже о необходимости создать публикаціи.

ціяхъ, очевидно, ставилась на очередь,—но, къ сожалѣнію, опять находились „дырочки", въ которыя уходила эта мысль. Лѣтомъ 1880 г. намъ сообщенъ былъ проэктъ программы „Великорусскаго общества „Земля и Воля" при письмѣ отъ „украинскихъ" членовъ этой организаціи, которые, не отказываясь отъ мысли объ основаніи подобнаго же общества для Украйны, сочли нужнымъ, по временному нахожденію своему въ Великороссіи, присоединиться къ Великорусскому обществу. Мы не станемъ разбирать здѣсь самой программы въ ея частяхъ. Самое интересное въ ней было ея имя, вполнѣ народно-областное, ясно-національное,— разрывавшее со всякими государственными стремленіями и недомолвками. Но программа эта появилась въ печати во 2 № „Чернаго Передѣла" (вышедшемъ за границей)

которыя бы были приспособлены для этой арміи, т. е., такія, которыя бы ставили вопросы внутренней политики въ связи съ вопросомъ войны. Сколько нибудь систематическая посылка революціонныхъ публикацій въ Румынію началась только со второй половины военнаго періода,— а какъ немногія изъ нихъ и какія именно ставили въ вышеписанномъ смыслѣ соціально-политическіе вопросы, это долженъ знать и самъ читатель.

въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто „Великорусскаго“ общество названо „Сѣверорусскимъ“, —съ слѣдующимъ, впрочемъ, примѣчаніемъ: „Называя себя Сѣверорусссскимъ, общество „Земля и Воля“ относитъ къ району своей дѣятельности и мѣстности Юго-восточной Россіи, въ которыхъ условія быта сельскаго населенія приняли формы, характеристичныя для русскаго Сѣвера“. Въ этомъ примѣчаніи сказано длинно и темно то же самое, что говорило ясно одно слово,—„Великорусское“. Къ чему и почему была сдѣлана замѣна? Почему?—это можно догадываться;—потому, что названіе „Великорусское“ устрашало многихъ своимъ „національнизмомъ“ и находилось въ противорѣчіи съ тѣмъ соглашеніемъ, о которомъ говоритъ посланіе „Przedświt“-а „къ русскимъ товарищамъ“. Привести же подобная замѣна не могла ни къ чему, какъ только къ затемненію идеи о необходимости соціально-политическихъ организацій, соотвѣтственно естественнымъ условіямъ областей: географическимъ, экономическимъ и національнымъ.

Помѣщая программу общества „Земля и Воля“, какъ „полученную отъ Петербургско-Московской организаціи“,— заграничная

редакція „Чернаго Передѣла“ предпослала ей, между прочимъ, слѣдующія слова:

„Остается лишь пожелать скорѣйшаго появленія таких же Обществ и в провинціях.

„Концентрація революціонных сил в столицах погубила бы движеніе, и если до сих пор никакія правительственныя репрессаліи не в силах были его задушить, то единственно благодаря децентрализаціонному его характеру.

„Провинціи должны явиться такими же революціонными пунктами, как и столицы. Названіе общества „Земля и Воля“ Сѣверно-русским доказывает, что товарищи наши не упускают из виду этой необходимости. Неизбѣжным дополненіем Сѣверно-русской организаціи должна явиться организація Южно-русская. При условіи тѣсной связи и взаимной помощи между ними, такое раздѣленіе революціонных групп окажет им несомнѣнную пользу в смыслѣ большаго знанія экономических особенностей и бытовых привычек различных мѣстностей Россіи“. („Ч. П.“ II, 4 –5).

Но никакихъ ожидаемыхъ „провинціальныхъ“ организацій не воспослѣдовало, исключая „Южнорусскаго Рабочаго Союза“.

Такъ какъ программа этого „Союза“ не обнародована, и ни мы сами, ни кто либо изъ лицъ, намъ знакомыхъ, не видѣлъ даже ни одной изъ тѣхъ частныхъ прокламацій, которыя, по словамъ газетъ, выпускались отъ имени этого „Союза“, то мы и не можемъ судить ни о его характерѣ, ни о его отношеніяхъ къ разнымъ направленіямъ, заявившимъ себя въ послѣднее время въ соціально-революціонныхъ кругахъ въ Россіи. Мы не имѣемъ ровно никакихъ матерьяловъ для того чтобъ судить о практической сторонѣ дѣятельности „Южнорусскаго Рабочаго Союза“; что же касается до теоретической его стороны, то на нее даетъ нѣкоторое указаніе его имя: „Южно-русскій“, — имя безцвѣтно-географическое, а не народное, ясно національное. Центромъ дѣятельности „Союза“ былъ, кажется, Кіевъ, — одинъ изъ центровъ среди населенія украинскаго. Прими союзъ названіе „Украинскаго“, тогда понятно было бы, на какое живое населеніе онъ предполагаетъ дѣйствовать. Но „Союзъ“ или не отдалъ себѣ яснаго отчета объ этомъ населеніи и его особенностяхъ, — которыя главнымъ образомъ и обусловливаютъ необходимость и особой организаціи, — или тоже убоялся показать-

ся націоналистическимъ, — а потому выбралъ себѣ блѣдное географическое имя, подобно тому, какъ выбираетъ для областей имена правительство, желающее затереть все, что противорѣчитъ идеѣ „единства и нераздѣльности" государства: „Привислянскій край", — „Х-й военный округъ" и т. п. Такъ какъ украинское населеніе не механическая совокупность двуногихъ существъ, живущихъ въ извѣстныхъ провинціяхъ извѣстнаго государства, а столько же органическое цѣлое, сколько можетъ быть имъ населеніе извѣстной націи, то никакая нравственная работа среди него не можетъ быть успѣшна и глубока безъ яснаго признанія этой его органичности. А потому и кіевскій „Южнорусскій Рабочій Союзъ" врядъ-ли можетъ быть признанъ зародышемъ для развитія такой успѣшной и глубокой работы на пользу украинскаго народа. Мы должны только упомянуть о немъ, какъ объ одной изъ, все таки, почтенныхъ первичныхъ мѣстныхъ организацій, на ряду съ „Южнорусскимъ рабочимъ союзомъ", пробовавшимъ не безъ успѣха организоваться въ 70-е годы въ городахъ побережья Чернаго моря, и съ петербургскимъ „Сѣверно-русскимъ рабо-

чимъ союзомъ“ 1879 г., — но вовсе не въ числѣ такихъ, которыя бы показали примѣръ новой организаціи областныхъ политических партій, радикально разорвавшихъ съ идеями національно-государственнаго централизма.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что на такой разрывъ не рѣшились и учредители „Великорусскаго Общества Земля и Воля“, превратившагося въ Сѣверно-Юго-Восточно-Русское. Послѣ напечатанія программы этого общества уже ничего не слышно о немъ, а вмѣсто того мы видимъ печатныя проявленія „Общества Земля и Воля“, уже какъ учрежденія всероссійскаго. Съ девизомъ этого общества издаются въ 1881 г. прокламаціи, газеты („Черный Передѣл“ и „Зерно“), и хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ публикацій и продолжаются заявленія о необходимости децентрализаціи, но заявленія эти не идутъ дальше общихъ словъ, а многія частности въ этихъ публикаціяхъ прямо свидѣтельствуютъ о крѣпости совершенно централизаторскихъ, національно-государственныхъ, — если не идей, то, говоря англійскимъ терминомъ, „привычекъ мысли“ дѣятелей этого всероссійскаго общества.

Въ № 3 „Чернаго Передѣла“ находимъ заявленіе отъ имени „прежнихъ издателей „Ч. П.“ съ слѣдующими весьма радикальными словами:

..... „Предостерегая партію отъ излишняго увлеченія вопросами чисто политическаго свойства, „Черный Передѣлъ“, думаемъ мы, лишился бы значительной доли практическаго значенія, оставаясь вполнѣ безучастнымъ къ политическому вопросу, столь жгучему теперь въ Россіи. Въ этой области, по нашему мнѣнію, органъ долженъ остаться вѣрнымъ принципу федерализма. Поэтому, распаденіе Россійской имперіи на самостоятельные организмы по естественнымъ областямъ, будетъ откликомъ на зовъ, раздающійся съ другой стороны — „Всероссійскій Земскій Соборъ“. („Ч. П“., 1881. № 3).

Какъ видитъ читатель, это заявленіе повторяетъ по своему тотъ пунктъ нашихъ предложеній, который такъ рѣшительно былъ отвергнутъ во время тѣхъ „переговоровъ“, о которыхъ говоритъ посланіе „Przedświta‘ къ „русскимъ товарищамъ“,—отвергнутъ при дѣятельномъ участіи нѣкоторыхъ изъ „прежнихъ издателей“ „Ч. П—ла“ за-границей. Во всякомъ случаѣ это заявленіе можно

было бы привѣтствовать, если бы оно повело за собою сознательно-послѣдовательные практическіе шаги. Но дѣло въ томъ, что такихъ шаговъ не только совсѣмъ не видно, покрайней мѣрѣ въ публикаціяхъ всероссійскаго общества „Земли и Воли", но даже видны шаги совсѣмъ въ противоположномъ направленіи.

Начать съ того, что всѣ подобныя заявленія слишкомъ абстрактны, а потому уже и неясны. Иногда же они редижированы до того сбивчиво, что со стороны совсѣмъ трудно уловить ихъ реальный смыслъ. Такова напр. редакція „Программы Народной Партіи", перепечатанной между прочимъ и въ „Вольномъ Словѣ". Въ программѣ этой между прочимъ читаемъ слѣдующія, съ перваго раза очень радикальныя въ федеративномъ направленіи, слова:

„Въ виду того, что разрушеніе идеи царизма въ народѣ еще не привело его къ выработкѣ новаго опредѣленнаго политическаго идеала, Народная партія выставляетъ слѣдующіе основные принципы общественнаго порядка, логически вытекающаго изъ культуры, характера и будущихъ экономическихъ отношеній русскаго народа, которые

и считаетъ необходимымъ усиленно пропагандировать:

„a) независимость національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую имперію, b) автономія общинъ, c) свободная федерація общинъ“*).

Но прежде всего желательно было бы встрѣтить въ этой программѣ (вообще, далеко не сжатой) перечисленіе хоть главнѣйшихъ изъ тѣхъ національностей, какія теперь связаны во Всероссійскую имперію, — на манеръ того, напр., какъ это сдѣлалъ Бакунинъ, когда писалъ свою программу „Народнаго Дѣла“. Это перечисленіе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ самой программѣ мы встрѣчаемъ слѣды представленія о *Россіи* (что въ обыкновенной рѣчи и равнозначно *Всероссійской имперіи*), какъ о чемъ то, если не единообразномъ, то органическомъ („Въ *Россіи* только одно крестьянство обла-

*) Автономія и федерація болѣе крупныхъ мѣстныхъ единицъ, — уѣздовъ, областей, — пропущена и въ этой программѣ. Конечно, можно сказать, что она сама собою подразумѣвается, но о ней надо бы говорить постоянно, такъ какъ одна она можетъ охранить автономію общинъ отъ слишкомъ большого давленія на нихъ центральнаго представительства.

дает вполнѣ опредѣленнымъ идеаломъ „Земли и Воли“, расходящимся съ принципами современнаго государственнаго и общественнаго порядка“), — а также потому, что программа ставитъ свои „основные принципы общественнаго порядка“ — не во имя общечеловѣческихъ, выясненныхъ практикою и наукою образованныхъ народовъ, „правъ человѣка“, „основныхъ правъ“ и т. п., — а какъ „логически вытекающіе изъ культуры, характера и даже будущихъ (!) экономическихъ отношеній (?) *русскаго народа*“, — хотя при этомъ и считаетъ еще „необходимымъ усиленно ихъ пропагандировать“ (кому?). Что же такое эта *Россія* „Народной Партіи“, что такое ея *русскій* народъ, какія національности должны получить независимость, какъ слѣдствіе, между прочимъ, и будущихъ отношеній русскаго народа?? —все это требуетъ болѣе точнаго опредѣленія, для того чтобъ федеративная программа „Народной Партіи“ получила какое нибудь реальное значеніе *). Покамѣстъ же, даже

*) Не желая повторяться, мы не будемъ говорить ни о слѣдахъ руссофильскаго народническаго мессіанизма въ этой программѣ, ни о ея классическо-якобинскомъ преклоненіи передъ „народомъ“ и его

такъ не ясно изложенныя анти-всероссійскія федеративныя стремленія не нашли себѣ приложенія даже въ такой неширокой области, какъ печать, находящаяся въ рукахъ кружковъ „Земли и Воли“.

Передовая статья № 4 „Чернаго Передѣла“ посвящена доказательствамъ необходимости „единенія, сосредоточенія главнаго контингента революціонныхъ силъ на самой насущной, цѣлесообразной и плодотворной практической работѣ“. Забота нѣсколько странная для „органа соціалистовъ-федералистовъ“! Изъ двухъ крайностей федералистамъ было бы естественнѣе увлечься рѣшительнымъ „раздѣленіемъ революціонныхъ группъ Россіи“, — говоря словами примѣчанія редакціи № 2 „Ч. П.“ къ программѣ „Земли и Воли“, — нежели „сосредоточеніемъ“. Раздѣленныя группы, если только онѣ состоятъ изъ искренныхъ и дѣловыхъ людей, по мѣрѣ естественнаго расширенія круга работы, непремѣн-

---

„идеалами“, — не смотря на то, что программа полагаетъ нужнымъ поставлять народу временныя правительства и признаетъ, что народъ еще не выработалъ, напр., ни политическаго идеала, ни „широкаго коллективизма“ и т. п. О „самодержавіи народа“ хлопочетъ и „Зерно“ (перед. статья, № 4).

но придутъ между собою къ резонному соглашенію, — между тѣмъ какъ „сосредоточенная“ организація имѣетъ свойство сопротивляться разчлененію, особенно, если въ нее допущена мысль о томъ, что она сама можетъ опредѣлять не только для себя, но и для другихъ, что такое „самая насущная, цѣлесообразная и плодотворная практическая работа“. Необходимости, если не сосредоточенія, то объединенія разныхъ соціально революціонныхъ группъ въ Россіи (или лучше, группъ русской соц. рев. партіи), посвящена между прочимъ и статья г. Лаврова въ № 3 „Чернаго Передѣла“: „Нѣсколько словъ объ организаціи партіи“. Но, напр., группа „Громады“,—которую желаетъ г. Лавровъ привлечь въ соглашеніе, какъ одну изъ „русскихъ“ группъ,—считаетъ, что украинцамъ, какъ соціалистамъ, „насущная работа“ въ настоящее время открывается въ Австро-Венгріи, — хотя при этомъ признаетъ, что украинцамъ, какъ людямъ, дорожащимъ національной свободой своего народа, — въ Россіи самая насущная работа—борьба съ абсолютизмомъ и централизаціей политической. Всякое сосредоточеніе работы, да еще только въ предѣлахъ Россіи, какъ ставитъ

вопросъ и редакція „Чернаго Передѣла", и даже г. Лавровъ, который, впрочемъ, говоритъ болѣе о соглашеніи, чѣмъ о сосредоточеніи, но все таки только въ предѣлахъ Россіи, — для украинскихъ, напр., дѣятелей равносильно связыванію, если не обѣихъ, то одной руки. Тоже слѣдуетъ сказать и о тѣхъ полякахъ, которые станутъ на почвѣ реальныхъ условій жизни польской, о румынахъ и т. п. Даже среди самыхъ великоруссовъ проповѣдь „сосредоточенія" не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ, ибо, напр., средоточники — „террористы" будутъ считать „насущной работой" политическія убійства, —тогда какъ другіе революціонеры, политическіе и соціально-экономическіе, особенно въ провинціяхъ, найдутъ себѣ свои насущныя работы. Не лучше ли и не говорить о „средоточеніи", — а предоставить каждой группѣ выбрать себѣ „насущную работу", по ея усмотрѣнію, лишь бы направленіе этой работы было полезно для дѣла освобожденія человѣка отъ ига умственнаго, національнаго, политическаго, экономическаго? Въ дѣлѣ же федерализма самое „плодотворное" будетъ прежде всего образованіе областныхъ и національныхъ организацій, которыя однѣ

могутъ положить основу и для „независимости національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую имперію“, и для пропаганды среди различныхъ элементовъ ея населенія общечеловѣческихъ освободительныхъ идей.

Всероссійское общество „Земля и Воля“ рѣшительно для этого не годится, какъ показываютъ его же публикаціи, — „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“. Судя по всѣмъ видимостямъ, сотрудники ихъ, — великоруссы и украинцы, — не составили себѣ яснаго понятія ни о публикѣ, для которой они пишутъ, ни о населеніяхъ, о которыхъ они пишутъ. Судя по языку, „Зерно, рабочая газета“ должна издаваться для великороссовъ; особенно хроника, озаглавленная— „русская жизнь“ пишется вполнѣ простонароднымъ, — и даже простонародничающимъ, великорусскимъ языкомъ (передовыя статьи писаны смѣсью этого языка съ студентскимъ жаргономъ). Но этимъ же языкомъ написана статья о еврейскихъ погромахъ, обращенная прямо къ дѣйствующимъ лицамъ, къ украинскому населенію, — и такимъ образомъ не годится ни для петербургскихъ рабочихъ, которые сами евреевъ не громи-

ли, ни для украинцевъ, о которыхъ въ добавокъ „Зерно" даетъ петербургскимъ рабочимъ превратное понятіе, такъ какъ оно называетъ украинское населеніе безразлично „русскимъ" народомъ, какъ и населеніе петербургское. Въ „Черномъ Переделе" говорится, что мысль о „черномъ переделе" сильно распространяется въ украинской области, между тѣмъ какъ тамъ никто изъ крестьянъ и не пойметъ, что это такое „черный" передѣлъ и почему это какой нибудь передѣлъ можетъ называться по цвѣту. Словомъ сказать, безразличное смѣшеніе областей украинскихъ и великорусскихъ мѣшаетъ всероссійскимъ землевольцамъ не только говорить съ населеніемъ разныхъ областей доступнымъ имъ способомъ, но даже наблюдать жизнь этихъ областей.

Впрочемъ, въ 3 и 4 №№ „Чернаго Передѣла" есть нѣсколько прелюбопытныхъ корреспонденцій изъ Украйны, преимущественно тѣхъ сотрудниковъ, которые не пускаются ни въ какія обобщенія, а просто, даже анекдотически, передаютъ свои наблюденія. И эти наблюденія показываютъ, что среди украинскаго населенія происходитъ чрезвычайно сильное броженіе, что это населеніе

усиливается понять условія и явленія окружающей его соціально политической жизни и что ему немногаго не достаетъ, чтобы понять эти условія вполнѣ вѣрно, что оно поняло бы ихъ до конца и поднялось бы для ихъ измѣненія, если бы на помощь ему явились организованные и умѣлые люди изъ интеллигенціи. Но именно всероссійство и мѣшаетъ организаціи такихъ людей, и отнимаетъ у нихъ возможность явиться умѣлыми пропагандистами здоровыхъ соціально-политическихъ идеаловъ, отнимаетъ даже у тѣхъ, кто берется быть такимъ пропагандистомъ. Изъ нѣсколькихъ примѣровъ въ подтвержденіе сейчасъ сказаннаго, которые находимъ въ „Ч. П.“, остановимся на одномъ изъ № 3-го. Корреспондентъ разсказываетъ о томъ, какъ одинъ молодой отставной солдатъ, изъ сословія „малороссійскихъ козаковъ“, додумался до мысли о томъ, что „не нужно ни пановъ, ни поповъ, ни царя“, — только все таки смущался, какъ же это можно жить безъ царя (какъ правителя). „Я слыхалъ, говоритъ онъ, какъ былъ въ солдатахъ (у москаляхъ), что есть такая *расублика*, гдѣ царя нѣтъ; только не знаю, какъ тамъ живутъ“. — Я объяснилъ ему,

— говоритъ корреспондентъ, — какъ можно обойтись безъ царя. — „Да, такъ... оно выходитъ: какъ мы вотъ старшину выбираемъ, такъ и тогда, — вмѣсто царя, начальство; какъ плохо будетъ, то перемѣнить можно и выбрать другое.“ Такъ говоритъ мужикъ изъ „малороссійскихъ козаковъ“;—и корреспондентъ народнической газеты не догадывается сказать ему, что еще 120-ти лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ и въ Полтавской губерніи была республика, — конечно, со своими несовершенствами, — но въ которой по принципу волость (козацкая сотня) выбирала свое правительство (старшинъ), уѣздъ (полкъ) — свое, — а вся федерація (козацкая рада) выбирала президента и министерство (гетмана и генеральныхъ старшинъ). Такая республика существовала даже до ½ XVIII в. на лѣвомъ берегу Днѣпра и уничтожена царицей, которую помнитъ вся Украйна, какъ панскую покровительницу, только въ 1764 г.; въ харьковской и прилегающихъ частяхъ курской и воронежской губерній полковыя республики отмѣнены тою же царицею только въ 1765 г., а республика Запорожская только въ 1775 году. Напомнимъ, что однихъ „малороссійскихъ

козаковъ“ въ черниговской и полтавской губерніяхъ около 1.000.000 душъ; государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ слободскихъ украинскихъ полковъ до 700.000 душъ, да во всей Украйнѣ помнятъ о запорожскихъ козакахъ *). Вотъ вамъ превосходная основа для пропаґанды республиканскихъ идей, да еще съ аграрно-демократическимъ оттѣнкомъ! Но корреспонденты „Чернаго Передѣла“ словно не знаютъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло на Украйнѣ, и думаютъ, что и здѣсь противоцарскія или безцарскія идеи такая же новость, какъ въ какой нибудь центральной губерніи въ Великороссіи! Вотъ до че-

*) Другой корреспондентъ „Ч. П.“ разсказываетъ, какъ въ одной хатѣ старикъ и жена его говорили съ нимъ о Запорожьи, припоминали пѣсни запорожскія; наконецъ старуха говоритъ: „а слышно, вновь будетъ Запорожье“ — „За чѣмъ же?“ — „Да, говорятъ, чтобъ землю отъ пановъ отбирать!“ — Прибавимъ отъ себя, что въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда объявлена была общая воинская повинность,— то во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ крестьяне поняли ее такъ, что теперь всѣ будутъ козаками и будутъ имѣть землю, — а въ екатеринославской губ говорили, что Катерина на 100 лѣтъ уничтожила Запорожье, а теперь оно должно быть возстановлено: всѣ будутъ козаками и получатъ назадъ розданныя панамъ запорожскія земли.

го довело ихъ удаленіе отъ украинскаго народа, произведенное сначала оффиціальною обрусительною школою, а потомъ псевдо-интернаціональнымъ всероссійствомъ.

Рѣшительное раздѣленіе политико социальной опнозиціи въ Россіи по областнымъ организаціямъ повело бы за собою сначала изученіе областныхъ и національныхъ особенностей жизни, преданій и настроенія разныхъ населеній, а потомъ и опредѣленіе наилучшихъ способовъ проведенія въ эти населенія идей свободомыслящей интеллигенціи. Что касается украинскаго населенія, то въ немъ послѣднее было бы и не трудно, такъ какъ и теперь многіе среди него говорятъ, что „не надо ни пановъ, ни поповъ, ни царей“ и что „вѣрно не обойдется безъ того, чтобъ не взяться за дубье, да взбунтоваться“. А потому украинскіе члены всероссійской „Земли и Воли“, поддерживающіе „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“, сдѣлали бы самое лучшее, если бы образовали специальное украинское общество и начали издавать специальные листки или газету на украинскомъ языкѣ, — и это косвенно имѣло бы полезное вліяніе, напр. и на самое „Зерно“, которое, ставъ тоже специально великорусскимъ

листкомъ, выиграло бы въ опредѣленности и матерьяла, и изложенія.

Эти слова пусть примутъ украинскіе члены „Земли и Воли“, обратившіеся къ намъ съ письмомъ въ публичномъ дѣлѣ, — за отвѣтъ нашъ. Этими же словами мы можемъ заключить и нашу критику государственно-централистическаго всероссійства въ стремленіяхъ русскихъ народниковъ или „соціалистовъ-федералистовъ“.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ ихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Спеціально и сколько нибудь основательно о польскомъ вопросѣ не высказалась и эта фракція, какъ и фракція политическихъ террористовъ. Отдѣльныя же замѣчанія, въ родѣ напр. рѣчи на женевскомъ митингѣ 29 ноября 1880 г. (г-жи В. Засуличъ и разныхъ представителей „Чернаго Передѣла“), отличались довольно общимъ выраженіемъ сочувствія полякамъ-соціалистамъ съ полнымъ игнорированіемъ вопроса о границахъ Польши, т. е., по отношенію къ полякамъ соціалистамъ, о естественной области для приложенія ихъ труда. Въ одномъ случаѣ „Черный Передѣлъ“ явно склонялся къ польскимъ историческимъ стремленіямъ. Мы ра-

зумѣемъ помѣщеніе, безъ всякихъ оговорокъ, въ 1 № „Ч. П." статьи, которая трактовала, подобно „Równości", соціалистическое движеніе въ Галиціи, какъ „польское соц. движеніе", и признавала Галицію за „австрійскую часть Польши". Послѣднее есть прежде всего ошибка противъ школьной географіи, хотя довольно распространенная среди великорусскихъ публицистовъ, но нѣсколько удивительная у тѣхъ лицъ, которыя въ томъ же № „Ч. П." заявили желаніе издавать книги и на украинскомъ языкѣ. До извѣстной степени помѣщеніе „Ч. П—омъ" вышеупомянутой статьи въ духѣ „Równości" объясняется тогдашними дипломатическими отношеніями двухъ заграничныхъ редакцій, которыхъ подписи фигурировали рядомъ въ разныхъ манифестаціяхъ,—и не можетъ быть поставлено за счетъ всей группы. Въ какое отношеніе станутъ различныя фракціи этой группы, когда практическое приложеніе ихъ труда въ областяхъ на западъ отъ Днѣпра приведетъ ихъ въ реальное соприкосновеніе съ разными польскими элементами, покажетъ будущее. Покамѣстъ же характеристично, что то соглашеніе заграничныхъ представителей группы „Чернаго Передѣла" съ

групною „Równości", о которомъ говоритъ посланіе „Przedświta" „Къ русскимъ товарищамъ", слѣдуетъ считать разорваннымъ заявленіями въ 3 № „Чернаго Передѣла" и въ Программѣ „Народной Партіи", которыя высказываются противъ государственныхъ основъ социальныхъ организацій и за „распаденіе Всероссійской Имперіи на естественныя области и за независимость ея національностей". Впрочемъ, судя по посланію „Przedświta", можно думать, что теперь група его обращается съ предложеніемъ союза больше къ „русскимъ террористамъ", чѣмъ къ „народникамъ", — хотя, съ другой стороны, въ послѣднее время въ печать проникли извѣстія о томъ, что сами русскіе „народники" теперь соединились съ „террористами". На чемъ состоялось это соединеніе, пока еще неизвѣстно документально или оффиціально, — по крайней мѣрѣ намъ, у которыхъ нѣтъ подъ рукою всѣхъ публикацій петербургскихъ вольныхъ типографій. Равнымъ образомъ, неизвѣстно пока, какого рода отвѣтъ дали соединенныя фракціи „русскихъ соціальныхъ революціонеровъ" или каждия порознь, на предложеніе польской группы „Przedświta". Вполнѣ обстоятельный

отвѣтъ на это и подобныя предложенія, какъ мы уже не разъ говорили, можетъ быть данъ только въ связи съ рѣшеніемъ общаго вопроса объ областной свободѣ и самоуправленій негосударственныхъ народовъ. Въ частности же когда дѣло идетъ о полякахъ, то всякія „руcскія группы могутъ дать не только справедливое мнѣніе, но даже сколько нибудь логическое, — только тогда, когда бы они высказались ясно о вопросахъ плебейскихъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи: латышей, литовцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ. До сихъ поръ мы не видимъ ясной постановки этихъ вопросовъ ни въ одной изъ недавно обнародованныхъ программъ ни польскихъ, ни великорусскихъ революціонеровъ.

Такимъ образомъ, мы въ концѣ обзора отношеній между польскими и великорусскими революціонерамн за послѣдніе двадцать лѣтъ наталкиваемся на цѣлый рядъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей. Читатель припомнитъ, что мы и начали настоящія статьи съ указанія на существованіе этихъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей.

XV.

Мы окончили исторический обзоръ отношеній между польскими и великорусскими революціонерами, изъ котораго читатель можетъ видѣть, на сколько тѣми и другими руководили и руководятъ гораздо болѣе фикціи былого и теперешняго государствъ и государственныхъ національностей, нежели представленія о реально-существующихъ народахъ которые представляютъ и реальныя національности, а равно и то, — на сколько эти фикціи вредятъ дѣлу освобожденія всѣхъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи. Уже изъ самой критики этихъ фикцій и основанной на нихъ политики не трудно сдѣлать и выводы относительно другой политики, которая бы была основана на идеѣ о дѣйствительныхъ народахъ-націяхъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ выводамъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку относительно самой вышеизложенной критики.

Читателю могло показаться, что критика эта исходила изъ односторонняго и, во всякомъ случаѣ, частнаго основанія. Мы дѣйствительно постоянно примѣривали теоріи и

дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій и круговъ къ народу украинскому и занимались этимъ народомъ гораздо больше, чѣмъ другими плебейскими народами бывшей Польши и теперешней Россіи. Такъ поступали мы не только потому, что для насъ, какъ для украинца, положеніе этого народа всего ближе и извѣстнѣе, но и потому, что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ на себѣ наиболѣе типическихъ сторонъ отношенія разныхъ элементовъ націй привиллегированныхъ къ націямъ плебейскимъ, а также и потому, что изъ всѣхъ плебейскихъ націй Востока Европы украинская нація и самая многочисленная, и самая энергическая, и по своему географическому положенію, равно какъ и по самой своей родственности съ важнѣйшими изъ тамошнихъ привиллегированныхъ націй, обречена играть особенно видную роль не только какъ важнѣйшій изъ объектовъ захвата для центростремительныхъ элементовъ въ національностяхъ привиллегированныхъ, но и какъ важнѣйшій изъ центробѣжныхъ элементовъ на Востокѣ Европы. Въ свое время украинцы, отчасти

организованные въ политическомъ отношеніи, потрясли существованіе польскаго государства; въ XIX ст. украинцамъ же, организованнымъ пока только на научно-литературномъ полѣ (и то не очень еще сильно) принадлежитъ самая видная роль въ поднятіи общаго федеративнаго вопроса въ Восточной Европѣ, который, конечно, приведетъ за собою потрясеніе основъ Россіи, какъ централизованнаго государства. Наконецъ, если нельзя согласиться безусловно съ тѣми истолкователями теперешняго революціоннаго броженія въ Россіи, которые, какъ напр. проф. Илловайскій, видятъ въ немъ преимущественно „украинскую интригу", — то огромное процентное отношеніе украинцевъ (хотя бы и не сознающихъ себя таковыми) въ русскихъ революціонныхъ кругахъ есть явленіе во всякомъ случаѣ весьма характерное и обѣщающее важныя послѣдствія, — тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ народныхъ массъ Россіи въ настоящее время одва ли не болѣе другихъ взволнованы текущими событіями массы народа украинскаго. Вотъ почему, думается намъ, что примѣриваніе стремленій, программъ и способовъ дѣйствія разныхъ польскихъ и великорус-

скихъ партій къ положенію народа украинскаго имѣетъ интересъ и теоретическій, и практическій, не только частный, но и общій для мыслящихъ людей всѣхъ націй Восточной Европы.

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ этихъ націй мы разсматривали и польскій вопросъ, къ которому мы и подошли, исходя именно изъ этихъ интересовъ. Напомнимъ читателямъ нашъ намекъ въ самомъ началѣ настоящей статьи о томъ, что настоящее революціонное и вообще сколько нибудь активно-оппозиціонное движеніе въ Россіи не имѣетъ должной силы, между прочимъ, потому, что въ немъ не принимаютъ достаточнаго участія поляки, — что польскій вопросъ не поставленъ въ настоящее время никѣмъ съ достаточной энергіей. Если бы теперь среди поляковъ проявилось движеніе хоть въ такой же степени сильное, какъ въ началѣ 1860-хъ годовъ,—то борьба съ существующимъ порядкомъ въ Россіи вообще была бы облегчена въ значительной степени, конечно, если бы при этомъ не были повторены тогдашнія ошибки.

Признаемся откровенно, что, говоря о польскомъ движеніи, мы разумѣемъ преимущест-

венно движеніе національно-политическое. Какъ ни рады мы появленію среди поляковъ зачатковъ соціалистическаго движенія, мы не можемъ же не видѣть, что это послѣднее не только теперь не имѣетъ значительнаго количества послѣдователей, но и не можетъ имѣть ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Сколько бы ни говорили, что соціальный вопросъ есть „вопросъ желудка", а потому будто бы легко понятный для всѣхъ,— но вопросъ не самаго непосредственнаго ощущенія голода, а организаціи постояннаго спасенія людей отъ этого голода, есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, а потому и одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ много времени для уясненія и разрѣшенія, даже теоретическаго. Вотъ почему придется еще долго ждать, пока польское соціалистическое движеніе станетъ значительною политическою силою. Мы думаемъ, что на извѣстное время это движеніе гораздо болѣе имѣетъ шансовъ развитія въ Познани и въ Галиціи, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Другое дѣло польское національно-политическое движеніе, которое и теперь можетъ имѣть за себя, такъ или иначе, сотни тысячъ, если не милліоны, народа, —

такъ какъ трудно себѣ представить мало-мальски нравственно развитого поляка, который бы не хотѣлъ извѣстной независимости и свободы для своего племени. Вотъ почему мы оставляемъ здѣсь рѣчь о чисто-соціалистическомъ,—экономическомъ,—движеніи въ Польшѣ, о которомъ поведемъ рѣчь въ особой статьѣ—„Польскія соціалистическія программы и принципъ государственности“, — и остановимся исключительно на вопросѣ объ участіи поляковъ въ предстоящемъ политическомъ переворотѣ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, и двѣ, заявившія себя въ печати, фракціи польскихъ соціалистовъ подошли въ послѣднее время къ этому вопросу.

Кто говоритъ, какъ группа „Przedświta“: — „политическая свобода“, тотъ уже тѣмъ самымъ говоритъ: и областная, и національная независимость; иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ имъ словъ. Независимость извѣстной области и націи можетъ быть достигнута или полнымъ отдѣленіемъ ея въ особенное государство (сепаратизмъ), или огражденіемъ ея самоуправленія безъ этого отдѣленія (федерализмъ). Когда идетъ дѣло о такой или иной автономіи Польши, то

прежде всего является вопросъ: какой Польши? Исторической, или этнографической? Примѣръ 1863 г. доказалъ, что всякое заявленіе въ пользу возстановленія независимости исторической Польши можетъ быть только вредно для свободы и поляковъ, и всѣхъ другихъ народовъ, подвластныхъ россійской деспотіи. *Теперь для здравомыслящихъ людей можетъ быть только рѣчь о независимости Польши этнографической,* — т. е., когда идетъ рѣчь о польскихъ земляхъ въ Россіи, то даже не о всей Конгрессувкѣ, такъ какъ и въ ней Холмско-Сѣдлецкій край населенъ не поляками, а украинцами, а Августовскій населенъ литовцами и даже до раздѣловъ Польскаго государства входилъ въ составъ Литвы *). Края, лежащіе за границами этнографической Поль-

*) Считаемъ нужнымъ оговориться, что послѣднія мѣры русскаго правительства къ обвеликорушенію холмско-сѣдлецкихъ русиновъ и насильственное ихъ обращеніе изъ уніятовъ въ православіе вызвали у нихъ наклонъ въ польскую сторону, который, еще не извѣстно, къ чему приведетъ. Во всякомъ случаѣ, только прекращеніе религіозныхъ гоненій и возбужденіе среди забужанъ украинскаго самосознанія можетъ остановить католическую и польскую реакцію среди этого населенія.

ши, должны получить свою автономію, и польскій вопросъ въ этихъ краяхъ можетъ быть только вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ или, мѣстами, общинъ, колоній.

Какой путь раціональнѣе для полученія автономіи Польши и поляковъ: сепаратистическій или федералистическій? Мы думаемъ, что экономическая исторія привислянской Польши показала, что государственное ея отдѣленіе отъ днѣпровскаго бассейна было бы для нея невыгодно. Кромѣ того оно и практически неосуществимо, такъ какъ поляки одни безсильны побѣдить Россійскую имперію, а на иностранную помощь теперь разсчитывать не на кого, такъ какъ даже Австрія одна не станетъ вести наступательной войны съ Россіей за обладаніе Варшавой, а Пруссія, если бы и захотѣла отдѣлить Варшаву отъ Россіи, то для германизаціи отторженной области, чего не желаютъ сами поляки. Остается слѣдовательно—путь федераціи. Варшавскій край можетъ получить извѣстную автономію или непосредственно отъ теперешняго русскаго правительства, какъ было сталъ онъ получать ее при марк. Вѣлёпольскомъ, или при общемъ преобразованіи Россіи. По нѣкоторымъ

признакамъ, можно думать, что теперь между поляками есть круги, которые склонны вѣрить въ осуществимость первой возможности. Въ этомъ увѣряютъ насъ панегирики марк. Вѣлёпольскому, которые теперь исходятъ даже отъ людей, причисляемыхъ къ лагерю либерально-демократическому, а также заявленія польскихъ газетъ и корпорацій о легальности поведенія поляковъ въ виду происходящей теперь „смуты“ въ Россіи. Несомнѣнно, что среди поляковъ есть люди, которые думаютъ, что, если не прямыми заявленіями легальнаго и даже консервативнаго направленія, то просто выжидательнымъ сохраненіемъ спокойствія,—можно наконецъ дождаться момента, когда царское правительство согласится возвратиться къ системѣ марк. Вѣлёпольскаго. Къ такой политикѣ должны обнаруживать особенную склонность именно историческіе патріоты польскіе, такъ какъ она ни къ чему не обязываетъ по отношенію къ населеніямъ непольскихъ областей, а между тѣмъ административная автономія Конгрессувки (все таки своего рода исторической, а не этнографической, Польши), — мечтается, — послужитъ первымъ камномъ для от-

стройки всего зданія Польши 1772 г. *).

Но дѣло въ томъ, что всякіе разсчеты на уступчивость петербургскаго правительства теперь мало основательны, не только потому, что никакое правительство не уступаетъ, если у него не требуютъ уступокъ (и самое управленіе марк. Вѣлёпольскаго было результатомъ агитаціи противъ системы кн. Паскевича), но и потому, что петербургское правительство перестало быть въ полномъ смыслѣ самодержавнымъ по отношенію къ полякамъ: оно уже давно зависитъ отъ указаній великорусско нѣмецкихъ централизаторско-обрусительныхъ круговъ, которыя, указанія, еще вдобавокъ пользуются поддержкою и берлинскаго кабинета **). Такимъ образомъ, ***польскій край***

---

*) Характерно, что недавно одинъ изъ біографовъ марк. Вѣлёпольскаго, — при всемъ сочувствіи къ идеѣ демократіи и національности, — счелъ нужнымъ бросить нѣсколько намековъ противъ „разчленителей“ Конгрессувки, сообразно принципу національностей же.

**) Еще въ 1863 г., говоря о противникахъ уступокъ полякамъ, „Times“ очень вѣрно замѣтилъ, что неуступчивая „старорусская партія“ въ правительственныхъ кругахъ Россіи есть собственно „нѣмецкая партія“. Съ тѣхъ поръ къ пруссофильскимъ

въ Россіи можетъ получить автономію, равно какъ и всю сумму правъ, составляющихъ сущность политической свободы, только вмѣстѣ съ другими краями этого государства. А получить все это могутъ разные края въ Россіи только *посредствомъ дружнаго натиска на правительство, произведеннаго съ ясно-сознанною программою. Программа эта должна быть федеральная, съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ областей и національностей.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, по особенному положенію Россіи, какъ государства преимущественно мужицкаго, а также вслѣдствіе того, что между собственною Польшею и Великороссіей лежатъ цѣлыя націи болѣе или менѣе плебейскія, федеральная программа должна принять въ себя непремѣнно *демократическія*

дипломатамъ, остзейскимъ генераламъ и русскимъ бюрократамъ съ катковскими теоріями присоединились и московскіе славянофилы, которые еще въ 1863—64 гг. совѣтовали рѣшать польскій вопросъ не по прусски, а по славянски, но которыхъ православіе загнало въ лагерь катковской обрусительной бюрократіи въ дѣлахъ западной половины имперіи, какъ теперь ненависть къ революціи пригнала ихъ къ помѣщичьимъ теоріямъ въ дѣлахъ остальной Россіи.

стремленія, какъ политическія, такъ и экономическія. Если и въ Австріи аристократическій федерализмъ не имѣетъ большой силы и встрѣчаетъ могучаго врага въ германизаторскомъ централизмѣ, который усиливаетъ себя хоть относительнымъ, буржуазнымъ, демократизмомъ, — то въ Россіи аристократическій федерализмъ совершенная невозможность. Онъ не только не встрѣтитъ къ себѣ сочувствія въ населеніяхъ краевъ, лежащихъ между Польшей и Великороссіей, особенно въ населеніи украинскомъ, но найдетъ себѣ открытыхъ враговъ, какъ въ этихъ населеніяхъ, такъ и въ Великороссіи, въ которой вдобавокъ всѣ централистическіе элементы, не только бюрократическіе, но и помѣщичьи, ухватятся за демократическое знамя (конечно, съ разсчетомъ не показывать его на Востокъ отъ Днѣпра), чтобъ только подорвать автономныя движенія въ западной половинѣ имперіи.

Конечно, логически проведенный демократическій принципъ приводитъ къ соціализму, но мы совершенно понимаемъ, что такой логичности нельзя требовать въ настоящее время отъ всѣхъ не только въ практикѣ, но и въ теоріи. Такая логичность

есть теперь не только дѣло извѣстной искренности натуры и способности къ самоотверженію, но также, и даже гораздо больше, дѣло дальновидности и извѣстнаго политическаго образованія, — т. е., въ суммѣ, качествъ, еще довольно рѣдкихъ въ теперешнихъ обществахъ. Но въ наше время всякому, имѣющему какія либо общія политическія идеи и стремленія, обязательно уже отрѣшиться отъ всякихъ предразсудковъ бѣлой кости и понять истину, высказанную еще Аристотелемъ, о томъ, что общество (государство) не можетъ быть спокойнымъ при экономическомъ неравенствѣ, а потому и понять, что всякая умная политика, въ томъ числѣ и консервативная, — должна имѣть въ виду всячески уменьшать это неравенство. Польскимъ же политикамъ исторія поставила дилемму: или принять искренно демократическую программу (хотя бы на первыхъ порахъ и не соціалистическую) въ вопросахъ экономическихъ, при программѣ федеральной въ вопросахъ политическихъ, — или терпѣть надъ своимъ краемъ и племенемъ и, значитъ, надъ самими собою, чужую диктатуру, въ большей или меньшей степени грубую и дес-потическую.

Казалось бы, колебаться въ выборѣ не слѣдовало бы. А потому можно думать, что сколько нибудь реальное размышленіе о своемъ положеніи приведетъ политически образованныхъ поляковъ къ необходимости принять дѣятельное участіе въ *образованіи въ Россіи федерально-демократической партіи.* Первымъ приступомъ къ образованію такой партіи должно быть основаніе по *всѣмъ областямъ Россіи и среди всѣхъ ея національностей политическихъ обществъ.* Уже этотъ приступъ налагаетъ на теперешнихъ образованныхъ поляковъ довольно нелегкую обязанность: тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ непольскихъ областяхъ, должны выдѣлить изъ себя по-крайней мѣрѣ извѣстную часть для образованія или для усиленія кадровъ національныхъ партій среди народовъ плебейскихъ въ этихъ областяхъ: латышскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ. Идея эта не совсѣмъ нова для польскаго общества, въ которомъ уже были пробы литовскаго, украинскаго и даже бѣлорусскаго направленія и научно-литературнаго, и даже политическаго характе-

ра *), — только эти пробы были сравнительно слабы и ложно направлены, все къ цѣли возстановленія Польши 1772 г. Польское общество, въ дѣятельности для этой цѣли обнаружило богатство энергіи до такой степени, что давало отъ себя силы на поддержку всякаго врага русскаго деспотизма, даже далеко за предѣлами старой Польши: не только, напр., черкесовъ и другихъ кавказцевъ, но даже хивинцевъ и турецкаго султана, — къ которому поступали на службу вовсе не одни авантюристы, но и убѣжденные польскіе патріоты. Почему то, что дѣлалъ ограниченный и даже ошибочный патріотизмъ, не можетъ сдѣлать широкая идея общаго освобожденія всѣхъ народовъ Востока Европы, тѣмъ болѣе, что въ рамкахъ этой идеи помѣщается и нормальный патріотизмъ реальной польской націи, которая иначе не можетъ быть освобождена, какъ въ общемъ процессѣ освобожденія этихъ народовъ?

До извѣстной степени, тоже выдѣленіе

*) Среди старой эмиграціи 30-хъ годовъ было общество, назвавшее себя даже „Нитай“ въ память „уманьской рѣзни“, произведенной украинскими гайдамаками въ 1768 г.

изъ себя кадровъ для дѣятельности въ пользу плебейскихъ національностей придется произвести и овеликорушенной интеллигенціи невеликорусскихъ областей, на Украйнѣ, въ Бессарабіи и др. Затѣмъ, сама великорусская страна слишкомъ велика, чтобъ ее могла представлять одна, „единая и нераздѣльная", политическая организація.*)

Когда такимъ образомъ въ каждой изъ областей и національностей Россіи организуются политическія общества, — тогда они образуютъ изъ себя настоящую федерально-демократическую партію, которая и возьмется за дѣло преобразованія Россіи въ дѣйствительно свободную въ политическомъ отношеніи страну, т. е., въ федерацію.

Преобразованіе это не можетъ быть дѣломъ очень короткаго промежутка времени. Еще самая идея именно о федеративномъ устройствѣ Россіи, какъ мы видѣли, сознается далеко не многими. Разъ же сознанная, идея эта должна собрать около себя кружки, которые затѣмъ рѣшатся при-

*) Мы думаемъ, впрочемъ, что слишкомъ велика для этого и украинская область.

ступить къ организаціи правильныхъ политическихъ обществъ, а эти послѣдніе уже предпримутъ рядъ дѣйствій, отъ болѣе или менѣе мирныхъ до революціонныхъ, для достиженія своихъ цѣлей. Цѣли эти могутъ быть достигнуты не безъ борьбы не только съ теперешнимъ правительственнымъ элементомъ, но и съ другими, которые могутъ выступить на сцену изъ самаго теперешняго общества, воспитаннаго въ идеяхъ государственно-національной централизаціи. Дѣйствующія въ настоящее время поколѣнія были бы счастливы, если бы имъ довелось увидѣть по крайней мѣрѣ заложеніе первыхъ основъ превращенія Россіи въ федеральное государство. Эти первыя основы, по нашему мнѣнію, могли бы быть и не очень радикальны, лишь бы онѣ были твердо положены и искренно усвоены обществомъ, такъ чтобъ стали безповоротными, какъ, напр., безповоротны реформы, какія дѣлаются въ Англіи.

Самымъ прочнымъ залогомъ развитія Россіи въ направленіи федеральномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшей экономіи ея силъ, которыя иначе должны будутъ затрачиваться на періодическія революціи и

реакціи, было бы направленіе исхода настоящаго кризиса Россіи къ закладкѣ прочнаго мѣстнаго самоуправленія, а не къ одному только установленію центральнаго представительнаго собранія, по примѣру французскихъ конституцій. Франція, въ которой съ 1789 г. составлено семнадцать конституцій, испробовала съ тѣхъ поръ четыре революціи,—и все таки она вытерпѣла три солдатскихъ переворота, и едва съ недавняго времени имѣетъ слабые и неупроченные зачатки муниципальнаго самоуправленія, все еще не полную свободу печати и сходокъ и не имѣетъ свободы ассоціацій: во Франціи даже синдикальныя камеры рабочихъ не признаны закономъ и, что всего характернѣе, *существованіе* этихъ *ассоціацій рабочихъ, какъ и многихъ другихъ свободъ, противно именно законамъ,—изданнымъ во время великой революціи* (1791 — 1796) въ тѣхъ видахъ, чтобы воспрепятствовать возстановленію старыхъ и установленію контр-революціонныхъ ассоціацій! Вотъ что значитъ заботиться о замѣнѣ самодержавія монарха самодержавіемъ народа, не входя въ анализъ того,

что такое собственно составляетъ политическую свободу!

Такъ какъ общество состоитъ прежде всего изъ лицъ, а народъ (нація) изъ обществъ, а государство (которое часто называютъ народомъ въ политическомъ смыслѣ) часто изъ разныхъ народовъ, то политическая свобода должна прежде всего состоять изъ разныхъ круговъ учрежденій, которыя бы, не закрывая одинъ другого, обезпечивали свободу лицъ, обществъ, народовъ. Очень можетъ быть, что дѣло установленія политической свободы въ Россіи начнется съ созыва центральнаго *Земскаго Собора* — который, каковъ бы онъ ни былъ, даже какъ делегація существующихъ земствъ, все таки будетъ лучшимъ иниціаторомъ реформъ, чѣмъ царскіе чиновники съ свѣдущими людьми или безъ оныхъ. Съ своей стороны мы думаемъ, что дѣло политической свободы,— которую мы, вслѣдъ за Прудономъ (qui dit: liberté, dit fédération, ou ne dit rien) считаемъ невозможною безъ федераціи, — тогда только вышло бы на вѣрную дорогу, когда бы оно было начато провинціальными движеніями и, если нужно, возстаніями. Но какъ бы ни началось это

дѣло, *желательно было бы, чтобы устраненія царско-чиновническаго самодержавія не ограничились устройствомъ всероссійскаго Земскаго Собора, а чтобы тотчасъ же было обращено особенное вниманіе на установленіе законовъ и учрежденій, которые бы обезпечивали*: a) *свободу личную* (неприкосновенность безъ суда, свободу вѣры и безвѣрія, свободу слова и печати, свободу сходокъ, безоружныхъ манифестацій, прошеній, — свободу ношенія оружія и военно-гимнастическихъ упражненій,— *право иска* передъ судомъ противъ всякаго чиновника и учрежденія, нарушающаго личную свободу и законные интересы лица) b) *свободу товариществъ*,—частныхъ, культурно-національныхъ и политическихъ, c) *самоуправленіе общинъ*, сельскихъ и городскихъ, d) *самоуправленіе областныхъ единицъ*, — начиная отъ менѣе крупныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ, до болѣе крупныхъ, провинціальныхъ.

Организація самоуправленія провинціальнаго самое трудное теперь дѣло въ Россіи, такъ какъ въ періодъ московско-петербургской централизаціи, которая прибѣгала даже къ пріемамъ ассирійской деспотіи,—умышленно-

му опустошенію областей и переселенію ихъ жителей, — естественная группировка населенія въ областяхъ разорвана и замѣнена часто совершенно произвольною группировкою ихъ въ уѣзды, губерніи и генералъ-губернаторства, военные, учебные, судебные округа и проч. Изъ всѣхъ этихъ единицъ наиболѣе естественныя — уѣзды, хотя бы только потому, что онѣ наименьшія по объему, а слѣдовательно уѣзды и должны быть приняты за основу построенія провинціальнаго самоуправленія въ Россіи. Конечно, избирательные законы объ уѣздныхъ земствахъ должны быть измѣнены въ направлени какъ можно болѣе демократическомъ и затѣмъ выборными должны стать не только теперешнія земскія учрежденія, но и вся уѣздная администрація и полиція (что не представляетъ большой новости, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ земскіе исправники были выбираемы дворянами). Губернскія учрежденія, вообще, должны быть организованы такъ, чтобъ они только дополняли дѣятельность уѣздныхъ, а не являлись надъ ними начальствующею инстанціей. Что касается до губернскаго управленія собственно, то мы думаемъ, что

Россіи долго еще не удастся избавиться отъ „помпадуровъ“, называемыхъ губернаторами, которыхъ, по всей вѣроятности, сохранило бы, въ своихъ разсчетахъ, самое радикальное Учредительное Собраніе, какое только можетъ выставить теперешняя Россія. Но необходимо по крайней мѣрѣ совершенно оградить земскія учрежденія отъ давленія и теперешней почти кассаціонной власти губернаторовъ, сохранивъ за ними только одно административно-полицейское значеніе, обставивъ ихъ коллегіями съ участіемъ избираемыхъ членовъ и оградивъ выборныхъ уѣздныхъ чиновниковъ администраціи и полиціи отъ произвола губернаторовъ несмѣняемостью на срокъ выбора иначе, какъ по суду.*) Затѣмъ, уѣзднымъ земскимъ собраніямъ разныхъ губерній должно быть предоставлено право входить между собою въ соглашеніе касательно общихъ имъ нуждъ, равно какъ и земствамъ губернскимъ.

*) Право иска передъ судомъ противъ всѣхъ чиновниковъ со стороны лицъ, корпорацій и мѣстныхъ представительствъ за дѣйствія незаконныя и за исполненіе незаконныхъ предписаній высшаго начальства, (подобно праву существующему въ Англіи), помогло бы огражденію столько же мѣстнаго самоуправленія, сколько и личныхъ правъ.

Такимъ образомъ постепенно сложится естественная группировка уѣздовъ во вторичныя группы, которыя могутъ со временемъ стать болѣе естественными, чѣмъ теперешнія губерніи, и въ естественныя же третичныя группы, — области въ собственномъ смыслѣ слова, для которыхъ жизнь опредѣлитъ и формы представительства, и кругъ дѣйствій послѣдняго. Возможно (и даже желательно), что нормальная организація уѣздовъ поведетъ къ совершенной атрофіи губерній и къ установленію только двухъ автономныхъ единицъ: уѣзда и области собственно, съ ихъ двойнымъ представительствомъ. Во всякомъ случаѣ, двойственное ли, или тройственное областное представительство послужитъ прочною гарантіей не только противъ произвола *центральной администраціи* и ея агентовъ, но и противъ стремленій *центральнаго представительства* къ господству надъ областями, при твердомъ установленіи принципа, по которому никакое болѣе широкое представительство не имѣетъ власти надъ болѣе тѣснымъ въ извѣстномъ ***кругѣ*** **дѣлъ,** ***завѣдываніе которыми всецѣло принадлежитъ извѣстнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ.*** **Вмѣстѣ съ**

тѣмъ только опираясь на свободныя областныя учрежденія, *всероссійскій Земскій Соборъ* получитъ прочное существованіе и избѣгнетъ опасности быть игралищемъ дворцовыхъ реакцій, партіонныхъ революцій и контръ-революцій и солдатскихъ переворотовъ,—какимъ игралищемъ служили съ 1789г. да служатъ отчасти и до сихъ поръ Національныя, Учредительныя, Законодательныя и т. п. собранія централизованныхъ государствъ Западной Европы.

Обезпеченіе личныхъ правъ и общиннаго и мѣстнаго самоуправленія служитъ лучшею гарантіей и *правъ національныхъ*, которыя, въ сущности, суть ни что иное, какъ права личныя: неприкосновенность извѣстныхъ особенностей лицъ и обезпеченіе для этихъ лицъ наиболѣе естественныхъ способовъ и путей развитія до общечеловѣческаго идеала. При нормальномъ ходѣ вещей, каждая національность придетъ къ организаціи своего, необходимаго въ особенности для достиженія цѣлей нравственнаго развитія, союза въ предѣлахъ всей области, ею населяемой, такъ что въ государствахъ разнонаціональныхъ національные бассейны, — особенно,

когда они не слишкомъ велики (а это имѣетъ мѣсто почти во всей западной половинѣ Россіи), и представляютъ наиболѣе естественныя области, которыя мы назвали третичными. Но въ настоящее время мы признаемъ, что апріорное раздѣленіе Россіи, по этнографической картѣ на области, съ созданіемъ для каждой изъ нихъ своего рода центральнаго представительства, было бы дѣломъ слишкомъ доктринерскимъ, — особенно, принимая во вниманіе, что и національныя границы теперь не вездѣ совпадаютъ съ границами экономическихъ бассейновъ. Апріорное же вырѣзываніе провинцій по преобладающимъ численно національностямъ,— могло бы теперь создать въ каждой своего рода національные централизмы, въ родѣ тѣхъ, какіе замѣчаемъ въ коронныхъ областяхъ Австро-Венгріи. А потому мы думаемъ, что и въ этомъ вопросѣ лучше всего начать построеніе зданія снизу вверхъ. Фундаментомъ для огражденія неприкосновенности національностей и свободнаго развитія ихъ должна быть прежде всего широта личныхъ правъ, свобода частныхъ ассоціацій, а также широта правъ общинъ и уѣздовъ устраивать свои дѣла, въ томъ

числѣ и дѣла народнаго образованія, въ которомъ національность играетъ особенно важную роль. Право уѣздныхъ и губернскихъ земствъ входить между собою въ соглашеніе по общимъ для нихъ дѣламъ постепенно выработаетъ формы солидарности между землями, населенными каждою націей, и организуетъ завѣдываніе дѣлами каждой, въ томъ числѣ и дѣлами народнаго образованія, наиболѣе удовлетворительно.*)

Необходимо признать, что въ настоящее время осуществленіе на практикѣ совершенно безспорнаго въ теоріи права каждой націи на всѣ виды народнаго образованія на своемъ языкѣ обставлено немалыми трудностями. Трудности эти есть единственно результатъ прежней завоевательной, аристократической и бюрократической полити-

*) Напомнимъ, что Швейцарія, въ которой пользуются неприкосновенностью не только три крупнѣйшія національныя разновидности: нѣмецкая, французская и итальянская, но и мелкія: т. наз. ладинская и романская (въ Граубюнденѣ) — не только не разрѣзана на сплошныя національныя области, но даже имѣетъ кантоны съ смѣшаннымъ населеніемъ. Въ Швейцаріи національная равноправность гарантирована неприкосновенностью личныхъ правъ во всей федераціи и общинныхъ въ каждомъ кантонѣ.

ки, которой слѣдовали государства извѣстныхъ національностей, успѣвшихъ, по разнымъ причинамъ, естественнымъ и относительно-случайнымъ, занять привиллегированное положеніе. Послѣдствіемъ старой политики было: раздѣленіе населеній извѣстныхъ областей на классовыя націи, задержаніе націй плебейскихъ на низшей степени литературнаго развитія и т. п. Дѣло вѣковъ приходится теперь поправлять съ извѣстнымъ вниманіемъ къ сложившимся жизненнымъ условіямъ, а не доктринерски, хотя бы и съ самыми благими цѣлями. И здѣсь самое лучшее начать работу снизу вверхъ,—отъ *образованія элементарнаго, которое и теперь вездѣ можетъ быть производимо на народныхъ языкахъ. Затѣмъ, высшее образованіе на національныхъ языкахъ должно быть вводимо, по мѣрѣ ихъ литературнаго развитія.*

Сообразно этому, напр., польскій языкъ долженъ теперь же стать языкомъ средняго и высшаго образованія въ границахъ этнографической Польши и въ тѣхъ общинахъ за этими границами, которыя того пожелаютъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о языкѣ нѣмецкомъ въ городахъ прибалтійскихъ про-

винцій, который, впрочемъ, и теперь занимаетъ вполнѣ обезпеченное положеніе. Мы полагаемъ, что въ этихъ провинціяхъ теперь же возможно учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній и съ преподаваніемъ на языкахъ эстонскомъ и латышскомъ, которые могутъ постепенно войти и въ университетское образованіе. Языкъ румынскій имѣетъ всѣ виды учебныхъ заведеній въ королевствѣ Румыніи, а потому учрежденіе румынскихъ гимназій не составитъ большой трудности для Бессарабіи, тѣмъ болѣе, что южная часть ея уже имѣла румынскія гимназіи (вмѣстѣ съ болгарскою) во время недавняго соединенія своего съ запрутскою Румыніей. Языкъ украинскій имѣетъ въ Австріи свои гимназіи (въ Львовѣ полную, въ другихъ мѣстахъ рел. и укр. лит.) и университетскія каѳедры (въ Львовѣ 4, въ Черновцахъ 1), но мы признаемъ, что обязательное введеніе этого языка даже въ гимназіи Южной Россіи теперь было бы сопряжено съ большими трудностями,— а потому это введеніе должно быть предоставлено естественному ходу жизни. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкахъ литовскомъ и кавказскихъ съ тою только разницею,

что введеніе этихъ языковъ по крайней мѣрѣ въ гимназіи представляетъ тѣмъ болѣе настоятельную нужду, чѣмъ болѣе эти языки отличны отъ теперешняго государственнаго языка, великорусскаго. *Вообще же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, въ уваженіе теперешняго положенія вещей, языкомъ средняго и высшаго образованія нужно будетъ оставить языкъ великорусскій, до большаго развитія языковъ мѣстныхъ, необходимо: предоставить полную свободу преподаванія на этихъ языкахъ въ заведеніяхъ частныхъ и общинныхъ, а также ввести во всѣхъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ особыя кафедры для мѣстныхъ языковъ, сознательное употребленіе и основательное знаніе которыхъ необходимо для всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей. Кромѣ того, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть дано право какъ приватъ-доцентамъ, такъ и штатнымъ профессорамъ открывать курсы на какомъ имъ угодно языкѣ* (штатнымъ, конечно, за исключеніемъ общеобязательнаго курса). Затѣмъ, областныя земскія собранія (разныхъ степеней) постепенно будутъ рѣшать вопросъ о степени широты обязательнаго

употребленія того или другого языка въ среднемъ и высшемъ образованіи. На нашихъ глазахъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ съ аналогическою съ проэктируемою нами постепенностью рѣшенъ былъ вопросъ объ уравненіи плебейскаго финскаго языка съ языкомъ шведскимъ, бывшимъ прежде единственно оффиціальнымъ языкомъ въ Финляндіи,—и никто не пострадалъ ни отъ этого уравненія, ни отъ его постепенности, а всѣ жизненные интересы края выиграли.

По такому же способу можетъ быть рѣшенъ и вопросъ объ употребленіи разныхъ языковъ въ учрежденіяхъ судебныхъ и административныхъ, о чемъ мы не считаемъ нужнымъ распространяться долѣе, такъ какъ этотъ вопросъ не имѣетъ такого общаго значенія, какъ вопросъ о языкахъ въ школахъ. Вопросъ же о языкѣ, на которомъ будутъ переписываться между собою разныя присутственныя мѣста, есть болѣе дѣло канцеляристовъ, чѣмъ населенія собственно.

Какъ видитъ читатель, набросанныя сейчасъ соображенія не представляютъ чего нибудь неудобоисполнимаго и даже отличаются значительною уступчивостью сло-

жившимся уже условіямъ жизни. Въ дѣлѣ реформы, главное, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дорожить,—это не столько попытками сразу осуществить всецѣло то, чего требуетъ теорія,—что по большей части не удается и ведетъ за собою сначала реакцію, а потомъ вредный оппортюнизмъ, т. е., уступчивость качественную, а не количественую, —сколько яснымъ опредѣленіемъ направленія, въ какомъ безповоротно должны быть дѣлаемы реформы, сообразно росту общественнаго сознанія. Въ данныхъ, занимающихъ насъ, вопросахъ для насъ важно, чтобъ различные политическіе дѣятели въ Россіи искренно признали несоотвѣтствіе централистически-національныхъ идей, польскихъ и великорусскихъ, съ интересами общей свободы и жизни различныхъ народовъ и областей бывшей Польши и теперешней Россіи. Сознаніе это, по закону вещей, должно отразиться на ихъ политическихъ идеалахъ, на способахъ ихъ дѣятельности и, наконецъ, на плодахъ этой дѣятельности. Мы не позволяемъ себѣ пускаться въ частныя опредѣленія какъ способовъ, такъ и плодовъ этой дѣятельности. Равнымъ образомъ мы не считаемъ для себя возможнымъ пускаться въ

соображенія и о томъ, кто собственно теперь можетъвзяться за осуществленіе желаемаго нами преобразованія Россіи, тѣмъ болѣе, что, правду говоря, всѣ, заявившіе себя въ послѣднее время общественные элементы, — правительственные, революціонные и земскіе, очень мало возбуждаютъ въ насъ оптимистическихъ ожиданій. Правительство, —даже послѣ того какъ всяческіе громы, отъ плевненскаго до взрыва бомбы надъ Екатерининскимъ каналомъ и еврейскихъ погромовъ, — пробили его толстокожіе, очевидно, старается только „время провести". Степень его реформаторской искренности видна уже изъ того, что даже въ то время, когда оно подбираетъ всевѣдущихъ людей на помощь своему невѣденію, оно не только не думаетъ снять уздечку съ печати, которая одна теперь могла бы послужить голосомъ новыхъ людей изъ общества, но даже давитъ и существующія покушающіяся быть независимыми изданія. Революціонеры, пока останутся при теперешнемъ своемъ составѣ,—преимущественно юношескомъ и безпрофессіональномъ, — и на теперешней степени своего политическаго образованія, безсильны произвести что либо,

кромѣ „террористическихъ“ опытовъ и смутнаго броженія въ странѣ,—которые, конечно, колеблютъ существующее устройство государства, но не валятъ его окончательно и не замѣняютъ его новымъ; теперешніе революціонеры въ Россіи не въ состояніи даже организовать сколько нибудь широкое движеніе ни въ т. наз. интеллигенціи, ни въ т. наз. народѣ. „Земцы“ въ массѣ своей слишкомъ пассивны и даже тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ дѣлали правительству замѣчанія о недостаткахъ теперешняго управленія, не только не возвысились до систематической его критики, съ противопоставленіемъ ей также систематическаго идеала,—но даже унижались до постановки всего вопроса о реформахъ въ Россіи такъ, что якобы самостоятельное земство лучше будетъ бороться съ „крамолою“, чѣмъ полиція.

Очевидно, что для проведенія сколько нибудь дѣйствительной реформы политическаго строя Россіи, нужны совсѣмъ новые люди. Слѣдуетъ надѣяться, что, если страна способна дать ихъ, то они появятся въ областныхъ и національныхъ *политическихъ обществахъ*, составленныхъ изъ лицъ зрѣлыхъ, разныхъ профессій. Но гадать

не только о способахъ дѣйствія, но даже о составѣ этихъ обществъ, да еще изъ „прекраснаго далека“, было бы дѣломъ напраснымъ. Съ своей стороны, мы считаемъ задачу свою законченною если намъ удалось критикою политики и стремленій до сихъ поръ заявившихъ себя дѣятелей — изъ обществъ, отъ которыхъ до сихъ поръ наиболѣе зависѣлъ ходъ дѣлъ на Востокѣ Европы, — указать на то, что, по нашему мнѣнію. было и есть въ нихъ ошибочнаго, и если намъ удастся. наброскомъ въ общихъ чертахъ нашихъ соображеній относительно болѣе цѣлесообразнаго направленія усилій къ установленію хотя бы элементарной свободы для населеній обширной страны,—возбудить въ читателяхъ охоту къ самостоятельному пересмотру затронутыхъ нами вопросовъ Только послѣ всесторонняго разсмотрѣнія сложныхъ политико-соціальныхъ отношеній, какія установились теперь на Востокѣ Европы, и въ частности въ Россіи, могутъ выработаться и правильные принципы политики въ этой странѣ. Правильные же принципы эти, — будучи разъ въ мысляхъ общественныхъ дѣятелей и перешедши въ ихъ горячія

желанія, всегда найдутъ себѣ внѣшнюю форму выраженія и средства для исполненія, — какъ и наоборотъ, самая горячая преданность извѣстному дѣлу, доходящая даже до героизма, но не вооруженная сознаніемъ надлежащаго его направленія и дѣйствительной его обстановки, почти всегда приводитъ только къ болѣе или менѣе безплодной тратѣ силъ личныхъ и общественныхъ.

М. Драгомановъ.

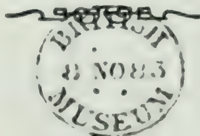
ПОПРАВКИ И ДОБАВКИ.

На стр. 355, „Imprimerie Polonaise" Chemin Neuf, заявила въ письмѣ въ редакцію „Вольнаго Слова", что измѣненіе заглавія „Program socjalistów polskich i ruskich wschodniej Galicji" на „Program socjalistów Galicyjskich" сдѣлано не типографіей. Но оно все таки сдѣлано не авторами. — (См. „Вольное Слово", № 18).

Къ стр. 388. Г. Лимановскій заявилъ въ письмѣ въ „Общее Дѣло" (№ 46) что онъ не предъявлялъ „мандата" отъ „Люду Польскаго". (См. „Вольное Слово", № 23).

На стр. 415, въ строкѣ 3 сверху передъ словомъ *никто* пропущено *иногда*.

Къ стр. 447. Послѣ проявленія антиеврейскаго движенія и въ Польшѣ, все, сказанное о необходимости пропаганды солидарности между еврейскимъ и христіанскимъ пролетаріатомъ на Украйнѣ, получаетъ значеніе и для Польши.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

III. *Совпаденіе взглядовъ польской аристократіи и великорусской бюрократіи и общества на т. наз. Западный Край и самостоятельное начало возрожденія плебейскихъ націй этого края въ XIX ст.:* Политика правительства въ „губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ“, мнѣнія Карамзина; польское украйнофильство и литвофильство; Декабристы и польскія тайныя общества въ 20-е годы; упадокъ польскаго украйнофильства и литвофильства послѣ 1831 г.: Николай I и Устряловъ; лѣвобережное украйнофильство: харьковскій романтизмъ, козацкій либерализмъ и демократизмъ въ „Исторіи Русовъ“, демократизмъ и славянскій федерализмъ въ кіевскомъ кружкѣ Шевченка и Костомарова; его подавленіе въ 1847 г.; незнакомство великоруссовъ съ украинскимъ движеніемъ и вообще съ Западнымъ Краемъ въ 40-е и 50-е годы: примѣры Бѣлинскаго, Хомякова, гг. Каткова и И. Аксакова. (48—70).

IV. *„Колоколъ“ и польскій вопросъ до к. 1862 г.:* московскій гегеліанизмъ и славянство у Герцена; критическое отношеніе Герцена къ исторической Польшѣ и великорусскій мессіанизмъ; сильныя и слабыя стороны статей Герцена „Россія и Польша“ въ „Колоколѣ“ 1860—1861 гг.; статья украинскаго федералиста въ „Колоколѣ“ 1860 г. (70—113).

V. *Герценъ и польскіе революціонеры въ 1862—1863 г.:* Переговоры Герцена съ делегатами варшавскаго центральнаго комитета; вопросъ крестьянскій и плебейскихъ народовъ истори-

ческой Польши въ этихъ переговорахъ и въ прокламаціяхъ „народнаго правительства"; колебанія Герцена и его незнаніе настроенія украинцевъ; откровенія въ посмертныхъ сочиненіяхъ" Герцена. (113—146),

VI. *Федерально-народныя идеи и ихъ непрочность въ великорусскомъ обществѣ въ 1860-е годы*: Бакунинъ и польскій вопросъ до польскаго взрыва и во время его; великорусскіе революціонеры-практики того времени; „Великоруссъ", „Земля и Воля"; профессорскій федерализмъ въ Россіи: Павловъ, Щаповъ; Костомаровъ и представленія великоруссовъ объ украинскомъ сепаратизмѣ. (146—169).

VII. *„Современникъ" и „Земля и Воля" въ польскомъ вопросѣ*: вѣрныя теоретическія основы и незнаніе подробностей польскаго вопроса у Чернышевскаго; великорусская субъективность въ оцѣнкѣ явленій жизни западныхъ славянъ: субъективность восточническая и западническая; положеніе дѣлъ въ Галиціи и украинская „хлопоманія", ускользнувшія отъ вниманія Чернышевскаго и великорусскихъ демократовъ вообще. „Комитетъ русскихъ офицеровъ" въ Польшѣ. (169—214).

VIII. *Польскій вопросъ у великорусской эмиграціи съ ½ 1863 по 1872 г.*: крушеніе идеи исторической Польши въ З. Европѣ; политическая реакція и демократическій цезаризмъ въ Польшѣ и Западномъ Краѣ; отношеніе къ нему Герцена; Бакунинъ и польскіе соціалисты; ученіе объ анархіи и польское историческое государство; Бакунинъ

и г. Мрочковскій въ „Союзѣ Мира и Свободы“; Alliance de la démocratie socialiste и Towarzystwo socyalistyczne polskie; разногласія Бакунина съ поляками и его попытки пропаганды среди украинцевъ и славянъ вообще. (214—251).

IX. *Государственный націонализмъ у великорусскихъ интернаціоналистовъ 70-хъ годовъ*: вліяніе обрусительной школы на молодыя поколѣнія и литетатуру съ 1866 г.; упадокъ самостоятельной мысли и подражаніе парижскимъ и берлинскимъ образамъ въ столичной руской интеллигенціи; вліяніе нѣмецкой соціал-демократіи на рускихъ соціалистовъ; отношеніе нѣмецкихъ соціалистовъ къ польскому вопросу и ихъ антипатія къ славянству; смѣшеніе въ Россіи идеи интернаціонализма съ идеей безнаціонализма и обращеніе послѣдней въ государственный націонализмъ; „Набатъ“ и руские „якобинцы“ о національностяхъ и Польшѣ. (251—289).

X. (*Продолженіе*) „Впередъ“ и руские соціал-демократы о рускомъ отечествѣ, его единствѣ, славянахъ и польскомъ вопросѣ; теорія „Впереда“ о двухъ центрахъ: Россіи и Польши; „Впередъ“ о нерускихъ народахъ и рускихъ интересахъ; нѣмецкіе и руские соціал-демократы на лондонскихъ банкетахъ 1875 г. въ память польскихъ возстаній 1863 и 1830 гг.; отношеніе польской національной печати къ рускимъ соціалистамъ до обнаруженія соціализма въ Галиціи въ 1877 г. и послѣ; великоруссы на банкетѣ „Równości“ въ память 50 л. польскаго возстанія 1830 г. — Попытки федерально-народнаго направленія въ

великорусской соціалистической печати 70-хъ годовъ: „Работникъ", „Община" и реакція негосударственному федерализму въ „Общинѣ" же и въ статьѣ г. Н. Л. въ Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. — Мысль о диффеpенцированіи русскаго соціально-революціоннаго движенія,—ея слабость у русскихъ и выступленіе самостоятельныхъ нерусскихъ соціалистичесскихъ группъ въ Восточной Европѣ. Украинскіе соціалисты и ихъ неизбѣжный федеральный, внѣгосударственный интернаціонализмъ. (285—345).

XI. *Политическое направленіе въ соціалистичесскомъ движеніи въ Россіи*: Естественность идеи о политической свободѣ у соціалистовъ негосударственныхъ народовъ вообще и украинцевъ въ частности; отрицательное отношеніе къ политическому вопросу великорусскихъ и обрусѣлыхъ „народниковъ"; эмпирическое увлеченіе послѣднихъ въ политическую борьбу: терроризмъ и надежды „Народной Воли" на торжество соціализма во всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи; слабость шансовъ чистаго соціализма въ Россіи и возможность установленія въ ней начальной политической свободы и аграрнофабричныхъ реформъ, при поддержкѣ со стороны народныхъ массъ; условія и возможность народнаго движенія въ разныхъ областяхъ Россіи; необходимость федеральной программы для освободительнаго движенія въ Россіи. (345—372).

XII. *Польскій государственный вопросъ въ польской печати послѣдняго времени*: крѣпость историческихъ идей въ польской печати и отступленія

отъ нихъ: „Glos z Korony" и познанскіе голоса въ противуположность галицкимъ; анти-историческіе голоса польскихъ соціалистовъ съ 1877 г.: процессъ во Львовѣ, голосъ „изъ подъ русскаго захвата"; „программа польскихъ и украинскихъ соціалистовъ Восточной Галиціи"; „историческія" и государственныя стремленія среди польскихъ социал-демократовъ: г. Лимановскій. „Людъ Польскій": программа „Równosci"; посланіе „Przedświta" къ русскимъ соціалистамъ. (372—401).

XIII. *Великорусская революціонная печать последняго времени по отношенію къ федерализму и негосударственнымъ народамъ:* слабость теоретической и литературной стороны въ великорусскомъ революціонномъ движеніи послѣдняго времени; якобинское теченіе въ этомъ движеніи; федеральный вопросъ среди русскихъ террористовъ; ихъ государственно-централистическія стремленія; „народная воля" и „политическая свобода"; опыты обращенія „исполнительнаго комитета" къ областнымъ населеніямъ: къ украинскому народу и козакамъ; примѣчаніе о связи терроризма и централизма. (401—425).

XIV. (*Продолженіе*) Попытки федеративныхъ стремленій среди „русскихъ народниковъ" и несогласимость ихъ съ желаніемъ удержать россійскій характеръ и единство всероссійской организаціи: „Черный Передѣлъ", „Русская Соціально-Революціонная Библіотека"; украинское предложеніе о федеральной, внѣгосударственной организаціи пропаганды соціализма въ Восточной Европѣ и оппозиція ему „русской" и польской эмигра-

цін; національно-государственныя идеи въ посланіи „Przedświta“ къ „русскимъ товарищамъ“; необходимость областныхъ федерально-народныхъ организацій, доказанная недавними событіями въ украинской области; предложеніе еврейскихъ и украинскихъ соціалистовъ въ эмиграціи передъ взрывомъ анти-еврейскаго движенія на Украйнѣ; отрицательное отношеніе къ этому предложенію „Równości“ и „Чернаго Передѣла“; отношеніе этихъ органовъ къ русинамъ въ Галиціи; неясности во взаимныхъ отношеніяхъ польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ настоящую минуту. (425—476).

XV. *Заключеніе*: взглядъ на предидущій историческій обзоръ; общее значеніе украинской точки зрѣнія на политическое положеніе Восточной Европы; значеніе украинскаго элемента въ политическихъ движеніяхъ этой страны; польскій вопросъ въ связи съ общимъ политическимъ вопросомъ Востока Европы; соціализмъ и національно-политическій вопросъ въ Польшѣ; нынѣшнее значеніе перваго преимущественно въ Прусской и Австрійской Польшѣ и втораго въ Россіи; возможность свободы и автономіи Россійской Польши въ границахъ этнографическихъ; путь сепаратизма и федерализма для поляковъ; невѣроятность добровольныхъ уступокъ русскаго правительства полякамъ и необходимость польской агитаціи, сообща съ другими элементами населенія Россіи для политическаго ея преобразованія; необходимостъ федерально-демократической программы; вѣроятныя и желательныя ближайшія реформы въ по-

литическомъ строѣ Россіи: огражденіе личныхъ правъ и мѣстное самоуправленіе; тоже, какъ единственная прочная основа всероссійскаго представительства; основы неприкосновенности національностей и ихъ самоуправленіе, особенно въ дѣлахъ народнаго образованія; необходимость областныхъ политическихъ обществъ для проведенія программы политическаго преобразованія Россіи. (477–511).

Поправки и добавки. (512).

BRITISH 8 NO 83 MUSEUM

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK 418 .5 R9D7 1881a

Drahomaniv, Mykhailo Petrovych
Istoricheskaia Pol'sha

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 05 02 13 003 5